3 1761 08114714 2

R
Lslav
R

РУССКАЯ МЫСЛЬ

ЕЖЕМѢСЯЧНОЕ

ЛИТЕРАТУРНО-ПОЛИТИЧЕСКОЕ ИЗДАНІЕ

ПОДЪ РЕДАКЦІЕЙ
ПЕТРА СТРУВЕ

498079
3 10.4
5-7

КНИГА V—VII.

СОФІЯ
1921

AP
50
R8
3.41
X.57

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Ст

I. „1920-ый ГОДЪ“. Очерки *(продолженіе)*. — Исходъ. Стесселіада. Звѣзды. У Катовскаго. По шпаламъ. — **В. Шульгина** . . . . . .

II. СТРАНСТВІЯ. РОССІЯ. Стихотворенія. — **В. Сирина** 76

III. ПОСРАМЛЕННЫЙ КАЛІОСТРО. Повѣсть. — **графа Алексѣя Н. Толстого.** 78

IV. БУРЖУАЗНАЯ ЕВРОПА и СОВѢТСКАЯ РОССІЯ. — **К. Зайцева**. 115

V. РОДНИКЪ ВЪ ПУСТЫНѢ. Повѣсть. — **Георгія Гребенщикова.** 131

VI. ЭКОНОМИЧЕСКОЕ ПОЛОЖЕНІЕ И ОБЩЕСТВЕННЫЕ КЛАССЫ СОВѢТСКОЙ РОССІИ. I. Исторія совѣтскаго хозяйства. II. Экономическое положеніе Совѣтской Россіи къ лѣту 1921 года. III. Положеніе отдѣльныхъ слоевъ населенія въ Совѣтской Россіи. — **С. С. Ольденбурга** 160

VII. ВОСПОМИНАНІЯ КНЯЗЯ ЕВГЕНІЯ НИКОЛАЕВИЧА ТРУБЕЦКОГО *(продолженіе)*. Часть I. Главы IX и X 188

VIII. ИСТОРИКО-ПОЛИТИЧЕСКІЯ ЗАМѢТКИ О СОВРЕМЕННОСТИ, I—VI. — **Петра Струве.** 208

IX. РУССКІЯ ДѢЛА (Политическій обзоръ). — **С. С. Ольденбурга** 225

X. КРИТИКА и БИБЛІОГРАФІЯ. 1. Современная болгарская поэзія. — **Ив. Радославова.** 2. Базиль Уильямсъ. — Сесиль Родсъ. — **Б. П. Кадомцева.** 3. Simon Sagorsky. La république des Soviets (Bilan économique). — **С. Демосѳенова.** 245

XI. АРХЕОЛОГИЧЕСКАЯ ХРОНИКА БОЛГАРІИ. — **А. Грабара.** 251

XII. СПИСОКЪ КНИГЪ, ПОСТУПИВШИХЪ ВЪ РЕДАКЦІЮ ЖУРНАЛА „РУССКАЯ МЫСЛЬ“ ДЛЯ ОТЗЫВА. 254

XIII. ОБЪЯВЛЕНІЯ. 255

1920 годъ.

Очерки.

(Продолженіе)

Исходъ.

Дѣло становилось окончательно яснымъ: Одессу сдадутъ. Я, кстати, заболѣлъ, и лежа въ постели, подписывалъ безконечное количество „удостовѣреній“ на англійскіе пароходы. На этихъ удостовѣреніяхъ англійскія власти ставили визу, и это служило пропускомъ на пароходъ. Но приходилось выдерживать характеръ. Добивались удостовѣреній и тѣ, кому по моимъ понятіямъ надо было бы сѣсть на пароходы „послѣдними“, т. е. совсѣмъ не садиться, ибо на всѣхъ мѣста хватить не могло...

Итакъ все строилось на „драпъ“. Въ ушахъ у меня все время звучала фраза изъ модернизированаго романса, которая стала съ нѣкотораго времени канонической.

— Das war ein Drap...

Впрочемъ это вѣроятно было потому, что у меня начинался легкій жаръ.

* * *

Въ городѣ шла эвакуаціонная лихорадка.

Ко мнѣ постоянно забѣгали разные люди со всякими сенсаціями. Большевики тамъ, большевики здѣсь... Такой то генералъ уже сѣлъ на пароходъ. Такой то штабъ укладывается и такая то дама сунула имъ столько то чемодановъ со столькими то платьями.

Генералъ Шиллингъ еще былъ на берегу. Онъ будто бы сердится, когда ему говорятъ о эвакуаціи и обѣщаетъ еще держаться десять дней, но между прочимъ, уложено все до послѣдняго ящика.

* * *

Итакъ, я подписывалъ удостовѣренія. Для моего развлеченія, очевидно, прибѣжалъ кто то „въ паническомъ“ и сообщилъ, что „отоманъ“ Струкъ сегодня ночью собирается меня арестовать. Это былъ конечно вздоръ, но на всякій случай я написалъ Струку письмо, въ которомъ я предупреждалъ его, что къ нему вѣроятно прибѣгутъ сообщить, что я собираюсь его убить, такъ чтобы онъ не пугался. Однако я чувствовалъ, по нѣкоторымъ другимъ признакамъ, что нѣчто украинообразное выскочитъ въ послѣднюю минуту. Среди „кофейнаго“ офицерства внезапно наступило успокоеніе: они вдругъ возложили всѣ свои надежды на какого то генерала Сокиро-Яхонтова, выплывавшаго „изъ за острова на стряжень“.

Это было совсѣмъ нелѣпо, но...

Впрочемъ объ этомъ дальше.

Съ каждымъ часомъ атмосфера уплотнялась. Положительно всѣмъ, кто хотѣлъ попасть на пароходы, надо было укладываться.

Самая грустная вещь въ этихъ эвакуаціяхъ это кажется та минута, когда приходится рѣшать, что спасти изъ... „архивовъ“.

Въ Кіевѣ мнѣ пришлось сжечь интереснѣйшія вещи. Но многое я вывезъ. Для чего? Для того, чтобы утопить въ Одесской водѣ то, что не сжегъ въ Кіевскомъ огнѣ.

Въ общемъ отъ всего, что было написано или записано въ теченіе всей жизни, не осталось ни строчки...

* * *

24 января, вечеромъ, я рѣшилъ, что довольно болѣть. Ясно было, что каждую минуту можно было ожидать „перемѣны обстановки“.

Надо было переходить на „военное положеніе“, т. е. итти въ „отрядъ“.

Я одѣлся. Мы вышли. На улицахъ было „соотвѣтственно“. Обозы, часть артиллеріи — вошли въ городъ. Напротивъ моей квартиры происходила какая то каша изъ англичанъ и „Союза Возрожденія“. На Екатерининской площади выростали горы

чемодановъ и ящиковъ, среди которыхъ сновали автомобили. На Дерибасовской былъ кой какой свѣтъ. Сновали люди. Въ полутемнотѣ была жуть, но городъ еще жилъ. Вдругъ неожиданно и тяжело по улицамъ прошелся звукъ очень большого орудія, очевидно съ англійскаго дреднаута. Это должно было обозначать, что большевики заняли такой то „квадратъ“, доступный обстрѣлу съ моря. И сразу все измѣнилось. Всѣ огни потухли. Толпа куда то смылась, и только мальчишка на углу, который передъ этимъ продавалъ папиросы за сто рублей коробка, сталъ требовать триста.

* * *

Образовалась плотная темнота, которую отъ времени до времени буравили выстрѣлы винтовокъ, гдѣ и по комъ, впрочемъ, неизвѣстно. Темнота эта была совершенно пустынная, улицы вымерли.

* * *

Но въ эту ночь мнѣ еще пришлось вернуться къ „источнику освѣдомленія“. Въ это время командованіе уже перешло въ руки полковника Стесселя, „начальника обороны города Одессы“. Его штабъ былъ въ англійскомъ клубѣ. Я пробрался туда черезъ зловѣще-пустынный городъ. Тяжелыя англійскія орудія еще два или три раза всколыхнули темноту, такую густую, какъ повидло. Въ клубѣ масса народу, — толпа. Очевидно сюда жмутся. Свѣтятъ какіе то жалкіе огарки. Мрачно. Въ этой мрачности непрерывно снуютъ, входятъ и выходятъ, и чувствуется, что происходитъ какая то пертурбація. Какіе то украинскіе офицеры пріѣзжали и уѣзжали въ автомобилѣ. Раза два раздалась „балакающая“ „мова“. Конечно, это было такъ, а не иначе: происходила сдача командованія „господину нашему“ генералу Сокирѣ-Яхонтову.

Зачѣмъ генералъ Шиллингъ, сѣвъ на пароходъ, передалъ командованіе неизвѣстно откуда взявшемуся и неимѣвшему никакихъ силъ (триста галичанъ, да и то лежащихъ въ госпиталяхъ) и явно внушавшему всѣмъ недовѣріе генералу Сокирѣ-Яхонтову, — это секретъ изобрѣтателя. Однако это было продѣлано. Полковникъ Стессель получилъ отъ генерала

Шиллинга письмо съ приказаніемъ подчиниться украинскому спасителю.

Эта передача власти несомнѣнно ускорила сдачу Одессы дня на два, ибо кто то сталъ надѣяться на кого то и даже тѣ немногіе, что могли что нибудь сдѣлать, были сбиты съ толку.

Узнавъ, что „такое то отношеніе", т. е. что генералъ Шиллингъ украинизировалъ насъ съ парохода, я отправился обратно въ свой отрядъ со смутной мыслью распустить его по домамъ. Ибо если можно еще донъ-кихотствовать подъ трехцвѣтнымъ флагомъ, то подъ „жовто-блакитнымъ"... покорнѣйше благодарю... „Довольно колбасы", какъ говорили въ такихъ случаяхъ на доброармейскомъ жаргонѣ.

* * *

Но распустить отрядъ не пришлось. Событія пошли такимъ темпомъ, что пришлось не распускаться, а наоборотъ, „всимъ збираться до купы"...

* * *

Рано утромъ 25 января я былъ въ порту. Въ порту въ это время было еще сравнительно прилично. Правда, люди бѣгали по всѣмъ направленіямъ, усаживаясь на всякія суда, но особыхъ инцидентовъ не происходило. Поддерживали порядокъ юнкера. Имъ было обѣщано, что ихъ возьмутъ на пароходъ послѣ окончанія погрузки. Было чуть морозно, но ярко свѣтило солнце.

Я пришелъ на нашу „собственную" баржу. Тутъ мнѣ стало жутко. Баржу долженъ былъ тащить нашъ „собственный" пароходъ. И пароходикъ, и баржа внушали невольную мысль, что они никакъ не выйдутъ въ море, а если выйдутъ — погибнутъ. А между тѣмъ все было уже биткомъ набито народомъ. Среди нихъ у меня было столько близкихъ и друзей. Я никакъ не могъ рѣшить, прощаясь съ ними, кто подвергается большей опасности. Они провожали меня слезами, считая, что я „обрекаюсь" на вѣрную гибель, оставаясь на сушѣ, а я, конечно, не сказалъ имъ, что думаю то же о нихъ, „плавающихъ, путешествующихъ"... Ужасны эти разлуки при такой обстановкѣ...

На обратномъ пути изъ порта я имѣлъ благоразуміе зайти въ штабъ Стесселя. Не знаю, какова была бы судьба всѣхъ насъ, собравшихся въ „мой“ отрядъ, если бъ я этого не сдѣлалъ. Начальникъ штаба, полковникъ Мамонтовъ, далъ мнѣ приказаніе немедленно привести отрядъ къ штабу, ибо, какъ онъ выразился, „надо сжаться въ кулакъ“.

— Неужели городъ очищается? А Сокиро-Яхонтовъ?

Мамонтовъ махнулъ рукой.

— Принялъ командованіе ночью, а утромъ прислалъ сказать, что снялъ съ себя командованіе. „Кончилось счастье“...

— Ну, а районные коменданты? Есть же что нибудь?

Онъ посмотрѣлъ на меня выразительно.

— Отжимайтесь къ штабу. И немедленно . . .

* * *

Къ своему удовольствію я засталъ отрядъ весьма готовымъ къ выступленію. Большевики были гдѣ то неподалеку. На сосѣднихъ улицахъ что то уже происходило. Что именно, въ то время узнать нельзя было.

Мы вышли. „Отрядъ особаго назначенія“, выведенный на улицу, представлялъ изъ себя приблизительно слѣдующее.

Первая рота: человѣкъ тридцать офицеровъ самаго разнообразнаго происхожденія. Нѣсколько изъ нихъ, испытанныхъ друзей, другіе — прибѣжавшіе въ послѣднюю минуту, не зная, куда дѣться.

Вторая рота: около пятидесяти человѣкъ молодежи, преимущественно гимназистовъ.

Сверхъ того около десяти дамъ, нѣсколько мужчинъ штатскаго вида, способныхъ и неспособныхъ носить винтовку, двѣнадцатилѣтняя Оля и четырнадцатилѣтній Димка, мой младшій сынъ.

Хозяйственная часть: одна подвода неизвѣстнаго происхожденія, но переполненная вещами.

Мы шли по городу. Пулеметы трещали на сосѣднихъ улицахъ, но пока мы двигались благополучно. Кто съ кѣмъ тамъ дерется, никакъ нельзя было сообразить. По тротуарамъ бѣжали люди съ чемоданчиками и узелками. Очевидно, въ портъ.

„Нормальной“, обычной публики не было.

Безъ особыхъ приключеній мы дошли до Англійскаго Клуба — на углу Пушкинской и Ланжероновской. Тутъ мы увидѣли „главныя силы“.

Полковникъ Стессель со своимъ штабомъ стоялъ уже на улицѣ. За штабомъ находились какія то части въ такомъ количествѣ, что прибытіе нашего отряда, въ которомъ не было ста человѣкъ, оказало замѣтное вліяніе.

Итакъ это было все. Я понялъ, что мы подошли послѣдними. Въ критическую минуту отъ двадцати пяти тысячной „кофейной арміи“, которая толклась по всѣмъ „притонамъ“ города, и отъ всѣхъ частей вновь сформированныхъ и старыхъ, прибившихся въ Одессу, — въ распоряженіи полковника Стесселя, „начальника обороны“, оказалось человѣкъ триста, считая съ нами.

* * *

Трескотня усиливалась. Стессель приказалъ сдѣлать развѣдку, по Ришельевской и Пушкинской. Я пошелъ съ нѣсколькими офицерами и молодежью по Пушкинской. Развернулись въ цѣпь. Мальчики нѣсколько путали, но держались смѣло. Съ Дерибасовской стали долетать пули. Тутъ поднялся крикъ:

— Изъ оконъ стрѣляютъ!

Я приказалъ имъ укрыться и сталъ присматриваться.

У оконъ дѣйствительно появлялись какіе то дымки — въ верхнихъ этажахъ. Я началъ соображать: почему дымки при бездымномъ порохѣ? И почему дымки тамъ, гдѣ окна закрыты? И скоро понялъ, въ чемъ дѣло.

Эти дымки производили пули, ударявшіяся о штукатурку. По Дерибасовской изъ за горки кто то палилъ. Попадая въ дома подъ острыми углами, пули рикошетировали, рождая эти желто-сѣрые дымочки изъ пыли известковаго камня. Ларчикъ открывался просто, а межъ тѣмъ, сколько разъ въ гражданской войнѣ оба противника обвиняли мирное населеніе въ стрѣльбѣ изъ оконъ. Это въ нѣкоторыхъ случаяхъ, конечно, бывало, но по большей части это были, вѣроятно, только „штукатурные“ дымки.

Мы не успѣли „вступить въ бой“, какъ пришло приказаніе оттянуться.

Вернувшись къ Ланжероновскому спуску, мы увидѣли, что уже никого нѣтъ.

„Главныя силы“ отступили въ портъ.

На что собственно расчитывали, мы хорошенечко не знали: должно быть на посадку на пароходы. Словомъ, мы отошли вмѣстѣ съ прочими.

* * *

Въ порту была каша. Куда то тянулись части, повозки, отдѣльные люди, публика въ нелѣпой смѣси

„именъ и лицъ, племенъ, нарѣчій, состояній“.

Гдѣ то кого то куда то почему то не пускали юнкера. Потомъ пустили.

Въ общемъ мы очутились на томъ молу, который ведетъ къ маяку. Другими словами больше дѣваться было некуда: съ трехъ сторонъ вода, съ четвертой мятущаяся каша людей, повозокъ, лошадей, орудій, броневиковъ, автомобилей.

Мы расположились чего то ждать около каменныхъ сараевъ. Такъ выжидательно безсмысленно продолжалось нѣкоторое время. Очевидно столько времени, сколько большевикамъ понадобилось, чтобы установить пулеметы въ Александровскомъ паркѣ и вообще на высотахъ, окружающихъ портъ. Мы поняли, что это сдѣлано, когда они стали обстрѣливать насъ. Люди бросились за каменные сараи. Какой то броневикъ поднялъ трескотню съ нашей стороны. Эта наша трескотня была въ высшей степени непріятна: сознаюсь, мои нервы не созданы для такого шума. Большевики стрѣляли плохо. Они могли бы, выражаясь по старозавѣтному, „залить насъ свинцомъ“, но въ общемъ ранили нѣсколько человѣкъ. Однако этого было совершенно достаточно, чтобы всѣ пароходы „драпанули въ два счета“ въ море.

Въ это время среди горсточки людей, дошедшихъ до послѣдняго предѣла и жавшихся къ каменнымъ сараямъ на молу, родилось наконецъ то, чего столько времени ожидали — инстинктъ сопротивленія.

Вдругъ вырвались какіе то люди, насколько помню, это

были даже не офицеры, а солдаты-драгуны. Они, неистово жестикулируя, стали кричать, яростно кого то упрекая:

— Ну что же, господа! Еще долго такъ будете? Куда еще? Море кругомъ! Дальше не пойдете, нѣтъ! Такъ что́, вотъ такъ и пропадемъ? Пойдемъ, трамъ тарарамъ, выбьемъ ихъ, трамъ тарарамъ, съ ихъ пулеметами къ трамъ тарарамной матери! . . . Идемъ!!

Хотя эта рѣчь была обращена къ толпѣ, почти наполовину состоявшей изъ женщинъ, дѣтей и никчемниковъ, однако она произвела впечатлѣніе. Была подана мысль — пробиться. Былъ найденъ исходъ. Первоначально ругнулись по обычаю жестоко другъ съ другомъ. Помню, я ругалъ какого то офицера, чтобы онъ не разстраивалъ частей, и чтобы дѣйствовали по какому нибудь плану . . . Но все же эта вспышка энергіи произвела желаемое дѣйствіе, и штабъ зашевелился. Получено было приказаніе нашему „отряду особаго назначенія“ выгнать всѣхъ, способныхъ носить оружіе, изъ подъ сараевъ для атаки высотъ.

Я пошелъ „выгонять“. Это было дѣло скучное и противное. Приходилось торговаться и спорить съ офицерами всякихъ чиновъ, утверждавшими, что они „больны“ или что нибудь въ этомъ родѣ.

* * *

Скоро мнѣ надоѣли эти обязанности „особаго назначенія“, и вмѣстѣ съ тѣми, кого удалось вытащить, я двинулся по молу по направленію высотъ.

По дорогѣ къ намъ присоединялись еще какіе то люди, а во главѣ всѣхъ очутился полковникъ Мамонтовъ. Онъ неистово кого то ругалъ и показывалъ кулакъ Одессѣ. Удивительно, что это не было смѣшно, а, наоборотъ, производило впечатлѣніе чего то подбадривающаго.

Большевистскіе пулеметы въ это время замолчали, точно испугались того рѣшительнаго вида, съ которымъ наша горсточка быстро двигалась по молу. На самомъ дѣлѣ это было не такъ. Драгуны, побѣжавшіе раньше насъ, уже были на высотахъ, — большевики отступили еще передъ ними. Но тамъ что то еще происходило, потому что навстрѣчу намъ

бѣжали люди, которые неистово насъ торопили, требуя помощи. Мы пустились бѣгомъ, и стали подниматься по какой то лѣстницѣ. Я помню, что у меня была только одна мысль — не задохнуться къ концу ступеней . . .

Наверху въ паркѣ среди его рѣдкихъ деревьевъ двигались какія то цѣпи, повидимому безъ всякаго руководства. Я со своей горсточкой взялъ почему то вправо, но могъ съ тѣмъ же успѣхомъ взять и влѣво. Мы прошли паркъ, причемъ насъ все время увѣряли, что большевики „идутъ“, но увидѣть ихъ я никакъ не могъ. Такимъ образомъ мы вышли на Маразліевскую съ ея большими домами и шикарными подъѣздами. Изъ какой то поперечной улицы будто бы стрѣляли. По крайней мѣрѣ на углу столпилась горсточка нашихъ и не рѣшалась перейти улицу. Кто то упорно утверждалъ, что „они“ засѣли въ такихъ то окнахъ и оттуда палятъ. Это всегда бываетъ въ такихъ случаяхъ. Основное правило — не вѣрить очевидцамъ въ бою, ибо людямъ мерещится Богъ знаетъ что. На самомъ дѣлѣ никого въ переулкѣ не оказалось, и когда это стало яснымъ, всѣ двинулись гурьбою за нами. Однако еще черезъ поворотъ, наконецъ, мы „вошли въ соприкосновеніе съ противникомъ“. Оттуда дѣйствительно пострѣливали. Въ это время около меня образовалась горсточка людей, которые почти всѣ были мнѣ незнакомы, но почему то исполняли мои приказанія. Я поставилъ одного изъ нихъ на самомъ углу, а остальныхъ спряталъ вдоль стѣнки. Этому одному передавали заряженныя винтовки, а онъ открылъ пальбу. Съ колѣна, спокойно, на мушку. Это возымѣло дѣйствіе. Какія то черныя фигуры, которыя копошились черезъ нѣсколько кварталовъ, побѣжали и исчезли въ боковыхъ улицахъ. Мы двинулись дальше гуськомъ, подъ стѣнами. Доходя до угловъ, осматривались вправо и влѣво и двигались дальше. Нѣсколько труповъ оказалось на тротуарахъ . . .

Прошли еще нѣсколько улицъ. Пострѣляли еще. Меня начало брать сомнѣніе, не стрѣляемъ ли мы въ прохожихъ. За газетнымъ тамбуриномъ, черезъ два квартала, ютилась кучка людей. Я начиналъ думать, что это не большевики, а случайные прохожіе, которыхъ зажали — ни туда, ни сюда. Я приказалъ прекратить пальбу. Но какой то пришедшій въ

азартъ продолжалъ разстрѣливать тамбуринъ. Взглянувъ ему въ лицо, я увидѣлъ, что это „восточный человѣкъ". Я снова приказалъ ему перестать. Онъ не послушался; черномаслинные восточные глазки горѣли неистово; онъ былъ въ трансѣ. Я вынулъ револьверъ. Это привело его въ чувство; онъ заявилъ мнѣ, что онъ офицеръ, адъютантъ такого то полковника, но сталъ слушаться.

Впередъ больше не приходилось итти. Мы потеряли связь со штабомъ, планы котораго были мнѣ совершенно неизвѣстны. Но въ общемъ я думалъ, что взять весь городъ не входитъ въ нашу задачу, а достаточно освободить портъ отъ обстрѣла. Кромѣ того насъ могли обойти. Мы стали отходить. По дорогѣ поймали какого то мальчишку лѣтъ двадцати, который сказалъ, что онъ „не жидъ", но на требованіе „восточнаго человѣка" „перекреститься" — перекрестился неправильно. И я опять долженъ былъ употребить угрозу, чтобы этого еврейчика отпустили, ибо восточный адъютантъ былъ совершенно убѣжденъ, что это большевикъ, только что бросившій винтовку, тогда какъ для меня было совершенно ясно, что это вздоръ.

На Маразліевской мы встрѣтили еще другія группки. Всѣмъ страшно хотѣлось пить. Какія то дамы поили насъ водой, но съ большой опаской, боясь мести большевиковъ.

* * *

Пришло приказаніе оттянуться на гребень Александровскаго парка и держать его. Мы отошли, занявъ позицію неподалеку отъ Александровской колонны.

Я вышелъ посмотрѣть, что дѣлается въ паркѣ. Сверху все было видно. Всѣ пароходы ушли изъ порта. На молахъ копошились люди и обозы. Какъ никакъ, мы чувствовали себя побѣдителями, ибо заняли вершину и защитили портъ, гдѣ у каждаго изъ насъ были близкіе и родные.

Ужасно хотѣлось ѣсть. И вдругъ, какъ бываетъ въ сказкахъ, появились добрыя феи. Это были три молоденькихъ барышни мѣщаночки, путешествовавшія по гребню съ огромнымъ чайникомъ и съ бѣлымъ хлѣбомъ. Мы сначала даже

не поняли, что онѣ вышли спеціально кормить насъ. Но это было такъ. Я сказалъ имъ:

— Вы очень рискуете.

На что онѣ отвѣтили:

— Умирать одинъ разъ... И ничего намъ не будетъ...

Этотъ чай былъ замѣчательно вкуснымъ. Уже не въ первый разъ я сдѣлалъ наблюденіе, что средній слой гораздо болѣе отзывчивъ и смѣлѣе, чѣмъ высшій. То то большевики и боятся больше „мелкихъ буржуевъ“, чѣмъ крупныхъ.

Такъ въ общемъ дѣло дотянулось до вечера. Я очень безпокоился, что нигдѣ не вижу своихъ сыновей. Становилось холодно. Мы тщетно разводили какіе то костры, проявляя при этомъ обычную интеллигентскую никчемность.

Черезъ долгое томительное время пришло сообщеніе изъ штаба, что если до десяти часовъ вечера насъ не заберутъ на пароходы, мы выйдемъ изъ города въ направленіи на Румынію. Вмѣстѣ съ тѣмъ стало извѣстно, что полковнику Стесселю лично было неоднократно предложено сѣсть на пароходъ, на что онъ отвѣтилъ:

— Что вы меня подлецомъ считаете...

Это произвело хорошее впечатлѣніе.

До десяти часовъ еще было время, почему я рѣшилъ обойти портъ. Меня безпокоила баржа, гдѣ было столько моихъ друзей. Я зналъ, что она отойти не могла и думалъ вытащить ихъ и взять въ отрядъ. Въ темнотѣ мы долго бродили по моламъ. Въ одномъ мѣстѣ, гдѣ было темно и пусто, мы услышали какіе то стоны.

— Кто это?

— Помогите... Замерзаемъ...

— Кто вы?

— Мы жены офицеровъ. Я еще ничего... Мама совсѣмъ замерзла...

Это были двѣ женщины. Онѣ лежали у стѣнки, на молу.

— Помогите... Насъ бросили...

Мы съ трудомъ подняли ихъ и повели. Куда — мы сами не знали хорошенько. На счастье мы натолкнулись на какую то большую толпу, которая въ темнотѣ рвалась къ какому то только что пришвартовавшемуся судну. Я понялъ,

что это одно „спеціальное“ судно, о которомъ я уже что то слышалъ. Покрывая крики и шумъ, съ судна неистово вопилъ голосъ, показавшійся мнѣ знакомымъ:

— Поручикъ Б.! Поручикъ Б.!

Я понялъ. Это была компанія . . . словомъ, теплая компанія . . . Та самая, что „угробила“ полковника Кирпичникова . . . Они и здѣсь проявили свои качества, захвативъ судно въ свое распоряженіе. Но на этотъ разъ, — fiat justitia — они дѣлали благое дѣло: принимали на бортъ, кромѣ своей „шпаны“, — женщинъ, больныхъ и раненыхъ. Англійскіе солдаты составили цѣпь и пропускали по указанію. Но въ общемъ былъ кавардакъ. Толпа напирала и жаловалась на всѣ голоса въ темнотѣ. Намъ удалось протиснуть замерзшихъ женщинъ. Тутъ же мы увидѣли нѣсколько человѣкъ близкихъ друзей, офицеровъ, шатающихся послѣ всякихъ тифовъ и воспаленій. Они тоже пробивались на пароходъ. Ужасно было оставить ихъ такими безпомощными и слабыми, но немыслимо взять ихъ въ походъ. Мы простились тяжело. Нѣкоторыхъ изъ нихъ я видѣлъ въ послѣдній разъ. Не выдержали дальнѣйшаго.

Баржи я не нашелъ.

* * *

Около десяти часовъ мы тронулись. Нашъ „отрядъ особаго назначенія“ вошелъ въ колонну полковника Стесселя. Не пойму хорошенько, откуда и какъ, образовался колоссальный обозъ. Тутъ была и артиллерія, и броневики, и автомобили, и невѣроятное количество повозокъ. Все это сначала никакъ не могло найти своего мѣста, шло не по той дорогѣ, поворачивало обратно, причемъ автомобили неистово рычали, слѣпили глаза, повозки приходили въ безпорядокъ; словомъ, происходилъ обычный въ этихъ случаяхъ кавардакъ. . . Я не могу сказать, чтобы настроеніе было жуткое или подавленное. Наоборотъ, какъ будто былъ найденъ какой то исходъ. Въ воздухѣ было морозно, но мягко. Меня лично очень безпокоила мысль о семьѣ, которую я нигдѣ не находилъ.

Мы стали подниматься безконечнымъ обозомъ по Военному Спуску. Около моста я вдругъ увидѣлъ характерную

фигуру старшаго сына Ляли (имя не очень подходящее для „юнкера флота“ восемнадцати лѣтъ, но что же я подѣлаю, если его такъ всѣ называютъ „отъ вѣка“). Онъ стоялъ съ винтовкой въ своей знаменитой папахѣ „халды-балды“, которая придавала ему видъ османлиса. Оказалось, что онъ сторожитъ меня. Тутъ же оказались и остальные: другой сынъ, жена, племянникъ Филя Могилевскій. Всѣ были въ бою, всѣ были живы, что и требовалось. Они были въ какой то вновь образовавшейся ротѣ полковника N. N. Рота стояла тутъ же, у парапета. Они мнѣ разсказали все какъ было.

— Страшно интересно . . . Полковникъ, правда, симпатичнѣйшій человѣкъ . . .

Ляля моментально производитъ людей въ „симпатичнѣйшіе“ и въ свои „личные друзья“ — счастливое свойство молодости. Димка, младшій, болѣе замкнутый и питается переживаніями старшаго. Въ общемъ первый бой, въ которомъ онъ участвовалъ, произвелъ на него самое лучшее впечатлѣніе. Жена разсказываетъ о томъ, какъ перевязывала какого то большевика въ какой то чайной. Филя дошелъ до самаго собора. Странно видѣть его сугубо-штатскую фигуру съ винтовкой. Онъ какъ то мало понимаетъ, что съ нимъ происходило, какой то разсѣянный. Пуля оцарапала ему руку.

Пошли.

Повидимому большевики были основательно отжаты. Наше отступленіе рѣшительно никѣмъ не было потревожено. Нашъ отрядъ шелъ въ арьергардѣ, послѣднимъ. Въ арьергардѣ отряда шли мы вдвоемъ съ Лялей.

Было совершенно тихо. Улицы были абсолютно пусты, но и не очень темны. Кое гдѣ что то горѣло — не то фонари, не то окна. Мы двигались шаговъ на сто позади колонны, въ качествѣ дозора. Все было мирно. Единственнымъ происшествіемъ была кѣмъ то брошенная повозка. Въ ней мѣшокъ сахара рафинада. Это было страшно пріятно. Удивительно, какъ сахаръ поддерживаетъ расположеніе духа. Ляля набилъ полные карманы, перемѣшавъ его съ патронами, которыми онъ всегда нагруженъ. Онъ держался молодцомъ, что меня удивляло, такъ какъ онъ былъ боленъ — температура поднялась. Обычный припадокъ маляріи, имѣющей обыкно-

веніе присасываться къ нему во всякихъ подходящихъ и неподходящихъ случаяхъ.

* * *

Постепенно колонна вытянулась за городъ, и пошли безконечные „Фонтаны". Утомленіе цѣлаго дня, къ тому же безъ пищи, сказывалось. Но въ общемъ всѣ держались. Держались и дамы, которыхъ было много въ колоннѣ. Бодро двигалась маленькая Оля, напоминавшая Фрикетту изъ романовъ Буссенара. На какой то „станціи", подъ какимъ то заборомъ, Ляля свалился. Я положилъ его какъ можно ниже головой, и обморокъ прошелъ. Боясь, что причитанія матери его разслабятъ, я взялъ его подъ руку, и онъ пошелъ бодро. Къ счастью мы натолкнулись на какое то учрежденіе, — какая то больница, — гдѣ несмотря на поздній часъ (два или три часа ночи) почему то давали чай. Комната набилась народомъ. Откровенно говоря, это было пріятно. Сестры очень заботились, чтобъ не стащили кружекъ, что, повидимому, было въ модѣ. Тутъ было тепло, силы возстановились.

Когда мы вышли, мы вдругъ замѣтили, какъ стало холодно, и что снѣгъ уже запорошилъ дорогу. Пошли. Шли до разсвѣта. Шли часть слѣдующаго дня. Пришли въ какую то нѣмецкую колонію, гдѣ назначенъ былъ отдыхъ. Размѣстились въ школѣ. Отдыхали на партахъ, закусывали хлѣбомъ и саломъ. Приходили какіе то нѣмцы-колонисты, что то обѣщали, о чемъ то совѣщались, но ничего не сдѣлали. Въ три часа вышли опять.

Спускаясь съ пригорка, почему то пришли въ хорошее расположеніе духа. Запѣли.

„Взвейтесь соколы орлами . . ."

Удивительно, какъ эти пѣсни дѣйствуютъ. Физіологическое дѣйствіе музыки требуетъ болѣе вдумчиваго и тщательнаго изученія. Повеселѣли, и кстати, ибо итти было трудно. Въ особенности трудно было дамамъ съ ихъ неприспособленной обувью.

Къ ночи пришли въ колонію, гдѣ было недурно. Долго выбирали свободную хату, гдѣ бы не было тифа. Поѣли и крѣпко заснули.

На слѣдующій день съ утра походъ возобновился. Въ слѣдующемъ селѣ было нѣкоторое развлеченіе. Надъ нами разорвалось нѣсколько шрапнелей, и нашъ броневикъ „Россія“ открылъ отвѣтную стрѣльбу. Куда, и въ чемъ было дѣло, — кажется никто не зналъ. Въ всякомъ случаѣ мы пошли дальше. Къ вечеру добрались до какихъ то хуторовъ, гдѣ втиснулись въ какую то хатку обогрѣваться. Шли дальше. Черезъ нѣкоторое время на горизонтѣ очень красиво засверкали огни. Этотъ городъ казался совершенно сказочнымъ, такъ, какъ рисуютъ на картинкахъ. Мы думали, что это Овидіополь. Но когда ночью вошли наконецъ въ этотъ послѣдній, крайне замерзшіе и усталые, то сказочный городъ былъ все такъ же далеко, гдѣ то на краю земли. На самомъ дѣлѣ онъ былъ не на краю земли, а на краю воды, или вѣрнѣе льда, ибо это былъ Аккерманъ. Между нимъ и нами былъ замерзшій лиманъ девять верстъ шириной.

Какая мука искать квартиры глухой ночью, когда человѣкъ уже на предѣлѣ усталости и замерзанія! Но мы искали. Я разослалъ самыхъ энергичныхъ своихъ молодыхъ друзей въ разныя стороны. Долго ничего не удавалось, но наконецъ поручикъ Л. явился съ радостной вѣстью, что квартира найдена.

* * *

Удивительно, какъ люди нелѣпо эгоистичны. Въ хаткѣ было трое. Они заявили, что никого не могутъ впустить, потому что ихъ собственно не трое, а пятнадцать. На это изведенный поручикъ Л. сказалъ:

— Я подожду полчаса здѣсь. И если тѣ двѣнадцать не прійдутъ, то я васъ разстрѣляю. . .

Это фантастическое заявленіе имѣло то слѣдствіе, что и эти трое куда то скрылись. Разумѣется, никакихъ двѣнадцати не оказалось.

О, родъ людской. . .

* * *

Льду почти столько, сколько хватаетъ глазъ. Почти — потому, что на той сторонѣ замерзшаго лимана виденъ городъ. Это Аккерманъ.

По этому льду въ одну колонну движется безконечный обозъ. Туда, къ Аккерману, къ городу спасенія, румынскому городу Аккерману, куда не прійдутъ большевики. Безконечный обозъ движется въ порядкѣ. Задолго до назначеннаго времени выступили всѣ части, проявивъ рѣдкую аккуратность.

Теперь они идутъ осторожно, соблюдая дистанцію, чтобы не провалился ледъ, почти торжественно. Идутъ съ бѣлыми флагами, которые несутъ какъ знамена.

Печальныя знамена... Здѣсь на льду — часть одесской отрядоманіи, — то, что отъ нея осталось. Главнаго отряда, который долженъ былъ быть полкомъ, того отряда, гдѣ неистово пахло спиртомъ, „подъ чьимъ то высокимъ покровительствомъ", — этого нѣтъ. Онъ „не состоялся". Нѣтъ и „Священнаго отряда" митрополита Платона. Не видно никакихъ слѣдовъ нѣмецкихъ колонистовъ. Ни Кирсты, ни Струка.

Зато торжественно выступаетъ „Союзъ Возрожденія Россіи", тутъ же и осважное начинаніе, и отрядъ ех-редактора „Кіевлянина", и другіе. Кромѣ того какія то отдѣльныя части, прибывшія сюда, артиллерійскіе парки и дивизіоны, безъ пушекъ, но съ подводами съ сахаромъ, учрежденія, уѣздная полиція, и еще разныя. Затѣмъ просто гражданскіе бѣженцы. Но главнымъ образомъ ничѣмъ не объяснимыя подводы . . . Подводы очевидно обладаютъ свойствомъ саморазмноженія. Голова обоза уже прошла пять верстъ, а хвостъ еще на берегу.

Я смотрю на этотъ почти величественный „исходъ", и въ ушахъ у меня неотвязно звучитъ знакомая фраза:

— Das war ein Drap . . .

Стесселіада.

Почему всѣ эти люди и повозки были убѣждены, что ихъ примутъ на той сторонѣ съ распростертыми объятіями? Потому, очевидно, что былъ отданъ точный и ясный приказъ выступить на ледъ въ восемь часовъ утра. Но несомнѣнно также и то, что на шестой верстѣ на льду стоялъ столикъ. У столика сидѣли румынскіе офицеры, за столикомъ стояли румынскіе солдаты. И совершенно достовѣрно, что этотъ сто-

ликъ приказалъ всѣмъ этимъ людямъ и повозкамъ возвращаться обратно. Румыны не пустили никого.

Впрочемъ нѣтъ. Пропустили „польскихъ подданныхъ“. Въ числѣ ихъ оказался комендантъ города Одессы, полковникъ Миглевскій, очень мило сѣменившій вдоль обоза въ весьма приличномъ штатскомъ платьи и съ изящнымъ чемоданчикомъ въ рукахъ.

Впереди всего шествія шли маленькіе кадеты. Они начинались съ десяти лѣтъ. Жалко было смотрѣть на эту дѣтвору, замерзавшую на льду.

И начался „Анабазисъ“. Великое отступленіе отъ Аккермана. Надо впрочемъ сказать, что это торжественное шествіе съ бѣлыми флагами имѣло въ себѣ нѣчто настолько унизительное, что обратный путь былъ какъ то веселѣе. Остатокъ гордости, впослѣдствіи вытравленной лишеніями, еще таился тогда въ нѣкоторыхъ сердцахъ.

* * *

Совершенно неинтересно, что на другой день было продѣлано то же самое и съ тѣмъ же результатомъ. Кажется, было еще холоднѣе на льду. Было меньше порядка и больше усталости.

* * *

У полковника Стесселя. Совѣщаніе командировъ частей. Полковникъ Стессель говоритъ:

— Во первыхъ, къ черту эти повозки... Съ ними пропадемъ.

— Совершенно правильно, господинъ полковникъ. Оставить только самое необходимое, — говоритъ одинъ изъ командировъ частей.

— Да вѣдь у насъ, господинъ полковникъ, ничего нѣтъ. Пусть и другіе бросятъ, — говоритъ другой.

— Всѣ бросимъ, — продолжаетъ Стессель. — Это во первыхъ. Во вторыхъ — переформироваться. Довольно балагана. Отряды называются . . . На самомъ дѣлѣ роты нѣтъ. Согласны, господа? Вотъ вы — первая рота, вы — вторая . . .

Всѣ согласны.

— Затѣмъ, вотъ мой планъ: пробиться. Разъ румыны не пускаютъ, надо пробиваться на сѣверъ, вѣрнѣе, на сѣверо-

западъ, вдоль Днѣстра . . . на соединеніе съ Бредовымъ, а если нѣтъ, — въ Польшу. Я увѣренъ, что если захотимъ, то пройдемъ. Вы согласны, господа?

Мы согласны.

Намъ даются сутки на приведеніе себя въ порядокъ, главнымъ образомъ на уничтоженіе подводъ.

Легче всего это было сдѣлать моему отряду. У насъ была одна подвода, которая несмотря на всѣ наши усилія не размножалась.

* * *

Разсвѣтъ. На пригоркѣ начальникъ штаба Мамонтовъ. Дѣлаетъ какъ бы смотръ въ томъ смыслѣ, сколько изничтожили подводъ.

Я остановился около Мамонтова.

Печально. Эти подводы безсмертны. На мой взглядъ число ихъ не уменьшилось, а увеличилось. Безконечной цѣпью они продвигаются въ полутемнотѣ. Ни конца имъ, ни края. Между ними рѣдко, рѣдко проходитъ часть. Жалкія горсточки. А за ними все то же.

Такъ было, такъ будетъ.

* * *

Солнце заходитъ. Шли цѣлый день. Въ общемъ благополучно. Откуда то издалека большевики обстрѣляли изъ трехдюймовыхъ, но обошлось безъ потерь.

Пора отдохнуть. Удивительно, какъ держатся всѣ эти женщины, дѣти, которыхъ много. Они не теряютъ даже хорошаго расположенія духа. А маленькая Оля даже совсѣмъ нарядна. Дѣтское лицо остается свѣжимъ среди осунувшихся взрослыхъ и веселитъ глазъ. Но страшно смотрѣть на ротмистра Ч. Онъ только что всталъ съ постели послѣ сыпного тифа. Идетъ, пошатываясь то вправо, то влѣво, но твердо держитъ свою кавалерійскую саблю. Глаза опущены, на изможденномъ лицѣ какая то внутренняя сосредоточенность, какъ будто бы онъ рѣшаетъ трудную задачу. Онъ идетъ напряженіемъ воли. Другой бы не смогъ итти.

* * *

Нѣмецкая колонія. Какія онѣ характерныя, тоску наводящія необычайной одинаковостью всѣхъ домовъ. Богатые дома, каменные, массивные, съ явнымъ отпечаткомъ вѣковой традиціи. Если бы наши крестьяне такъ жили. Но — Боже мой, — отчего отъ нихъ такая скука?

Вздоръ, сентиментализмъ. Остатки вѣковѣчной потребности „садочка, ставочка, вишеньки“...

„Ой казала мене маты, тай приказывала...
Шоб я хлопців до садочку не принаживала...“

Тутъ этого не услышишь.

* * *

Ночь. Опять идемъ. Темно. Впереди идетъ какой то автомобиль съ прожекторомъ, который часто останавливается, беретъ куда то вбокъ, что то ищетъ. Эти его похожденія въ темнотѣ, съ этимъ бродящимъ лучемъ, вызываютъ какое то жуткое чувство. Что ему надо? Чего онъ бродитъ? Когда онъ останавливается, — вся колонна останавливается. Усталость уже очень большая. Какъ только станутъ, люди ложатся тамъ, гдѣ стоятъ. Прямо на дорогу. Я помѣщаю нашихъ дамъ между двумя ротами, ставшими послѣ „переформированія“, слава Богу, взводами. Если намъ трудно, то каково имъ. Но онѣ держатся. Ложатся на дорогу, какъ и мы, тотчасъ же засыпая. Я временами отыскиваю глазами бѣлый полушубокъ ротмистра Ч. Боюсь, что онъ не встанетъ.

Чудовище тамъ впереди заревѣло, поводило своимъ страшнымъ взглядомъ и пошло.

— Встать! Шагомъ маршъ...

И всѣ поднимаются. Мальчики, женщины, дѣти.

* * *

Каша. Обозы стоятъ. Образовалась какая то толпа. Она всего гуще у высокаго, тонкаго зданія, которое неяснымъ чернымъ пальцемъ торчитъ въ небѣ. Это водокачка, которая снабжаетъ водой Одессу.

Что такое происходитъ?

Пролѣзаю между перепутавшимися возами, переступая черезъ спящихъ вповалку людей. Я пробиваюсь къ митингу, что около башни.

Нѣтъ, это не митингъ, это толпа, окружающая и жадно прислушивающаяся къ „совѣщанію" генераловъ и полковниковъ.

Прижавшись къ стѣнкѣ башни, при свѣтѣ какого то огарка, они разсматриваютъ карту.

Что произошло?

Прислушавшись, я понимаю слѣдующее. Впереди — деревня, гдѣ засѣли большевики. Надо ихъ выбить. Часть совѣщающихся за то, чтобы выбить. Но генералъ Васильевъ, командующій всей колонной, не рѣшается. Кто то возражаетъ, повидимому, послѣ чего генералъ Васильевъ впадаетъ въ обиду и хочетъ совершить отреченіе.

— Если я, быть можетъ, не умѣю руководить, или не угоденъ, то могу отказаться. И прошу выбрать вмѣсто меня начальника.

Его убѣждаютъ, что наоборотъ, онъ очень хорошъ.

Къ такому поучительному разговору жадно прислушивается окружающая толпа. Обычная картина. Уступательные книксены тамъ, гдѣ надо взять на себя отвѣтственность и приказывать. Наконецъ принимаютъ рѣшеніе.

Двигаться куда то безъ дорогъ, прямо черезъ поля, по компасу, чтобы обойти деревню.

Печальная мысль.

Расходятся. Обозы начинаютъ распутываться и устремляются двумя параллельными колоннами въ поля, покрытыя снѣгомъ.

* * *

Разсвѣтъ. Привалъ. Ясно, что мы сбились съ направленія. Какіе то обѣщанные хутора, которые должны были быть недалеко отъ башни, словно заколдованные. Шли всю ночь, — никуда не пришли. Безконечная бѣлая степь. Всѣ изнемогли.

Наша семья собралась вмѣстѣ. Лежимъ на снѣгѣ. Насъ тутъ восемь человѣкъ родственниковъ. Сильно устали. Мучаетъ жажда, кромѣ голода. Въ видѣ лакомства преподносятъ другъ

другу кусочки чистаго снѣга. Лица очень осунулись. У Ляли начинаютъ становиться глаза страдающей газели. У него опять припадокъ маляріи, хотя его и пичкаютъ хиной. Но въ общемъ держатся.

* * *

Добрались до какихъ то хуторовъ. Домикъ. Боже, какая тѣснота. Ни сѣсть, ни стать. Но хоть тепло. Среди этой „бісовой тѣсноты“ Ната, мать Оли, самоотверженно печетъ какія то оладьи. Голодные люди смотрятъ на нихъ жадными глазами и получаютъ по мѣрѣ того, какъ онѣ зажариваются. Смрадъ дикій. Но хоть малый отдыхъ.

Впрочемъ, не всѣ отдыхаютъ. Часть послали въ сторожевое охраненіе, ибо гдѣ то по близости большевики.

Иду въ штабъ, къ полковнику Стесселю. Онъ спитъ, совершенно выбившійся изъ силъ. Я радъ, что Раиса Васильевна Стессель пріютила Олю. Она уютно примостилась гдѣ то въ уголочкѣ, кажется ее тутъ немножко подкармливаютъ. Удивительно, что дѣти выносятъ эти невзгоды легче, чѣмъ взрослые.

За окномъ полупомѣшанный есаулъ А. стрѣляетъ изъ револьвера куръ. Онъ сегодня разстрѣлялъ какого то старика. За что, про что — неизвѣстно. Такъ, потому что азіатскія руки чешутся убивать. Если есть, убиваютъ стариковъ. Если нѣтъ — убиваютъ куръ.

Узнаю, что отдыхъ будетъ короткій. Ночью опять пойдемъ.

* * *

Опять ночь. Опять походъ. Какъ мы держимся. Идемъ уже двое сутокъ. Ѣли что то неуловимое.

Двигаемся все таки. Все та же картина. На остановкахъ люди ложатся въ снѣгъ и моментально засыпаютъ. Холодно. Но въ этихъ суровыхъ скитаніяхъ проявляется характеръ. Твердо держатся нѣсколько офицеровъ, на которыхъ все это не производитъ вліянія. Конечно, имъ холодно и они устали, но это не отражается на ихъ расположеніи. Алеша Т. все такъ же жизнерадостенъ и такъ же милъ. Я назначилъ его командиромъ роты. Его звонкій молодой голосъ иногда пріятно звучитъ въ темнотѣ.

Владиміръ Германовичъ непоколебимъ. Надо сказать, что онъ и былъ настоящей душой и созидателемъ нашего отряда. Человѣкъ, полный неукротимой энергіи, онъ промѣнялъ свою муниципальную дѣятельность на газетную и почти создалъ четыре газеты — „Голосъ Кіева“ и три „Россіи“ — Екатеринодарскую, Одесскую и Курскую. Теперь же, послѣ сдачи Кіева, онъ промѣнялъ перо на винтовку, и вотъ, имѣя полсотни лѣтъ за плечами, бродитъ по дорогамъ. Но его не сломишь. Онъ все такъ же оптимистично настроенъ, онъ въ восторгѣ отъ нашего отряда. И дѣйствительно эти мальчики хорошо держатся: ни жалобъ, ни недовольства... И Вл. Г. находитъ, что все къ лучшему. Правда всѣ его немножко ругаютъ, потому что хотятъ ѣсть, а онъ обязанъ кормить, а кормить трудно...

Ляля больше сгорбился и сильнѣе тянетъ свои декадентскія ноги. Но попрежнему внезапно начинаетъ хохотать безъ всякой причины, и такъ заразительно, что всѣ хохочутъ кругомъ. Алеша называетъ его за это plus quam perfectum. Это потому, что онъ вспоминаетъ вдругъ что то смѣшное, что случилось, Богъ знаетъ когда, и закатывается безъ всякаго предупрежденія.

Я чувствую твердую опору въ поручикѣ Л. Онъ самую малость снобъ. Въ сущности говоря, ему гораздо болѣе нравится слѣдующее: взять ванну, сѣсть за столъ, накрытый чистой скатертью; выпивъ кофе, онъ покурилъ бы и написалъ бы небольшую статью; потомъ бы сѣлъ за рояль и сыгралъ vaise triste Сибеліуса.

Но за неимѣніемъ всего этого, онъ сохраняетъ только неизмѣнную любезность ко всѣмъ и ласковость къ нѣкоторымъ. И этимъ держится. Это защитный цвѣтъ своего рода, выработанный „драпомъ“.

* * *

„Кошмарическая“ корчма. Я не знаю, сколько сотъ людей въ нее втиснулось. Часа два провели мы въ ней, засыпая сидя, стоя, кто какъ можетъ. Состояніе полубезсознательное. Но послѣ ледяного холода на дорогѣ — это блаженство. Курятъ до сумасшествія. Дышать нечѣмъ. Тѣмъ скорѣе впа-

даешь въ летаргію. По привычкѣ окидываешь взглядомъ — всѣ ли тутъ, не пропалъ ли кто нибудь. И погружаешься въ небытіе.

Приказываютъ выйти. Никто не двигается. Вторично, и въ третій разъ приказываютъ, но ничего не помогаетъ. Наконецъ угрожаютъ, что всѣ уже прошли и ушли, обозъ уже чертъ знаетъ гдѣ. Начинаютъ выползать. Надо итти.

* * *

Опять день, опять солнце, опять идемъ. Многіе слабѣютъ. Жена упорно держится, но я вижу, что приходитъ конецъ ея силамъ. Я отвожу ее въ сторону, помогаю ей переобуть израненныя ноги. Ужасно жалко смотрѣть, какъ она одѣваетъ эти мужскіе казенные башмаки, которые подарилъ ей какой то изъ нашихъ гимназистовъ. Переобувшись, она упрямится еще нѣкоторое время и потомъ соглашается сдѣлать то, что надо было сдѣлать съ самаго начала. Я устраиваю ее на какую то подводу.

Снова идемъ. Безконечная степь, безконечный обозъ. Когда же мы наконецъ остановимся? Надо хоть гдѣ нибудь, хоть что нибудь съѣсть и отдохнуть нѣсколько часовъ.

* * *

Ну вотъ, кажется. Какое то село — нѣмецкая колонія. Обозъ втянулся. Повидимому здѣсь будетъ отдыхъ. Я иду селомъ, разыскиваю своихъ, отъ которыхъ отсталъ. Большое село, массивные нѣмецкіе дома съ треугольными фасадами. Тутъ навѣрное масса бѣлаго хлѣба. И навѣрное можно что нибудь сварить. И навѣрное наши отыскали уже хорошее теплое просторное помѣщеніе. Квартирьеромъ посланъ поручикъ Л., который немножко любитъ комфортъ. Какъ знать— можетъ быть въ какой нибудь культурной нѣмецкой семьѣ отыщется и рояль. Тогда будетъ и Valse triste Сибеліуса.

Такъ-такъ-такъ-такъ-такъ-такъ-такъ-такъ . . . вотъ тебѣ и вальсъ Сибеліуса! . . .

Кто то „занимается“ по насъ пулеметомъ — вдоль улицы. Неужели большевики въ концѣ села? Я не успѣлъ сообразить этого, какъ шрапнель разорвалась надъ домомъ, гдѣ

помѣстился штабъ. Въ ту же минуту высыпали оттуда и стали кричать, сзывать всѣхъ, кто подъ рукой. Я бросился черезъ какія то ворота въ поле. Со мной нѣсколько человѣкъ, въ томъ числѣ Алеша. Съ другихъ сторонъ тоже бѣжали люди. Сейчасъ же на огородахъ образовалась безпорядочная цѣпь. Это было нѣчто скифское. Всѣ вопили, стрѣляли куда то въ пространство. Никакихъ организованныхъ звеньевъ не было. Вообще, ничего не было. Ни командировъ, ни подчиненныхъ. Всѣ командовали, т. е. всѣ вопили и въ общемъ стихійно двигались впередъ. Кажется насъ обстрѣливали, даже навѣрное. Нѣсколько пулеметовъ трещало. Но это не производило никакого впечатлѣнія. Бѣжали, останавливались. Ложились, опять бѣжали. Наконецъ отошли довольно далеко отъ деревни. Кто то и къ намъ притащилъ пулеметъ. Въ это время я увидѣлъ Лялю. Онъ былъ правѣе меня, видимо въ большомъ одушевленіи. Османлиская папаха, худой, сгорбленный, волочащіяся ноги. Скоро мы оказались рядомъ. Я почувствовалъ, что онъ въ какомъ то особомъ состояніи. На его лицѣ, всегда немножко напоминавшемъ дѣвочку, выраженіе какого то забавнаго фанфаронства. Въ это время непріятельскій пулеметъ насъ нащупываетъ. Всѣ ложатся. Но Ляля набитъ „традиціями". Онъ торчитъ османлиской кривулькой во весь рость и думаетъ, что это совершенно необходимо. Я приказываю ему лечь, что онъ исполняетъ съ видомъ „если вамъ угодно, то пожалуйста".

Съ нашей стороны безпорядочная пальба не прекращается. Но она достигаетъ апогея, когда появляется большевистская кавалерія на горизонтѣ. Нѣкоторые теряютъ головы. Престарѣлые полковники командуютъ:

— Прицѣлъ три тысячи!... По наступающей кавалеріи!...

И даютъ залпы на три тысячи шаговъ. По наступающей кавалеріи, которая вовсе не наступаетъ, по моему, а движется шагомъ. Я понимаю, что это безсмыслица, у насъ мало патроновъ, но ничего не могу сдѣлать въ этомъ дьявольскомъ шумѣ, — голоса не хватаетъ. Подзываю Алешу, приказываю ему взять командованіе надъ ближайшими, прекратить пальбу и сохранить патроны на случай дѣйствительной атаки кавалеріи. Его металическій голосъ начинаетъ звенѣть въ этомъ

смыслѣ. Кто то протестуетъ, возмущается, кричитъ, что кавалерія насъ обходитъ.

Обходящая кавалерія на самомъ дѣлѣ оказывается нашей кавалеріей. Она выѣзжаетъ справа, имѣя повидимому желаніе атаковать непріятельскую. Но почему-то этого не происходитъ. Въ это время за нашими спинами начинаютъ работать наши орудія. Непріятельская кавалерія явственно отходитъ, вытягивается гуськомъ на дорогѣ вдоль фронта. Удачная шрапнель заставляетъ ихъ прибавить ходу. Они уходятъ вскачь.

Мы побѣдили. Въ это время справа что то происходитъ. Тамъ начинаютъ кричать ура, и потомъ это ура перекатывается по всѣмъ цѣпямъ, доходитъ до насъ, мы тоже кричимъ ура и перебрасываемъ его слѣдующимъ цѣпямъ влѣво. За тѣмъ приходитъ и объясненіе. Начальникъ штаба объявилъ, что мы вошли въ соприкосновеніе съ войсками ген. Бредова. Хотя войска генерала Бредова были въ это время не ближе ста верстъ, но всѣ этому повѣрили.

Итакъ побѣда. Но Боже, какъ хочется ѣсть. Въ это время появляется спаситель — поручикъ Л., нагруженный бѣлымъ вкуснымъ чуднымъ хлѣбомъ.

* * *

И все это повторилось снова. Черезъ два часа большевики опять напали на насъ. И мы снова защищались. Тѣ же цѣпи, тѣ же крики, тотъ же безпорядокъ. Но на этотъ разъ было хуже. Сильно крыли гранатами. Сверкнетъ яркимъ желтымъ пламенемъ, а затѣмъ густой взрывъ дыма. Граната имѣетъ въ себѣ что то оперное. Такъ проваливается Мефистофель сквозь землю. Пулеметы хуже. Когда они начинаютъ насвистывать въ воздухѣ свой узоръ, тогда гораздо опаснѣе. Знаешь, что они могутъ сейчасъ-же вычертить кровавую надпись по землѣ, т. е. по насъ.

„Трещащую пѣсню поетъ пулеметъ
„И строчки кровавыя пишетъ;
„Кто грамоту смерти нежданно прочтетъ —
„Тотъ пѣсни ужъ больше не слышитъ . . .“

Я накричалъ на Димку, чтобы онъ не поднималъ головы, когда „строчки кровавыя пишутъ“. Моя группа, т. е. тѣ,

кто меня слушались, была налѣво отъ меня. На томъ концѣ былъ поручикъ Л. Я помню его внимательное лицо, часто поворачивающееся ко мнѣ. Онъ дѣлалъ то же, что и я, и тогда я почувствовалъ, что „ячейка“ взята въ неводъ и повинуется. Рядомъ со мной былъ Димка. На него гранаты какъ будто производили впечатлѣніе своимъ шумомъ, но опасности пулеметовъ онъ не понималъ. Онъ перебѣгалъ за мной, держа въ рукахъ мой карабинъ, отъ котораго я радъ былъ избавиться, — терпѣть не могу этихъ вещей въ бою. За нимъ въ штатскомъ пальто и въ барашковой шапкѣ перебѣгала маленькая, худенькая фигурка. Это отецъ Оли, мирный податной инспекторъ.

Какъ странно. . . Когда мы были мальчиками, мы были очень близки, затѣмъ долгіе годы шли врозь. И вотъ пришлось на старости лѣтъ плечо о плечо перебѣгать подъ гранатами.

Дальше Владиміръ Германовичъ, тоже въ штатскомъ. Перебѣгаетъ съ винтовкой въ рукахъ, ложится и опять перебѣгаетъ. Думали ли когда нибудь мирные кіевляне, избиравшіе его городскимъ гласнымъ, что вмѣсто мостовыхъ и канализацій онъ будетъ изучать преимущества гранатъ передъ пулеметами . . .

Перебѣгая мы сближались съ цѣпями противника. Впереди меня былъ домикъ, брошенная хижина. Я зналъ, что надо добраться туда. Нѣсколько перебѣжекъ, и мы съ Димкой подъ защитой. Тутъ удобно. Онъ заряжаетъ мнѣ карабинъ, а я изъ за угла дома „беру на мушку“. Цѣпи сблизились шаговъ на двѣсти. Но чувствуется, что мы не сдадимъ. Я выпустилъ нѣсколько обоймъ, когда они побѣжали. Мы скифски ихъ преслѣдовали, вопили, размахивали винтовками. Они поспѣшно отходили по почернѣвшимъ полямъ — снѣгъ стаялъ въ этотъ день.

* * *

Штабъ. Совѣщаніе. Дѣло плохо. Противника отогнали, но патроновъ нѣтъ. Пальба на три тысячи шаговъ залпами сказалась . . . Броневикъ „Россія“, на которомъ наше единственное орудіе, надо бросить — нѣтъ бензина. Въ сущности

мы безоружны. Идемъ вотъ уже нѣсколько сутокъ безъ отдыха, почти безъ пищи.

Рѣшено пробиваться еще разъ въ Румынію, хотя бы силой. Въ значительной мѣрѣ этотъ результатъ есть слѣдствіе роковой ошибки подъ водокачкой. Сколько мы потеряли времени и силъ, шатаясь гдѣ то по компасу безъ дорогъ. Быть можетъ, если бы этого не было, мы бы успѣли уже пробиться . . .

* * *

Но гдѣ же всѣ наши? Иду искать. Уже ночь. Улица невозможно черна. Нѣсколько разъ натыкаюсь на умирающую лошадь. Она тутъ валяется съ утра. Кричимъ въ темноту. Спрашиваемъ встрѣчныхъ. Хоть бы съѣсть что нибудь . . . Вотъ кажется свѣтъ въ домѣ. Зашли. Неужели покормятъ? Да, собираются дать что то . . .

* * *

Нашли своихъ. Собрались съ разныхъ концовъ. Но Ляли нѣтъ. Алеша раненъ. Поручикъ Р. убитъ. Еще нѣсколько человѣкъ ранены въ нашемъ отрядѣ; остальные слава Богу цѣлы. Вообще же потери въ этомъ бою насчитываютъ около четырехсотъ человѣкъ.

Изъ штаба приходитъ приказаніе бросить всѣ вещи. Въ маленькой хатѣ биткомъ набито. Кошмаръ. Кто спитъ, обезсиленный до конца, кто хлебаетъ какой то чай. У кого есть, перерываютъ чемоданы, отыскивая, что можно взять въ руки. У большинства ничего нѣтъ. Это гораздо спокойнѣе.

Приходитъ полковникъ А. и сообщаетъ зловѣщую новость. Открытъ какой то заговоръ. Хотятъ убить полковника Стесселя и на его мѣсто поставить какого то другого полковника. Выступимъ черезъ полъ часа.

Но гдѣ Ляля? . . .

* * *

Захожу въ каждую хату.

— Здѣсь юнкеръ такой то?

И всюду одинъ отвѣтъ послѣ нѣкотораго молчанія:

— Такого нѣтъ . . .

И холодная рука тревоги сжимаетъ сердце . . .

* * *

Вышли. Очень темно. Спускаемся куда то внизъ, очевидно къ рѣкѣ. Вдругъ мысль: „Да, мнѣ сказали, что Алешу и другихъ раненыхъ вывезли. Но вѣдь это всегда говорятъ. А вывезли ли?“

Выскальзываю изъ дружескихъ рукъ, убѣждающихъ, что вывезли. Возвращаюсь. Но очень усталъ. Въ темнотѣ попадается верховой. Прицѣпляюсь къ его стремени. Онъ тащитъ меня въ горку, что уже значительное облегченіе. Ищу долго, безуспѣшно, отчаяваясь и опять надѣясь, и окончательно прихожу въ отчаяніе. Не могу найти. Въ деревнѣ какъ будто и нѣтъ никого. Очевидно, всѣ ушли. Ухожу и я.

На душѣ такъ скверно, какъ только можетъ быть...

* * *

Ужасная ночь. Силы на исходѣ. Слава Богу, удалось пристроить на подводу женщинъ, дѣтей и ослабѣвшихъ. Я еще иду. Я не особенно понимаю, какъ я это дѣлаю. Все горы и горы. Я все иду по обочинѣ дороги. Я ясно понимаю, что всѣ меня обгоняютъ. Но въ концѣ концовъ я оказываюсь впереди всѣхъ. Почему? Они останавливаются, а я нѣтъ. Они лежатъ на снѣгу каждый разъ, когда обозъ станетъ, а я боюсь лечь. Мнѣ кажется, что я не встану. Минутами снѣгъ озаряется какимъ то зеленоватымъ свѣтомъ. Мнѣ кажется, что всходитъ луна. Но скоро я понимаю, что нѣтъ луны, а что это мгновеніями я впадаю въ забытье на ходу и мнѣ мерещится этотъ свѣтъ. Вотъ наконецъ голова обоза. Перекрестокъ. Стали. Куда итти? Тутъ надо лечь. Это что? Экипажъ, тѣсно окруженный кучкой людей, держащихся за крылья. На козлахъ полковникъ въ лохматой шапкѣ. Кто то говоритъ:

— Это раненую сестру везутъ...

А я слышу, какъ изъ глубины экипажа знакомый басъ ругается:

— Куда васъ чертъ несетъ?... Рессоры поломаете!...

Я понимаю въ чемъ дѣло. Это близкіе къ полковнику Стесселю офицеры охраняютъ его по случаю „заговора“... А онъ страшно золъ на все это и потому ругается.

* * *

Разсвѣтъ. Какая то деревня. Здѣсь краткій отдыхъ. Ищу, куда приткнуться со своими. Очень трудно. Все переполнено. Съ величайшимъ трудомъ что то нахожу и прячу полузамерзшихъ въ хату. На перекресткѣ сталкиваюсь вдругъ съ поручикомъ Л.

— Я привезъ Алешу...

Слава Богу. Онъ таки нашелъ его. Когда онъ узналъ, что я ушелъ тогда за Алешой, онъ пошелъ за мной. Меня онъ не нашелъ, но онъ нашелъ Алешу, котораго я не могъ разыскать. И все было такъ, какъ это бываетъ... Меня увѣряли, что „вывезли всѣхъ раненыхъ“... Этому никогда не надо вѣрить. И Алешу не вывезли... Онъ лежалъ вмѣстѣ съ другими ранеными въ какой то хатѣ на самомъ краю села. Вокругъ нихъ безпомощно метался врачъ. Всѣ ушли — что дѣлать? Сами раненые не знали, что деревня оставлена... Три сестры, совершенно выбившіяся изъ силъ, спали. Вотъ какъ было...

Поручику Л. удалось вмѣстѣ съ врачемъ гдѣ то добыть нѣсколько подводъ. Они ловили брошенныхъ бродячихъ лошадей, запрягали... Съ величайшимъ трудомъ вывезли эту хату.

Вывезли и Алешу...

Вотъ онъ.

Подвода — на ней двое... Алеша и какой то другой. Алеша желтый — стонетъ. Другой не шевелится. Неужели?...

Да, умеръ...

Надо снять прежде всего этого незнакомаго мертваго... Похоронить? Но какъ?

Нѣтъ, просто положимъ въ садикѣ. Похоронятъ можетъ быть добрые люди.

— Алеша, больно вамъ?

— Больно... это Вы... Спасибо... Больно... Холодно... холодно...

Надо внести его въ хату. Согрѣть и перевязать. И потомъ... мы переложимъ его на рессорную площадку — у насъ есть. А главное — докторъ... быть можетъ нужна операція немедленно.

Разыскиваю доктора. Спрашиваю, прошу...

— Да я радъ все сдѣлать . . . Конечно нужно операцію . . . и немедленно. У него контузія въ спинной хребетъ. Но главное сейчасъ не это . . . Осколокъ въ легкомъ . . . Надо удалить немедленно. Но инструменты? Нѣтъ инструментовъ . . . Надо вынуть два ребра . . . Какъ безъ инструментовъ? . . Что я сдѣлаю!

Вотъ гдѣ ужасъ . . .

Переносимъ Алешу. Трудно. Ему все такъ больно. А мы ослабѣли до такой степени, что падаемъ и сами. Сквозь калитку такъ трудно пронести.

Внесли. Хата полнымъ полна. Всѣ такъ замерзли и устали. Куда его положить, бѣднягу? На скамейку?

— Ахъ, больно . . . Пожалуйста не надо . . . на полъ лучше . . . Василій Витальевичъ . . . спасибо . . . Вамъ тяжело . . . не безпокойтесь . . . ахъ, больно . . . такъ . . . да . . . хорошо . . . спасибо . . .

Перевязываютъ. Кругомъ стѣснились. Маленькія хозяйскія дѣти смотрятъ со страхомъ и любопытствомъ. Сестра дѣлаетъ свое дѣло внимательно, несмотря на предѣлъ утомленія.

Сдѣлано. Чаю теперь — хоть полстакана. Выпилъ. Ему легче немножко. Согрѣлся . . . пересталъ стонать . . . благодаритъ . . .

Да, онъ все такой же . . . лице у него желтое . . . онъ очень плохъ. Но благодаритъ. Все такъ же внимателенъ и ласково-твердъ, какъ раньше, какъ всегда, какъ тогда въ походѣ . . . Какъ часто онъ велъ меня, когда по „старчеству" своему, я изнемогалъ. Онъ не такой, какъ почти всѣ. Это у него не внѣшнее, а въ крови. Вотъ онъ умираетъ. И все тотъ же. Онъ, значитъ . . . настоящій такой . . . это его настоящая природа. Онъ никогда себѣ не измѣнитъ . . . никогда . . . Да и когда уже? Уже — некогда . . .

Кругомъ стоятъ, сидятъ, лежатъ. Какъ всѣ страшно устали. Засыпаютъ сейчасъ же . . . Хоть на мгновеніе.

Почему я держусь? Не знаю: что то меня держитъ изнутри.

Но гдѣ же Ляля? Убитъ? Гдѣ то брошенъ раненый, какъ Алеша? Мать плачетъ тихонько, засыпаетъ, опять плачетъ . . . Нѣтъ, я не вѣрю. Найдется . . .

Но надо двигаться. Бѣдный Алеша, опять его надо мучить.

Переносимъ. Уложили на площадку, укрыли тепло... Здѣсь все же будетъ ему легче.

— Спасибо, Василій Витальевичъ... спасибо, Вовка...

Неужели нельзя его спасти? Лицо все такъ же красиво, и выразительны правильныя губы. Брови только свелись надъ закрытыми глазами. Но эта желтизна... восковое лицо.

Нѣтъ инструментовъ... изъ за этого надо, чтобы онъ умеръ.

* * *

— Ляля!..

Да, это былъ онъ. Худой, сгорбленный, — декадентская кривулька больше, чѣмъ когда было, но все съ той же заражающей дѣтской улыбкой.

— Гдѣ же ты былъ?.. глупый!.. Отчего не нашелъ меня? Дайте ему что нибудь... ѣлъ?

— Ѣлъ... Ахъ, очень интересно!... Знаешь, полковникъ Н. — симпатичнѣйшій человѣкъ! и кромѣ того онъ — мой личный другъ!...

— Уже?... говори по порядку!

Разсказываетъ. Онъ былъ вмѣстѣ съ Алешей сначала. Тамъ было тяжело. Когда Алешу ранило гранатой, онъ бросился къ нему. Сначала думалъ, что убило; лицо было въ крови; онъ былъ въ безпамятствѣ. Потомъ пришелъ въ себя.

— И онъ, когда пришелъ въ себя, увидѣлъ меня, сказалъ: „Ляля, передайте Василію Виталіевичу... что я умираю за Россію“... И потомъ далъ мнѣ портретъ... одинъ... Еще сказалъ... Чтобы я передалъ, и чтобы... Словомъ... онъ завѣщалъ мнѣ... намъ... Это „боевое завѣщаніе“, правда?...

Да, это было „боевое завѣщаніе“... И это завѣщаніе... Въ жизни больше мистическаго, чѣмъ думаютъ... Но это потомъ... Ляля разсказываетъ дальше:

— Потомъ я его относилъ...

— Куда?

— Въ деревню... Я очень безпокоился, гдѣ ты и Димка. Но нельзя было искать... Я опять вернулся...

— Куда?

— Въ цѣпь... Но уже никого не было изъ нашихъ... Я попалъ въ „Союзъ Возрожденія". Тамъ былъ одинъ полковникъ... очень симпатичный... онъ мой личный другъ.

— Гдѣ же вы были?..

— Тамъ, въ этой другой деревнѣ... Мы ихъ далеко загнали. Наконецъ, ночь уже... Знаешь, я тамъ заснулъ... очень хорошо... два часа... и поѣлъ... Они были въ томъ концѣ деревни, а мы въ этомъ...

— Когда же вы вышли?

— Мы — поздно... Позже всѣхъ... только что пришли... Я такъ боялся, гдѣ ты...

Итакъ, онъ живъ, Ляля... На этотъ разъ...

Но въ слѣдующій?...

* * *

Ѣсть хочется до нестерпимости. Отчего ничего нельзя достать? Денегъ не берутъ. Мы съ Владиміромъ Германовичемъ шаримъ по избамъ и наконецъ находимъ нѣсколько фунтовъ кукурузной муки. Баба уступаетъ ее за чашку какую-то, что нашлась у насъ. Насыпаемъ въ ладошку, и такая „понюшка" уже блаженство. Въ сущности говоря человѣкъ можетъ ѣсть удивительно мало. И все же днемъ легче.

И опять идемъ. Безконечно идемъ. Даже непонятно, откуда берутся силы. Вѣдь вотъ ночью я шелъ почти въ полубезсознательномъ состояніи, а сейчасъ иду почти бодрый. Впрочемъ, такъ много значитъ, что Алешу не бросили и Ляля нашелся.

* * *

Плавни. Что такое плавни? Это вотъ что. Очень много камыша, лозы и достаточно старыхъ вербъ. Между этими растеніями большія лужайки изъ льда. На этихъ лужайкахъ мы.

Кто это мы? Собственно говоря, это движется колонна подъ командой генерала Васильева. У него помощникъ — еще какой то генералъ. Генералу Васильеву подчинены нашъ отрядъ, т. е. полковника Стесселя, Союзъ Возрожденія и еще что то. Отрядъ Стесселя состоитъ изъ превращенныхъ въ роты отрядовъ полковника Н., полковника Л., полковника А.,

т. е. моего, гвардейскихъ саперъ и еще чего то. А въ общемъ — одни обозы.

Въ этихъ плавняхъ мы чего то ждемъ. Ждемъ долго. Развлеченіе состоитъ въ томъ, что вода временами проступаетъ сквозь ледъ и дѣлаетъ озера. Тогда приходится перебираться поближе къ вербамъ.

Алеша лежитъ тихо. Но лицо его сильно пожелтѣло и становится восковымъ. Неужели онъ умретъ? Я иногда подхожу и говорю съ нимъ нѣсколько словъ. Онъ отвѣчаетъ какъ всегда. Т. е. совсѣмъ не какъ всегда, потому что онъ умираетъ, но я ясно чувствую, что его сущность, душа его, — та же.

Приходитъ приказаніе бросить всѣ подводы. Мы готовы ко всему, но какъ же быть съ Алешей? Я приказываю дѣлать носилки. Отъ нашей платформы отпиливаютъ оглобли и дѣлаютъ носилки изъ брезента. И это была ошибка. Конечно, надо исполнять приказанія, но иногда, когда поторопишься . . .

Двинулись. Тропиночками, сквозь камыши выходятъ на Днѣстръ. Алешу несутъ на носилкахъ и выбиваются изъ силъ. Зачѣмъ я приказалъ отпилить эти оглобли! Это приказаніе бросить подводы было исполнено немногими. Обозы движутся и, хотя и съ трудомъ, соскальзываютъ по обрывистымъ берегамъ на ледъ рѣки.

* * *

Итакъ, мы въ Румыніи, т. е. въ Бессарабіи. Перешли ледъ безпрепятственно. Румынской охраны нѣтъ или она ушла. Все какіе то сады, совершенно пустынные. Въ садахъ лѣтніе брошенные шалаши. Движемся, вышли на какую то лужайку.

Что такое? Неужели по насъ?!

Да, повидимому. Пулеметы высвистываютъ мелодію надъ нашими головами, и пули начинаютъ цокать въ землю. Укрываемся въ ложбинкѣ. Удивительно, что дамы совсѣмъ не боятся.

Очевидно, эти румыны такимъ способомъ заявляютъ намъ: „не ходите дальше“. Мы и не идемъ. Люди разбились по садамъ, пережидаютъ. Обозы тоже гдѣ то стали.

Я иду на развѣдку, т. е. по дорогѣ, которая повидимому идетъ въ деревню. А деревня эта, очевидно, у подножія этихъ обрывистыхъ горъ, съ которыхъ насъ и поливаютъ изъ пулеметовъ. Меня нагоняетъ экипажъ полковника Стесселя. Онъ приглашаетъ меня сѣсть. Раиса Васильевна говоритъ мнѣ нѣсколько любезныхъ словъ. Мы ѣдемъ для переговоровъ съ румынами.

* * *

Домикъ въ деревнѣ. Румынскіе офицеры съ одной стороны, съ другой — генералъ Васильевъ, Стессель и еще кто то...

Генералъ Васильевъ говоритъ переводчику:

— Скажите имъ, что мы совершенно замерзли и умираемъ отъ голода... Что мы безоружны, потому что у насъ нѣтъ патроновъ... Что мы просимъ оказать намъ пріютъ, ибо мы погибнемъ... И что я заявляю имъ, что если мы не будемъ приняты, то мнѣ ничего больше не остается, какъ застрѣлиться тутъ же...

Румынскіе офицеры что то отвѣчаютъ. Это продолжается долго. Мы говоримъ жалкія слова, румыны отказываютъ, но въ концѣ концовъ какъ будто соглашаются на то, чтобы мы заняли нижнюю часть деревни до утра. Иду къ своимъ. Уже въ совершенной темнотѣ привожу ихъ въ деревню, отыскиваемъ какія то хатки...

* * *

Крохотная молдавская хатка. Человѣкъ тридцать. Умирающаго Алешу устроили, какъ могли. Остальные вповалку. Почти всѣ спятъ. Но хозяева готовятъ у круглаго низенькаго столика мамалыгу для насъ. Когда это готово, я бужу всѣхъ, кого могу разбудить. Лялю и Димку добудился. Хочу поднять Олю. Спитъ такъ глубоко, что нѣтъ возможности. Я подымаю ее за руки, ставлю въ вертикальное положеніе и трясу, что есть силы. Но бѣдная дѣвочка не просыпается. Я выпускаю ее, и она безчувственнымъ тѣломъ сваливается на солому. Это сильнѣе всякаго хлороформа.

Ужинаемъ при каганцѣ. Мамалыга, кислые огурцы... Сумасшедшая роскошь...

Что сдѣлать для Алеши? Ничего нельзя сдѣлать. Онъ умираетъ оттого, что у него осколокъ гранаты въ легкомъ. Надо немедленно сдѣлать операцію, причемъ прійдется вынимать два ребра. А эту операцію нельзя сдѣлать, потому что нѣтъ инструментовъ. Завтра будемъ упрашивать румынъ отвезти его въ сосѣднее мѣстечко, гдѣ есть больница. Но доживетъ ли онъ до утра?

Всѣ уже спятъ. Многихъ такъ и не добудились. Хозяева сбились всѣ на кровать. Тамъ старуха, молодыя женщины, дѣти... Весь полъ густо, густо уложенъ тѣлами. Алеша на скамьѣ. Мы устроили его на подушкахъ, какъ могли. Моя жена легла около него на полу. Она спитъ чутко... чтобы помочь... Хата чуть освѣщена каганцомъ...

Я укладываюсь рядомъ съ сыновьями. Усталость сильнѣе всего... Засыпаю, — проваливаюсь въ пропасть...

Но не на долго... Алеша стонетъ... И проситъ воздуха. Въ хатѣ дѣйствительно душно такъ, что и здоровымъ нечѣмъ дышать...

Я говорю, чтобы отворили дверь.

Струя свѣжаго воздуха входитъ въ эту юдоль земную...

— Ахъ, хорошо... хорошо... такъ вотъ... спасибо... хорошо...

Но и здѣсь, даже здѣсь, неизбѣжна „разность интересовъ“. Умирающему Алешѣ нужна эта струя кислорода, а живымъ, и въ особенности тѣмъ, что около дверей, она, эта струя холода, мучительна и опасна. Они ропщутъ...

Они тоже правы... Я лавирую между ними... Когда Алеша начинаетъ просить и задыхаться, я приказываю отворить дверь... И онъ тогда говоритъ, порывисто, убѣжденно, благодарно...

— Ахъ, хорошо... хорошо... спасибо...

Черезъ нѣсколько минутъ я тихонько передаю, чтобы дверь затворили...

Наконецъ одинъ разъ открыто заворчали. Я разсердился и повторилъ, чтобы открыли...

Тогда откуда-то изъ груды лежащихъ раздался голосъ:

— Что жъ, Василій Витальевичъ, вѣдь онъ... уходитъ... а мы остаемся...

Жестокія слова!... Къ счастію Алеша ихъ не слышалъ... Онъ минутами забывается. Я сказалъ женѣ, чтобы она перешла на мое мѣсто, и легъ около Алеши...

Онъ иногда проситъ воды... Чаще воздуху... Иногда я перекладываю его...

— Спасибо, Василій Витальевичъ... Спасибо... Ахъ, больно, больно. Вотъ такъ... да, такъ... спасибо... вамъ тяжело?.. не безпокойтесь... да, да... спасибо...

Минутами онъ забывается. Но остальное время въ сознаніи...

— Мнѣ надо операцію... операцію... я знаю... надо сдѣлать...

— Сдѣлаемъ... Вотъ только прійдетъ утро, — сейчасъ отвеземъ Васъ, Алеша, въ сосѣднюю деревню... Тамъ есть больница... Хирурги...

— Разрѣшатъ?... румыны... разрѣшатъ?...

— Конечно, разрѣшатъ... они уже говорили.

Вдругъ онъ дѣлаетъ такое движеніе, что я понимаю: онъ хочетъ мнѣ сказать такъ, чтобы никто не слышалъ.

— Василій Витальевичъ... правду... скажите только правду... я раненъ въ спину... въ позвоночникъ... если я буду калѣкой... не буду ходить... не хочу жить... не хочу... дайте мнѣ револьверъ... умоляю Васъ... я знаю, вы мнѣ скажете правду... я вамъ вѣрю... только правду!

Бѣдняжка, я знаю, о чемъ онъ думаетъ...

— Слушайте, Алеша... Я Вамъ скажу, какъ есть... Если бы Вы были ранены въ позвоночникъ, это было бы такъ... но Вы не ранены, — Вы контужены... отъ этого вылѣчиваются почти всегда... электричествомъ... это въ этихъ случаяхъ удивительно дѣйствуетъ... это — пустяки, объ этомъ не думайте... это обойдется...

— Ну, хорошо... спасибо... Только душно мнѣ... кислорода бы мнѣ... Василій Витальевичъ... подушку бы если бы, съ кислородомъ, подушку...

Я чувствую, какъ сквозь эту мертвящую усталость, которая туманомъ покрыла всю мою воспріимчивость, все таки

пробивается какое то отчаяніе... Господи, ну какъ ему помочь!

Онъ затихаетъ... Кажется уснулъ... Слава Богу... меньше страданій... я тоже не могу... прилягу...

Я заснулъ можетъ быть на нѣсколько минутъ... И вдругъ проснулся сразу... вскочилъ...

Прямо противъ меня на кровати сидѣла старуха... она кивала мнѣ и рукой указывала на Алешу...

Онъ умиралъ... Началась агонія... Онъ хрипѣлъ... Кто то проснулся, что то сказалъ... Старуха замахала на него руками, чтобы было тихо...

Я стоялъ на колѣняхъ около Алеши... Это было недолго... Нѣсколько минутъ, и онъ затихъ... Я закрылъ ему глаза...

Потомъ прочиталъ молитву, какую вспомнилъ... Всѣ спали... Только старуха сидѣла на кровати и смотрѣла на насъ... Окончивъ молитву, я тотчасъ же заснулъ... Я ему больше былъ не нуженъ... Я спалъ крѣпко, до самаго утра...

* * *

Такъ умеръ Алеша... Онъ былъ... бѣлый...

* * *

Ровно въ 8 часовъ утра румыны начали обстрѣливать деревню изъ пулеметовъ: это чтобъ мы ушли...

Пули цокали по заборамъ и стѣнамъ. Я приказалъ пойти за водой и больше не выходить изъ хаты... А самъ пошелъ въ штабъ. Штабъ помѣщался въ домикѣ, выходившемъ въ большой пустырь. На улицѣ никого не было — попрятались... Но у конца улицы, подъ заборомъ, залегло много нашего народа. Я спросилъ, что это такое. Мнѣ объяснили, что это вновь сформировавшійся отрядъ какого то полковника. Этотъ самый полковникъ хотѣлъ запретить итти мнѣ черезъ пустырь; румыны, молъ, обстрѣливаютъ „нарочно“, кто показывается...

— На насъ навлечете...

Удивительно, почему во всѣхъ самыхъ трагическихъ случаяхъ жизни бываютъ такія глупости. Ну какое же рѣ-

шеніе вопроса лежать подъ заборомъ, въ то время, какъ румыны стрѣляютъ именно для того, чтобы мы ушли...

Я объяснилъ ему, что иду въ штабъ по приказанію полковника Стесселя. Онъ отсталъ.

Никто конечно меня не обстрѣливалъ „нарочно". Стрѣляли вообще по деревнѣ. Были уже раненые и убитые. Надо было принять рѣшеніе.

У Стесселя были всѣ „начальники частей"... Наканунѣ еще мы собирались у него и почему то (хорошенько не помню почему) „выбрали" его своимъ начальникомъ... Нѣтъ, вспомнилъ, вотъ почему: общій начальникъ генералъ Васильевъ былъ задержанъ румынами и тогда отряды „Союза Возрожденія", полковника Стесселя и другіе рѣшили дѣйствовать отдѣльно, каждый на свой страхъ и рискъ. Тутъ то Стессель и захотѣлъ „провѣрить свои полномочія"... Мы, значитъ, вновь ему присягнули...

Стессель приказалъ: бросить все здѣсь, — больныхъ, раненыхъ, стариковъ, по возможности женщинъ, всѣ обозы, и выйти съ одними винтовками только тѣмъ, кто готовъ на все... Собраться къ десяти часамъ къ штабу... Въ десять часовъ румыны обѣщали начать артиллерійскій обстрѣлъ, если мы не уйдемъ. Стессель послалъ имъ письмо, что мы уйдемъ въ десять.

Съ этимъ я вернулся къ своимъ... Обстрѣлъ изъ пулеметовъ временно прекратился... Алеша уже лежалъ въ садикѣ подъ плетнемъ... Въ хатѣ пили чай...

Въ это время подбѣжали румынскіе солдаты... Они врывались въ хаты и кричали:

— Гайда! На апой!

Это значило: „Вонъ! Назадъ!" Они требовали, чтобы всѣ выходили изъ хатъ и уходили.

Тутъ наступило самое тяжелое. Жена, Ната, Оля — эти не могли больше итти... Я зналъ, что имъ нуженъ отдыхъ во что бы то ни стало, и потомъ... Куда мы идемъ? Если мы и пробьемся, то вѣдь только самые желѣзные. Остальные погибнутъ въ дорогѣ — это неминуемо... Ихъ надо оставить здѣсь; неужели же эти румыны выгонятъ женщинъ и дѣтей?

Я стараюсь объяснить румынскому сержанту, что мы уйдемъ, но что „домны" (дамы) должны остаться... Онъ по-

нимаетъ меня... Но и слышать не хочетъ: „всѣ, всѣ — гайда! на апой!“

Несчастныя женщины выходятъ тоже на улицу. Не понимая ужаса будущаго, онѣ рады не разставаться. Румыны бѣгутъ дальше по хатамъ — выгонять. Но къ намъ набѣгаетъ новая партія. Я опять къ нимъ: „домны должны остаться“...

Этотъ соглашается, но торопитъ насъ — мужчинъ...

И вотъ подъ этими непрерывными „выгоняющими“ криками мы прощаемся. Дѣлимъ деньги, послѣднія наставленія...

— Пробивайтесь въ Сербію. Я буду искать Васъ въ Бѣлградѣ...

„Гайда, на апой!“ — кричатъ румыны...

Да подождите, проклятые! Какъ быть съ Димой? Я беру его въ сторону...

— Димка, останься съ мамой... Она одна...

Я вижу его огорченное поблѣднѣвшее лицо...

— Тебя убьютъ... и Лялю...

— Какія глупости!... выкрутимся... Ляля со мной... ты съ мамой... ну, прощай...

Гайда! На апой!

Кончено. Ушли...

* * *

Мы выступили изъ деревни. Въ рукахъ вели какого то вола (провіантъ) и были очень довольны. Эта деревня, изъ которой мы уходили, называлась Раскайцы.

* * *

Перешли Днѣстръ. Опять плавни. Остановка. И долгая. Что то здѣсь происходитъ. Почему такъ уменьшилась наша рота? Гдѣ кадеты, которыхъ къ намъ присоединили? Мнѣ сообщаютъ, что будто какіе то большевистскіе делегаты бродятъ кругомъ. Я приказываю выставить посты. Ничего не могу понять. Многихъ нѣтъ...

Неужели?...

Возможно... Въ той сторонѣ, откуда можно „ихъ“ ждать, стоитъ Ляля на посту... Я не теряю его изъ глазъ, а онъ меня...

* * *

Приказаніе двигаться...

Выходимъ изъ перелѣска, изъ зарослей, на какіе то заледенѣвшіе пустыри. Тутъ можно опредѣлить, что мы такое...

Все таки насъ порядочно. Человѣкъ шестьсотъ. Обозовъ дѣйствительно никакихъ... Есть только экипажъ полковника Стесселя, нѣсколько конныхъ... У насъ есть какая то несчастная кляча, которую бородатый фельдфебель ведетъ въ рукахъ.

Меня безпокоитъ Филя... Онъ отъ голода съѣлъ какую то мерзлую луковицу, которую онъ нашелъ на дорогѣ. Теперь онъ жалуется... У него нехорошее лицо... посѣрѣло, и морщины рѣзко легли вокругъ рта... На остановкахъ онъ лежитъ на снѣгу, скорчившись... Что дѣлать, если онъ не сможетъ итти?...

Я подзываю бородатаго фельдфебеля съ клячей... Подсаживаю Филю на клячу безъ сѣдла... Онъ обхватываетъ ея шею руками, голову кладетъ на гриву... Ноги въ городскихъ ботинкахъ и гетрахъ безпомощно болтаются... Такъ его везутъ...

Ляля держится хорошо. Сегодня у него „не малярійный" день. Сегодня меня ломаетъ... Мы съ нимъ на перемѣнку. Но у меня легче. И я чувствую, что я ее переупрямлю при помощи... свѣжаго воздуха... голода... безсоницы... и переходовъ...

* * *

Это былъ садъ, занесенный снѣгомъ, какъ полагается въ Бессарабіи. Отрядъ полковника Стесселя какъ то сбился въ кучу... гдѣ то за деревьями что то происходитъ... Какіе то крики... но выстрѣловъ не слышно. Никто ничего хорошенько не понимаетъ, но идутъ разговоры о томъ, что кто то у кого то взялъ пулеметъ. Я чувствую: что то дѣлается непонятное. Но не могу опредѣлить — что. Ясно, что это связано съ большевиками. Но отчего нѣтъ боя?... отчего мы остановились?

Мои сталпливаются поближе ко мнѣ, поглядываютъ на меня, а я поглядываю на Стесселя. Что это все значитъ?

Вдругъ на лужайкѣ появляются два всадника. Они приближаются, направляясь прямо къ намъ. Они безъ оружія. Подъѣхавъ, они останавливаются и глазами кого то ищутъ.

— Де тутъ полковникъ Стесселевъ?

Стессель отвѣтилъ своимъ характернымъ басомъ, чуть хриплымъ, какъ будто съ одышкой.

— Это я. Что вамъ?

Это были по виду какъ будто унтеръ-офицеры, но безъ погонъ. Одинъ изъ нихъ началъ такъ:

— Ну что жъ, товарищъ полковникъ... Надо кончать... Зачѣмъ вы противъ насъ цѣпи выслали?... Такъ шо вы въ такомъ положеніи, что мы съ вами драться не желаемъ...

— Да кто вы такіе?

— Мы тѣ самые, съ которыми вы позавчера бой вели... дивизіи товарища Катовскаго... Товарищъ Катовскій насъ прислалъ, чтобы значитъ кончать...

Тутъ онъ повернулся ко всѣмъ намъ, къ толпѣ.

— Если которые господа офицеры опасаются, что имъ что будетъ, то пусть не опасаются. Потому товарищъ Катовскій не приказалъ... и вещей отбирать тоже не будутъ... И ежели при господахъ офицерахъ которыя дамочки есть, то тоже пусть не опасаются... Ничего имъ не будетъ... Приказалъ товарищъ Катовскій сказать, чтобъ всѣ до насъ шли и чтобы не опасались.

Въ это время кто то изъ толпы, кажется, единственная сестра милосердія, которая была съ нами, спросила:

— Да кто вы такіе?

— Мы? Мы — большевики!

— Такъ какъ же, если вы большевики... какъ же вы обѣщаете то, другое... а вчера кто убивалъ?.. кто рѣзалъ? кто отнималъ?

— Мы? Нѣтъ, мы не обижали!...

— Какъ не обижали? Вы же коммунисты?!

— Какіе мы коммунисты! Мы большевики, а не коммунисты!... Мы съ коммунистами сами борьбу ведемъ... Вотъ, къ примѣру сказать, господа офицеры... развѣ среди васъ всѣ хорошіе люди?... Есть которые хорошіе, а есть... сами знаете... Такъ и у насъ — коммунисты... Сволочь коммунисты!...

Въ нашей толпѣ произошло замѣтное волненіе. Эти слова производили впечатлѣніе. Делегаты Катовскаго очевидно это поняли.

— Вотъ, господа офицеры, тутъ нашъ штабъ недалеко... И вашъ полковникъ Мамонтовъ тамъ. Вчера его взяли . . . Кто къ намъ — пожалуйста . . . Всѣмъ хорошо будетъ. Кто хочетъ къ намъ на службу — принимаемъ. А кто не хочетъ — такъ себѣ пусть идетъ — домой . . . А не желаете, ну тогда — драться будемъ . . .

Полковникъ Стессель, очевидно, въ эту минуту принялъ рѣшеніе.

— Вотъ что. Вы себѣ поѣзжайте, а мы поговоримъ . . . Неудобно намъ при васъ. А что рѣшимъ, — сообщимъ вамъ...

Тѣ сейчасъ же согласились:

— Пожалуйста, пожалуйста . . .

И поѣхали.

Настала рѣшительная минута. Ко мнѣ подошелъ поручикъ Л. и спросилъ дѣловымъ тономъ:

— Василій Виталіевичъ! Уже пора стрѣляться?

Я отвѣтилъ почти сейчасъ же, но помню, что въ это мгновеніе я какъ то сразу все взвѣсилъ или, вѣрнѣе, взвѣсилъ только одно, именно, что большевики насъ еще не окружили, что въ одну сторону дорога еще свободна. И отвѣтилъ:

— Надо немного подождать . . .

Въ это же мгновенье ко мнѣ подошелъ Владиміръ Германовичъ.

— Мнѣ кажется, что дальнѣйшее сопротивленіе безполезно . . . Сдѣлано все возможное; дальнѣйшее безплодно . . .

Я отвѣтилъ:

— Съ этой минуты я предоставляю каждому свободный выборъ. Самъ же я буду держаться Стесселя до конца . . .

Я подошелъ къ Филѣ. Сказалъ ему, что освобождаю его отъ обязанности слѣдовать за мной въ виду его болѣзни, совѣтую сдаться и пробиваться въ Одессу. Далъ ему денегъ. Мы простились. Онъ слѣзъ съ лошади и легъ на снѣгъ.

Въ эту минуту Стессель своимъ хриплымъ, задыхающимся басомъ обратился къ толпѣ.

— Ну вотъ что . . . Я къ нимъ не пойду . . . Кто со мной, тотъ за мной! . . .

И повернувшись онъ пошелъ по дорогѣ въ сторону отъ большевиковъ.

Тутъ произошли быстрыя сценки, которыхъ передать нельзя. Очевидно каждый колебнулся въ душѣ. Полковникъ А. что то сказалъ нашему отряду не особенно опредѣленное. Впрочемъ это соотвѣтствовало моей инструкціи предоставить всѣмъ свободу.

Я пошелъ вслѣдъ за Стесселемъ. За мной пошло нѣсколько человѣкъ нашего отряда въ томъ числѣ: полковникъ А. съ сыномъ, поручикъ Л., мирный податной инспекторъ, другъ моего дѣтства, и Ляля.

* * *

Лужайка въ лѣсу. Мы сидимъ на снѣгу кружкомъ.

— Начинается „Майнъ-Ридовщина“, — сказалъ кто то.

Дѣйствительно мы похожи на какую то шайку „охотниковъ за черепами“ или „искателей слѣдовъ“. Насъ всего пятьдесятъ два человѣка, въ томъ числѣ двѣ дамы: Раиса Васильевна Стессель и та сестра милосердія, что разговаривала съ большевиками. Это все, что осталось отъ отряда полковника Стесселя. Остальные сдались большевикамъ. Впрочемъ, есть еще двѣ лошади. Полковникъ Стессель долго упрямился и не хотѣлъ бросить экипажъ. Но пришлось бросить, потому что переправа черезъ Днѣстръ была слишкомъ крута. Лошади же въ рукахъ сползли по ледяному откосу и теперь служатъ намъ подъ вьюками.

Сейчасъ мы опять въ Румыніи. Полковникъ Стессель разрѣшилъ говорить только шопотомъ. Чуть темнѣетъ. Всѣ мы голодны и у всѣхъ насъ ничего нѣтъ. Кое какіе запасы есть только у самого полковника. Его жена дѣлитъ скудные запасы между всѣми: на долю каждаго выпадаетъ кусочекъ сала и понемножку сахара. Хлѣба нѣтъ. Но и это уже кажется намъ блаженствомъ.

Затѣмъ полковникъ Стессель шепчетъ своимъ задыхающимся голосомъ.

— Будемъ пробиваться... Еще лучше, что насъ такъ мало... Маленькимъ отрядомъ легче пройдемъ. Но вотъ что... У меня есть деньги... казенныя... Что то... словомъ нѣсколько милліоновъ... Я ихъ больше не могу таскать... Экипажъ пришлось бросить. Поэтому сейчасъ раздѣлю ихъ между вами, — поровну.

Началась дѣлежка. Долго мы считали. Въ концѣ концовъ вышло 140 слишкомъ тысячъ на человѣка—„колокольчиками".

Кончили. Встали. Пошли.

Начиналась Майнъ-Ридовщина.

* * *

Ночь. Идемъ лѣсомъ, гуськомъ, слѣдъ въ слѣдъ, стараясь не шумѣть, молча... Кажется это называется ходить „волчьей тропой". Дѣйствительно наша жизнь становится звѣриной. Сколько мы будемъ такъ бродить, не смѣя никуда прибиться?

Куда дѣться? По ту сторону Днѣстра — большевики, по эту — румыны. Планъ полковника Стесселя, очевидно, — скользить между тѣми и другими, пользуясь плавнями, зарослями и лѣсами, вдоль Днѣстра. Но вѣдь ѣсть то надо. И отогрѣваться отъ времени до времени тоже надо. Итти еще можно, но спать въ лѣсу на снѣгу...

Не выдержимъ... Морозъ уже больше десяти градусовъ, вѣроятно.

Неожиданно въ лѣсу въ полной темнотѣ натыкаемся на кого то. Оказывается генералъ Васильевъ. Какимъ образомъ онъ попалъ сюда, невозможно понять. Онъ совершенно истощенъ. У кого то еще находится по счастью кусокъ сала... Впрочемъ, не все ли равно... Дни этого человѣка уже были сочтены...

* * *

Трудный походъ. Поминутно приходится перебираться съ одного берега на другой. Берега обрывистые, крутые, обледенѣлые. На этихъ переправахъ скоро бросаемъ лошадей. Невозможно втащить ихъ на ледяную крутизну: онѣ остаются на льду. Послѣдніе вьюки бросаютъ. Но ординарцы полков-

ника Стесселя навьючиваютъ на себя два узла. У остальныхъ ровно ничего, кромѣ винтовокъ. Впрочемъ у меня, слава Богу, и винтовки нѣтъ, — обхожусь револьверомъ.

* * *

Нѣтъ, положительно изнемогаемъ. Какъ трудно итти ночью черезъ всѣ эти проклятые переправы, канавы, овраги, сады, заборы . . . Проваливаешься, скользишь, падаешь, снова подымаешься, чтобы снова провалиться . . .

Мы, шесть человѣкъ, держимся рядышкомъ, цѣпочкой! Все таки легче, уютнѣе, когда около тебя — свои.

Охъ, эти переправы черезъ Днѣстръ. Когда они кончатся. Раиса Васильевна упала и расшибла високъ. Это становится въ общемъ непереносимо. Надо во что бы то ни стало куда нибудь зайти погрѣться, отдохнуть. Нѣтъ же просто силъ . . .

Сейчасъ мы на большевистскомъ берегу. Это что такое?

Домикъ. Кажется — пустой. Надо зайти. Рѣшаемся. Втягиваемся.

Но не успѣлъ я еще войти — стоялъ въ сѣняхъ, набитыхъ людьми, какъ около дома что то произошло. Я смутно почувствовалъ, что насъ окружаютъ. Бросился изъ сѣней на дворъ.

Дѣйствительно это были какіе то люди съ винтовками. Они кричали своимъ:

— Товарищи, въ цѣпь!

Намъ было категорически запрещено полковникомъ Стесселемъ пускать въ ходъ оружіе, но все же кто то выстрѣлилъ изъ револьвера. Въ то же мгновеніе всѣ наши высыпали изъ хаты, и раздалось приказаніе.

— Къ рѣкѣ! На тотъ берегъ!

Мы стали поспѣшно драпать, по глубокому снѣгу. „Товарищей“ было очевидно не много: они насъ не преслѣдовали. Впрочемъ раздалось нѣсколько выстрѣловъ.

Перебѣжавъ рѣку, мы опять очутились на румынскомъ берегу. Здѣсь мы ждали долго, потому что нѣсколькихъ человѣкъ не хватало. Изъ нихъ кое кто пришелъ, но не всѣ. Въ томъ числѣ не пришелъ генералъ Васильевъ. Позднѣе я узналъ, что онъ не миновалъ своей судьбы и застрѣлился,

какъ обѣщалъ тогда румынамъ. Его трупъ нашли на льду румыны, откуда это и стало извѣстно.

* * *

Нечего дѣлать. Надо устроить спальню въ лѣсу на снѣгу. Отдохнуть необходимо во что бы то ни стало, хоть два—три часа. Полковникъ Стессель приказываетъ сдѣлать привалъ. Холодно невозможно.

Мы думаемъ надъ тѣмъ, какъ улечься. Рѣшаемъ улечься вчетверомъ, пробуемъ такъ: снять двѣ шинели, постелить на снѣгъ. Улечься всѣмъ четыремъ рядомъ, крѣпко прижавшись другъ къ другу. Накрыться двумя остальными шинелями.

Улеглись. Задремали. Но черезъ короткое время — „кончилось счастье". Нѣтъ возможности! . . . Средніе еще кое какъ, но крайніе замерзаютъ. Вскакиваемъ, ходимъ, запускаемъ „бѣгъ на мѣстѣ". Потомъ опять укладываемся, уже каждый одѣтый въ свое, но опять прижавшись другъ къ другъ. Задремали.

Нѣтъ возможности! Опредѣленно замерзнемъ . . .

И такъ до разсвѣта. Что за пытка!

* * *

Разсвѣтъ. Пошли. Осторожно пробираемся въ румынскомъ лѣсу. Вышли на какую то полянку, за которой начинаются сады. Вотъ брошенный шалашъ. Дождемся здѣсь солнца.

Вотъ оно взошло. День ясный. Красиво ложатся синія тѣни на снѣгу. Ахъ, если бы это солнце поскорѣе грѣло. Какъ этотъ Ляля выдерживаетъ въ своей несчастной англійской шинели! „Страдающая газель" съ каждымъ часомъ усиливается въ его лицѣ. Декадентскія ноги безпомощно смотрятъ внутрь. Османлиская шапка плотнѣе наѣхала на брови. Что за несчастная замерзающая кривулька! Но иногда онъ все таки разражается хихиканьемъ . . .

— Ляля, что съ тобой?

Алеша, если бы былъ живъ, сказалъ бы:

— Ляля, plusquamperfectum?

Бѣдный Алеша...

* * *

Полковникъ Стессель все разсматриваетъ карту. Тутъ гдѣ то, неподалеку, должна быть деревня Талмазы, верстахъ въ трехъ. Итти туда нельзя: румыны выгонятъ. Но если бы послать кого нибудь въ одиночномъ порядкѣ за провизіей...

Кстати среди насъ оказывается офицеръ, который говоритъ по румынски. Онъ называется у насъ „поручикъ переводчикъ“.

Рѣшаемъ такъ: добраться до первой дороги и послать поручика переводчика въ Талмазы. Остальнымъ ждать его возвращенія въ лѣсу.

* * *

Ждемъ. Ждемъ давно. Уже за полдень. Слава Богу день яркій; на солнцѣ стало тепло. Мы четверо держимъ безсмѣнный караулъ на лужайкѣ, гдѣ солнце особенно грѣетъ. Прислонившись къ дереву можно и подремать. Какое это счастье, въ особенности для Ляли, у котораго опять припадокъ маляріи. Счастье еще усиливается, когда поручикъ Л. приноситъ откуда то полчашки снѣга, смѣшаннаго со спиртомъ. Къ тому же еще оказывается у кого то кусочекъ сахару. О, блаженство...

* * *

Когда солнце заходитъ, становится хуже. Морозъ сразу забираетъ ходъ. Онъ мѣтитъ подобраться къ пятнадцати градусамъ. Поручика переводчика все еще нѣтъ. Темнѣетъ. Все холоднѣе. Что дѣлать. Костра развести нельзя.

Я иду поговорить со Стесселемъ.

— Поручика переводчика не будетъ. Онъ или сбѣжалъ, или его захватили. Надо двигаться... Замерзли...

— Подождемъ до восьми вечера.

Легко сказать... Я жалуюсь ему, что сынъ замерзаетъ.

— Давайте его сюда.

У Стесселя есть большая шуба. Онъ заворачиваетъ Лялю въ нее и укладываетъ его на снѣгъ. Изъ Ляли и шубы образуется соблазнительная подушка, которой немедленно пользуется человѣкъ двадцать пять. Теперь онъ не замерзнетъ!

Мы бродимъ вокругъ этого сосредоточія тѣлъ, жмущихся другъ къ другу. Въ полковникѣ Стесселѣ все таки чувствуется центръ и начальникъ.

Удивительно, какъ держится эта сестра. Совсѣмъ не теряетъ бодрости и подкармливаетъ насъ кусочками сахара, который оказался у нея въ сумкѣ. Двое вѣстовыхъ жадно грызутъ какія то кости. На нихъ ничего нѣтъ, на этихъ костяхъ, но все таки многіе смотрятъ на вѣстовыхъ съ завистью.

Мы пробуемъ съ поручикомъ Л. улечься вдвоемъ. Задремали. Вскочили, — замерзли. Нѣтъ, лучше попробовать тамъ со всѣми въ общей кучѣ. Я кладу голову на чью то спину; кто то въ свою очередь наваливается на меня и къ моему удовольствію накрываетъ мои ноги. Такъ легче. Я засыпаю.

Просыпаюсь отъ того, что Раиса Васильевна будитъ мужа.

— Пора, — шепчетъ она ему тихонько.

— Еще минуточку . . .

Онъ, большой полковникъ съ хриплымъ басомъ, въ эту минуту совсѣмъ, какъ ребенокъ . . .

Что то теплое и человѣческое проходитъ гдѣ-то около сердца, несмотря на пятнадцать градусовъ мороза . . .

* * *

Нечего дѣлать. Пошли. Поручика переводчика нѣтъ. Сгинулъ куда то. Съ нимъ потеряна и надежда на провизію. Голодъ мучаетъ, но надо итти. А то замерзнемъ.

Куда итти? Стессель рѣшаетъ обойти лѣсомъ Талмазы, въ которыхъ онъ предчувствуетъ румынскую стражу, и добраться до другой деревни, верстахъ въ пяти отъ Талмазъ.

— Но какъ же мы будемъ держать направленіе ночью въ лѣсу?

— По компасу. Вотъ полковникъ пойдетъ впередъ . . . А вы, пожалуйста, еще возьмите кого нибудь и будьте цѣпочкой между нимъ и остальной колонной. Мы будемъ итти

немножко сзади, потому что передовымъ надо прислушиваться . . .

Пошли. Теперь я знаю, что значитъ ходитъ по компасу ночью въ лѣсу, да еще зимой. Первая бѣда, что темно: этого самаго компаса не видишь. Вторая бѣда, что держать прямое направленіе черезъ чащу, кусты, овраги, упавшія деревья, болота и рѣчки — совершенно невозможно. Третья бѣда, что постоянно проваливаешься въ снѣгъ. А четвертая бѣда въ томъ, что полковникъ генеральнаго штаба думаетъ, что ведетъ насъ по компасу, а я думаю, что, навѣрное, мы крутимъ на одномъ мѣстѣ.

Какъ бы то ни было, мы идемъ. Безконечно идемъ. Богъ его знаетъ, что насъ еще держитъ. Морозъ все усиливается. Но мы становимся какими то неразсуждающе обреченными. Идемъ, и больше ничего.

И вотъ кончается лѣсъ, и начинается серія полузамерзшихъ болотъ и рѣчекъ. Кружимъ тутъ безъ конца. Двадцать разъ переходимъ по тонкому льду, готовому ежеминутно провалиться. Въ другихъ мѣстахъ безконечно обходимъ колѣна ручьевъ не замерзшихъ, отыскивая переправу. Какой тутъ компасъ! Волчокъ, а не компасъ.

И вотъ еще какая то рѣчка. Я долго ищу болѣе или менѣе надежнаго льда. Ну, вотъ нашелъ. Прошелъ. За мной прошелъ Ляля. Потомъ мой податной инспекторъ. За нимъ на ледъ входитъ поручикъ Л. Но въ эту же минуту его нагоняетъ полковникъ Стессель, спѣша почему то къ головѣ колонны. Съ нимъ его жена. И въ то же мгновеніе всѣ трое проваливаются по поясъ.

Черезъ нѣсколько минутъ мы находимъ какой то шалашъ, гдѣ супруги переодѣваются; благодаря Богу, у нихъ что то нашлось сухое. Но у поручика Л. сухого нѣтъ. Пятнадцать градусовъ мороза . . . Это грозитъ совсѣмъ скверной исторіей.

* * *

Я настаиваю, чтобы бросить этотъ проклятый компасъ, выйти на дорогу и итти въ первую попавшуюся деревню. Если румыны позволятъ намъ остаться хоть до утра, мы все таки на этомъ дѣлѣ выиграемъ, потому что въ противномъ случаѣ мы опредѣленно замерзнемъ . . .

Стессель соглашается, и скоро мы выбиваемся на дорогу. Хотя трудно сказать, что это въ общемъ, рѣка или дорога, — сплошь ледъ. Нѣтъ, кажется дорога. Вотъ начинаются заборы, сады. Хотя эти сады безконечны, но все же будетъ какая то деревня. Такъ и есть. Несомнѣнно деревня близко.

Стессель приказываетъ мнѣ итти въ развѣдку вчетверомъ. Мы идемъ. Податной инспекторъ, поручикъ Л., Ляля и я. Колонна остается на мѣстѣ.

Да, вотъ деревня. Пора, мы еле передвигаемъ ноги. Положительно это послѣднія силы. Вотъ какой то глубокій оврагъ. Черезъ него мостъ. Мы тихонько пробираемся по мосту.

Что такое? Крикъ, выстрѣлъ... румыны, конечно. Надо драпать.

Мы драпаемъ. Но какъ, Боже мой!... Такъ, какъ ходятъ калѣки или глубокіе старики. Ноги не отдѣляются отъ земли. За нами бѣгутъ, стрѣляютъ. Намъ не уйти. И притомъ куда бѣжать? Къ своимъ? но Стессель запретилъ наводить на колонну. Значитъ, что? Значитъ надо „сдаваться".

Мы останавливаемся, и набѣжавшіе румыны берутъ насъ „въ плѣнъ". Отбираютъ оружіе и почему то часы. Затѣмъ ведутъ черезъ этотъ самый мостъ и вводятъ въ какой то домикъ, очевидно караульное помѣщеніе...

Горячій воздухъ совершенно опьяняетъ насъ блаженствомъ. Это надо испытать, чтобы понять. Тепло послѣ столькихъ безконечныхъ часовъ замерзанія имѣетъ въ себѣ что то чарующее. Къ тому же выясняется, что можно купить хлѣбъ за десять рублей фунтъ царскими деньгами.

Эти люди въ общемъ весьма приличны. Когда мы поѣли, они предложили намъ спать; на полу, конечно, но что то постелили. Сами улеглись на скамейкахъ. Мы заснули свинцовымъ сномъ, снявъ только обувь. Чистое блаженство, если бы только не, не...

Почему то всегда, когда описываются великія вещи, въ родѣ войнъ и революцій, забываютъ объ этомъ. Ни у одного писателя вы этого не найдете. А между тѣмъ вши это одинъ изъ факторовъ міровой исторіи, о которомъ не слѣдуетъ

умалчивать. Смѣйтесь, смѣйтесь, — но все же надо твердо себѣ навсегда замѣтить, что и война и революція процессы... „вшивые“.

* * *

Странно. Я проснулся и вижу все кругомъ знакомыя лица. Вотъ полковникъ такой то, тамъ поручикъ такой то. Какъ они сюда попали? Соображаю, что очевидно прибились ночью, когда мы спали, можетъ быть пошли насъ искать, а то просто не выдержали мороза.

Постепенно просыпаются. Приходитъ румынскій офицеръ. Мы начинаемъ съ нимъ разговаривать, по французски, конечно. Онъ выражаетъ намъ какое то сочувствіе. Я, по просьбѣ остальныхъ, начинаю писать телеграмму румынскому генералу Коанда, съ которымъ когда то былъ знакомъ. Въ телеграммѣ изложена просьба ходатайствовать передъ властями о разрѣшеніи временно остаться въ Румыніи. Я не дописалъ телеграммы, потому что выяснилось, что ее не пошлютъ.

Но гдѣ полковникъ Стессель? Оказывается, онъ лежитъ гдѣ то неподалеку, совершенно больной. Его жена полузамерзла. Послѣдніе прибившіеся сюда передали просьбу прислать подводу. Я встаю. Къ удивленію моему мои ноги сравнительно благополучны. Но другіе... У Ляли скверно съ ногами — сильно приморожены. То же самое съ поручикомъ Л.

Румыны выпускаютъ меня въ сосѣднюю хату, гдѣ я нахожу поручика-переводчика, захваченнаго наканунѣ. Тутъ же Одинецъ, кіевскій дѣятель. Онъ надѣется, что его не выбросятъ отсюда, такъ какъ онъ бывшій украинскій министръ. Попалъ онъ сюда вмѣстѣ съ отрядомъ „Союза Возрожденія“, судьба котораго была очевидно въ родѣ нашей.

Изъ его словъ я понимаю, что насъ ждетъ, повидимому: насъ отправятъ обратно къ большевикамъ.

Съ этой веселой новостью возвращаюсь къ своимъ. День чудный. Солнце ярко свѣтитъ; часовъ двѣнадцать. Въ караулкѣ биткомъ набито; жадно ѣдятъ и пьютъ вино, которое крестьяне приносятъ въ флягахъ военнаго образца, кажется, рублей двѣнадцать за флягу царскими деньгами. Умиляемся дешевизной. Входятъ румынскіе солдаты, офицеры и что то такое говорятъ въ томъ смыслѣ, что насъ отведутъ въ Бен-

деры, гдѣ есть иностранный консулъ, къ которому мы и можемъ обратиться. Это въ отвѣтъ на усиленныя жалобы и просьбы не отправлять къ большевикамъ.

Выстраиваютъ на улицѣ. Человѣкъ тридцать — всѣ тѣ, кого могли поднять. Часть осталась лежать, или слишкомъ истомленная, или съ сильно отмороженными ногами. Румынскій караулъ окружаетъ насъ. Пошли.

Какая же это была деревня? Оказывается, тѣ самыя Талмазы, которыя мы въ теченіе нѣсколькихъ часовъ „обходили"... по компасу.

Идемъ какими то безконечными садами, тропинками, протоптанными въ снѣгу, на которыхъ лежатъ синія тѣни отъ фруктовыхъ деревьевъ...

Куда насъ ведутъ? Это что то не похоже на дорогу на Бендеры...

Звѣзды.

Хатка безъ оконъ и дверей. Хотя солнце ярко свѣтитъ, но въ общемъ порядочный морозъ. Въ хаткѣ развели костеръ. У Ляли сильнѣйшій припадокъ маляріи. Глаза, и такъ имѣющіе наклонность къ стилю „страдающей газели", стали совсѣмъ умирающими. Онъ лежитъ у костра. Я варю ему чай въ жестяной кружкѣ. Я набилъ ее снѣгомъ за неимѣніемъ воды, надѣлъ на палку и держу надъ костромъ. Румынскіе солдаты, которые минутами производятъ впечатлѣніе разбойниковъ, умиляются, узнавъ, что онъ мой сынъ. Они немножко, какъ дѣти, — эти румыны. Ихъ воображеніе очевидно поражаетъ, что вотъ отецъ и сынъ воюютъ вмѣстѣ, и что сынъ тяжело заболѣлъ. По ихъ глазамъ я вижу: они думаютъ, что онъ умретъ. Ляля, какъ будто инстинктивно чувствуя, что изъ этого можетъ произойти что нибудь толковое, артистически закатываетъ глаза; конечно, онъ сильно боленъ, но еще и притворяется на всякій случай.

* * *

Этотъ „всякій случай" представился. Когда наступилъ вечеръ, румыны развернули свою настоящую природу. Они приступили къ намъ съ требованіемъ отдать или мѣнять то,

что у насъ было, т. е. попросту стали грабить. Сопротивляться было безполезно. Одинъ толстый полковникъ пробовалъ устроить скандалъ, вырывался, но его схватили, побили и отняли все, что хотѣли. Брали все, что можно. У однихъ взяли сапоги, давъ лапти, у другихъ взяли штаны, у третьихъ френчи, не говоря о всевозможныхъ мелочахъ, какъ то часы, портсигары, кошельки, деньги, кромѣ „колокольчиковъ“. Разумѣется поснимали кольца съ рукъ. Словомъ, произошелъ форменный грабежъ.

Вотъ тутъ то и пригодилось Лялино закатываніе глазъ. Они настолько умилились нами двумя, что не позволяли другъ другу насъ трогать. Я отдѣлался только тѣмъ, что съ меня стащили обручальныя кольца. Хотѣли снять и третье кольцо, особенно мнѣ дорогое, но когда я показалъ имѣющееся на немъ изображеніе Божіей Матери, не взяли.

* * *

Наступила темнота. Тогда румыны вывели насъ изъ хаты и повели куда то. Куда? Что это такое? Ясно. Это Днѣстръ.

Весьма энергичными жестами они показали намъ, что мы должны итти къ себѣ, въ Россію. Къ себѣ въ Россію — значитъ къ большевикамъ.

Дѣлать было нечего. Мы пошли. Спустились съ крутого берега, вступили на ледъ. Чтобы мы не вздумали вернуться, очевидно, румыны пустили намъ нѣсколько выстрѣловъ вслѣдъ.

Не скажу, чтобы самочувствіе наше было сладкое. Вправо и влѣво отъ насъ рѣка, напротивъ — чуть виднѣется большевистскій берегъ. Тамъ . . .

Ясно, что „тамъ“ можетъ быть . . .

Что дѣлать? Мы пошли такъ-просто, прямо передъ собой по льду. Ни въ какомъ порядкѣ, а кто куда. Мнѣ вдругъ показалось, что итти такъ, это самое нелѣпое изъ всего. Я позвалъ ихъ и сказалъ имъ, что хотя мы и безъ оружія, но все таки мы военные, и то мы должны избрать кого нибудь своимъ начальникомъ, такъ какъ въ этомъ случаѣ у насъ все таки больше шансовъ на спасеніе, чѣмъ если каждый будетъ дѣйствовать въ одиночку. Всѣ согласились, и какъ бываетъ въ такихъ случаяхъ съ „иниціаторами“, заставили меня „принять бразды правленія“. Я принялъ.

И вотъ мы пошли. Гуськомъ, волчьей тропой, — вверхъ по Днѣстру. Я шелъ впереди. Я рѣшилъ итти по рѣкѣ до тѣхъ поръ, пока можно. Я разсчитывалъ такъ: если появятся большевики, можно броситься на румынскій берегъ, если румыны, — на большевистскій. На всякій случай я запретилъ кому бы то ни было съ кѣмъ бы то ни было разговаривать, сказавъ, что всѣ переговоры буду вести я лично.

Такъ мы и шли. Вдругъ съ праваго отъ насъ берега, т. е. съ большевистскаго, кто то спросилъ изъ темноты:

— А куды жъ це вы такъ идете? . . .

Я отвѣтилъ:

— А куда жъ намъ итти. Съ одного боку румыны въ насъ стрѣляютъ, съ другого — вы . . . Вотъ такъ и идемъ рѣкою. . . . .

Послѣ нѣкоторой паузы изъ темноты донесся отвѣтъ:

— Та не вси же въ васъ стрѣльяють . . .

Я понялъ.

Приказавъ колоннѣ остаться на мѣстѣ, я подошелъ къ человѣку.

— Кто вы будете?

— Здѣшній. Хлѣборобъ.

— Ваша хата далеко?

— Ни, тута . . .

— Нельзя къ вамъ зайти, погрѣться. Замерзли сильно...

— Та можно . . . Только чтобы чего не було.

— А что?

— А вчера такъ же до меня зайшлы . . . такъ прибигли, да роздили до рубашки . . .

— Кто?

— Да эти . . . свои . . . хлопцы . . .

— Дивизіи Катовскаго?

— Ни, ни . . . Катовскій хорошій человѣкъ. Катовскій не приказываетъ, чтобы раздѣвали . . . Ну, заходьте жъ до мене . . . Много васъ?

— Человѣкъ тридцать.

— Ну, якъ нибудь . . . Погрѣйтесь . . .

* * *

Уютная, хотя маленькая хатка. Мы набили ее „до отказа“ — всѣ втиснулись. Молодая хозяйка смотритъ на насъ съ печки добрыми сочувствующими глазами. Я говорю:

— Итакъ, господа, вы ставите мнѣ задачу довести васъ до Катовскаго, чтобы вы могли сдаться ему... Это общее мнѣніе всѣхъ?

Всѣ „соизволяютъ“ единогласно.

— Хорошо... Я выведу васъ къ Катовскому. Но предупреждаю, что лично для себя оставляю свободу дѣйствій... Ну, дорогой хозяинъ, какъ же намъ пройти къ Катовскому?

Оказывается, это очень трудно. Катовскій находится въ Тирасполѣ. Отсюда верстъ двадцать. Двѣ серіозныя опасности на пути. Во первыхъ, вотъ это ближайшее село, на окраинѣ котораго мы сейчасъ находимся. Здѣсь живетъ самый „раздѣвальный народъ“. Всѣ они вооружены и, если попасться къ нимъ, пустятъ нагишомъ по морозу. Вторая опасность — на большомъ шляху, что ведетъ въ Тирасполь: большое село „Слободзея“. Его непремѣнно нужно обминуть: тамъ такіе разбойники живутъ, что никакъ не пройти. Всю ночь караулъ держатъ и грабятъ до нага.

Я предложилъ ему проводить насъ хоть часть пути. Онъ колеблется. Мы упрашиваемъ. У меня есть „керенки“ — послѣдняя выручка „Кіевлянина“. Я предлагаю вознагражденіе.

— Та иди вже. Треба людямъ допомогти, — говоритъ молодица съ печки.

За тысячу „керенокъ“ онъ соглашается.

Отогрѣлись, надо итти. Но вотъ еще одно дѣло, крайне непріятное: надо снимать погоны.

— Недолго я ихъ носилъ. Но все же какъ то ужасно непріятно ихъ спарывать. Опущеніе полученной оплеухи...

* * *

Какими то таинственными садами, останавливаясь, прислушиваясь, соблюдая величайшую осторожность, онъ ведетъ насъ. Крадемся безшумно. Эту деревню прошли благополучно. Вотъ степь. Мы упрашиваемъ его еще немного проводить

насъ; онъ немного идетъ, но наконецъ рѣшительно останавливается.

— Куда жъ теперь намъ итти?

Передъ нами безконечная степь, покрытая снѣгомъ. Яркое звѣздное небо. Сильный морозъ.

— А вотъ я вамъ разскажу. Все идите степомъ...

— Да куда жъ степомъ?

— А вотъ такъ, на эту звѣзду возьмите. Городъ будетъ трошки лѣвѣе. А вы — на эту звѣзду... Такъ, чтобы большакъ у васъ всегда былъ съ лѣвой руки.

— Да какъ же такъ? Гдѣ же этотъ большакъ? И какъ же мнѣ его не потерять?

— Вы такъ идите, чтобы собаки у васъ завсегда брехали съ лѣвой руки. Близко къ деревнѣ не подходите. А самое главное, чтобы вамъ Слободзею обминуть... Це большое село. Верстъ семь будетъ... Якъ не будете слышать собакъ, такъ лѣвѣй берыть... А якъ зайдете такъ, що село блызко — опять правѣе въ степъ... Такъ и идыть, — отъ на цю звѣзду... А подъ самымъ городомъ выходыть на большакъ, — тамъ вже ничего...

И пошли. Я во главѣ колонны, они всѣ за мной, гуськомъ. Держа пока на звѣзду. Холодно, дьявольски холодно...

* * *

Все веду. Мѣняю звѣзды, потому что они движутся — и я „дѣлаю поправки". Кромѣ того, у кого то оказывается компасъ. Все таки онъ даетъ возможность оріентироваться хотя нѣсколько. Это не то, что лѣсъ. Я помню приблизительно карту. Мы находимся въ углу, образуемомъ большакомъ и желѣзной дорогой; если мы уклонимся на западъ, мы рано или поздно наткнемся на большакъ; если уклонимся на востокъ, попадемъ на линію желѣзной дороги. И большакъ, и колея ведутъ къ Тирасполю.

Но почему такъ холодно? Вѣроятно градусовъ около пятнадцати. Поручикъ Л. опредѣленно начинаетъ замерзать. Ляля идетъ какъ сомнабула. Мой податной инспекторъ ничего, — оказывается неожиданная выносливость въ этомъ тщедушномъ тѣлѣ. Побаиваюсь за одного стараго полковника, какъ бы не упалъ.

Веду. Охъ, эти яркія звѣзды. Блестящія, лучистыя. Это отъ нихъ идетъ этотъ нестерпимый холодъ.

Гдѣ то я видѣлъ уже все это. Да, да. Это было въ Одессѣ. Мнѣ приснились алмазы — огромные, сверкающіе. Это вотъ они были.

* * *

Пересѣкаю какіе то сады. Понять трудно, что это такое. Но, повидимому, это гдѣ то въ степи. Жилья нѣтъ. Впрочемъ, это что? Да, пустая, очевидно лѣтняя хатка безъ оконъ и дверей. Все равно, надо зайти, все таки согрѣемся. Все равно до разсвѣта далеко. Намъ не выгодно приходить въ Тирасполь ночью. А тутъ все же хоть на полчаса избавишься отъ этой ледяной струи, которая незамѣтно, но неумолимо вымораживая душу, вѣетъ надъ степью . . .

Ночной зефиръ струитъ эфиръ . . .

Можетъ ли быть еще холоднѣе! . . .

* * *

Чуточку отогрѣлись въ хаткѣ. Ссоримся, конечно, по русскому обычаю. Одни хотѣли еще погрѣться, другіе все время нервничали и увѣряли, что мы губимъ себя и теряемъ время. Я не слушаю всѣхъ этихъ ламентацій и засыпаю на полчаса.

* * *

Но надо итти. Морозъ сталъ еще рѣзче.

Веду. Нѣтъ, эти звѣзды, положительно нестерпимы. Онѣ становятся такими яркими и огромными . . . Отъ нихъ тянутся невѣроятные лучи . . . Эти лучи неяснымъ свѣтомъ освѣщаютъ снѣгъ вокругъ меня . . . Отчего они свѣтятъ только здѣсь — какое то сіяніе передо мной . . .

Я просыпаюсь въ канавѣ. Случай маловѣроятный, но фактъ: я велъ ихъ во снѣ. Спалъ весь организмъ, кромѣ глазъ. Глаза были гипнотически прикованы къ этимъ звѣздамъ, и я велъ ихъ вѣрно, но сознаніе остальной дѣйствительности исчезало. И я просыпался то въ канавѣ, то въ ямѣ, то наткнувшись на что нибудь.

Что это такое? Брешутъ собаки слѣва? Да, брешутъ. Ну слава Богу, значитъ идемъ вѣрно. . .

* * *

Вѣрно, вѣрно, а вотъ почему у меня выросла деревня впереди. Сначала не понимаю, а потомъ соображаю. Это должно быть поперечная улица этой самой Слободзеи. Значитъ что? Значитъ надо ее обминуть, взять прямо на востокъ, потомъ на сѣверъ, потомъ на западъ и снова подойти къ большаку.

Обхожу. Увожу довольно далеко въ сторону. Чувствую, что колонна за мной начинаетъ нервничать. Съ правой стороны меня нагоняетъ какой то полковникъ.

— Куда вы насъ ведете? Собакъ больше не слышно . . .

Я поворачиваю на западъ. Черезъ нѣкоторое время собаки начинаютъ заливаться, и смутныя очертанія села вырисовываются. Слышу слѣва отъ себя торопливые шаги. Подбѣгаетъ другой полковникъ.

— Что вы съ нами сдѣлали? Собаки подъ самымъ носомъ!

Беру снова больше въ степь быстрымъ шагомъ. Опять бѣжитъ кто то.

— Слушайте, не у всѣхъ же такія длинныя ноги, какъ у васъ. Не бѣгите такъ!

Замедляю шагъ. Бѣжитъ кто то слѣва. Четвертый полковникъ.

— Ради Бога идите скорѣе! Мы замерзаемъ . . .

Съ меня было довольно. Я разозлился и какой то рѣзкостью прекратилъ балаганъ. Но впрочемъ въ одномъ мѣстѣ — заснулъ ли я опять, глядя на звѣзды, или уже не помню отчего, — но я увидѣлъ деревню передъ собой только тогда, когда вспыхнулъ огонекъ трубки, которую очевидно кто то курилъ. Положительно, я плохой вожакъ по волчьей тропѣ . . .

Но вѣдь эти звѣзды могутъ съ ума свести человѣка . . .

* * *

Какъ бы тамъ ни было, но передъ разсвѣтомъ я ихъ вывелъ на большакъ. Впереди была какая то деревня, очевидно послѣдняя передъ Тирасполемъ. Въ хаткахъ уже свѣ-

тились огни, что называется „на досвитки“. Мы теряли послѣднія силы и буквально замерзали. Я рѣшилъ, что бы съ нами ни случилось, зайти въ эти хатки, такъ тепло зовущія огоньками. Была не была.

* * *

Зашли, и очень хорошо. Никто насъ не тронулъ. Было тепло; пили чай и подремывали до разсвѣта. Хозяева спрашивали, кто мы такіе. Публика усиленно называла другъ друга „товарищи“, что было нелѣпо. Ибо мужики вовсе не такіе глупые, какъ иногда кажутся . . .

Наступилъ разсвѣтъ. Я считалъ свою миссію оконченной.

— Господа, вотъ Тирасполь. Задачу, вами мнѣ поставленную, я выполнилъ . . . Съ этой минуты снимаю съ себя бразды правленія и совѣтую слѣдующее. Разбиться на мелкія группы и въ такомъ „строю“ итти къ Катовскому сдаваться, кто хочетъ. Прошу также отъ меня держаться подальше, ибо у меня съ большевиками счеты особые; я могу совершенно безъ нужды отягчить чью нибудь участь . . .

Такъ и сдѣлали.

У Катовскаго.

Мы шли вчетверомъ — поручикъ Л., мой податной инспекторъ, Ляля и я. Шли по дорогѣ, залитой солнцемъ. Даже нельзя себѣ представить, что было такъ невыносимо холодно ночью.

Вотъ идетъ какая то конная часть. Очевидно эскадронъ дивизіи Катовскаго. Очень приличный внѣшній видъ. Хорошія лошади, сѣдла, аммуниція — все въ порядкѣ. Если бы они носили погоны, это напоминало бы старую русскую армію.

Мы бредемъ по дорогѣ вдоль плетней.

— Вы кто такіе?

Это спрашиваетъ офицеръ — не офицеръ, ну словомъ то, что у нихъ замѣняетъ офицера, — „товарищъ командиръ“.

— Мы . . . мы плѣнные . . .

Это тутъ такъ принято отвѣчать. Не въ первый разъ насъ уже спрашиваютъ. Эта дорога въ Тирасполь очень напоминаетъ мнѣ что то такое. Гдѣ это было? Да, это было

въ Галиціи, когда мы брали въ плѣнъ австрійцевъ. Они вотъ такъ шли по дорогамъ, отъ одного этапнаго команданта къ другому. Никто ихъ не трогалъ, шли себѣ. Такъ и мы идемъ. И много такихъ же стаекъ, какъ наша.

— Такъ вы плѣнные... Полковника Стесселя?

— Да.

— Ну, такъ вамъ къ коменданту... Въ Тирасполь — прямо...

* * *

Вошли въ предмѣстье города.

— Товарищи, будемъ мѣняться!

Это онъ ко мнѣ обращался. Въ воротахъ стоялъ мальчишка-красноармеецъ.

— Что мѣнять?

— Вотъ папаху мѣнять...

Я стараюсь сообразить, что можетъ изъ этого выйти. Пожалуй, моя офицерская папаха дѣйствительно мнѣ сейчасъ „безъ надобности".

И въ то же мгновенье мелькнула мысль, вѣрнѣе планъ,— переодѣться этимъ способомъ. Мальчишка какъ бы понялъ мои мысли. Онъ сказалъ:

— Вамъ, товарищъ, въ вашемъ положеніи лучше мѣняться.

Я согласился и вымѣнялъ папаху. То, что онъ мнѣ далъ, было нѣчто сногсшибательное: какая то собачья шапка какой то дикой формы. Моя внѣшность въ „товарищескомъ" смыслѣ отъ этого сразу выиграла.

Мы пошли дальше. Теперь я уже самъ посматривалъ, нельзя ли вымѣнять и бекешу на какое нибудь штатское пальто. Одновременно я сталъ соображать, что все же тутъ не обойдется безъ какого нибудь обыска. Въ всѣхъ воротахъ стояли „товарищи", и въ воздухѣ пахло заставой. Мой податной инспекторъ былъ въ штатскомъ пальтишкѣ. Я рѣшилъ, чтобы онъ отдѣлился отъ насъ и шелъ впередъ самостоятельно, взявъ съ собой всѣ деньги. Его пропустятъ.

Это было сдѣлано во время. Дѣйствительно, къ намъ подошелъ патруль или что то въ этомъ родѣ. Во главѣ

былъ молодой офицеръ — не офицеръ, словомъ, человѣкъ весь въ кожаномъ. Но лицо у него было симпатичное. Я почувствовалъ, что надо взять инициативу и предупредилъ его вопросъ.

— Товарищъ, не хотите ли мѣняться на мою бекешу?

Бекеша была у меня очень недурна. Онъ окинулъ меня взглядомъ и отвѣтилъ:

— А вамъ навѣрное надо штатское пальто... У меня есть, вамъ подойдетъ... черное... Идите со мной.

Мы пошли по улицамъ. День былъ теплый, и солнце ласково грѣло. Не помню, какъ начался разговоръ. Онъ сказалъ:

— Какъ мы всѣ довольны, что товарищъ Катовскій прекратилъ это безобразіе...

— Какое безобразіе? Разстрѣлы?

— Да... Мы всѣ этому рады. Въ бою, это дѣло другое. Вотъ мы нѣсколько дней назадъ съ вами дрались... еще вы адъютанта Катовскаго убили... Ну бой, такъ бой. Ну кончили, а разстрѣливать плѣнныхъ — это безобразіе...

— Катовскій хорошій человѣкъ?

— Очень хорошій... И онъ строго настрого приказалъ... И грабить не разрѣшаетъ... Мѣняться — это можно... У меня хорошее пальто, приличное.

Не знаю почему, разговоръ скользнулъ на Петлюру. Онъ былъ очень противъ него возстановленъ.

— Отчего вы такъ противъ Петлюры?

— Да вѣдь онъ самостійникъ.

— А вы?

— Мы... мы за Единую Недѣлимую.

Я долженъ сказать, что у меня, выражаясь деликатно, глаза полѣзли на лобъ. Три дня тому назадъ я съ двумя сыновьями съ правой и лѣвой руки, съ друзьями и родственниками, скифски — эпически дрался за Единую Недѣлимую именно съ этой дивизіей Катовскаго. И вотъ, оказывается, произошло легкое недоразумѣніе: они тоже за Единую Недѣлимую.

Мы подходили къ караулкѣ. Тутъ онъ, правда пониженнымъ голосомъ, сталъ чистить коммунистовъ. Къ этому

уже я былъ нѣсколько подготовленъ: я вспомнилъ тѣхъ двухъ делегатовъ Катовскаго на берегу Днѣстра:

— Сволочь коммунисты . . .

Этотъ говорилъ въ томъ же родѣ. Я посмотрѣлъ на него сбоку: не нашъ ли ты? Нѣтъ, онъ не былъ офицеръ. Это красный командиръ большевистской формаціи.

Мы вошли въ караулку. Какъ я и предвидѣлъ, безъ обыска не обошлось. Наступила рѣшающая минута, когда дѣло дошло до паспортовъ. У меня ихъ была цѣлая куча. Я рѣшилъ пойти напрямикъ. Я сказалъ ему:

— Товарищъ, я скрываться не буду. Вотъ мой настоящій паспортъ . . . А это подложные . . . А это совсѣмъ мнѣ не нужный . . . случайный . . . а вотъ эти — женскіе паспорта. Ихъ мнѣ надо отдать . . . Такъ вы этотъ заберите, ненужный, а остальные мнѣ отдайте . . .

Я внимательно смотрѣлъ ему въ лицо, когда онъ просматривалъ мой настоящій паспортъ.

— Василій Витальевичъ Шульгинъ . . .

Нѣтъ, онъ повидмиому не зналъ, ничего не слыхалъ обо мнѣ. Проѣхало . . .

Онъ сдѣлалъ такъ, какъ я ему говорилъ. Взялъ паспортъ, который я объявилъ ненужнымъ, а остальные отдалъ мнѣ. Вещей у меня собственно никакихъ не было. Нѣсколько фотографій. Впрочемъ, тутъ была одна маленькая подробность, которую я не знаю, стоитъ ли разсказать. У меня въ круглой коробкѣ отъ лепешекъ Вальда была цѣлая коллекція иконокъ, подаренныхъ мнѣ въ разное время. Онъ спросилъ:

— Можно взять одну на память?

— Возьмите.

Остальное онъ мнѣ все вернулъ.

Затѣмъ началась мѣна. Я обмѣнялъ бекешу на черное штатское пальто, не очень приличное, но возможное, самое подходящее къ моему положенію; обмѣнялъ френчъ на нѣчто достаточно невозможное. Уже не въ порядкѣ мѣны, а просто потому, что „вамъ, товарищъ, это не подходитъ, и все равно дальше отберутъ“, — содрали съ меня кожаные хорошіе краги. Ихъ мнѣ было жалко.

Въ это же время происходила мѣна съ поручикомъ Л. и съ Лялей. Тутъ дѣло не обошлось безъ нѣкоторыхъ лег-

кихъ недоразумѣній. Поручикъ Л. отказался мѣнять свое пальто, которое было во-первыхъ штатское, во-вторыхъ-теплое. А у „товарищей“ изъ караулки разгорѣлись глаза. Они стали „примушивать“ (чисто украинское слово отъ нѣмецкаго „müssen“).

Тогда „товарищъ командиръ“ вступился.

— Товарищи, нельзя принуждать... Помните, приказано только по соглашенію.

У Ляли оказались „колокольчики“, которыхъ онъ не успѣлъ передать. Ихъ быстро разобрали — „въ карты гулять“.

Въ общемъ — переодѣтые, мы продолжали путь. Ляля впрочемъ плохо переодѣлся; ему дали вмѣсто его англійской новой шинели рваную сѣрую.

Еще произошелъ маленькій инцидентъ. У Ляли была золотая ложечка, которую ему подарила какая то барышня на счастье, почему онъ ею дорожилъ. Одинъ изъ „товарищей“ отобралъ ее у него въ караулкѣ. Но не прошли мы и ста шаговъ, какъ онъ нагналъ насъ.

— Возьмите вашу ложечку, товарищъ. Не хочу...

Все шло благополучно. Но на какомъ то перекресткѣ къ намъ прицѣпились субъекты мрачнаго вида. Въ лаптяхъ, въ шинеляхъ съ обтрепанными полами, худые, видимо голодные.

Они задержали насъ.

— Давайте деньги!

— Какія деньги? Насъ уже обыскали тамъ...

Одинъ изъ нихъ мрачно смотрѣлъ на меня исподлобья.

— А я вамъ говорю, товарищъ, что у васъ есть деньги.

— Почему?

— Потому что вы казначей кадетской партіи...

Почему онъ вообразилъ меня казначеемъ кадетской партіи, врядъ ли можетъ объяснить даже Милюковъ. Но чѣмъ бы это кончилось, неизвѣстно, если бы поручикъ Л. вдругъ не впалъ въ злость. Онъ сталъ кричать на нихъ и показывать какіе то случайно оказавшіеся у него доисторическіе документы совѣтскаго происхожденія. Устрашенные не то печатью, не то его криками, они оставили насъ въ покоѣ.

Мы пошли дальше и вскорѣ встрѣтились съ податнымъ инспекторомъ, который благополучно пронесъ наши деньги сквозь всѣ заставы.

* * *

Грязный еврейскій заѣзжій дворъ въ предмѣстьи Тирасполя. Комнатка крохотная, какъ каюта. Кипитъ самоваръ, сравнительно тепло, сладкій чай, бѣлый хлѣбъ.

Морозныя испытанія, а въ особенности эти ужасныя звѣзды начинаютъ казаться только кошмаромъ. Неужели это было?

Но живой свидѣтель этому, совершенно израненныя ноги, съ почернѣвшими ногтями и гноящимися пальцами. Кромѣ того, это ясно видно по психическому состоянію, въ которое впали молодые — Ляля и поручикъ Л.

Какъ странно. Мы двое старшихъ, почти стариковъ, психически какъ то меньше подались. Очевидно все же наша впечатлительность значительно притуплена. А молодые, которые великолѣпно держались весь походъ, попавъ въ эти безопасныя условія, впали въ какое то состояніе „не въ себѣ". Ляля совсѣмъ отсутствуетъ. Правда, у него не прекращаются припадки малярій. Я пичкаю его хиной съ знаменитой ложечки. У него уже глаза не страдающей, а полупомѣшанной газели. Поручикъ Л., котораго пора уже называть Вовкой, хотя бы уже потому, что въ новомъ нашемъ положеніи онъ сталъ моимъ племянникомъ, — тоже слегка помѣшался. Такова реакція тепла, сытости и безопасности послѣ всѣхъ испытаній. Впрочемъ, есть еще одно условіе: грязь и вши. Если бы помыться и надѣть чистое бѣлье, пожалуй, „сомнамбулизмъ" сразу прошелъ бы...

Но гдѣ наши? Гдѣ остальные?

* * *

Въ Тирасполѣ мы жили десять дней подъ чужими фамиліями. Старорежимные паспорта оказывались хорошими документами пока. Мы ходили свободно по улицамъ, иногда встрѣчая кое кого изъ офицеровъ, участниковъ нашего совмѣстнаго похода. За это время мы присмотрѣлись къ тому, что происходитъ въ городѣ.

Увы, пожалуй сравненіе (а его дѣлали мѣстные жители) было бы не въ пользу „бѣлыхъ“; судя по разсказамъ, наши части, которыя стояли здѣсь раньше, произвели обычный для этой эпохи дебошъ. А дивизія Катовскаго никого не обижала — это нужно засвидѣтельствовать — ни еврейскаго, ни христіанскаго населенія.

Мы нѣсколько разъ ходили къ коменданту, чтобы выяснить, что дѣлается. У коменданта стояла, какъ полагается, безконечная очередь въ два хвоста. Хвосты вели къ столику, гдѣ сидѣло два еврейчика. Субъекты эти записывали имена и фамиліи солдатъ, а также куда они хотятъ ѣхать. Все это были наши солдаты, сдавшіеся въ плѣнъ. Офицеровъ тутъ не было видно. Мы съ Лялей охотно посиживали у коменданта, потому что тамъ было тепло.

Мы отслужили панихиду по Алешѣ и по другимъ. Священникъ служилъ какъ то особенно хорошо, и удивительно пріятно было въ церкви. Церковь среди большевизма имѣетъ какую то особенную непонятную въ обычное время прелесть. Если бы отъ всей нашей земли ничего не осталось среди враждебнаго, чужого моря, а остался бы только маленькій островочекъ, на которомъ все по старому, такъ вотъ это было бы то, что Церковь среди Краснаго Царства.

Да, они пока не обирали, не разстрѣливали, не грабили. Можетъ быть въ такой дивизіи Катовскаго гораздо больше близкаго и родного, чѣмъ мы это думаемъ. Но все это пока... Пока здѣсь работаетъ что то человѣческое, вѣрнѣе сказать, что то общее всѣмъ намъ — русскимъ. Но вѣдь за этимъ стоитъ страшная изувѣрская сектантская сила, кровожадная, злобная, ненавидящая, которой, увы, подчинены всѣ эти „Катовскіе“ и близкіе ему по духу...

Кстати о Катовскомъ.

Этотъ человѣкъ окруженъ легендой. Но вотъ, что мнѣ удалось болѣе или менѣе установить.

Онъ родомъ изъ Бессарабіи... Кажется, получилъ какое то среднее агрономическое образованіе. Будучи еще совсѣмъ молодымъ человѣкомъ, онъ убилъ. Убилъ человѣка, который оскорбилъ его сестру. Былъ сосланъ на каторгу. Бѣжалъ, вернулся въ Бессарабію, подъ чужимъ именемъ. Поступилъ

управляющимъ къ одной помѣщицѣ. Образцово управляя имѣніемъ, онъ вмѣстѣ съ тѣмъ производилъ самыя дерзкія нападенія и грабежи во всей округѣ, причемъ грабилъ только богатыхъ, будто бы, и широко помогалъ бѣднымъ. Долгое время полиція никакъ не могла установить, что этотъ полулегендарный не то Дубровскій, не то Робинъ-Гудъ, и Катовскій, образцовый управляющій, — одинъ и тотъ же человѣкъ. Но наконецъ его выслѣдили; подробности его ареста разсказываются со всякими украшеніями; словомъ, онъ былъ раненъ, арестованъ, снова судимъ и снова сосланъ. Революція 1917 года освободила его и онъ появился въ Одессѣ. Въ городскомъ театрѣ, въ фойе, одна изъ ограбленныхъ имъ дамъ узнала его и упала въ обморокъ. Онъ весьма галантно привелъ ее въ чувство. Затѣмъ отправился на митингъ, который шелъ въ театрѣ, и весьма шикарно продалъ съ аукціона въ пользу чего то, навѣрное свободы, свои кандалы за 5.000 рублей. Какъ онъ сталъ командиромъ дивизіи, я не знаю, но могу засвидѣтельствовать, что онъ содержалъ ее въ строгости и благочестіи, бывшій каторжникъ, — „honny soit, qui mal y pense". Въ особенности замѣчательно его отношеніе къ намъ — „плѣннымъ". Онъ не только категорически приказалъ не обижать плѣнныхъ, но и заставилъ себя слушать. Не только въ Тирасполѣ, но и во всей округѣ разсказывали, что онъ собственноручно застрѣлилъ двухъ красноармейцевъ, которые ограбили нашихъ больныхъ офицеровъ и попались ему на глаза.

— Товарищъ Катовскій не приказалъ, — это было, можно сказать, лозунгомъ въ районѣ Тирасполя. Сколькимъ это спасло жизнь...

Надо отдавать справедливость и врагамъ. Я надѣюсь, что если „товарищъ Катовскій" когда нибудь попадется въ наши руки, ему вспомнятъ не только „зло, имъ содѣянное", но и добро... И за добро заплатятъ добромъ.

* * *

Обѣдать мы ходили въ одну столовую. Это куда то въ подвалъ; тамъ были своды. На кровати лежала больная хозяйка, еще молодая, рыжевато-растрепанная. Она кляла весь міръ, какъ то забавно жалобно ругаясь послѣдними словами.

— Большевики, меньшевики, — чертъ, дьяволъ . . . чтобы они всѣ подохли, проклятые. Лазятъ тутъ . . . Что имъ надо . . .

Послѣ этого начинались длиннѣйшія ламентаціи на ту тему, какъ было хорошо при старомъ режимѣ, когда ни большевики, ни меньшевики, ни чертъ, ни дьяволъ не лазили, и все было прекрасно.

Впрочемъ, кормила она насъ хорошо и сравнительно довольно дешево.

Цѣны въ это время въ Тирасполѣ были слѣдующія: бубликъ стоилъ полтинникъ, фунтъ бѣлаго хлѣба десять рублей, чулки сто рублей, сахаръ песокъ сорокъ рублей, перочинный ножикъ сто рублей, обѣдъ изъ двухъ блюдъ обходился намъ 60 рублей; стаканъ чаю 3 рубля.

Но все же оставаться долго въ Тирасполѣ не представлялось возможнымъ. Скрываться въ маленькомъ городкѣ трудно. Пришлось думать о томъ, что съ собой сдѣлать. Рѣшено было пробраться тѣмъ или инымъ способомъ въ Одессу. Для этого прежде всего нуженъ былъ пропускъ.

* * *

Вагонъ гдѣ то на запасномъ пути . . . Около дверей, какъ всюду и вездѣ, очередь. Топчутся на морозѣ часами жаждущіе пропусковъ на выѣздъ изъ Тирасполя. Впрочемъ, нашелся благодѣтель, одинъ изъ „товарищей-красноармейцевъ“, роздалъ билетики, чтобы тѣ, которые сегодня не достоялись, уже завтра не мерзли.

Пришли завтра. Наконецъ вызываютъ. Я былъ подъ фамиліей . . . , но къ чему имена? Nomina odiosa sunt. Если бы этой поговорки не выдумали римляне, то ее слѣдовало бы изобрѣсти въ Совдепіи.

Купэ. У столика сидитъ товарищъ. При мнѣ онъ отказываетъ какой то еврейкѣ въ пропускѣ.

Ну, думаю, — если ей отказали, то что же намъ?

Еврейка ушла, товарищъ вопросительно смотритъ на меня.

— Прошу пропускъ въ Одессу. Обстоятельства слѣдующія.

Тутъ я ему разсказалъ цѣлый романъ о томъ, почему я пробивался въ Румынію и какъ румыны меня выгнали.

Онъ выслушалъ всю мою тираду не прерывая. Затѣмъ взялъ мой паспортъ и сталъ меня экзаменовать. Элементарный пріемъ. Часто люди забываютъ вызубрить фальшивый паспортъ и на этомъ попадаются.

Повидимому, я выдержалъ экзаменъ вполнѣ, но дѣло было не въ этомъ. Весь трюкъ состоялъ въ томъ, что въ этомъ фальшивомъ паспортѣ была румынская виза отъ ноября 1918 года. Эта виза подтверждала вполнѣ мой разсказъ о томъ, почему я пробивался въ Румынію.

Словомъ, товарищъ комиссаръ написалъ мнѣ пропускъ.

„Разрѣшается такому то съ племянникомъ Владиміромъ свободное слѣдованіе въ Одессу“.

Поставилъ печать и подписался.

Это былъ первый совѣтскій документъ, который я получилъ въ моей жизни.

По шпаламъ.

Выѣхать изъ Тирасполя было не такъ просто. Много разъ мы приходили на станцію, ободранную, грязную, словомъ революціоннаго вида. Въ Тирасполѣ было очень много вагоновъ. Конечно, безъ оконъ, разбитыхъ, исковерканныхъ, но масса. Все это столпилось сюда, очевидно, при отступленіи Бредовскихъ частей. Торчали впрочемъ кое гдѣ и роскошные вагоны, заново отдѣланные; это по большой части были „каютъ-компаніи“ бронепоѣздовъ. Тутъ же красовались какимъ то чудомъ уцѣлѣвшіе вагоны штаба Гвардейской дивизіи. Ни надписи, ни гвардейскія андреевскія звѣзды не были даже замазаны.. И было какъ то больно на это смотрѣть.

Вотъ эти всякіе вагоны сгоняли въ составы, къ нимъ прицѣплялась какая нибудь калѣка въ видѣ локомотива, и такой караванъ отъ времени до времени посылался куда то по рельсамъ. Надо было втиснуться въ одинъ изъ этихъ съ позволенія сказать поѣздовъ. Да еще билетъ надо было брать, что было уже совершенно возмутительно съ точки зрѣнія соціалистическаго строя.

Мы втискивались. Ждали нѣсколько часовъ въ этихъ нетопленныхъ, искалѣченныхъ коробкахъ. Потомъ приходили товарищи и выгоняли насъ, заявляя, что поѣздъ не пойдетъ. Однажды лежали мы въ вагонахъ полъ ночи. Было конечно совершенно темно, но полно народомъ. Въ одномъ углу шелъ усиленный разговоръ. По голосамъ я понималъ, что это какія то интеллигентки бесѣдуютъ сь военноплѣнными солдатами, прибывшими изъ Франціи. Дикой ненавистью ко всему на свѣтѣ были наполнены разговоры этихъ солдатъ. Я отъ времени до времени засыпалъ и просыпался и сквозь сонъ слышалъ:

— А я бы его, если бы запопалъ, то такъ бы не убилъ . . . А мучилъ бы, долго мучилъ бы . . . Сначала носъ бы отрѣзалъ . . . а потомъ уши . . . а потомъ глаза бы выкололъ . . .

Интеллигентки возмущались и ахали, впрочемъ осторожно и въ такомъ тонѣ:

— Неужели бы вы такъ сдѣлали, товарищъ?

А онъ отвѣчалъ убѣжденно:

— Сдѣлалъ бы!

Я лежалъ и думалъ о томъ, что если бы его какъ нибудь выманить изъ вагона и пойти съ нимъ въ черную ночь, то я бы его не мучилъ, но застрѣлилъ бы какъ собаку: „хай злое не живе на свити“ . . .

* * *

Наконецъ, отчаявшись въ соціалистическомъ транспортѣ, мы прибѣгли къ историческому русскому передвиженію „пѣхотой“. Словомъ, пошли по шпаламъ.

Шли до вечера. Заночевали въ какой то хаткѣ около какой то станціи. Этотъ день прошелъ безъ приключеній. Впрочемъ, мы встрѣтили два раза конныхъ товарищей, которые двигались по пути, очевидно, въ качествѣ патруля. Видъ у насъ былъ скорѣе всего „мелко-спекулянтскій“. Три субъекта въ штатскихъ „польтахъ“, съ физіономіями достаточно небритыми. Плохъ былъ Ляля. Его какая то страдающая шинель и лицо больного юнкера явно выдавали нѣчто Деникинское. Но насъ выручали „пропуска“. Просмотрѣвъ ихъ, товарищи пропускали.

Приключенія начались утромъ, потому что мы проспали единственный поѣздъ. Однако на станціи былъ еще паровозъ, который собирался въ Кучурганскую, изрыгая бѣлый паръ. Я назвалъ машиниста „товарищемъ-механикомъ“ и онъ пустилъ насъ на паровозъ. А если бы я сказалъ „товарищъ-машинистъ“, — отказалъ бы.

Паровозъ очень стоналъ и кажется собирался совершить „надрывъ“. Въ этихъ случаяхъ онъ пускалъ массу пара, становилось тепло и тогда... Впрочемъ объ этомъ довольно. Я уже сказалъ однажды, что революція и „паразиты“ неразлучны. Не слѣдуетъ повторятся.

Но въ общемъ паровозъ догналъ тотъ поѣздъ. Онъ стоялъ на станціи среди другихъ составовъ, такихъ же разбитыхъ, вопіющихъ къ небу. Мы пошли лазить изъ вагона въ вагонъ, отыскивая мѣсто потеплѣе. Наконецъ нашли. Къ удивленію, въ этомъ вагонѣ были цѣлы всѣ окна, и какія окна! — великолѣпныя, толстыя, зеркальныя. Солнце грѣло сквозь нихъ, и было совсѣмъ ничего. Но внутренность вагона, это было нѣчто ламентабельное. Это, видимо, когда то былъ очень роскошный вагонъ, должно быть служебный, ибо здѣсь были и маленькіе салончики, и купэ, въ былое время снабженные всѣмъ „слипинкаровскимъ“ комфортомъ. Сейчасъ ничего не было кромѣ кое гдѣ торчащихъ пружинъ. Одно купэ показалось мнѣ цѣлѣе другихъ; тутъ можно было хотя сѣсть. Однако, осмотрѣвъ его внимательнѣе, я ушелъ. Тутъ очевидно нѣсколько часовъ тому назадъ произошло убійство или самоубійство. Мозги и кусокъ черепа валялись тутъ же..

* * *

Въ этомъ вагонѣ мы доѣхали до Раздѣльной.

На этой станціи мы нѣсколько часовъ ждали какого нибудь поѣзда. Тутъ стояла цѣлая армія всякихъ составовъ, и цѣлыя воинскія части жили въ поѣздахъ. Кажется это были галичане, въ N тый разъ кого то предавшіе. Но никакого поѣзда не шло. Мы ходили пить чай въ мѣстечко.

И вдругъ встрѣтились. Да, это былъ Владиміръ Германовичъ. Онъ тогда въ саду у Днѣстра сдался делегатамъ Катовскаго. Солдатъ отпустили, офицеровъ, изъявившихъ же-

ланіе поступить въ красную армію, куда то отправили, а отказавшихся держатъ на положеніи арестованныхъ, заставляютъ что то работать и собираются отправить въ Одессу. Однако надзоръ слабый, что и дало возможность поговорить съ нимъ. Здѣсь же цѣлый рядъ другихъ изъ нашего отряда. Пока никого не разстрѣляли. Но видъ у нихъ всѣхъ былъ ужасный. Недоѣданіе, тяжелая работа . . . Однако безсмѣнный Владиміръ Германовичъ не терялъ бодрости духа.

* * *

Мы не дождались поѣзда. Пошли пѣшкомъ. Былъ дивный солнечный день. Но когда мы прошли нѣсколько верстъ, я почувствовалъ ломоту въ пальцахъ. Потомъ какъ будто стало немножко холодно. Итти стало гораздо труднѣе. И заходящее солнце съ его желто-красными переливами почему то было противно. Мы отдыхали гдѣ то на рельсахъ, и противъ насъ бродили индюки. Меня тошнило отъ этихъ индюковъ. Я чувствовалъ, что заболѣваю.

Ночевали въ „казармѣ“ у какого то „старшаго рабочаго“ — это такой желѣзнодорожный чинъ. Онъ просмотрѣлъ наши пропуски и принялъ насъ очень радушно. Хозяйка сдѣлала намъ ужинъ и чай.

За ужиномъ „старшій рабочій“ говорилъ много и вразумительно, ссылаясь на Священное Писаніе. Онъ читалъ Апокалипсисъ вслухъ и объяснялъ намъ, что все, что сейчасъ происходитъ, вся эта рѣзня, и убійства, и грабежи, и ужасы, и ненависть, — что все это предсказано. Потомъ онъ прочелъ изъ Библіи то мѣсто, гдѣ въ пророчествѣ Даніила говорится, что прійдетъ „великій князь Михаилъ“. Подъ этимъ онъ подразумѣвалъ Великаго Князя Михаила Александровича. Тогда кончатся всѣ бѣды. Надо сказать, что я уже не въ первый разъ наталкиваюсь на такихъ людей. Сидятъ гдѣ нибудь, въ какой нибудь станціонной будкѣ и въ Священномъ Писаніи ищутъ утѣшенія и объясненія всѣхъ тѣхъ ужасовъ, которые происходятъ.

* * *

Нѣтъ, это проклятое пятно, бѣлое пятно на солнцѣ среди черныхъ полей, сведетъ меня съ ума.

Идемъ по шпаламъ. Я боленъ. Чувствую жаръ и невѣроятную слабость. Иду отъ версты до версты. На этой прямой, какъ стрѣла, линіи далеко видно верстовой столбикъ. Я иду только потому, что знаю: вотъ этотъ столбикъ съ дощечкой, гдѣ написана верста, — надо дойти до него. Тамъ я лягу на рельсы и буду лежать . . . Пять минутъ по часамъ . . . Потомъ дальше до слѣдующаго . . .

Но вотъ это проклятое пятно справа отъ дороги, тамъ на холмахъ, гдѣ то за нѣсколько верстъ, — это, я знаю, нѣмецкая колонія. Я ее ненавижу всей душой. Потому что сколько мы ни идемъ, она торчитъ тутъ, и кажется, что мы не двигаемся. И кажется, что отъ этой кучки игрушечныхъ домиковъ эта болѣзнь и эта валящая на землю слабость . . . Все равно . . . дойти до столбика только.

Но мы дошли въ этотъ день не только до столбика, но до станціи Карповка . . . Тутъ въ ожиданіи какого нибудь поѣзда мы залегли въ какой то грязной комнатѣ на станціи. Комната была полна всякимъ народомъ. Какой то безрукій, который прекрасно шьетъ обувь одной рукой, какая то разбитная хохлушка съ яйцами и съ цѣлымъ ворохомъ деревенскихъ разсказовъ изъ современной жизни, больше на тему о томъ, что всѣхъ этихъ разбойниковъ надо вырѣзать. Кого она подразумѣвала подъ разбойниками, не всегда можно было опредѣлить, — не то деникинцевъ, не то коммунистовъ. Вообще она видимо за порядокъ и какое то неосмысливаемое, но явственно ею самой понимаемое „благопристойное житіе“. Опредѣленной здоровой „мѣщанской“ моралью вѣетъ отъ ея „розгепанныхъ“ манеръ. И еще много всякаго народа. Я лежу на лавкѣ, жаръ усиливается. Иногда, раза два, три въ сутки проходятъ поѣзда, въ которые мы не можемъ влѣзть, — слишкомъ набито или у насъ слишкомъ мало энергіи. Не надо думать, что это обыкновенные поѣзда нормальнаго типа. Это какой то сбродъ вагоновъ съ издыхающими паровозами . . .

* * *

Ночью мнѣ было нехорошо. Жаръ все усиливался. Я не спалъ. Остальные всѣ спали. Всѣ эти однорукіе, бабы, и много еще какихъ то людей. Я не спалъ и замѣтилъ, что мой

податной инспекторъ начинаетъ метаться. Такъ какъ я хорошо знаю его съ дѣтства, то зналъ и то, что онъ сейчасъ начнетъ разговаривать во снѣ и притомъ на всю комнату. У меня мелькнула мысль, не сболтнулъ бы онъ чего нибудь опаснаго, и въ то же мгновенье онъ сдѣлалъ рѣзкое движеніе и совершенно ясно и отчетливо произнесъ:

— Да... Но я требую, чтобы всѣ пѣли гимнъ... Всѣ, всѣ, и женщины... Боже Царя Храни!...

Я съ ужасомъ растолкалъ его. По счастью всѣ спали. Но мораль сей басни такова: кто говоритъ во снѣ, пусть не спитъ у большевиковъ въ публичныхъ мѣстахъ...

* * *

Пропустили еще какой то поѣздъ. Потомъ еще прошелъ одинъ... Мы лежали на станціи уже третьи сутки. Почти ничего не ѣли. Наконецъ, „комиссаръ станціи“ окончательно разсердился на нашу никчемность. Онъ насъ ругалъ всякими скверными словами и кричалъ, указывая на меня:

— Ну, а если онъ умретъ у васъ тутъ... Что я съ нимъ буду дѣлать!

Послѣ этого, очевидно устыдившись докучать „товарищу комиссару“ въ качествѣ мертваго тѣла, я пересталъ капризничать и влѣзъ на какой то „холодный“ паровозъ, по указанію комиссара. Этотъ паровозъ былъ, очевидно, совершенно искалѣченный, а тащилъ его полукалѣка. Послѣдній доставилъ насъ до станціи Одесса Товарная. Тамъ мы лежали до разсвѣта. Было абсолютно темно, очень холодно и противно...

* * *

Одесса. Вотъ она, подъ властью красныхъ. Измѣнилась?

Измѣнилась. Толпа совсѣмъ другая. Да и нѣтъ ея почти. Уныло на улицахъ. А впрочемъ — жаръ усиливается, — можетъ быть это отъ жара такая тоска. Болѣзнь — это болѣзнь...

(Окончаніе слѣдуетъ).

В. Шульгинъ.

Странствія.

Ты много странствовалъ. Разсказъ холодный твой
я нынѣ слушаю, не съ завистью живой,
а съ чувствомъ сложнаго, глухого сожалѣнья.
Мнѣ горько за тебя. Скитался долго ты;
вездѣ вокругъ себя единой красоты
разнообразныя ты видѣлъ проявленья,
и многихъ городовъ, въ запискахъ путевыхъ
тобой приведены безцвѣтныя названья.
Но ты не испыталъ тоски очарованья!
На желтомъ мраморѣ святилищъ вѣковыхъ,
на крыльяхъ пестрыхъ птицъ, роскошныхъ насѣкомыхъ —
узоръ ты примѣчалъ, не чуя Божества;
стыдливой музыкѣ нарѣчій незнакомыхъ
съ улыбкой ты внималъ, а выучилъ слова
привѣтствій утреннихъ, вечернихъ пожеланій;
въ пустыняхъ, въ городахъ, иль ночью, на полянѣ,
сіяющей въ лѣсу, какъ озеро, — о нѣтъ, —
не содрагался ты, внезапно потрясенный
сознаньемъ бытія... И черезъ много лѣтъ
ты возвращаешься, но смотришь изумленно,
когда я говорю, что сладостно потомъ
о странствіяхъ мечтать, о прошломъ золотомъ,
— и вдругъ припоминать, въ тревогѣ, въ умиленьи
мучительномъ, — не то, что знать-бы всякій могъ,
а мелочь дивную, оттѣнокъ, мигъ, намекъ, —
— звѣзду надъ деревомъ, да пѣсню въ отдаленьи.

В. Сиринъ.

Россія.

Не все ли равно мнѣ — рабой-ли, наемницей,
иль просто безумной тебя назовутъ?
Ты свѣтишь . . . Взгляну, и мнѣ счастіе вспомнится . . .
Да, эти лучи не зайдутъ.

Ты въ страсти моей и въ страданьяхъ торжественныхъ
и въ женскомъ медлительномъ взглядѣ была . . .
Въ поляхъ озаренныхъ, холодныхъ и дѣвственныхъ,
цвѣткомъ голубымъ ты цвѣла.

Ты осень водила по рощамъ заплаканнымъ;
весной цѣловала рѣсницы мои.
Ты въ душныхъ церквахъ повторяла за дьякономъ
слѣпыя слова эктеньи.

Ты лѣтомъ за нивой звенѣла зарницами;
въ день зимній, я въ инеѣ видѣлъ твой ликъ . . .
Ты ночью склонялась со мной надъ страницами
властительныхъ, пѣсенныхъ книгъ.

Была ты и будешь . . . Таинственно созданъ я
изъ блеска и дымки твоихъ облаковъ.
Когда надо мною ночь плещется звѣздная,
я слышу твой рѣющій зовъ!

Ты — въ сердцѣ, Россія. Ты — цѣль и подножіе,
ты — въ ропотѣ крови, въ смятеньи мечты . . .
И мнѣ-ли плутать въ этотъ вѣкъ бездорожія?
Мнѣ свѣтишь попрежнему ты . . .

В. Сиринъ.

Посрамленный Каліостро.

Повѣсть.

1.

Въ Смоленскомъ уѣздѣ, среди холмистыхъ полей, покрытыхъ полосами хлѣбовъ и березовыми лѣсками, у рѣчки, на берегу стояла усадьба Бѣлый Ключъ, старинная вотчина князей Тулуповыхъ. Дѣдовскій деревянный домъ, расположенный, какъ полагается, въ низку, въ болотцѣ, былъ заколоченъ и запущенъ; новый же домъ возведенъ на холмѣ. Переднимъ фасадомъ съ восемью колоннами, съ голыми фигурами на фронтонѣ и круглымъ, плоскимъ куполомъ, онъ былъ повернутъ на рѣчку и на зарѣчныя поля. Задній фасадъ уходилъ двумя крыльями въ паркъ, гдѣ на продолговатомъ озерѣ били два фонтана, два ручейка текли изъ озера между деревьями по тѣнистому парку и вливались во второе озерцо, круглое съ островкомъ, на которомъ подъ липами стояла бесѣдка на колоннахъ.

Кромѣ этого, въ различныхъ уголкахъ парка можно было, не ожидая того, наткнуться на каменную женщину со стрѣлой, или на урну, съ надписью на цоколѣ: — „Присядь подъ нею и подумай — сколь быстротечно время“, то на греческія руины, искусно оплетенныя плющемъ. Домъ и паркъ были окончены постройкою лѣтъ пять тому назадъ, когда владѣлица Бѣлаго Ключа, вдова и бригадирша, княгиня Прасковья Павловна Тулупова, внезапно скончалась въ расцвѣтѣ лѣтъ. Имѣнье по наслѣдству перешло къ ея троюродному братцу, Алексѣю Алексѣевичу Федяшеву, служившему въ то время въ Петербургѣ, въ Лейбъ Кампаніи младшимъ офицеромъ.

Алексѣй Алексѣевичъ оставилъ службу и поселился тихо и уединенно въ Бѣломъ Ключѣ вмѣстѣ со своей теткой, тоже

Федяшевой. Нрава онъ былъ тихаго и мечтательнаго и еще очень молодъ, — ему исполнилось девятнадцать лѣтъ. Военную службу онъ оставилъ съ радостью, такъ какъ отъ шума дворцовыхъ пріемовъ, полковыхъ попоекъ, отъ смѣха красавицъ на балахъ, отъ запаха пудры и шороха платьевъ у него болѣлъ високъ и бывало колотье въ сердцѣ.

Съ тихой радостью Алексѣй Алексѣевичъ предался уединенію среди полей и лѣсовъ. Часто выѣзжалъ верхомъ смотрѣть на полевыя работы; подолгу сиживалъ съ удочкой на берегу рѣки въ томъ мѣстѣ, гдѣ надъ водою наклонилась дуплистая береза, или въ праздникъ отдавалъ распоряженіе водить деревенскимъ дѣвушкамъ хороводы въ паркѣ вкругъ озера, и самъ смотрѣлъ изъ окна на живописную эту картину. Въ зимніе вечера онъ усердно предавался чтенію. Въ это время Федосья Ивановна раскладывала пасьянсъ; вѣтеръ завывалъ на высокихъ чердакахъ дома, да по коридору, скрипя половицами, проходилъ старичекъ истопникъ въ чулкахъ и мѣшалъ печи, или бормоталъ себѣ въ бороду, крестя темные углы.

Такъ жили они мирно и безъ волненій. Но скоро Федосья Ивановна стала замѣчать, что съ Алексисомъ, — такъ она звала Алексѣя Алексѣевича, — творится не совсѣмъ ладное. Сталъ онъ задумчивъ, — разсѣянный, и съ лица блѣденъ. Федосья Ивановна намекнула было ему, что: — „не пора ли тебѣ, мой другъ, собраться съ мыслями, да и жениться, не вѣкъ же, въ самомъ дѣлѣ, на меня стараго гриба смотрѣть, такъ вѣдь можетъ съ тобой что нибудь скверное сдѣлаться“... Куда тутъ! Алексисъ даже ногой топнулъ:

— Довольно, тетушка!... Нѣтъ у меня охоты и не будетъ — погрязнуть въ скукѣ житейской: — весь день носить халатъ, да играть въ тресетъ съ гостями... На комъ же прикажете мнѣ жениться, вотъ бы хотѣлъ послушать?

— У Шахматова князя пять дочерей, — сказала тетушка, — все дѣвы отмѣнныя. Да у князя у Патрикеева четырнадцать дочерей... Да у Свиньиныхъ — Мирра, Паллада, Калліопа...

— Ахъ, тетушка, тетушка, — съ горькой усмѣшкой проговорилъ Алексисъ, — отмѣнными качествами обладаютъ перечисленныя вами дѣвицы, но лишь подумать, — вотъ душа

моя запылала страстью, мы соединяемся, и что же: — особа, которой перчатка, или подвязка должна приводить меня въ трепетъ, особа эта бѣгаетъ съ ключами въ амбаръ, хлопочетъ въ кладовыхъ, а то закажетъ лапшу и при мнѣ ее будетъ ѣсть . . . Бръ . . .

— Зачѣмъ же она лапшу непремѣнно при тебѣ будетъ ѣсть, Алексисъ . . . Да и хотя бы лапшу, — что въ ней плохого? . . .

— Лишь нечеловѣческая страсть могла бы сокрушить мою печаль, тетушка... Но женщины, способной на это, нѣтъ на землѣ . . .

Сказавъ это, Алексѣй Алексѣевичъ взглянулъ длиннымъ и томнымъ взоромъ на стѣну, гдѣ висѣлъ большой, во весь ростъ, портретъ красавицы Прасковьи Павловны Тулуповой. Затѣмъ, со вздохомъ запахнувъ китайскаго рисунка шелковый халатъ, набилъ табакомъ трубку, сѣлъ въ кресло у окна и принялся курить, пуская изъ уголка меланхолично сложенныхъ губъ своихъ тонкія струйки дыма.

Но, видимо, онъ о чемъ то проговорился и тетушка что то поняла, потому что, съ удивленіемъ поглядывая на племянника, она проговорила:

— Если ты человѣкъ — люби человѣка, а не мечту какую то безсонную, прости Господи... Ну, а что твой желудокъ, — имѣлъ сегодня облегченіе, или крѣпокъ?

Алексѣй Алексѣевичъ не отвѣтилъ. За окномъ, куда онъ смотрѣлъ со скукой, на дворѣ, поросшемъ кудрявой травкой, стоялъ рыжій теленокъ и сосалъ у другого, пѣгаго теленка ухо. Дворъ полого спускался къ рѣчкѣ, на берегу ея въ лопухахъ сидѣли гуси, бѣлые, какъ комья снѣга; одинъ поднялся, взмахнулъ крыльями и опять сѣлъ. Было знойно и тихо въ этотъ полуденный часъ. За рѣкой надъ полосами хлѣбовъ колебались и дрожали прозрачныя волны жара. По дорогѣ, выбѣгающей изъ березоваго лѣска, ѣхалъ верхомъ мужикъ; вотъ онъ спустился къ рѣчкѣ, проскакалъ зыбкій, надъ самой водою, мостикъ, вспугнулъ гусей, и, болтая локтями и босыми ногами, рысью поднялся въ гору; обернувъ чернобородое лицо, весело крикнулъ что то дѣвкѣ, которая, откинувшись назадъ всѣмъ тѣломъ, тащила охабку соломы, засмѣялся, но,

замѣтивъ въ окошкѣ барина, спрыгнулъ съ лошади и снялъ шапку. Это былъ нарочный, посылаемый разъ въ недѣлю на большой трактъ за почтой. Онъ привезъ Федосьѣ Ивановнѣ письмо, а барину — пачку книгъ.

Федосья Ивановна ушла за очками. Алексѣй Алексѣевичъ принялся просматривать книги. Вниманіе его привлекла въ 28 выпускѣ „Экономическаго Магазина" статья о причинахъ ипохондріи. „Первый несчастный источникъ ипохондріи есть жестокое и продолжительное любострастіе и такія страсти, которыя содержатъ духъ въ непрерывномъ печальномъ положеніи; человѣкъ, обезпокоенный такими пристрастіями, коимъ выхода онъ не чаетъ, ищетъ уединенія, погружается отчасу въ глубочайшую печаль, покуда, наконецъ, нервы желудка и кишекъ его не придутъ въ изнеможеніе"...

Прочтя эти строки, Алексѣй Алексѣевичъ закрылъ книгу. Итакъ, его ожидаетъ ипохондрія: страсти, сжигающей его душу, нѣтъ выхода.

2.

Полъ года тому назадъ, Алексѣй Алексѣевичъ, заканчивая отдѣлку нѣкоторыхъ комнатъ, посѣтилъ въ поискахъ за вещами старый домъ. Какъ сейчасъ онъ вспоминаетъ эту минуту. Солнце садилось въ морозный закатъ. По холодѣющимъ полямъ уже закурилась поземка. Древняя ворона, каркая, снялась съ убранной инеемъ березы, и осыпала снѣгомъ Алексѣя Алексѣевича, идущаго въ короткомъ полушубчикѣ по дорожкѣ, только что расчищенной въ снѣгу вдоль берега.

На рѣчкѣ, присѣвъ у проруби, деревенская дѣвушка черпала воду; подняла ведра на коромысло и пошла, оглядываясь на барина, круглолицая и темнобровая. На деревнѣ между сугробами зажигался кое гдѣ свѣтъ по замерзшимъ окошечкамъ; слышался скрипъ воротъ, да ясные въ морозномъ вечерѣ голоса.

Алексѣй Алексѣевичъ долго глядѣлъ на эту мирную и убогую картину своихъ владѣній. „Унылая жизнь, — подумалъ онъ, — что въ ней толку: родиться, чтобы умереть среди снѣговъ подъ сонный, собачій лай, да скрипѣніе воротъ. Одно — отгородиться отъ свѣта, велѣть жарче натопить печи, да замечтаться надъ книгою".

Алексѣй Алексѣевичъ, взойдя на крыльцо стараго дома, велѣлъ отбить дверь и вошелъ въ комнаты. Здѣсь все было покрыто пылью, ветхо и полуразрушено. Казачекъ, идущій впереди, освѣщалъ фонаремъ то позолоту на истлѣвшей мебели, то сваленные у стѣны обломки рамъ и окантовъ, канделябры и остатки люстръ. Большая крыса перебѣжала комнату и нырнула подъ комодъ. Все цѣнное, очевидно, было унесено изъ дома. Алексѣй Алексѣевичъ уже хотѣлъ вернуться къ выходу, но заглянулъ въ низкое и пустое зальце и на стѣнѣ увидѣлъ висѣвшій косо, большой, во весь ростъ, портретъ молодой женщины. Казачекъ поднялъ фонарь. Полотно было подернуто пылью, но краски свѣжи, и Алексѣй Алексѣевичъ разглядѣлъ дивной красоты надменное лицо, гладко причесанные, пудренные волосы, высокія дуги бровей, маленькій и страстный ротъ съ приподнятыми уголками и свѣтлое платье открывавшее до половины пышную и нѣжную грудь. Рука, спокойно лежащая ниже груди, держала указательнымъ и большимъ пальцемъ розу.

Алексѣй Алексѣевичъ догадался, что это портретъ покойной княгини Прасковьи Павловны Тулуповой, его троюродной сестры, которую онъ видалъ только будучи ребенкомъ. Портретъ сейчасъ же былъ унесенъ въ домъ и повѣшенъ въ библіотекѣ, гдѣ молодой баринъ обычно проводилъ все свое время.

Много дней Алексѣй Алексѣевичъ видѣлъ передъ собою этотъ портретъ. Читая ли книгу, — онъ очень любилъ описанія путешествій по дикимъ странамъ, — или дѣлая собственныя замѣтки въ тетради, куря трубку, или просто бродя въ бисерныхъ туфляхъ по навощеному паркету библіотечной комнаты, Алексѣй Алексѣевичъ подолгу останавливалъ взглядъ на дивномъ портретѣ. Будучи отъ природы мечтателемъ, онъ понемногу наградилъ это изображеніе всѣми прекрасными качествами доброты, ума и страстности. Онъ про себя сталъ называть Прасковью Павловну подругой одинокихъ часовъ и вдохновительницей своихъ мечтаній. Онъ даже задумалъ было писать поэму о томъ, какъ молодой венгерскій графъ былъ выброшенъ кораблекрушеніемъ на скалистый берегъ Америки и полюбилъ индіанку.

Однажды онъ увидѣлъ во снѣ Прасковью Павловну такою же, какъ на портретѣ, — неподвижной и надменной, но только роза въ ея рукѣ была живой, и онъ тянулся, чтобы вынуть цвѣтокъ изъ пальцевъ и не могъ сдвинуться съ постели. Алексѣй Алексѣевичъ проснулся съ тревожно бьющимся сердцемъ и горячей головой. Съ этой ночи онъ не могъ безъ волненія смотрѣть на портретъ. Образъ Прасковьи Павловны овладѣлъ его воображеніемъ.

3.

Федосья Ивановна вернулась въ комнату съ письмомъ въ рукѣ, съ очками на носу и, усѣвшись напротивъ Алексѣя Алексѣевича, сказала:

— Павелъ Петровичъ мнѣ пишетъ . . .

— Какой Павелъ Петровичъ, тетушка?

— Да ты что, Алексисъ, батюшка мой, — Павелъ Петровичъ Федяшевъ, секундъ-маіоръ. . . Такъ онъ пишетъ разныя разности, а вотъ—для тебя: . . „Много у насъ въ Петербургѣ надѣлалъ шуму извѣстный графъ Фениксъ, или, какъ его называютъ, — Каліостро. У княгини Волконской вылечилъ больной жемчугъ; у генерала Бибикова увеличилъ рубинъ въ перстнѣ на одинадцать каратовъ и, кромѣ того, изничтожилъ внутри его пузырекъ воздуха; Костичу, игроку, показалъ въ пуншевой чашѣ знаменитую талію, и Костичъ на другой же день выигралъ свыше ста тысячъ; камеръ-фрейлинѣ Головиной вывелъ изъ медаліона тѣнь ея покойнаго мужа, и онъ съ ней говорилъ и бралъ ее за руку, послѣ чего бѣдная старушка совсѣмъ съ ума стронулась. . . Словомъ, всѣхъ чудесъ не перечесть. . . Императрица даже склонилась, чтобы призвать его во дворецъ, но тутъ случилось препотѣшное приключеніе: князь Потемкинъ воспылалъ свирѣпой страстью къ женѣ графа Феникса, родомъ чешкѣ, — самъ я ее не видѣлъ, — но разсказываютъ — красотка. Потемкинъ передавалъ графу много денегъ и ковровъ и вещицъ; увидавъ же, что деньгами отъ него не откупишься, — замыслилъ красавицу похитить у себя на балу. Но въ этотъ же день графъ Фениксъ вмѣстѣ съ женой скрылся изъ Петербурга въ неизвѣстномъ направленіи и полиція ихъ понапрасну по сей день ищетъ“ . . .

Алексѣй Алексѣевичъ прослушалъ письмо съ большимъ вниманіемъ и перечелъ его самъ. Легкій румянецъ выступилъ у него на скулахъ:

— Всѣ эти чудеса — проявленіе непонятной магнетической силы, — сказалъ онъ, — если бы мнѣ встрѣтиться съ этимъ человѣкомъ... О, если бы только встрѣтиться . . . — Онъ заходилъ по комнатѣ, издавая восклицанія, поднимая передъ собою палецъ . . . — Я бы нашелъ слова умолить его . . . Пусть бы онъ сдѣлалъ на мнѣ этотъ опытъ . . . Пусть воплотилъ всю мечту мою . . . Пусть сновидѣнія станутъ жизнью, а жизнь развѣется, какъ туманъ. Не пожалѣю о ней . . .

Федосья Ивановна со страхомъ, круглыми и выцвѣтшими глазами глядѣла на племянника. И, дѣйствительно, было чего испугаться: Алексѣй Алексѣевичъ бросился въ кресло и съ длинной улыбкой глядѣлъ въ окно на подошедшихъ двухъ дѣвокъ съ лукошкомъ грибовъ, не видя ни грибовъ, ни дѣвокъ, ни поля, по которому, по межѣ между хлѣбовъ, закрутился высокій столбъ пыли и побрелъ, вертясь и пугая птицъ на придорожной березѣ.

4.

На утро Алексѣй Алексѣевичъ проснулся съ сильной головной болью. Небо было знойно, не смотря на ранній часъ. Листы висѣли неподвижно на деревьяхъ, — все застыло, и цвѣтъ зелени отдавалъ металлическимъ отблескомъ, какъ на могильномъ вѣнкѣ. Молчали куры; на скатѣ къ рѣкѣ, неподвижно и не жуя, лежала, точно раздувшись, красная корова. Присмирѣли даже воробьи. Цвѣтъ неба на сѣверовостокѣ, у земли, былъ темный, глухой и жестокій.

Въ столовой появился съ докладомъ приказчикъ. Алексѣй Алексѣевичъ оставилъ его бесѣдовать съ Федосьей Ивановной, самъ же, морщась отъ ломотья въ вискахъ, пошелъ въ библіотеку и раскрылъ книгу, но скоро заскучалъ надъ нею, взялся было за перо, но кромѣ сложныхъ, въ видѣ летящей птицы, росчерковъ своего имени написать ничего не могъ.

Тогда онъ сталъ глядѣть на портретъ Прасковьи Павловны, но и портретъ, какъ и все вокругъ, казался жесткимъ и зловѣщимъ. На лицѣ ея сидѣли три мухи. Алексѣй Алексѣевичъ почувствовалъ, что зарыдаетъ, если еще продолжится

это состояніе необыкновенной отчетливости и грубости всего окружающаго. Душа его изнывала отъ тоски. Его душа была, точно жестяной листочекъ.

Вдругъ въ домѣ бухнула оконная рама, посыпались стекла и раздались испуганные голоса. Алексѣй Алексѣевичъ подошелъ къ окну. Огромная и густая, какъ ночное небо, туча низко, надъ самыми полями, ползла на усадьбу. Вода въ рѣкѣ посинѣла, стала черною. Замотались, смялись и легли камыши. Сильный вихрь подхватилъ гусиный пухъ на берегу, сорвалъ съ дуплистой ветлы воронье гнѣздо, раскидалъ вѣтви, погналъ по двору куръ, распушившихъ хвосты, закачалъ деревянный заборъ, задралъ юбку на голову бѣгущей бабѣ, и со всей силой налетѣлъ на домъ, ворвался въ окна, завылъ въ трубахъ. Въ тучѣ появился свѣтъ и пробѣжалъ извилистыми, ослѣпляющими корнями отъ неба до земли. Раскололось, затрещало небо, рухнуло громовыми ударами. Задрожалъ домъ. Печально и нѣжно зазвенѣла въ отвѣтъ часовая пружина въ часахъ на каминѣ.

Алексѣй Алексѣевичъ стоялъ у окна, вѣтеръ рвалъ его длинные волосы и развѣвалъ полы халата. Вбѣжавшая тетушка схватила его за руку и оттащила отъ окна, и что то закричала, но второй, болѣе ужасный, ударъ грома заглушилъ ея слова.

Черезъ минуту упали тяжелыя, летящія косо, капли дождя, и дождь полилъ сѣрой завѣсой, застучалъ и запѣнился о стекла закрытаго окна. Стало совсѣмъ темно.

— Алексисъ, — тетушка все еще тяжело дышала, набравшись страха, — говорю тебѣ — гости къ намъ пріѣхали.

— Гости? Кто такіе?

— Сама не знаю. Карета у нихъ поломалась, и грозы боятся, просятся переночевать.

— Просить, конечно.

— Да ужъ я распорядилась. Они мокрое снимаютъ. А ты самъ то пошелъ бы одѣлся.

Алексѣй Алексѣевичъ спохватился и пошелъ изъ библіотеки, но въ дверь, въ это время, вскочила Фимка, комнатная дѣвка, простоволосая и вся мокрая, — въ облипшемъ сарафанѣ.

— Матушка барыня, — громко прошептала она, — пріѣзжіе то, провалиться мнѣ, — одинъ изъ нихъ черный, матушка, какъ дьяволъ.

5.

Дождь лилъ весь остатокъ дня и пришлось рано зажечь свѣчи. Настала тишина. Растворили окна и двери въ садъ, и тамъ въ темнотѣ падалъ не сильный, теплый и отвѣсный дождь, тихо шумя о листья.

Алексѣй Алексѣевичъ въ шелковомъ кафтанѣ, въ камзолѣ, тканомъ по палевому полю незабудками, при шпагѣ, завитой и напудренный, стоялъ въ дверяхъ, открывавшихся прямо на лужайку. Мокрая трава, въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ падалъ свѣтъ, казалась сѣдой. Пахло сыростью и цвѣтами.

Алексѣй Алексѣевичъ глядѣлъ на освѣщенныя окна праваго крыла дома, полукругомъ уходящаго за липы. Тамъ въ окнахъ на спущенныхъ, бѣлыхъ занавѣсяхъ появлялись тѣни — то мужская, въ огромномъ парикѣ, (она взмахивала руками и видимо принадлежала крайне нервному человѣку), то женская,—изящная, то высокая тѣнь въ тюрбанѣ,—слуги.

Это и были пріѣзжіе. Они давно уже и переодѣлись, и отдохнули, и теперь, видимо, прибирались къ ужину. Алексѣй Алексѣевичъ съ нетерпѣніемъ слѣдилъ за движеніемъ тѣней на занавѣси. Отъ запаха ночного дождя, цвѣтовъ и воска горящихъ свѣчей слегка кружилась голова.

Вотъ опять появилась длинная тѣнь слуги, поклонилась и исчезла, и въ домѣ послышались ровные шаги. Алексѣй Алексѣевичъ отступилъ отъ двери въ комнату. Вошелъ большого роста совершенно черный человѣкъ съ глазами, какъ яичные бѣлки. Онъ былъ въ длинномъ, малиновомъ кафтанѣ, перепоясанномъ шалью, и другая шаль была обмотана у него вокругъ головы. Почтительно, но достойно поклонившись, онъ сказалъ по французски, ломанно:

— Господинъ привѣтствуетъ васъ, сударь, и проситъ передать, что съ отмѣннымъ удовольствіемъ принимаетъ приглашеніе отужинать съ вами.

Алексѣй Алексѣевичъ улыбнулся и спросилъ, близко подойдя къ нему:

— Скажи-ка мнѣ, пожалуйста, какъ имя и званіе твоему барину.

Слуга со вздохомъ наклонилъ голову:

— Не знаю.

— То есть, — какъ такъ не знаешь?

— Его имя скрыто отъ моего уха.

— Э, братецъ, да ты я вижу — плутъ. Ну, а тебя, по крайней мѣрѣ, какъ зовутъ?

— Маргадонъ.

— Ты что же — эфіопъ?

— Я былъ рожденъ въ верховьяхъ Голубого Нила, — отвѣтилъ Маргадонъ, спокойно, сверху внизъ глядя на Алексѣя Алексѣевича — при фараонѣ Аменхозирисѣ взятъ въ плѣнъ и проданъ моему господину.

Алексѣй Алексѣевичъ отступилъ отъ него на шагъ, сдвинулъ брови:

— Что ты мнѣ разсказываешь?... Сколько же тебѣ лѣтъ?

— Три тысячи восемьсотъ сорокъ два года . . .

— А вотъ я скажу твоему барину, чтобы тебя отодрали на конюшнѣ, воскликнулъ Алексѣй Алексѣевичъ, вспыхнувъ гнѣвнымъ румянцемъ, — пошелъ вонъ!

Маргадонъ поклонился такъ же почтительно и вышелъ. Алексѣй Алексѣевичъ хрустнулъ пальцами, приводя себя въ душевное равновѣсіе, затѣмъ подумалъ и разсмѣялся, — вѣдь эфіопъ говорилъ не о себѣ, очевидно, а о всемъ своемъ племени.

Казачекъ въ это время распахнулъ обѣ половинки рѣзныхъ дверей и въ комнату вошли подъ руку кавалеръ и дама. Начались поклоны и представленіе.

Кавалеръ былъ среднихъ лѣтъ, плотный мущина. Багрово-красное лицо его съ крючковатымъ носомъ было погружено въ кружева. Огромный, съ локонами, парикъ, какіе носили въ началѣ столѣтія, былъ густо, но неряшливо напудренъ. Синій, жесткаго шелка, кафтанъ расшитъ золотыми окантами, мордами и цвѣтами. Поверхъ надѣта въ рукава зеленая шуба на голубыхъ песцахъ. Золотомъ же были вышиты черные чулки. На пряжкахъ бархатныхъ башмаковъ сверкали бриллiанты, и на каждомъ пальцѣ короткихъ, волосатыхъ рукъ переливалось по два, по три драгоцѣнныхъ перстня

Хриповатымъ баскомъ пріѣзжій проговорилъ привѣтствіе, затѣмъ освободилъ локоть свой изъ рукъ дамы и представилъ ей Алексѣя Алексѣевича:

— Графиня, — нашъ хозяинъ. Сударь, — моя жена.

Послѣ этого онъ занялся табакеркой, нюхая, сморкаясь и задирая голову. Алексѣй Алексѣевичъ выразилъ графинѣ сожалѣніе по поводу дурной погоды и — живѣйшую радость по поводу ихъ неожиданнаго знакомства. Онъ предложилъ ей руку и повелъ къ столу.

Графиня отвѣчала односложно и казалась утомленной и печальной. Но все же она была необыкновенно хороша собой. Свѣтлые волосы ея были причесаны гладко и просто. Лицо ея, скорѣе лицо ребенка, чѣмъ женщины, казалось прозрачнымъ, — такъ была нѣжна и чиста кожа; рѣсницы скромно опущены надъ синими глазами, изящный ротъ чуть чуть полуоткрытъ, — должно быть, она съ наслажденіемъ вдыхала свѣжесть, идущую изъ сада.

У стола, уставленнаго холодными и горячими закусками, гостей встрѣтила Федосья Ивановна. По французски она изъяснялась плохо, пріѣзжіе совсѣмъ не говорили по русски, поэтому занимать ихъ пришлось одному Алексѣю Алексѣевичу. Выяснилось, что они ѣдутъ изъ Петербурга въ Варшаву на долгихъ, и въ дорогѣ уже вторую недѣлю.

— Прошу великодушно простить меня, — сказалъ Алексѣй Алексѣевичъ, — знакомясь, я не совсѣмъ разслышалъ ваше имя.

— Графъ Фениксъ, — отвѣчалъ пріѣзжій, жадно бѣлыми, крѣпкими зубами вонзаясь въ курячью ногу.

Алексѣй Алексѣевичъ быстро поставилъ задрожавшій въ рукѣ стаканъ и побѣлѣлъ, сталъ бѣлѣе салфетки.

6.

— Такъ вы и есть знаменитый Каліостро, о чудесахъ вашихъ говоритъ весь свѣтъ, — едва оправившись отъ изумленія, спросилъ Алексѣй Алексѣевичъ дрожащимъ голосомъ.

Фениксъ поднялъ косматыя съ просѣдью брови, налилъ вина въ стаканъ и опрокинулъ его въ горло, не глотая.

— Да, я Каліостро, — сказалъ онъ, съ удовольствіемъ причмокнувъ большими губами, — весь міръ говоритъ о

моихъ чудесахъ. Но происходитъ это отъ невѣжества. Чудесъ нѣтъ. Есть лишь знаніе стихій природы, — а, именно: огня, воды, земли и воздуха; субстанцій природы, то есть — твердаго, жидкаго, мягкаго и летучаго; силъ природы, — притяженія, отталкиванія, движенія и покоя; элементовъ природы, коихъ тридцать шесть, и наконецъ, — энергій природы, — электрической, магнетической, свѣтовой и чувственной. Все сіе подчинено тремъ началамъ, — знанію, логикѣ и волѣ, кои заключены вотъ здѣсь, — при этомъ онъ ударилъ себя по лбу. Затѣмъ, положилъ салфетку и, вынувъ изъ камзольнаго кармана золотую зубочистку, принялся ковырять въ зубахъ.

Алексѣй Алексѣевичъ глядѣлъ на него, какъ кроликъ. Ужинъ кончился, и гости перешли въ библіотеку, гдѣ, прогоняя вечернюю сырость, пылали въ очагѣ дрова. Федосья Ивановна, ни слова не понявшая изъ разговора, осталась хлопотать въ столовой.

Каліостро сѣлъ въ сафьяновое кресло и, нюхая табакъ, говорилъ о томъ — какую пользу оказываетъ человѣку хорошее пищевареніе. Графиня опустилась на стульчикъ близь огня и глядѣла на пламя, печально задумавшись. Ея руки, лежащія на колѣняхъ, тонули въ голубоватомъ шелку платья.

— Мой другъ, докторъ философіи, умершій въ Нюренбергѣ, въ тысячу четыреста... вотъ проклятая память, — пробормоталъ Каліостро, стуча пальцами по табакеркѣ, — мой другъ, докторъ Бомбастъ Теофрастъ Парацельзіусъ, не разъ говаривалъ мнѣ: — послѣ ѣды мозгъ перемѣщается въ желудокъ...

Алексѣй Алексѣевичъ дико взглянулъ на графа, но тотчасъ, какъ это бываетъ во снѣ, немыслимое и дѣйствительность сами собой совмѣстились, слились въ его представленіи, лишь слегка закружилась голова, но и это сейчасъ же прошло.

— Я также не разъ слыхалъ, ваше сіятельство, — проговорилъ Алексѣй Алексѣевичъ, — что хорошее пищевареніе вселяетъ веселыя мысли, а дурное повергаетъ весь организмъ въ скорбь и даже вызываетъ ипохондрію. Но есть и другія причины...

— Несомнѣнно, — сказалъ Каліостро, опуская брови.

— Осмѣлюсь взять хотя бы въ примѣръ себя... Разстройство моихъ чувствъ началось вотъ отъ этого портрета.

Каліостро обернулъ голову, оглядѣлъ портретъ и опять закрылъ бровями глаза.

Тогда Алексѣй Алексѣевичъ разсказалъ исторію портрета, написаннаго за границей (объ этомъ онъ узналъ отъ тетушки) и то, какъ нашелъ его въ старомъ дому и, наконецъ, всѣ свои чувства и несбыточныя желанія, какія привели его къ ипохондріи.

Во время разсказа онъ взглядывалъ нѣсколько разъ на графиню. Она внимательно слушала. Наконецъ, Алексѣй Алѣксѣевичъ, поднявшись съ кресла и указывая на портретъ, воскликнулъ:

— Еще сегодня я говорилъ Федосьѣ Ивановнѣ, — ахъ, если бы мнѣ встрѣтить графа Феникса, я бы умолилъ его воплотить мою мечту, оживить портретъ, а тамъ, — хотя бы это стоило мнѣ жизни...

При этихъ его словахъ въ ясныхъ и большихъ глазахъ графини появился ужасъ, она быстро опустила голову и опять стала смотрѣть на огонь.

— Матерьялизація чувственныхъ идей, — проговорилъ Каліостро, зѣвая и прикрывъ ротъ рукой, сверкающей перстнями, — одна изъ труднѣйшихъ и опаснѣйшихъ задачъ нашей науки... Во время матерьялизаціи часто обнаруживаются роковые недочеты той идеи, которая матерьялизуется, а иногда и совершенная ея непригодность къ жизни... Однако, я попросилъ бы у хозяина пораньше насъ отпустить спать.

7.

Алексѣй Алексѣевичъ не закрылъ глазъ всю ночь. На разсвѣтѣ онъ накинулъ халатъ, спустился къ рѣчкѣ и бросился въ невидимую за туманомъ воду, она была какъ парная, но въ глубинѣ — студена. Послѣ купанья, растертый полотенцами, одѣтый и завитой, онъ выпилъ горячаго молока съ медомъ и вышелъ въ садъ, — мысли его были возбуждены и голова горѣла.

Утро настало влажное и тихое. По травѣ бѣгали озабоченные дрозды. Свистала иволга точно въ дудку съ водой. Надъ озерцомъ съ полуспущенными фонтанами, въ голубоватой мглѣ, въ высокихъ и пышныхъ деревьяхъ нѣжно рыдалъ дикій голубь.

Дорожки были влажныя и вымытыя, и на одной изъ нихъ Алексѣй Алексѣевичъ замѣтилъ слѣды женскихъ ногъ. Онъ пошелъ по ихъ направленію и на полянѣ, тамъ, гдѣ изъ голубоватой мглы проступали очертанія круглой бесѣдки и по сторонамъ ея огромныхъ осокорей, онъ увидалъ графиню. Она стояла на мостикѣ и, опустивъ руки, слушала, какъ въ рощѣ куковала кукушка.

Когда Алексѣй Алексѣевичъ подошелъ ближе, — у него забилось сердце: — по лицу молодой женщины текли слезы, обнаженныя плечи ея вздрагивали. Вдругъ, обернувшись на хрустъ шаговъ Алексѣя Алексѣевича, она вскрикнула негромко и побѣжала, придерживая обѣими руками пышную юбку. Но добѣжавъ до озерца, остановилась и обернулась. Ея лицо было залито румянцемъ, въ испуганныхъ, синихъ глазахъ стояли слезы. Она быстро вытерла ихъ платочкомъ и улыбнулась виновато.

— Я испугалъ васъ, простите, — воскликнулъ Алексѣй Алексѣевичъ.

— Нѣтъ, нѣтъ, — она спрятала на грудь платочекъ и протянула руку, Алексѣй Алексѣевичъ поцѣловалъ ее почтительно, — утро такъ хорошо, кукушка такъ славно кричала: — мнѣ стало грустно, а вы меня не испугали. — Она пошла рядомъ съ Алексѣемъ Алексѣевичемъ по берегу озерца. — Развѣ вамъ не бываетъ грустно, когда вы видите, какъ хороша и безгрѣшна природа? Знаете — я думала о вашемъ вчерашнемъ разсказѣ. Жить въ такомъ изобиліи, одному, молодому... И, всетаки, почему, почему — нѣтъ счастья?...

Она запнулась и поглядѣла ему въ глаза, внимательно и нѣжно. Алексѣй Алексѣевичъ отвѣтилъ первое, что вошло въ голову — о грубости жизни и невозможности счастья. При этомъ онъ широко улыбнулся, улыбка такъ и осталась на его губахъ.

Продолжая прогулку и разговаривая, онъ видѣлъ передъ собою только синіе глаза, — они словно были насыщены утренней прелестью, въ ушахъ его раздавался голосъ молодой женщины и отдаленный, немолчный крикъ кукушки.

Графиня разсказывала, что родилась въ деревнѣ, близь Праги, что она круглая сирота, что зовутъ ее Августа, но на-

стоящее имя ея Марія, что она вотъ уже три года путешествуетъ съ мужемъ по свѣту, и столько видѣла, — другому бы хватило на всю жизнь; и что сейчасъ въ этой утренней мглѣ все прошлое пронеслось передъ нею, и она расплакалась.

— Я вышла замужъ ребенкомъ, и сердце мое за эти года созрѣло, — сказала она и опять ласково и пристально взглянула на Алексѣя Алексѣевича. — Я васъ не знаю, но, почему то, вѣрю вамъ такъ, будто знаю давно. Вы не осудите меня за болтовню? . . .

Онъ взялъ ея руку и, нагнувшись, поцѣловалъ нѣсколько разъ, и, когда цѣловалъ въ послѣдній, ея рука перевернулась ладонью къ его губамъ, легко сжала ихъ и выскользнула.

— Неужели вы не могли найти жены и подруги, не полюбили женщину, а предпочли мечту бездушную какую то, — проговорила Марія задрожавшимъ отъ волненія голосомъ, — вы неопытны и наивны... Вы не знаете — какой грѣхъ, какой ужасъ ваша мечта . . . — Она подошла къ каменной скамьѣ и сѣла, Алексѣй Алексѣевичъ опустился рядомъ съ нею:

— Почему же грѣхъ, — спросилъ онъ, — что грѣшнаго, если я мечтаю о томъ, чего въ жизни нѣтъ?

— Тѣмъ болѣе . . . Въ такое утро — грѣхъ, грѣхъ мечтать о томъ, чего быть не можетъ, — повторила она, и глаза ея налились слезами. Алексѣй Алексѣевичъ придвинулся ближе и взялъ ее за руку:

— Я чувствую — вы несчастны . . .

Она молча, поспѣшно, закивала головой. Она была взволнована и трогательна, какъ маленькая дѣвочка. Алексѣй Алексѣевичъ ощущалъ, какъ она всѣми силами души стремится привлечь на себя его мысли и чувства. Ему стало горячо сердцу, — и словно вѣтеръ, наклоняющій травы и листья, прошла по нему нѣжность къ этой женщинѣ.

— Чѣмъ вы несчастны, кто заставляетъ васъ страдать? — спросилъ онъ шопотомъ, и Марія отвѣтила торопясь, точно въ страхѣ потерять минуту этого разговора:

— Я боюсь . . . я ненавижу моего мужа . . . Онъ силою женился на мнѣ . . . Онъ — чудовище, какихъ не видалъ еще свѣтъ . . . Онъ мучаетъ меня . . . О, если бы вы знали! . . . Во

всемъ свѣтѣ нѣтъ близкаго мнѣ человѣка... Меня некому пожалѣть... Многіе добивались моей любви, — что мнѣ въ томъ... Но ни одинъ не взялъ за руку и не спросилъ — хорошо ли мнѣ жить... Мы съ вами не успѣли встрѣтиться и разстаемся, но я навѣки буду помнить эту минуту, какъ вы спросили... Мнѣ тяжело жить, но мнѣ легко сейчасъ... У нея задрожали губы, видимо — она дѣлала большое усиліе, преодолѣвая застѣнчивость, и вдругъ залилась румянцемъ. — Едва я увидала васъ, мнѣ сердце сказало: Господь съ тобой...

— Ради Бога... этого нельзя вынести... Я убью его! — воскликнулъ Алексѣй Алексѣевичъ, стискивая рукоять шпаги. И сейчасъ же за спиной сидящихъ громко кто то чихнулъ. Марія вскрикнула слабо, какъ птица. Алексѣй Алексѣевичъ вскочилъ и между стволовъ липъ увидѣлъ Каліостро. Онъ былъ въ той же зеленой шубѣ и въ большой шляпѣ съ бѣлыми, падающими на плечи и спину, страусовыми перьями. Держа въ рукѣ табакерку, онъ страшно морщился, собираясь еще разъ чихнуть. Лицо его при дневномъ свѣтѣ казалось лиловымъ, — такъ было полнокровно и смугло.

Алексѣй Алексѣевичъ, держа руку на рукояти шпаги, глядѣлъ въ упоръ на этого дивнаго человѣка. Тогда Каліостро, раздумавъ чихать, протянулъ табакерку, — угощайтесь. — Алексѣй Алексѣевичъ невольно отнялъ было руку отъ шпаги, но сейчасъ же вновь схватился за рукоять.

— А не хотите нюхать, такъ и не надо, — сказалъ Каліостро, — графиня, я васъ искалъ по всему саду — мой чемоданъ уложенъ, но вашихъ вещей я не касался. Правило, — онъ, смѣясь, обратился къ Алексѣю Алексѣевичу, — правило — никогда не трогать женскихъ вещей... Итакъ, если нашъ экипажъ починенъ, — мы ѣдемъ.

Каліостро, округливъ локоть, подставилъ его Маріи; она покорно, не поднимая головы, взяла мужа подъ руку, и они, не спѣша, удалились по дорожкѣ къ дому.

Алексѣй Алексѣевичъ закрылъ лицо руками и опустился на скамью.

8.

Такъ онъ просидѣлъ долгое время въ оцѣпенѣніи, не слыша ни свиста птицъ, ни плеска пущенныхъ садовникомъ фонтановъ. Онъ глядѣлъ подъ ноги на песокъ, гдѣ ползали

козявки. Это были тѣ самыя плоскія, красныя козявки, у которыхъ на спинѣ, у каждой, нарисована рожица. Однѣ ползали, сцѣпившись, — рожица къ рожицѣ, — другія то вползали въ трещину на плотно убитой дорожкѣ, то вылѣзали оттуда безо всякой видимой надобности.

Алексѣй Алексѣевичъ думалъ о томъ, что очарованіе сегодняшняго утра разбило его жизнь. Ему не вернуться болѣе къ уютнымъ и безнадежнымъ мечтамъ объ идеальной любви: синіе глаза Маріи, два синихъ луча, проникли ему въ сердце и разбудили его. Но, что ему въ томъ: Марія уѣзжаетъ, они не встрѣтятся никогда. И сонъ и явь его разбиты, — какихъ очарованій ждать еще отъ жизни?

И вдругъ онъ вспомнилъ, какъ Каліостро протягивалъ ему табакерку и усмѣхался криво, и имъ овладѣло бѣшенство. Алексѣй Алексѣевичъ стиснулъ зубы, вскочилъ, и, еще не зная, что онъ сдѣлаетъ, но сдѣлаетъ что то рѣшительное, надвинулъ шляпу на глаза и зашагалъ къ дому прямикомъ, по травѣ.

У дверей въ садъ его встрѣтила Федосья Ивановна.

— Алексисъ, — воскликнула она взволнованно, — сейчасъ былъ кузнецъ и сказалъ, мошенникъ, что раньше, какъ черезъ два дня графскій экипажъ починить невозможно.

9.

Извѣстіе, что гости остаются, смѣшало всѣ мысли Алексѣя Алексѣевича, у него начался ознобъ и дрожаніе рукъ. Онъ вошелъ съ тетушкой въ домъ и присѣлъ на канапэ. Федосья Ивановна, не понимая хода его мыслей, спросила, — не послать ли, въ такомъ случаѣ, въ сосѣднее село за кузнецами?

— Ни подъ какимъ видомъ — крикнулъ онъ, вскакивая, — ни за какими кузнецами посылать не смѣйте . . .

И вдругъ усмѣхнулся, точно въ лицо ему повѣяло дыханіе любимыхъ устъ:

— Нѣтъ, Федосья Ивановна, пусть гости поживутъ у насъ два дня . . . А вотъ, тетушка, вы, чай и не разобрали — кто таковъ нашъ гость.

— Фенинъ какой то.

— Въ томъ то и дѣло, что не Фенинъ, а графъ Фениксъ, — самъ Каліостро.

Федосья Ивановна широко раскрыла глаза и всплеснула пухлыми руками. Но Федосья Ивановна была русская женщина, и поэтому извѣстіе, что въ домѣ ихъ — знаменитый колдунъ, поразило ее съ иной стороны, чѣмъ того можно было ожидать: — тетушка вдругъ плюнула:

— Бусурманъ, нехристь, прости Господи, — сказала она съ омерзеніемъ, — всю посуду теперь святой водой мыть придется, да и комнаты святить заново . . . Вотъ, не было заботы . . . она тоже волшебница?

— Да, тетушка, графиня — волшебница.

— Такъ вѣдь имъ, проклятымъ, чай пища другая совсѣмъ нужна . . . Ахъ, Алексисъ . . . Вѣдь они можетъ нашего и не ѣдятъ, а ты не догадался . . . Поди, спроси — чего они хотятъ къ завтраку . . .

Алексѣй Алексѣевичъ разсмѣялся и пошелъ въ библіотеку. Тамъ, закуривъ трубку, онъ началъ расхаживать и, вдругъ такъ стиснулъ конецъ чубука зубами, что янтарь хрустнулъ.

„Вызвать графа на дуэль, убить, и бѣжать съ Маріей за границу“, — подумалъ онъ и швырнулъ трубку на подоконникъ. — „Но поводъ къ дуэли? . . , Э, не все ли равно! . . . Мнѣ не нравится его манера протягивать табакерку“.

Алексѣй Алексѣевичъ вытащилъ шпагу изъ ноженъ и началъ осматривать лезвіе. — „Но можно ли драться съ гостемъ“? — Въ это время въ глубинѣ комнаты, тамъ, гдѣ была арка, съ задернутымъ малиновымъ занавѣсомъ, скрипнула половица. Алексѣй Алексѣевичъ быстро поднялъ голову, но сейчасъ же забылъ про скрипъ, — мысли вихремъ летѣли у него въ головѣ. — „Нѣтъ, придется подождать, когда они отъѣдутъ, догнать ихъ за рѣчкой, и тамъ уже завязать ссору.“ — Онъ остановился у окна и, слушая, какъ стучитъ сердце, прослѣдилъ взглядомъ весь путь, пройденный имъ давеча съ Маріей, отъ бесѣдки, вдоль озера и до скамьи. „О милая“, — прошепталъ онъ.

Насталъ часъ завтрака. Алексѣй Алексѣевичъ ожидалъ въ столовой прихода гостей. Когда послышались ихъ шаги, у него потемнѣло въ глазахъ. Вошла Марія съ опущенными рѣсницами, сдѣлала тетушкѣ глубокій реверансъ и сѣла къ

столу. Лицо ея было блѣдно и напудрено, точно весь огонь души ея погасъ. Каліостро, развертывая салфетку, быстро покосился на Алексѣя Алексѣевича, и сидѣлъ весь завтракъ надувшись и непріятно, громко жуя. Федосья Ивановна шопотомъ отдавала распоряженія Фимкѣ и сама не ѣла.

Напрасно Алексѣй Алексѣевичъ горячими взглядами старался вызвать краску, хотя бы едва замѣтное движеніе на лицѣ Маріи, она была, какъ восковая, а взгляды его каждый разъ встрѣчались съ отвѣтными взглядами мужа, внимательными и твердыми. И Алексѣй Алексѣевичъ со свойственной ему внезапностью впалъ въ унылое отчаяніе.

Завтракъ кончился, Марія, молча, не поднимая глазъ, сдѣлала реверансъ и удалилась во флигель. Каліостро, пропустивъ впередъ себя Алексѣя Алексѣевича, выразилъ желаніе выкурить трубку въ библіотекѣ. Развалившись во вчерашнемъ креслѣ, онъ нѣкоторое время сопѣлъ чубукомъ, поглядывалъ изъ подъ косматыхъ бровей на Алексѣя Алексѣевича, сидѣвшаго на углу стола, болтая ногой, и вдругъ громко и повелительно сказалъ:

— Я обдумалъ и рѣшилъ, — сегодня вечеромъ я исполню ваше завѣтное желаніе: я произведу совершенную и полную матерьялизацію портрета княгини Тулуповой.

Алексѣй Алексѣевичъ дико взглянулъ на него, облизнулъ пересохшія губы и не сказалъ ни слова. Каліостро поднялся съ кресла и, вынувъ изъ кармана оправленную въ серебро лупу, началъ разглядывать портретъ, прищелкивая языкомъ и посапывая. Черезъ часъ начались приготовленія. Маргадонъ снялъ портретъ съ гвоздя, поставилъ у стѣны, — и разостлалъ передъ нимъ коверъ. Въ комнатѣ были прибраны и вынесены всѣ лишнія вещи и на окнахъ опущены занавѣсы. Алексѣю Алексѣевичу было приказано раздѣться, лечь въ постель и до сумерекъ лежать, не принимая ни пищи, ни питья.

Алексѣй Алексѣевичъ повиновался всему, что отъ него требовали. Лежа въ полутемной спальнѣ, онъ чувствовалъ только, какъ голова его окована свинцовыми обручами. Онъ не могъ думать ни о чемъ, и ничего не хотѣлъ. Въ пять часовъ Каліостро принесъ ему стаканъ бурой настойки изъ

ревеня и остролистника, и онъ выпилъ, хотя пойло было гнусное. Въ семь у него было облегченіе желудка. Въ восемь, одѣтый въ просторное и легкое платье, онъ вошелъ вмѣстѣ съ Каліостро въ библіотеку, гдѣ передъ портретомъ, ярко озаряя его, горѣли въ канделябрахъ двѣнадцать свѣчей.

10.

— Дышите не слишкомъ сильно и не слишкомъ слабо. Дыханіе должно происходить безъ зѣвоты, всхлиповъ, кашля, отдышки и чиханія, ибо магнетическая субстанція, исходящая изъ солнечнаго сплетенія, толчковъ не терпитъ.

Такъ говорилъ Каліостро, усаживая Алексѣя Алексѣевича въ низкое и покойное кресло передъ портретомъ. По красному лицу его, съ прыгающими бровями, изъ подъ буклей парика текли капли пота. Двигаясь и не переставая говорить, онъ знаками отдавалъ приказанія Маргадону.

Эфіопъ взялъ изъ шкатулки пучки сухихъ травъ, положилъ ихъ въ мѣдную чашку и поставилъ ее передъ Алексѣемъ Алексѣевичемъ на низенькій столикъ, затѣмъ, поправилъ на свѣчахъ свѣтильни, вынулъ изъ футляра и отнесъ въ глубину комнаты музыкальный инструментъ въ видѣ мандолины съ длиннымъ грифомъ, принесъ большую, тонкую и, видимо, очень прочную сѣть и, растянувъ ее въ рукахъ, сѣлъ на полъ близь двери.

Въ это же время Каліостро отточеннымъ мѣломъ очертилъ кругомъ кресла, гдѣ сидѣлъ Алексѣй Алексѣевичъ, большой кругъ:

— Повторяю, — говорилъ онъ, — вы должны напрячь все воображеніе и представить эту особу, — онъ ткнулъ мѣломъ въ сторону портрета, — безъ покрововъ, то есть нагую... Отъ силы вашего воображенія будутъ зависѣть всѣ подробности ея сложенія . . . Я помню, — въ 1519 году, въ Парижѣ, герцогъ де Гизъ просилъ меня матерьялизировать мадамъ де Севиньякъ, умершую отъ несваренія желудка . . . Я не успѣлъ предупредить, герцогъ былъ слишкомъ нетерпѣливъ, и мадамъ де Севиньякъ оказалась подъ платьемъ, какъ бы набитымъ соломою мѣшкомъ . . . Я потерялъ восемь тысячъ ливровъ и мнѣ стоило большого труда загнать эту разъяренную чучелу

обратно, въ портретъ. Итакъ, вообразивъ, со всею тщательностью, сложеніе желаемой вами особы, вы представьте ее, затѣмъ, въ одеждѣ, но и въ этомъ случаѣ поступайте, не горячась, ибо, какъ это было въ 1251 году, когда я вызывалъ, по просьбѣ вдовы покойнаго, духъ французскаго короля Людовика Лысаго, онъ появился, одѣтый лишь на передней половинѣ тѣла, задняя же половина была неодѣтая и возбуждала удивленіе... Маргадонъ, — позвалъ Каліостро, выпрямившись и облизывая испачканные мѣломъ пальцы, — поди и позови графиню. — Онъ отошелъ шага на два, смѣрилъ глазами кругъ и опять наклонился, намѣчая мѣломъ по круговой линіи двѣнадцать знаковъ Зодіака, двадцать два знака кабаллы, ключъ и врата, четыре стихіи, три начала, семь сферъ. Окончивъ чертить, онъ вошелъ въ кругъ:

— Вы будете имѣть совершенный образецъ моего искусства, — сказалъ онъ важно, — способность рѣчи, пищевареніе, всѣ отправленія органовъ и чувствительность будутъ у нея такія-же, какъ и у человѣка, рожденнаго отъ женщины. — Затѣмъ, онъ наклонился надъ Алексѣемъ Алексѣевичемъ, лежавшимъ, какъ трупъ, въ креслѣ, пощупалъ у него пульсъ, поморщился, приказалъ закрыть глаза и положилъ ему на лобъ жирную и горячую руку. Въ это время раздались легкіе шаги и шорохъ платья. Алексѣй Алексѣевичъ понялъ, что вошла Марія, и застоналъ, дѣлая послѣднее усиліе освободиться онъ страшной воли человѣка, больно нажимавшаго ему пальцами на глаза.

— Не шевелитесь, сосредоточьтесь, слѣдуйте моимъ указаніямъ... Я начинаю, — повелительно проговорилъ Каліостро, взялъ со столика длинный, стальной стилетъ, вошелъ въ кругъ и начертилъ великій знакъ Макропозопуса. Замкнувшись, онъ сильнымъ движеніемъ поднялъ руки въ широкихъ рукавахъ шубы, и лицо его съ глубокими морщинами и висящимъ носомъ — окаменѣло.

За спиной Алексѣя Алексѣевича раздались нѣжные звуки струнъ.

— Я замкнутъ. Я крѣпко защищенъ всѣми знаками. Я силенъ. Я приказываю, — нараспѣвъ, медленно и все усиливая голосъ, заговорилъ Каліостро. — О, духи воздуха, Сильфы,

васъ призываю именемъ Невыразимаго, которое выговаривается, какъ слово Эша . . . Дѣлайте ваше дѣло . . .

Алексѣй Алексѣевичъ глядѣлъ на озаренное свѣчами, надменное лицо Прасковьи Павловны, гордо повернутое на высокой шеѣ. Въ минуту встала передъ нимъ вся тоска его прошлыхъ мечтаній, всѣ томленія горячихъ, безсонныхъ ночей, и лицо ея, еще такъ недавно желанное, показалось ему страшнымъ, мучительнымъ, лихорадочно-желтымъ, какъ болѣзнь. Но, чувствуя, что, все же, нужно повиноваться, онъ перевелъ глаза ниже, на обнаженныя плечи Прасковьи Павловны и, сдѣлавъ надъ собой усиліе, сталъ воображать ее, какъ было сказано. Кровь хлынула ему въ лицо. Стыдъ и рѣзкая боль въ груди оглушили его.

Когда было произнесено слово Эша, огонь свѣчей заколебался и по комнатѣ прошелъ затхлый вѣтеръ. Алексѣй Алексѣевичъ впился пальцами въ ручки кресла. Каліостро продолжалъ, усиливая голосъ:

— Духи земли, Гномусы, васъ призываю именемъ Невыразимаго, которое выговаривается, какъ слогъ Элъ. Дѣлайте ваше дѣло. — Онъ поднялъ стилетъ и опустилъ его, и будто отъ подземнаго толчка весь домъ зодрожалъ, зазвенѣла хрустальная люстра, захлопали въ домѣ двери, и изъ книжнаго шкафа изъ распахнувшейся дверцы упала на полъ книга. Каліостро продолжалъ:

— Духи водъ, Нимфы, васъ призываю именемъ Невыразимаго, которое выговаривается, какъ звукъ Ра... Придите и дѣлайте ваше дѣло... — При этихъ словахъ Алексѣй Алексѣевичъ услышалъ отдаленный шумъ будто набѣгающаго на песокъ прибоя, и, не отрывая глазъ отъ Прасковьи Павловны, съ ужасомъ замѣтилъ, какъ всѣ формы лица ея начали становится зыбкими, неуловимыми . . .

— Духи огня, Саламандры, — громовымъ уже голосомъ говорилъ Каліостро, — могущественные и своевольные, васъ призываю именемъ Невыразимаго, которое выговаривается, какъ буква Іодъ. Духи огня, Саламандры, призываю и заклинаю васъ знакомъ Соломона подчиниться и дѣлать свое дѣло . . . — Онъ поднялъ обѣ руки и вытянулся на цыпочкахъ въ величайшемъ напряженіи. — Дѣлайте ваше дѣло согласно

законамъ натуры, не отступая отъ формы, не глумясь и не выходя изъ моего повиновенія...

И вслѣдъ за этими словами весь портретъ по рѣзной, золотой рамѣ охватило беззвучное, пляшущее пламя, настолько яркое, что огни свѣчей покраснѣли и, вдругъ, отъ всего облика Прасковьи Павловны пошли ослѣпительные лучи. Вспыхнули травы въ мѣдномъ горшкѣ. Голосъ Маріи, дрожащій и слабый, запѣлъ за спиной Алексѣя Алексѣевича:

„Любви лишь силой
Изъ темной могилы
Поднимешь меня.
Къ утѣхамъ нѣжнымъ,
Лобзаньямъ прилежнымъ
Память храня...
И милой къ милой
Любовной силой, —
Уста, ахъ, къ устамъ...

Но она не успѣла окончить пѣсни, — Алексѣй Алексѣевичъ вскрикнулъ вдругъ дико: голова Прасковьи Павловны, освобождаясь, отдѣлилась отъ полотна портрета и разлѣпила губы:

— Дайте мнѣ руку, — проговорила она тонкимъ, холоднымъ и злымъ голосомъ. Въ наступившей тишинѣ было слышно, какъ стукнула о полъ мандолина, какъ порывисто вздохнула Марія, какъ засопѣлъ Каліостро.

— Дайте же мнѣ руку, я освобожусь, — повторила голова Прасковьи Павловны.

— Руку ей, руку дайте, чего стоите, — воскликнулъ Каліостро.

Алексѣй Алексѣевичъ, какъ во снѣ, подошелъ къ портрету. Изъ него быстро высунулась маленькая, голая до локтя, рука Прасковьи Павловны и сжала его руку холодными, сухими пальчиками. Онъ отшатнулся, и она, увлекаемая имъ, отдѣлилась отъ полотна и спрыгнула на коверъ.

Это была средняго роста, худая женщина, очень красивая и жеманная, съ нѣсколько неровными, какъ полетъ летучей мыши, неуловимыми движеніями. Она подбѣжала къ зеркалу и, вертясь и оправляя волосы, заговорила:

— Удивляюсь... Спала я что ли?... Что за цвѣтъ лица!... И платье все помято... И фасонъ чудной, — жметъ

въ груди . . . Ахъ, что то я не могу припомнить . . . Забыла . . . — Она поднесла пальцы къ глазамъ. — Забыла, все забыла . . . — Придерживая кончиками пальцевъ пышную юбку, она повернулась, прошлась, всмотрѣлась въ Каліостро, оглянулась на Маргадона, и, наконецъ, взглядъ ея темныхъ, матовыхъ глазъ остановился на Алексѣѣ Алексѣевичѣ. Она медленно улыбнулась, открывъ до блѣдныхъ десенъ мелкіе, острые зубы свои и взяла его подъ локоть:

— Вы такъ странно на меня смотрите, — я страшусь, — проговорила она, жеманно хихикнула и увлекла его къ балконной двери. — Намъ нужно объясниться. Идемте въ садъ.

11.

Когда они вышли, Каліостро положилъ руки подъ шубою на поясницу и разсмѣялся:

— Отмѣнный получился кадавръ, — проговорилъ онъ, трясясь всѣмъ тѣломъ. Затѣмъ, повернулся на каблукахъ, и уже безъ смѣха сталъ глядѣть на Марію: — Плачете? — Она поспѣшно отерла слезы, поднялась съ табурета и стояла передъ мужемъ, опустивъ голову. — Вы и на этотъ разъ не убѣдились — сколь велика моя власть надъ мертвой и живой природой, не такъ ли? — Марія, не поднимая головы, съ упрямой ненавистью взглянула на мужа, лицо ея было искажено пережитымъ страхомъ и омерзѣніемъ. — А юноша вашъ прекрасный предпочелъ утѣшаться съ мерзкимъ кадавромъ, не съ вами . . .

Марія отвѣтила тихо и твердо:

— Вы отвѣтите на страшномъ судѣ за чародѣйство.

Тогда Каліостро побагровѣлъ, вытащилъ руки изъ подъ шубы и совсѣмъ прикрылся бровями. Но Марія стояла неподвижно передъ нимъ, и онъ сказалъ съ чрезвычайной вкрадчивостью:

— Три года, сударыня, не прибѣгая ни къ какому искусству, я терпѣливо жду вашей любви . . , Вы же, ежечасно, какъ волкъ, смотрите въ лѣсъ . . . Не хорошо, если придетъ конецъ моему терпѣнію . . .

— Надъ любовью моей вы все равно не властны — по-

спѣшно отвѣтила Марія, — адскими силами не заставите васъ полюбить . . .

— Нѣтъ, заставлю! . . . — На эта Марія вдругъ усмѣхнулась, и его глаза сейчасъ же налились кровью. — Я васъ въ пузырекъ посажу, сударыня, въ карманѣ буду носить . . .

— Все равно, — повторила она, — власти надъ любовью нѣтъ у васъ . . . Жива буду — другому отдамъ, не вамъ . . .

— На этотъ разъ вы замолчите, — пробормоталъ Каліостро, схватывая со столика стилетъ, но Маргадонъ, стоявшій до этого неподвижно за его спиной, подскочилъ къ нему и съ необыкновеннымъ проворствомъ поймалъ его за руку. Каліостро, зарычавъ, лѣвой рукой ударилъ Маргадона въ лицо, — арапъ зажмурился, — онъ ударилъ еще разъ, швырнулъ стилетъ, шумно выпыхнулъ воздухъ и вышелъ изъ комнаты.

12.

Алексѣй Алексѣевичъ и то, что было подобно женщинѣ и что онъ называлъ Прасковьей Павловной, шли по дорожкѣ черезъ поляну къ прудамъ. Воздухъ былъ влаженъ. Надъ садомъ поднялась луна. Ея сѣдой свѣтъ озарялъ всю широкую поляну. Отсвѣчивала кое гдѣ паутина, уже протянутая пауками въ густо-синей травѣ, бѣлѣющими пятнами обозначались цвѣты, блестѣла обильная роса. Въ дали надъ прудами поднимались испаренія серебристымъ сіяніемъ.

Алексѣй Алексѣевичъ шелъ молча, сжавъ ротъ и глядя подъ ноги. Зато Прасковья Павловна, глядя на висящій надъ пышными грудами рощи свѣтлый шаръ луны, говорила не переставая . . . — Ахъ, луна, луна! — Алексисъ, вы безчувственны къ этимъ чарамъ.

Холодный ея голосокъ сыпалъ словами, какъ стеклышечками, и невыносимымъ звукомъ все время посвистывалъ шелкъ ея платья. Отъ этихъ стекляныхъ словъ и шелковаго свиста Алексѣй Алексѣевичъ стискивалъ челюсти. Сердце его лежало въ груди тяжелымъ, ледянымъ комомъ. Онъ не дивился тому, что рука объ руку съ нимъ идетъ то, что часъ назадъ было лишь въ его воображеніи. Болтающее, жеманное существо, въ широкомъ платьѣ, съ узкимъ лифомъ, блѣдное отъ луннаго свѣта, съ большими тѣнями въ глазныхъ впади-

нахъ, казалось ему столь же безплотнымъ, какъ его прежняя мечта. И напрасно онъ повторялъ съ упрямствомъ: — насладись же, насладись ею, ощути... — Онъ не могъ преодолѣть въ себѣ отвращенія.

Дойдя до пруда, до скамьи, гдѣ утромъ онъ говорилъ съ Маріей, Алексѣй Алексѣевичъ предложилъ Прасковьѣ Павловнѣ присѣсть. Она, распушивъ платье, сейчасъ же сѣла:

— Алексисъ, — прошептала она, улыбаясь всѣмъ ртомъ лунному шару, — Алексисъ, вы сидите съ дамой безчувственно. Надо же знать — сколь пріятна женщинѣ всякая дерзость.

Алексѣй Алексѣевичъ отвѣтилъ сквозь зубы:

— Если бы знали — сколько я мечталъ о васъ, не стали бы дѣлать этихъ упрековъ.

— Упреки? — Она разсмѣялась, словно разсыпалась стекляшечками, — упреки!... Но вы все только руки жмете, и то слабо... Хотя бы обняли меня.

Алексѣй Алексѣевичъ поднялъ голову, всмотрѣлся и сердце его дрогнуло. Правою рукой онъ обнялъ Прасковью Павловну за плечи, лѣвою взялъ ея руки. Глубоко открытая ея грудь, съ чуть проступающими ключицами, ровно и покойно дышала. Онъ близко придвинулся къ ея лицу, стараясь уловить его прелесть.

— Мечта моя, — сказалъ онъ съ тоскою. Она слегка отстранилась, усмѣхаясь, покачала головой и взглянула въ глаза ему поблескивающими лунными точками прозрачными глазами. — Я какъ во снѣ, съ вами, Прасковья, наклоняюсь, чтобы напиться, и вода уходитъ.

— Обнимите покрѣпче, — сказала она. Тогда онъ сжалъ ее со всей силой и поцѣловалъ въ смѣющіяся, прохладныя губы, и онѣ отвѣтили на поцѣлуй съ такой неожиданной и торопливой жадностью, что онъ сейчасъ же откинулся: омерзѣніемъ, гадливостью, страхомъ стиснуло ему горло.

— Алексисъ, — сказала она, сладко потягиваясь, — мнѣ сыро, и ѣсть хочу.

Тогда онъ молча поднялся и зашагалъ къ дому, когда же услышалъ за собой свистъ платья, прибавилъ шагу, даже побѣжалъ, но Прасковья Павловна сейчасъ же догнала его и повисла на рукѣ:

— Алексисъ, у васъ претяжелый характеръ.

— Слушайте, — крикнулъ онъ, останавливаясь, — не лучше ли намъ разстаться...

— Нѣтъ, совсѣмъ не лучше, — она перегнулась и заглянула ему въ лицо, — мнѣ съ вами пріятно...

— Но вы то омерзительны мнѣ, поймите! — онъ дернулъ руку и побѣжалъ, и она, не выпуская руки, полетѣла за нимъ по тропинкѣ.

— Не вѣрю, не вѣрю, Алексисъ, вѣдь сами сказали, что я мечта ваша...

— Все таки, отвяжитесь отъ меня!

— Нѣтъ, мой другъ, до смерти не отвяжусь...

Они объ руку влетѣли въ домъ. Алексѣй Алексѣевичъ бросился въ кресло, она же, обмахиваясь вѣеромъ, стала передъ нимъ и глядѣла весело:

— Много, много, мой милый, придется надъ вами потрудиться, чтобы обуздать вашъ характеръ... Вы себялюбецъ. — Она сложила вѣеръ и присѣла на ручку кресла къ Алексѣю Алексѣевичу. — Дружокъ, мнѣ ужасно чего то все хочется, не то ѣсть, не то пить... А то, будто, вода бѣжитъ по моему тѣлу...

Алексѣй Алексѣевичъ сорвался съ кресла и, подойдя къ двери, потянулъ за большую, бисерную кисть звонка.

— Вамъ принесутъ ѣду, все, что хотите, — успокойтесь.

Далеко въ домѣ брякнулъ колокольчикъ, и послышались мягкіе шаги Федосьи Ивановны.

13.

Алексѣй Алексѣевичъ, загораживая собою полуоткрытую дверь, сказалъ тетушкѣ, чтобы она распорядилась подать въ библіотеку какой нибудь ѣды. Федосья Ивановна внимательно и странно взглянула на Алексѣя Алексѣевича, молча отстранила его отъ двери, вошла въ комнату и сейчасъ же увидѣла тощую, — какъ она потомъ разсказывала, — черноватую женщину, даже и не женщину, а Богъ знаетъ что, — моль дохлую: — стоитъ, вертитъ вѣеромъ и смотритъ пронзительно.

Тетушка немедленно же разинула ротъ и „сѣла на ноги“.

— Федоси, — писклявымъ голосомъ сказала ей та, черноватая, — не узнаешь меня, моя милая? . . .

Тетушка еще сильнѣе сѣла, уперлась ногами и глядѣла на пустую раму отъ портрета. Когда же Прасковья Павловна приблизилась на шагъ, тетушка подняла руку съ крестнымъ знаменьемъ . . .

— Ну, чего страшиться, Федосья Ивановна; все это очень просто, — съ досадою сказалъ Алексѣй Алексѣевичъ, —эта дама—плодъ чародѣйства графа Феникса, идите и распорядитесь насчетъ ѣды . . .

Морщась, какъ отъ изжоги, онъ подошелъ къ двери въ садъ, оперся локтемъ о притолку и сталъ глядѣть на поляну, залитую луннымъ свѣтомъ.

Онъ слышалъ, затѣмъ, какъ тетушка забормотала молитву, сорвалась съ мѣста и утиной рысью выбѣжала изъ комнаты, какъ злобно захихикала въ слѣдъ ей Прасковья Павловна, какъ въ домѣ началась испуганная бѣготня и шопотъ. Но онъ не оборачивался и съ тоскливой мукой глядѣлъ на освѣщенныя окна флигеля.

Въ комнатѣ зазвенѣла посуда, — это Фимка накрывала столикъ, разставляла судки и тарелки, и, втягивая голову въ плечи, съ ужасомъ все время косилась черезъ плечо.

Прасковья Павловна сѣла къ столу и сказала Фимкѣ:

— Раба, что въ этомъ судкѣ?

— Сморчки, матушка барыня.

— Положи. — Фимка подала грибы и стала за стуломъ, закрывъ передникомъ ротъ. Прасковья Павловна откушала и велѣла положить себѣ лапши:

— Дурно служишь, — сказала она, принимая тарелку. — Хоть ты и дѣвка деревенская, а служить должна жеманно.

— Буду стараться, матушка барыня.

— Присѣдай, говоря съ госпожею! — Прасковья Павловна впилась въ нее темными глазами и, вдругъ, стукнула ложкой по столу. — Раба, присядь!... Ногу правую подворачивай... На стороны, на спину не вались... Подолъ держи... Улыбайся... Слащавѣе...

Алексѣй Алексѣевичъ съ отвращеніемъ и злобой глядѣлъ на эту сцену:

— Оставьте дѣвку въ покоѣ, — крикнулъ онъ, сверху внизъ мотнувъ головой, — Фимка, убирайся.

Прасковья Павловна, держа въ рукѣ ложку, съ удивленіемъ взглянула на него и пожала плечами:

— Алексисъ, мой другъ, — сказала она, — не вы, я здѣсь госпожа. Эту же дѣвку я велю высѣчь, чтобы вразумительнѣе понимала науку...

Кровь бѣшенства хлынула въ глаза Алексѣю Алексѣевичу, но онъ сдержался и вышелъ въ садъ.

14.

Алексѣй Алексѣевичъ, засунувъ глубоко руки въ карманы камзола, шелъ по полянѣ, — росой замочило ему чулки до колѣнъ, въ головѣ рождались бѣшеныя мысли: Бѣжать? Утопиться? Убить ее? Убить графа? Убиться самому? — Но мысли, вспыхнувъ, пресѣкались, — онъ чувствовалъ, что погибъ: проклятое существо впилось въ него, какъ паукъ, и, кто знаетъ, какой еще страшной властью обладаетъ оно?

„Самъ, самъ накликалъ, — бормоталъ онъ, — вызвалъ изъ небытія мечту, плодъ безсонной ночи... Гнуснымъ чародѣйствомъ построили ей тѣло изъ земли и воды, воздухъ — ея дыханіе, огонь оживилъ ее... Горячечное воображеніе не придумаетъ подобной пакости: не Богомъ порожденное существо, человѣкоподобная машина“...

Алексѣй Алексѣевичъ остановился и отеръ холодный потъ со лба... „А, вдругъ, это только сонъ? — Ущипну себя и проснусь въ чистой постели, свѣжимъ утромъ... Увижу лужокъ, гусей, простую дѣвку съ граблями“...

Въ тоскѣ онъ замоталъ головой, поднялъ глаза. Луна высоко стояла надъ садомъ, и мглистыя облачка скрадывали ея свѣтъ. Съ рѣчки доносилось унылое уханье лягушекъ...

Въ это время въ тишинѣ сада раздался рѣзкій и тонкій голосъ Прасковьи Павловны, она звала, — „Алексисъ“! Не отвѣчая, онъ только топнулъ ногой: идти на зовъ — нельзя, бѣжать было постыдно. Онъ увидалъ приближающіяся къ нему три фигуры, Маргадона, Каліостро и Прасковьи Павловны. Она подошла первой и крикнула злобно:

— Все знаю, голубчикъ!... Я то думала — видъ раз-

сѣянный и дерзкія слова — отъ любовной причуды!... Слышите, другой женщины около себя не потерплю!...

— Ай, ай, ай! — проговорилъ Каліостро, приближаясь, — я то старался до седьмого пота, а вы, сударь, носъ отъ нея воротите.

— Любовникъ перекидчивый, — взвизгнула Прасковья Павловна, — на цѣпь васъ велю посадить, на цѣпи держать, покуда вашу дрянь не забудете . . .

— Нѣтъ, сударыня, на цѣпь его сажать не годится, — отвѣтилъ Каліостро, — а вы сударь, не упрямьтесь — домой нужно идти, — барыня спать хочетъ и одной ей ложиться въ кровать прискорбно.

Давешнее оцѣпенѣніе снова овладѣло Алексѣемъ Алексѣевичемъ, онъ вздохнулъ и поплелся къ дому, увлекаемый подъ руку Прасковьей Павловной. Но уже у самихъ дверей обернулся и увидѣлъ въ окнѣ флигеля на занавѣси женскую тѣнь. Онъ рванулся и закричалъ: Марія! — Но сзади его подхватилъ Маргадонъ, втолкнулъ въ комнату и заперъ стеклянную дверь.

Алексѣй Алексѣевичъ закричалъ потому, что словно пелена спала у него съ глазъ: онъ понялъ въ чемъ спасеніе. Оставшись съ Прасковьей Павловной наединѣ, онъ закурилъ трубку, сѣлъ на книжную лѣсенку и сдѣлалъ видъ, будто слушаетъ. Прасковья Павловна грозилась сгноить его на цѣпи, кричала, что весь домъ противъ нея, и завтра же она выкинетъ на дворъ рухлядишку Федосьи Ивановны, выдеретъ Фимкѣ волосы, перепоретъ всю дворню, наведетъ свои порядки . . .

Алексѣй Алексѣевичъ ждалъ, когда она устанетъ кричать, но у нея лишь охрипъ голосъ, а злости не убавилось. Онъ слушалъ ее и не слышалъ, — сердце его часто билось. Онъ рѣшилъ дѣйствовать. Выколотилъ трубку, всталъ, потянулся: —все это мелочи, — проговорилъ онъ, зѣвая, — идемте спать.

Прасковья Павловна сейчасъ же оборвала потокъ словъ, и изумленно, радостно усмѣхнулась запекшимися губами. Алексѣй Алексѣевичъ взялъ со стола зажженный канделябръ и отогнулъ въ аркѣ занавѣсъ, пропуская впередъ себя Прасковью Павловну. Когда же она прошла, онъ поднесъ горящія

свѣчи къ занавѣси, и алый бархатъ его мгновенно былъ охваченъ огнемъ.

— Пожаръ! — не своимъ голосомъ закричалъ Алексѣй Алексѣевичъ, швыряя канделябръ, и побѣжалъ по длинной галлереѣ, загибающей къ флигелю, гдѣ были гости.

Одинъ только разъ онъ пріостановился, обернулся и видѣлъ, какъ Прасковья Павловна, вскрикивая, срывала худыми руками пылающій занавѣсъ. Когда въ дали галлереи послышались голоса и топотъ ногъ, Алексѣй Алексѣевичъ прыгнулъ къ окну и прижался въ его глубокой нишѣ.

15.

Мимо него пробѣжали съ испуганными восклицаніями Маргадонъ въ развѣвающемся халатѣ и Каліостро, въ ночномъ колпакѣ, въ пестрой, длинной рубахѣ и безъ панталонъ. Они скрылись за поворотомъ, откуда валилъ дымъ. Тогда Алексѣй Алексѣевичъ бросился къ флигелю, куда вела одна дверь со стороны галлереи, другая открывалась прямо въ садъ. Тамъ то онъ и увидѣлъ Марію стоящею на порогѣ. Она была въ бѣлой шали, накинутой поверхъ платья и въ чепчикѣ. Алексѣй Алексѣевичъ распахнулъ окно, выскочилъ изъ галлереи въ садъ и подбѣжалъ къ молодой женщинѣ.

— Марія, — проговорилъ онъ, складывая руки на груди, — скажите одно только слово . . . Подождите . . . Если — нѣтъ, я погибъ . . . Если — да, я живъ, живъ вѣчно . . . Скажите, — любите вы меня? . . .

У нея вырвался легкій, короткій крикъ, она подняла руки, обвила ими шею Алексѣя Алексѣевича и съ откинутой головой, съ льющимися слезами, глядя сквозь слезы въ глаза ему, проговорила взволнованно:

— Люблю васъ . . . О, какъ я люблю васъ . . .

И когда она сказала эти слова, съ него спали чары: сердце растопилось, горячія волны крови зашумѣли по жиламъ, радостно вдохнулъ онъ воздухъ ночи и благоуханіе юнаго тѣла Маріи, взялъ въ ладони ея заплаканное лицо и поцѣловалъ въ глаза, и она, въ отвѣтъ, дрожащими губами коснулась его глазъ.

— Марія, бѣгите этой аллеей до пруда, — торопливо

прошепталъ Алексѣй Алексѣевичъ, — ждите меня въ бесѣдкѣ. Не забудьте — когда вы перейдете мостикъ — дерните за цѣпь, и онъ поднимется . . . Тамъ вы будете въ безопасности...

Марія кивнула головой, въ знакъ того, что все поняла, и, придерживая платье, быстро пошла по указанному направленію, обернулась, подняла руки къ лицу, усмѣхнулась радостно, — жду, жду, — и скрылась въ густой тѣни аллеи.

Тогда Алексѣй Алексѣевичъ вытащилъ изъ ноженъ шпагу и кинулся въ домъ черезъ балконныя двери.

Сбивъ съ ногъ Фимку, рѣшительно отстранивъ Федосью Ивановну, повисшую было на его рукѣ, растолкавъ перепуганную челядь, онъ вбѣжалъ въ библіотеку. Комната была полна дыма. Пять свѣчей второго канделябра едва едва коптяще-красными язычками освѣщали разбросанныя по всему полу книги изъ повалившагося шкафа, Маргадона, который топталъ тлѣющій коверъ, и Каліостро, присѣвшаго у кресла, и въ креслѣ скорченное, съ темными ребрами существо, едва прикрытое лохмотьями обгорѣвщаго платья. При видѣ Алексѣя Алексѣевича, оно зашипѣло, сорвалось съ кресла и устремилось ему навстрѣчу. Но онъ, вскрикнувъ, вытянулъ передъ собою шпагу, и оно, съ воплемъ отчаянія и злобы, отшатнулось отъ устремленнаго на него лезвія, кинулось въ глубь комнаты и исчезло за книжными шкафами.

Въ то же время Каліостро, загородившись кресломъ дѣлалъ Маргадону знаки. Эфіопъ оставилъ топтать коверъ и сталъ приближаться къ Алексѣю Алексѣевичу, втягивая голову въ плечи, но тотъ, предупреждая прыжокъ, самъ выбросился впередъ съ вытянутой рукою, и лезвіе шпаги до половины вонзилось Маргадону въ плечо. Эфіопъ крякнулъ и, хватая воздухъ, повалился навзничъ. Тогда Каліостро швырнулъ въ Алексѣя Алексѣевича кресломъ и, загораживаясь предметами и бросая ихъ, вертѣлся по комнатѣ съ необыкновеннымъ для его лѣтъ и тучности проворствомъ. Алексѣй Алексѣевичъ гонялся за нимъ, стараясь ударить шпагой. Но Каліостро удалось выскользнуть въ галлерею, откуда онъ выпрыгнулъ черезъ первое же открытое окно въ садъ и большими прыжками, задирая голыя ноги, побѣжалъ къ прудамъ.

Алексѣй Алексѣевичъ настигъ его лишь у мостика, ведущаго къ бесѣдкѣ, гдѣ между колоннъ смутно бѣлѣло платье

Маріи. Каліостро, зарычавъ, кинулся черезъ мостикъ, не видя, что средняя часть его поднята, взмахнулъ руками и съ тяжелымъ плескомъ, какъ куль, упалъ въ воду. Раздался слабый крикъ Маріи. Заиграла лунная зыбь по поверхности пруда, и низко надъ травой, съ длиннымъ свистомъ, сверля воздухъ, полетѣла испуганная болотная птичка. И снова стало тихо вокругъ, ни звука ни на пруду, ни въ темныхъ обступившихъ его древесныхъ чащахъ.

Алексѣй Алексѣевичъ, всматриваясь, взошелъ на мостикъ и наклонился у края разъятой его части. И вдругъ, у самой сваи, у воды, увидѣлъ глаза, — они медленно мигнули. Онъ различилъ поднятое лицо, щетинистый черепъ и торчащія уши Каліостро.

— На верхъ вы все равно не поднимитесь, — сказалъ ему Алексѣй Алексѣевичъ, — свая склизкая, и я предупреждаю: если вы только опять начнете свои фокусы, я васъ заколю, — вы негодяй! — Онъ фыркнулъ носомъ. — Сидите лучше смирно, васъ сейчасъ вытащатъ.

Онъ приложилъ ладони ко рту и закричалъ: — Эй, люди, сюда! — И скоро вдали раздались по саду голоса людей, и начали подбѣгать мальчишки, дворовые мужики, дѣвки, кто съ вилами, кто съ косой, кто просто съ дубиной, — всѣ были спросонокъ и встрепанные.

Алексѣй Алексѣевичъ приказалъ принести веревокъ, связать Каліостро и вытащить изъ воды. Трое рослыхъ мужиковъ, снявъ портки и крестясь, полѣзли въ воду. Подъ мостикомъ, между сваями, началась возня. — „Алексѣй Алексѣевичъ, онъ, пропасти на немъ нѣтъ, царапается“, — кричали оттуда. — „За щеки его, за щеки хватай, тяни изъ воды“, — кричали съ мостика.

Наконецъ, Каліостро скрутили веревками и вытащили на берегъ. Онъ болѣе не сопротивлялся, и въ облипшей рубашкѣ, опустивъ голову и постукивая отъ холода зубами, пошелъ въ толпѣ дворовыхъ къ дому.

Алексѣй Алексѣевичъ, оставшись одинъ, сталъ звать Марію, сначала тихо, потомъ все громче, испуганнѣе. Она не отвѣчала. Онъ обѣжалъ прудъ и по второму мостику проникъ въ бесѣдку. Марія лежала на деревянномъ полу,

навзничъ, раскинувъ руки. Алексѣй Алексѣевичъ обхватилъ ее, приподнялъ, прислонилъ къ себѣ ея безсильно клонившуюся голову и, цѣлуя ея лицо, едва не плакалъ отъ жалости и любви къ ней. Наконецъ, онъ почувствовалъ, какъ ея тѣло стало легче, поднялась и опустилась ея грудь, и свѣтловолосая голова ея легла удобнѣе на его плечѣ. Не раскрывая глазъ, Марія проговорила едва слышно:

— Не покидайте меня.

16.

Пожаръ удалось потушить. Выгорѣла лишь библіотечная комната, водою и огнемъ въ ней попорчено было много книгъ и вещей, и до тла сгорѣло полотно на портретѣ Прасковьи Павловны.

На разсвѣтѣ къ крыльцу подали телѣгу, въ нее на свѣжее сѣно положили вещи гостей и посадили Маргадона, — онъ былъ совсѣмъ плохъ: весь сѣрый, земляного цвѣта, съ отвисшимъ ртомъ, и съ головою закутанный въ два теплыхъ платка. Народъ, стоявшій у крыльца и вокругъ телѣги, сталъ жалѣть старика, — всетаки, человѣкъ подневольный, слуга, пропадаетъ не по своей охотѣ. Скотница дала ему на дорогу каленое яичко. Зато, когда вывели все еще связаннаго Каліостро, въ нахлобученномъ кое какъ парикѣ и въ шляпѣ съ растрепанными перьями, въ накинутой поверхъ ночной рубашки песцовой шубѣ, мальчишки засвистали, бабы начали плеваться, а подслѣповатый мужикъ, Спиридонъ, съ рѣденькой бородкой, распояскомъ и босикомъ, всю ночь больше всѣхъ суетившійся на глазахъ у барина, подскочилъ къ Каліостро и развернулся, чтобы дать ему въ ухо, но его оттащили. Каліостро самъ влѣзъ въ телѣгу, насупленный, съ нависшими бровями. Мордатый парень, славившійся въ деревнѣ силой и отчаянностью, весело прыгнулъ на нахлестки, замоталъ веревочными возжами, сивая кобыленка влѣзла въ хомутъ, и телѣга тронулась подъ свистъ и улюлюканье дворни.

— Федька, — закричалъ Алексѣй Алексѣевичъ съ крыльца, — повезешь ихъ прямо въ Смоленскъ и тамъ сдай городничему.

— Будьте покойны, Алексѣй Алексѣевичъ, — уже издалека отвѣтилъ Федька, — доставимъ въ полномъ порядкѣ, не въ первой, — и рысью покатилъ съ горки къ рѣкѣ, гдѣ на мосту загоготали потревоженные гуси.

17.

Послѣ обморока въ бесѣдкѣ, Марія едва, тогда, могла дойти до дома. Ее уложили въ лѣвомъ флигелѣ, въ спальнѣ, предназначенной для особо именитыхъ гостей; надъ огромной кроватью полуоткинули балдахинъ персиковаго цвѣта; въ углу передъ образами, между двухъ плафоновъ, изображающихъ одинъ игру въ жмурки, другой — поцѣлуй на прогулкѣ, зажгли лампады. На окнахъ были спущены шторы, и Марія забылась сномъ. Такъ она проспала до полудня. Федосья Ивановна, часто подходившая къ дверямъ, услышала ея бормотанье, вошла въ спальню и увидѣла, что Марія лежитъ съ закрытыми глазами, ярко румяная, и, не переставая, говоритъ про себя жалобнымъ, дѣтскимъ голосомъ. У нея началась горячка, и держала ее между жизнью и смертью болѣе мѣсяца.

Алексѣй Алексѣевичъ едва не сошелъ съ ума отъ безпокойства, и въ тотъ же день самъ поскакалъ въ Смоленскъ за лекаремъ. На обратномъ пути онъ узналъ отъ лекаря, что къ смоленскому городничему привозили на телѣгѣ двухъ какихъ то иностранцевъ, городничій ихъ сначала арестовалъ за безобразный видъ, а, затѣмъ, съ большимъ почетомъ отправилъ по варшавскому шляху. Осмотрѣвъ Марію, лекарь сказалъ, что одно изъ двухъ, — либо горячка возьметъ свое, либо человѣкъ возьметъ свое. Ему дали выспаться, и отправили назадъ въ Смоленскъ.

Алексѣй Алексѣевичъ цѣлые дни теперь проводилъ у постели Маріи, спалъ въ креслѣ у окна, почти ничего не ѣлъ, измѣнился, сильно исхудалъ, — его лицо возмужало, стали важными глаза; въ каштановыхъ волосахъ появилась бѣлая, льняная прядь. Ежедневно, вмѣстѣ съ Федосьей Ивановной, онъ отстаивалъ обѣдню и, затѣмъ, молебенъ за здравіе Маріи.

Однажды, ближе къ вечеру, Алексѣй Алексѣевичъ дремалъ въ креслахъ. Сквозь персиковыя занавѣси на окнахъ

солнце протянуло длинные лучи съ танцующими пылинками; большая муха, уставъ биться о стекла, полетѣла по комнатѣ, сѣла на абажуръ и начала заламывать заднія ножки; Алексѣй Алексѣевичъ, разлѣпляя вѣки, поглядывалъ на пылинки въ лучѣ, на муху, на маленькихъ женщинъ, играющихъ въ жмурки на стѣнѣ. Каминные часы спокойно отстукивали минуты жизни. И вотъ, сквозь дремоту, Алексѣй Алексѣевичъ началъ ощущать какую то перемѣну во всемъ, заворочался, прогоняя сонъ, обернулся къ кровати и увидѣлъ раскрытые, большіе, синіе глаза Маріи. Она смотрѣла на него и смѣшно морщилась отъ изумленія и усилія припомнить что то. Онъ опустился на колѣни у кровати. Марія проговорила:

— Скажите пожалуйста, гдѣ я нахожусь и кто вы такой? — Алексѣй Алексѣевичъ, не въ силахъ отъ волненія говорить, осторожно взялъ ея руку и прижался къ ней губами. — Я давно смотрю, какъ вы дремлете, — продолжала Марія, слабо улыбаясь, — у васъ такое доброе лицо, какъ у родного, — она опять сморщилась, но сейчасъ же бросила вспоминать, — вотъ, если бы вы открыли окна, — какъ было бы хорошо . . .

Алексѣй Алексѣевичъ раздвинулъ шторы, раскрылъ окна и вмѣстѣ съ теплымъ и душистымъ воздухомъ сада въ спальню влетѣлъ веселый шумъ птичьяго свиста и пѣнія. У Маріи появился румянецъ. Улыбаясь, она слушала, и вотъ, издалека, три раза прокуковала запоздалая, глупая кукушка. Глаза Маріи налились слезами. Алексѣй Алексѣевичъ наклонился къ ней она прошептала:

— Я люблю васъ . . .

Вскорѣ она уснула крѣпко и надолго. Началось ея выздоровленіе, и съ этого дня Алексѣй Алексѣевичъ не проводилъ уже болѣе ночей въ ея спальнѣ.

Вмѣстѣ съ выздоровленіемъ Маріи настало то, что краемъ ума понимала только одна Федосья Ивановна: ни минуты Алексѣй Алексѣевичъ и Марія не могли пробыть другъ безъ друга, а когда сходились, — молчали, Марія думала (у нея жестоко разбаливалась голова отъ этихъ мыслей и воспоминаній), Алексѣй Алексѣевичъ хмурился, кусалъ губы, стоялъ или сидѣлъ въ совершенно неудобныхъ для человѣка положеніяхъ.

Когда, однажды, тетушка заговорила съ нимъ: „Какъ же ты, все таки, Алексисъ, прости меня за нескромность, думаешь поступить съ Машенькой? — къ мужу ее отправишь, или еще какъ?“ — онъ пришелъ въ ярость: — Марія не жена своему мужу, въ церкви съ нимъ не вѣнчалась... Ея домъ здѣсь, а, если она меня видѣть не желаетъ, я могу уѣхать, провалиться къ черту!...

Ночи онъ проводилъ скверно: во снѣ его мучили кошмары, наваливались на грудь, давили горло. Онъ вставалъ поутру разбитый, и до пробужденія Маріи бродилъ мрачный и злой по дому, но едва только раздавался въ столовой ея голосъ, — онъ сразу успокаивался, шелъ къ ней и глядѣлъ на нее запавшими, сухими глазами.

Насталъ Августъ. Надъ садомъ, мерцая въ прудахъ, высыпали безчисленныя звѣзды, облачнымъ свѣтомъ бѣлѣлъ млечный путь. Изъ сада пахло сырыми листьями. Улетали птицы.

Въ одну изъ такихъ ночей Алексѣй Алексѣевичъ и Марія сидѣли въ ея спальнѣ у камина, гдѣ, перебѣгая изъ конца въ конецъ огоньками, догорало полѣно. И, вотъ, въ полутьмѣ, въ глубинѣ комнаты, изъ за полога выдвинулась тѣнь. Алексѣй Алексѣевичъ, вздрогнувъ, всмотрѣлся. Подняла голову и Марія. Тѣнь медленно исчезла. Прошла минута страха и тишины. Марія бросилась къ Алексѣю Алексѣевичу, обхватила его, прижалась и повторяла отчаяннымъ голосомъ:

— Я не отдамъ тебя!... Я не отдамъ тебя!...

Въ эту минуту все раздѣлявшее ихъ, все измышленное и сложное — разлетѣлось, какъ дымъ отъ вѣтра. Остались только губы, прижатыя къ губамъ, глаза, глядящіе въ глаза: быть можетъ быстротечное, быть можетъ грустное, — кто измѣрилъ его? — счастье живой любви.

Парижъ, 1921 г.

Гр. Алексѣй Н. Толстой.

Буржуазная Европа и Совѣтская Россія.

Кончилась офиціальная гражданская война въ Россіи. Между Россіей и Совдепіей поставленъ знакъ тождества.

Держится офиціальный гражданскій миръ въ Европѣ. Между Европой и буржуазнымъ міромъ стоитъ еще знакъ тождества.

Съ презрительной улыбкой жалости смотритъ Европа на печальные останки бѣлой Россіи, раскиданные по всему цивилизованному свѣту. Мы — соръ, выметенный изъ Россіи безпощадной метлой революціи, обреченный на безнаціональное прозябаніе. Въ лучшемъ случаѣ — мы кадры будущей реставраціи, жадно ждущіе момента, когда, зацѣпившись за какого-нибудь доморощеннаго „Бурбона", мы сможемъ во главѣ карательныхъ отрядовъ вернуться на свои насиженныя мѣста. Въ современной политической обстановкѣ намъ нѣтъ мѣста — мы лишь объектъ вынужденной благотворительности. Россія сама рѣшаетъ свои внутреннія дѣла — она выбрала Ленина; горе побѣжденнымъ.

Съ нѣкоторой брезгливостью, но не безъ уваженія, смѣшаннаго со страхомъ, смотритъ офиціальная Европа на народившагося на востокѣ „монстра". Ужасно непріятно и какъ то неуютно, что Россія такъ несимпатично самоопредѣлилась. Но что же дѣлать, въ семьѣ не безъ урода. Есть-ли это слѣдствіе ничтожества борцовъ противъ большевизма и аморфности крестьянскихъ массъ, есть ли это сознательное усвоеніе Россіей совѣтскихъ идеаловъ; преобладаетъ ли насиліе или свободное признаніе — это безразлично: совѣтская власть есть единственная руская власть и, слѣдовательно, та власть, которую заслужила Россія. Съ этимъ приходится считаться. Міръ не можетъ дальше существовать безъ Россіи. Она хочетъ быть Совдепіей — тѣмъ хуже для нея. Все равно, торговать съ Россіей нужно. Европа задыхается: хоть съ чортомъ, а нужно торговать. Только бы найти такую формулу, которая гарантировала бы интересы торгующихъ съ Совдепіей буржуазныхъ гражданъ . . . Вотъ за этимъ „только" остановка: уж очень страшенъ, загадоченъ, грубъ и несговорчивъ восточный „монстръ". Но все дѣло времени. Ленинъ, авось, отступитъ въ одномъ, Ллойдъ Джорджъ въ другомъ — смотришь, какъ нибудь

и договорятся. *) А если нѣтъ? Тогда что же дѣлать съ восточнымъ уродомъ, залѣзающимъ всей пятерней въ самыя больныя мѣста Европы?

А время идетъ и идетъ. Fugit irreparabile tempus. Что несетъ намъ каждый новый рождающійся день — загадка. Но одно ясно уже сейчасъ: разстояніе, отдѣляющее Совдепію отъ Европы сокращается, Европа приближается къ Совдепіи.

Когда и какъ произойдетъ окончательная смычка — неизвѣстно. Пойдетъ ли Европа на Совдепію, или Совдепія на Европу, или произойдетъ не столкновеніе, а сближеніе этихъ двухъ еще пока разнокачественныхъ міровъ — сказать трудно. Но что содержаніе этихъ двухъ начавшихъ соприкасаться сосудовъ должно смѣшаться — это безспорно. Европейская культура стоитъ передъ величайшимъ испытаніемъ.

Трудно сейчасъ помыслить что нибудь конкретное объ этомъ катастрофическомъ столкновеніи, но одинъ грозный и зловѣщій фактъ невольно останавливаетъ и привлекаетъ вниманіе, именно тотъ, что мы, дышавшіе воздухомъ Совдепіи, не пожелавшіе поклониться идолу Совѣтской власти, возставшіе съ оружіемъ въ рукахъ противъ Совѣтской Россіи во имя общечеловѣческой, европейской культуры, мы, попавшіе нынѣ, въ качествѣ изгнанниковъ, на родину этой культуры, мы и Европа — не понимаемъ другъ друга. Русская революція и большевизмъ и для насъ и для Европы является центромъ міровыхъ событій, но, когда мы начинаемъ говорить, — мы убѣждаемся, что говоримъ на разныхъ языкахъ и что видимъ, глядя на то же явленіе, разныя вещи.

Это взаимное непониманіе должно быть признано наиболѣе драматическимъ моментомъ взаимоотношеній Европы и Россіи и требуетъ объясненія.

Русская революція явленіе огромное и многообразное. Но во всемъ сложномъ нагроможденіи ея признаковъ можно отчетливо противопоставить двѣ основныя категоріи: одна характеризуетъ общечеловѣческія черты русской революціи, другая — національныя. Въ этомъ смыслѣ можно говорить, что русская революція имѣетъ два естества: одно общечеловѣческое, другое русское, имѣетъ два лица: одно, обращенное къ Россіи, другое ко всему міру.

Какъ явленіе міровое, русская революція есть попытка осуществленія соціализма, отрицаніе всего культурнаго строя современнаго человѣчества и реальный опытъ созданія новаго. Матеріальныя причины и духовные истоки этого явленія очень сложны и требуютъ спеціальнаго разсмотрѣнія, но a priori безспорно одно: матеріальная и духовная подпочва современнаго соціализма не ограничивается предѣлами Россіи, которая ничего новаго не выдумала, а только въ дерзкомъ порывѣ примѣнила къ жизни то, что подъ названіемъ соціализма, въ разныхъ видоизмѣненіяхъ, проповѣдывалось въ теченіе

---

*) Статья написана еще до заключенія договоровъ западныхъ правительствъ съ совѣтской властью.

многихъ десятилѣтій въ цѣломъ мірѣ и что является предметомъ постоянной, всеобщей и напряженнѣйшей агитаціи и сейчасъ.

Поэтому, Совдепія, будучи качественно отлична отъ Европейскаго строя de lege lata (хотя и онъ въ значительной мѣрѣ, въ условіяхъ войны, приблизился къ соціалистическому строю) является качественно однородной со всѣми духовными теченіями запада, обнимаемыми рамками соціализма, получившимъ такой мощный толчокъ въ событіяхъ міровой войны.

При этомъ, беря свое духовное начало на западѣ, Совдепія отраженнымъ свѣтомъ ярко озаряетъ свой истокъ и придаетъ ему новую, невиданную силу: самымъ фактомъ своего существованія Совдепія превращаетъ соціализмъ изъ отвлеченнаго міропониманія и изъ религіозной утопіи земного рая въ политическую программу legis ferendae. Вѣдь что ни говорить и какъ ни оцѣнивать все происходящее въ Россіи, это — страна осуществляемаго соціализма. Для внѣшняго наблюдателя это безспорно, а выводы каждый дѣлаетъ свои, тѣмъ болѣе свободные, что точныхъ данныхъ о происходящемъ въ Совдепіи никто не имѣетъ. Одни видятъ тамъ зародышъ подлиннаго соціализма, другіе его извращеніе или неудачное примѣненіе — но всѣ съ любопытствомъ присматриваются къ „новому соціальному строю", воплощаемому Совдепіей, а присматриваясь видятъ видимость . . . и привыкаютъ къ мысли объ осуществимости соціализма.

Сочетаніе этихъ вліяній, идущихъ изъ Совѣтской Россіи, съ соціалистическимъ міровоззрѣніемъ разныхъ толковъ и разнаго напряженія, прочно заложеннымъ въ сознаніи Европейскихъ массъ, создаетъ ту грозную и все нарастающую зловѣщую опасность, которая стоитъ передъ Европой. Повторяемъ, Европа, привыкая къ офиціальной Совдепіи, идетъ ей на встрѣчу.

А между тѣмъ обратный процессъ, невидный и непостигаемый для внѣшняго наблюдателя, происходитъ въ нѣдрахъ Россіи. Тамъ соціализмъ „случился", и въ этотъ моментъ умеръ, какъ идея. Теперь дѣло не въ томъ, чтобы о немъ думать и спорить, или чтобы его предотвращать. Онъ подвергнутъ испытанію опыта, онъ для Россіи наглядная реальность. То, что происходитъ въ Россіи, это процессъ его преодолѣнія, и притомъ, процессъ двоякій: процессъ внутренняго, духовнаго преодолѣнія и не совпадающій съ первымъ процессъ внѣшняго сверженія ига образовавшейся самодовлѣющей соціалистической власти. Эти процессы не созрѣли еще въ періодъ офиціальной гражданской войны; результатъ ея показалъ, что положительные токи русской революціи не нарасли еще настолько, чтобы, избравъ точкой своего приложенья Ростовъ или Севастополь, превозмочь отрицательные токи, олицетворенные большевизмомъ. Вся Россія загнана въ тиски большевизма. Но значитъ ли это, что большевизмъ — подлинное лицо вышедшей изъ революціи Россія? Нѣтъ, это значитъ только, что процессъ его преодолѣнія загнанъ вглубь, чтобы съ новымъ напряженіемъ продолжать свою оздоровляющую работу. Вѣдь мы

знаемъ, что если Россія жива, то это не потому, что она организовалась на началахъ соціализма, а напротивъ, потому, что въ основной своей толщѣ она его не приняла. Мы знаемъ, что тѣ отрасли жизни, къ которымъ соціализмъ примѣненъ — обречены на умираніе, что Россія живетъ внутренними соками, несмотря на соціалистическій аппаратъ власти, ничѣмъ съ ней органически не связанный, и вопреки ему. Правда, мы не скрываемъ отъ себя, что соціализмъ, духовно преодолѣнный, оставитъ тяжкое наслѣдство въ видѣ мощнаго аппарата насилія, который еще дорого обойдется Россіи. Но это вопросъ сроковъ и жертвъ, и мы готовы бороться и терпѣть. Главное мы знаемъ: мы знаемъ, что существуетъ теорія соціализма, существуютъ соціалисты, существуютъ слова, слова, слова... и существуетъ кровь и смерть, но что соціализма, какъ строя человѣческой жизни, нѣтъ. Это знаемъ мы, это знаетъ и Россія.

И поэтому мы и Европа не можемъ понять другъ друга. И поэтому мы говоримъ, что это взаимное непониманіе есть грозное и зловѣщее явленіе. Для Европы Совѣтская Россія есть живое осуществленіе соціализма. Для насъ сопоставленіе словъ „живой“ и „соціализмъ“ немыслимо. Мы дорого заплатили, но мы вкусили отъ древа познанія добра и зла: для насъ то, что есть отъ соціализма въ Россіи, есть не духовная, а внѣшняя сила. Соціалистическое лицо русской революціи мы духовно уже преодолѣли. Насъ поглощаетъ другой вопросъ: что происходитъ „тамъ внутри“, въ нѣдрахъ Россіи. Тамъ всѣ наши чаянья, вся наша вѣра.

Россія находится сейчасъ въ томъ періодѣ, когда изъ расплавленной лавы революціи долженъ вылиться новый государственный массивъ. Въ погонѣ за синей птицей земного рая сломленъ прежній бытъ и разбитъ привычный укладъ жизни. Умерла прежняя Россія. Ее можно оплакивать, но воскресить ее нельзя. Новая Россія въ мукахъ рождается. Подавленныя неудачей массы отъ безшабашнаго разгула отчаянья перешли къ безнадежной апатіи разочарованія и постепенно возвращаются къ жизни. Лихорадочно нащупываютъ они ту новую почву, на которой они могли бы начать строить новую жизнь, напряженно ищутъ въ своемъ затуманенномъ, но уже проясняющемся сознаніи отвѣтовъ на основные вопросы нравственной, политической и общественной жизни. Въ глубокихъ потрясеніяхъ и тяжкихъ невзгодахъ, въ этой страшной, но великой школѣ нагляднаго обученія, идетъ таинственный процессъ формированія новыхъ поколѣній, идетъ накопленіе подпочвенныхъ силъ, которыя вырвутся, наконецъ, на свѣтъ Божій и здоровымъ сильнымъ колосомъ покроютъ опустѣвшую русскую равнину.

Это — Россія будущаго. „Здравствуй, племя младое, незнакомое“.

И какъ ни оторваны и ни далеки сейчасъ мы отъ Россіи, но основной задачей нашей является попытка проникнуть въ сердце этой будущей Россіи. Отъ этого зависитъ самое наше гражданское бытіе; этимъ

опредѣлится наша способность влиться въ историческое русло русской жизни. Лишенные непосредственнаго общенія съ народомъ, непосредственнаго ощущенія русской дѣйствительности, мы свои нравственныя силы должны черпать въ бережно хранимомъ въ сознаніи нашемъ образѣ души народной, дабы не оторваться отъ путей нашей родины и сохранить за собой право быть призванными къ жертвенному подвигу ея освобожденія.

Россія будущаго должна быть и нашей Россіей.

Постараемся же вникнуть въ подлинное лицо русской революціи.

Когда то, еще въ восьмидесятыхъ годахъ, одинъ умный и наблюдательный французъ, внимательно изучавшій Россію, именно М. де Вогюэ, указывалъ, описывая Москву и устроенную тамъ Всероссійскую выставку, на поражающія глазъ и мысль разнообразіе и противорѣчія, изъ которыхъ соткана Москва. Ему казалось, что онъ то и дѣло пересѣкаетъ какую то пропасть, отдѣляющую еще живое средневѣковье отъ такой же живой современности. Наличность этого провала, незаполненнаго вѣками, онъ признавалъ характернымъ не только для Москвы, но и для Россіи вообще. Никто, по его мнѣнію, неспособенъ понять Россію и русскихъ, съ ихъ своеобразными переживаніями и горестями, если онъ упуститъ изъ виду или не замѣтитъ этотъ зіяющій провалъ, отдѣляющій низы, застывшіе въ прошломъ, отъ верховъ, блещущихъ современностью и уходящихъ въ будущее.

Мы повторимъ слова М. де-Вогюэ, сказанныя имъ больше тридцати лѣтъ тому назадъ, и выражающія мысль, свойственную многимъ наблюдательнымъ иностранцамъ, изучавшимъ Россію. Никто не проникнетъ въ подлинный смыслъ русской революціи, если онъ забудетъ объ зіяющемъ провалѣ, отдѣляющемъ отчеканенные верхи русской культуры отъ основной массы русскаго народа.

Съ того времени какъ Московія была въ порядкѣ революціи сверху превращена въ Россійскую Имперію, въ Европейскую Великую Державу, — Россія раскололась на двѣ части, которыя постепенно отчуждаясь, утрачивали способность взаимнаго пониманія. Насильственно цивилизованная интеллигенція, у которой, по словамъ Достоевскаго, образовалось двѣ родины: Россія и Европа; и насильственно отстраняемый отъ цивилизаціи народъ, у котораго оказалось тоже двѣ родины: Россія и Азія! Весь драматизмъ новой русской исторіи въ этомъ основномъ противорѣчіи. Мозгъ народа, руководящіе, ведущіе народъ круги, интеллигенція его, которая не знаетъ своего народа, которая сама признаетъ устами величайшаго своего представителя, что народъ для нея „теорія“, „загадка“, и народъ, который не понимаетъ своей интеллигенціи, не признаетъ ее выразительницей своего духовнаго бытія и — что самое страшное — не вѣритъ ей.

Это ли не величайшая драма, требующая катастрофической развязки?

„Я видѣлъ народъ, писалъ Достоевскій, я знаю его, жилъ съ нимъ довольно лѣтъ, ѣлъ съ нимъ, спалъ съ нимъ, къ злодѣямъ причтенъ былъ, работалъ съ нимъ настоящей мозольной работой... Не говорите, что я не знаю народа. Я его знаю". И къ какому же выводу приходилъ провидецъ русской революціи: „Ничего нѣтъ ужаснѣе, какъ жить не въ своей средѣ, восклицаетъ онъ. Мужикъ переселенецъ изъ Таганрога въ Петропавловскій портъ тотчасъ же найдетъ тамъ такого же точно русскаго мужика, тотчасъ же сговорится и сладится съ нимъ. Не то для „благородныхъ". Они раздѣлены съ простонародьемъ глубочайшей бездной, и это замѣчается вполнѣ только тогда, когда благородный вдругъ самъ, силой внѣшнихъ обстоятельствъ, дѣйствительно лишится прежнихъ правъ своихъ и обратится въ простонародье. Хоть всю жизнь свою знайтесь съ народомъ, хоть сорокъ лѣтъ сряду каждый день сходитесь съ нимъ..., по дружески, въ видѣ благодѣтеля или въ нѣкоторомъ смыслѣ отца — никогда самой сущности не узнаете. Все будетъ только оптическій обманъ и ничего больше. Я вѣдь знаю, что всѣ, рѣшительно всѣ, читая мое замѣчаніе, скажутъ, что я преувеличиваю. Но я убѣжденъ, что это вѣрно. Можетъ быть впослѣдствіи всѣ узнаютъ, до какой степени это справедливо".

Да, мы убѣдились, до какой степени это справедливо, убѣдились тогда, когда сбылось то, что казалось ему неизбѣжнымъ выводомъ всей русской дѣйствительности. „Петровская реформа, продолжавшаяся вплоть до нашего времени, дошла, наконецъ, до послѣднихъ своихъ предѣловъ. Дальше нельзя итти, да и некуда: нѣтъ дороги, она вся пройдена". „Вся Россія стоитъ на окончательной точкѣ, колеблясь надъ бездной".

Вотъ какую судьбу предрекалъ Достоевскій нашей родинѣ, и теперь, когда мы переживаемъ то великое и страшное, что смущало предсмертное воображеніе писателя, и когда, разбитые тѣлесно и духовно, мы пытаемся разобраться въ обломкахъ крушенія — мы впервые не только умозрительно постигаемъ, но и реально ощущаемъ, какъ онъ былъ правъ.

Дѣйствительно, всмотримся въ революцію, и мы вездѣ на мѣстѣ рокового обрыва возстановимъ въ памяти и разглядимъ слѣды тѣхъ грозныхъ трещинъ, которыя издавна существовали въ нашемъ общественномъ строѣ и которыя въ своей совокупности, ширясь и углубляясь, вызвали катастрофу.

Возьмемъ основной вопросъ русской жизни — вопросъ земли. Что видимъ мы, бросая ретроспективный взглядъ на Россійскую Имперію? Съ одной стороны — высокая европейская культура отдѣльныхъ частныхъ владѣній, съ другой стороны — примитивное ковыряніе въ землѣ крестьянской массы, придавленной общиной, не вышедшей еще изъ круга идей первобытнаго коммунизма, не осознавшей еще чувства собственности, поддерживающей свое убогое существованіе мечтой и сказкой о черномъ передѣлѣ. Съ одной стороны —

отчетливая фигура вылупляющагося изъ яйца разлагающейся общины крѣпкаго собственника-индивидуалиста, олицетворяющаго здоровье и силу молодой націи, съ другой стороны — истерическая назойливая хлопотня интеллигенціи разныхъ толковъ, пытающейся сдавить картонными обручами партійныхъ программъ и лозунговъ ту бочку, которая трещала и скрипѣла подъ напоромъ растущаго не по днямъ, а по часамъ молодого богатыря. Въ случайномъ механическомъ совпаденіи ея безпочвенныхъ мечтаній о новомъ земельномъ строѣ съ умирающими отзвуками обреченнаго на гибель общиннаго міровоззрѣнія передовая интеллигенція, въ лицѣ своихъ чистыхъ сердцемъ „святыхъ угодниковъ“ 19 вѣка, обрѣла давно жданное и, наконецъ, якобы свершившееся единеніе съ народомъ! А вспомнимъ разгаръ революціи. Всероссійская пугачевщина, какъ послѣдній этапъ массоваго осознанія личной земельной собственности, какъ сведеніе послѣднихъ счетовъ, оставшихся отъ ликвидаціи крѣпостного права — и продолжающая раздаваться въ заревѣ русскаго пожарища проповѣдь ослѣпленной интелигенціи о близящемся осуществленіи „новаго земельнаго строя“, о земельномъ откровеніи, воочію явленномъ міру Россіей, о свершившемся, наконецъ, единеніи интеллигенціи съ народомъ. Это ли не насмѣшка исторіи? Это ли не яркое воплощеніе той бездны, надъ которой колебалась Россія?

А русское земство? Блестящая работа уѣздныхъ и губернскихъ земствъ, цѣлыя поколѣнія земскихъ работниковъ, всѣ силы и помыслы свои безкорыстно отдававшихъ любимому дѣлу, цѣлая эпоха русской культуры, связавшая въ общемъ жертвенномъ трудѣ на пользу народа благороднѣйшихъ представителей помѣстнаго класса съ разночиннымъ третьимъ элементомъ. Прекрасная, свѣтлая, яркая страница русской жизни, которую мы съ оправданной гордостью можемъ развернуть предъ нашими младшими поколѣніями и предъ всѣмъ цивилизованнымъ міромъ. Но всмотритесь, что находится подъ этимъ тонкимъ слоемъ? Зіяющимъ проваломъ чернѣетъ крестьянская волость, бѣдная, невѣжественная, темная, чужая. Это ли не бездна, надъ которой висѣло русское земство?

А гражданскій правопорядокъ? Съ одной стороны — развитой гражданскій оборотъ, правда вырастающій изъ устарѣлаго несовершеннаго законодательства, но все же вполнѣ удовлетворительно оборудованный лучшими юристами по послѣднему слову сенатской практики. Съ другой стороны — основная въ странѣ народная масса, живущая по особымъ допотопнымъ неписаннымъ, никому въ точности не извѣстнымъ обычаямъ, судимая особыми сословными судами безъ элементарныхъ гарантій правового государства, составляющая какъ бы государство полу-дикарей въ рамкахъ европейскаго государства. Это ли не бездна, грозящая поглотить гражданскій правопорядокъ?

А вопросъ власти? Дисциплинированная армія бюрократіи, держащая въ крѣпкихъ тискахъ анархически настроенный, но привыкшій къ повиновенію народъ, тотъ народъ, который, уединившись въ своемъ

быту, отлученный отъ участія во власти, искони смотритъ на всякую государственную власть, какъ на чужую много берущую и мало дающую суровую руку, но который инстинктивной бытовой мудростью чувствуетъ всю необходимость подчиненія власти, какъ единственной основѣ порядка — и вышедшая въ большей части своей изъ прежняго служилаго сословія интеллигенція, которая, казалось, задалась цѣлью всю энергію, ей присущую, всѣ силы, ей свойственныя, употребить на то, чтобы колебать охраняющую ее власть, которая нерѣдко готова была свое мелкое тщеславное „мы“ противопоставить самой идеѣ государственной власти, которая, въ дѣйствительности воплощая въ своемъ дерзкомъ невѣжествѣ анархическое неуваженіе къ государству, наивно думала, что она ведетъ народъ къ свободѣ, творитъ дѣло созиданія. Это ли не бездна, куда должны были сорваться легкомысленныя политическія дѣти, увлекая за собой всю вѣковую постройку, дававшую имъ кровъ и защиту?

А вопросъ націи? Великодержавная политика, подчинившая себѣ шестую часть свѣта, колонизующая цѣлые материки, дающая щедрую помощь и властную защиту десятку народовъ, собранныхъ подъ высокую державу Бѣлаго Царя, и требующая отъ нихъ безгласнаго подчиненія — и богатѣющія и растущія молодыя страны, полныя юношеской дерзости и задора, мечтающія о самодѣятельности и самостоятельности, о своихъ національныхъ задачахъ, о своей національной культурѣ, настолько привыкшія къ факту Россіи и настолько его не понимающія, что, подъ впечатлѣніемъ наносимыхъ имъ вольныхъ и невольныхъ обидъ, готовы проклясть самую связь съ Россіей — и скудѣющій и нищающій „центръ“, костромичи и рязанцы, не только не сознающіе великодержавья своей родины, но не знающіе ея состава и границъ, не подозрѣвающіе, что керосинъ идетъ съ Кавказа, а сахаръ изъ Малороссіи, настолько привыкшіе къ факту Россіи и настолько его не понимающіе, что подъ впечатлѣніемъ требуемыхъ жертвъ готовы отдѣлить себя отъ Россіи. Величайшее противорѣчіе бытія Россіи и ея сознанія, съ кричащей рѣзкостью обозначившееся въ тотъ моментъ, когда Россія уже протягивала руку къ Царьграду, какъ символу осуществленія завѣтныхъ великодержавныхъ идеаловъ!

А вопросъ церкви? Народъ, у котораго только и неба на землѣ, въ этой тяжкой юдоли скорби и слезъ, что убогій сельскій храмъ, зовущій въ обычные часы къ привычной молитвѣ, что безхитростная грошевая свѣчка, поставленная предъ знакомымъ, роднымъ, отъ ветхости потрескавшимся образомъ, что дѣтское, наивное благоговѣніе предъ непонятной скороговоркой сельскаго попика, предъ скромнымъ благолѣпіемъ православной службы, для котораго „Святая Русь“ воплощается въ православіи, который не мыслитъ русское государство, какъ идею, самостоятельно отъ церкви, — и идущая въ народъ интеллигенція, щеголяющая безбожіемъ, презирающая православіе и поповъ, съ недовѣрчивымъ любопытствомъ читающая „Соборянъ“ и въ лицѣ своего духовнаго вождя офиціально порывающая съ церковью;

— и сама эта офиціальная церковь, покинутая интеллигенціей, вдвинутая въ мертвящіе тиски бюрократическаго подчиненія, превращенная въ орудіе политической борьбы, опошленная и заброшенная, лишь въ нѣдрахъ своихъ, какъ сѣмя будущаго, таящая святыя туберозовскія черты. Это ли не страшный искусъ и соблазнъ, проникающій въ самую душу народную!

И вотъ грозное, неясное будущее стало настоящимъ. Рушилась и распалась Имперія; въ крови и пожарахъ сбылся черный передѣлъ; сметено земство; уничтоженъ правопорядокъ; исчезла государственная власть; гонима церковь. Черное крыло смерти осѣнило Россію; по всему лицу ея начался повальный русскій бунтъ, безсмысленный и безпощадный.

Казалось, наступаетъ безотрадный, безнадежный въ своей неопредѣленной длительности, періодъ анархической смуты, изъ котораго постепенно, цѣной мучительныхъ усилій и безконечныхъ жертвъ, мало по малу соберется новая Русь.

Но вышло иначе. Нашлись въ Россіи силы, которыя огнемъ и мечемъ на мѣсто наступившей было анархіи поставили военную диктатуру, худшую чѣмъ самая страшная анархія. Революція выдѣлила темную, но связующую силу большевизма.

Революція разразилась въ самый разгаръ войны и въ большой мѣрѣ была войной обусловлена.

Война, потребовавъ невиданнаго напряженія всѣхъ силъ страны, вызвала невыносимое ощущеніе усталости и раздраженія; война обострила и вызвала наружу всѣ органическіе болѣзненные процессы, разъѣдавшіе тѣло Имперіи. Но этимъ роль войны не ограничилась. Въ образѣ созданнаго ею военнаго соціализма война сыграла особую роль, значеніе которой трудно переоцѣнить. Она вызвала къ жизни тѣ явленія, которыя даютъ русской революціи черты общечеловѣческаго значенія и роднятъ ее съ тѣми міровыми духовными теченіями, которыя подвергаютъ испытанію самое понятіе европейской культуры; она обусловила попытку осуществленія соціализма, вдвинула въ составъ элементовъ, опредѣляющихъ судьбу Россіи, фигуру Карла Маркса.

Война спаяла Россію въ одно огромное хозяйственное цѣлое, объединенное идеей: все для войны. Цѣною безпримѣрныхъ организаціонныхъ усилій были преодолѣны экономическая отсталость и необозримыя пространства, и всѣ живыя силы страны были, въ порядкѣ государственнаго тягла, привлечены къ работѣ на оборону, къ усиленію боеспособности угрожаемой въ своемъ существованіи націи. Тылъ и фронтъ слились, отличаясь лишь способомъ несенія военной повинности. Въ послѣдней вспышкѣ могучей великодержавной воли разсыпанная храмина Имперіи была по единому организаціонному

плану связана въ единую согласованную систему хозяйственнаго управленія.

Россія рушилась въ самый разгаръ войны и въ самый разгаръ осуществленія военнаго хозяйства, въ моментъ максимальной концентраціи власти.

Волна анархіи столкнулась съ неслыханной въ исторіи міра силой государственнаго вмѣшательства. Правда, съ упраздненіемъ войны убивался нервъ, оживлявшій всю систему военнаго хозяйства, угасалъ патріотическій духъ, ее проникавшій. Но не рождался ли другой духъ, ему на смѣну?

Война исчезла, но аппаратъ оставался, аппаратъ, подчиняющій одной центральной волѣ руководство всѣми хозяйственными силами страны. Стоитъ овладѣть аппаратомъ, смѣнить шофера, подставить новую цѣль — и давно вожделѣнный скачекъ изъ царства необходимости въ царство свободы будетъ осуществленъ. Государственную власть надо замѣнить властью пролетаріата, случайную и преходящую цѣль: все для войны, замѣнить постоянной задачей устроенья на землѣ благополучія трудящихся на началахъ соціализма; нѣсколько крупныхъ широкихъ техническихъ мазковъ, углубляющихъ и расширяющихъ наличную систему военно-государственнаго хозяйства до всеобъемлющаго соціалистическаго хозяйства — и сказка земного рая получитъ свое осуществленіе.

Волна анархіи и распада, растущая изъ самыхъ нѣдръ русской исторіи, столкнулась съ волной соціалистическихъ настроеній и получила новое своеобразное направленіе и новую своеобразную окраску. Сочетаніе Емельяна Пугачева, Николаевскаго жандарма и Карла Маркса дало явленья большевизма.

Большевики въ процессѣ происхожденья и возникновенья революціи играли совершенно второстепенную роль. Не они разрушили Имперію, не они завоевали ея тронъ. Они пришли на уже свободное мѣсто и захватили, какъ res nullius, оброненную и никѣмъ не поднятую власть. Затѣмъ, искусно пользуясь какъ анархическими, такъ и соціалистическими настроеніями, проявивъ недюжинную политическую проницательность и огромную организаціонную энергію, они сумѣли постепенно изъ случайнаго захвата создать длительную оккупацію. Овладѣвъ военно-хозяйственнымъ и военно-техническимъ аппаратомъ, примѣнивъ къ полицейскимъ навыкамъ царскаго правительства всю безпощадность военныхъ экзекуцій и отожествивъ понятіе гражданскаго управленія съ понятіемъ военнаго насилія, — они покорили страну. Изъ незначительнаго эпизода, разыгравшагося на фонѣ революціонныхъ событій, выросла общерусская государственная власть, отрицающая Россію, начертавшая на знамени своемъ задачу осуществленія мірового соціализма и лозунгомъ своимъ провозгласившая смерть міровой культурѣ.

Міровое лицо русской революціи восторжествовало. Туманны и загадочны его черты. Но мракомъ и жутью вѣетъ отъ нихъ. Тя-

желый напряженный остановившійся взоръ вперяется въ самыя глубины человѣческой души, вздымая на поверхность всю накипь застарѣлыхъ страданій и неудовлетворенныхъ желаній, будя злобное нетерпѣніе вѣками накопленныхъ обидъ, претворяя въ предметъ реальнаго хотѣнія и земного осуществленія неясныя, затаенныя, облеченныя покровомъ мистицизма, уходящія въ безграничныя дали будущаго мечтанія, предъ которыми останавливалась въ трепетѣ нерѣшительности не только человѣческая воля, но и самая человѣческая мысль.

Великій соблазнъ и искушенія явлены міру, грозной опасностью вѣетъ для всей цивилизаціи отъ развернутыхъ на поляхъ Россіи красныхъ знаменъ.

Ну, а Россія? Какъ въ ея судьбахъ преломляется эта фантастическая метаморфоза русской революціи, это собираніе всѣхъ разсѣяныхъ силъ ея въ фокусѣ коммунистической власти, это волшебное перевоплощеніе дикой анархіи въ сосредоточенное организованное насиліе?

Разсматривая большевистскую власть въ процессѣ русской революціи, нельзя принимать ее какъ что-то данное и не мѣняющееся, соотвѣтствующее программѣ большевиковъ. Силою судебъ большевистская власть есть вмѣстѣ съ тѣмъ и русская государственная власть. Пусть большевики упорно не сдвигаются со своей идеологической программы, пусть для нихъ невозможенъ подобный отказъ даже при наличіи желанія, такъ какъ и персонально и для партіи, это было бы моментомъ гражданской смерти. Но большевики — реальные политики. Имъ нужно возможно дольше, не порывая со своей партійной программой, сохранить власть. И это не только въ эгоистическихъ интересахъ, а въ интересахъ „дѣла", Россія для нихъ не самоцѣль, а средство, и обладаніе русской властью имъ нужно не для устроенія Россіи, какъ таковой, а для созданія мірового пожара. Поэтому, всѣ уступки, не ослабляющія пролетарской диктатуры и не вынуждающія къ явному и непоправимому отказу отъ соціалистической программы, дозволены, если онѣ неизбѣжны въ цѣляхъ сохраненія государственной власти. Этимъ объясняется, что большевики, не мѣняя программы, даютъ отсрочки въ ея осуществленіи тамъ, гдѣ при самомъ полномъ напряженіи полицейскаго пресса настойчивость и прямолинейность могла бы оказаться роковой. Какъ на примѣръ достаточно указать на земельную политику. Усвоивъ программу лѣвыхъ эс-эровъ, когда имъ было съ ними по пути, большевики открыто порвали съ ними, какъ только положеніе Совѣтской власти упрочилось, и провозгласили въ отношеніи земли коммунистическую программу. Убѣдившись на практикѣ, что съ мужиками имъ не справиться, большевики тутъ же дали отбой, отказались отъ примѣненія своей программы въ деревнѣ и предоставили земельныя отношенія своей судьбѣ. Такимъ образомъ даже формально и офиціально большевизмъ даетъ выходъ нѣкоторымъ наиболѣе несокрушимымъ теченіямъ русской общественной жизни. Правда, большевики дѣлаютъ это лишь

постолько — поскольку и не скрывая ждутъ момента, чтобы возстановить упущенное. Но это уже дѣло будущаго и тѣхъ, кто имъ овладѣетъ, нынѣ же большевики въ опредѣленныхъ отношеніяхъ предъ жизнью капитулируютъ.

Въ отношеніи деревни — это фактъ, не подвергающійся сомнѣнію. Для деревни весь совѣтскій соціализмъ — внѣшняя сила, налагающая дань хлѣбомъ, лошадьми, людьми и пр., реквизирующая, грабящая, но не затрагивающая принциповъ хозяйствованія. Мужикъ коммуны не принялъ. У него берутъ хлѣбъ, иногда даромъ — это онъ ощущаетъ, какъ грабежъ, въ лучшемъ случаѣ, какъ налогъ, иногда за товары — это обычная мѣна товара на товаръ. Но товаровъ почти не даютъ, а больше норовятъ взять даромъ. Мужикъ защищается тѣмъ, что прячетъ, лѣзетъ въ драку, начинаетъ возстанія, наконецъ, сокращаетъ свой засѣвъ до своей прожиточной потребности и переходитъ къ забытымъ было формамъ домашняго производства всего необходимаго. Жизнь, подчиняясь непреодолимой силѣ, возвращается назадъ, но остается свободной, не мѣняетъ своего естества. При этомъ, она сохраняетъ потенціально, въ качествѣ психологически пережитаго, тягу къ лучшему удовлетворенію своихъ потребностей, ощущаетъ свою хозяйственную примитивность не какъ нормальное состояніе, а какъ деградацію, какъ отказъ отъ опредѣленнаго жизненнаго уровня и опредѣленной широты хозяйственной дѣятельности, вызванный примѣненіемъ грубой силы. На насиліе, осуществляемое городомъ, деревня отвѣчаетъ хозяйственнымъ саботажемъ, уходитъ въ свою скорлупу, отвоевываетъ свою свободу цѣною возвращенія къ натуральному хозяйству. Но дайте товары, обезпечьте цѣлость хлѣба, верните свободу оборота — и, какъ пружина надавленной спирали, съ невиданной силой взметнется ввысь накопленная, не находящая выхода энергія и приведетъ въ дѣйствіе утомившіеся отъ вынужденнаго бездѣлья хозяйственные навыки. Деревня представляетъ собой океанъ потенціальной силы, ждущей лишь возможности своего выявленія. Деревня и психологически и фактически отстояла свою самостоятельность.

Иначе, конечно, городъ.

Деревня кормитъ себя сама, и потому она свободна. Городъ кормятъ въ большой мѣрѣ большевики — и потому онъ у нихъ въ рабствѣ. Драма взаимоотношеній города и деревни въ томъ, что деревня, не имѣя никакихъ экономическихъ импульсовъ, не даетъ хлѣба городамъ добровольно, а большевики, играя на голодѣ горожанъ, употребляютъ ихъ, какъ силу для выколачиванія хлѣба изъ деревни и для ея подчиненія своей власти. Городъ соціализированъ. Формально онъ организованное цѣлое, противопоставляемое милліонамъ „хозяйчиковъ“, копошащихся на землѣ. Все офиціально сведено въ систему одного огромнаго хозяйства, въ которомъ каждый получаетъ свой паекъ и дѣлаетъ то, что ему велятъ. Всѣ сдѣланы чиновниками, и этимъ должна ограничиться ихъ жизнь.

Такъ обстоитъ дѣло формально. Но по существу и въ городѣ побѣда соціализма лишь кажущаяся.

Тамъ, гдѣ планъ соціалистическаго хозяйства осуществляется,— онъ несетъ по общему правилу запустѣніе и упадокъ. Города вымираютъ въ безплодной попыткѣ осуществленія соціализма. Процессъ вымиранія задерживается тѣмъ, что организованное соціалистическое хозяйство не покрываетъ хозяйственную жизнь въ цѣломъ. Частная торговля, въ разныхъ ея видахъ, продолжаетъ существовать. Она гонима, но она существуетъ. Денежная система продолжаетъ функціонировать. Такимъ образомъ частно-хозяйственный оборотъ, хотя и придавленный и полузадушенный наросшимъ на немъ аппаратомъ хозяйственной бюрократіи, но продолжаетъ существовать. Остается въ силѣ параллелизмъ твердыхъ и вольныхъ цѣнъ, свидѣтельствующій о неизсякаемой живучести свободнаго рынка. Практически хозяйственная жизнь города сводится къ сложнѣйшему переплету приближенно осуществляемаго хозяйственнаго плана съ миріадами житейскихъ взаимоотношеній, связывающихъ исполнителей этого плана между собой и съ деревней, совершенно независимо отъ общаго плана. Отрицаемое соціализмомъ противоположеніе частно-правовой и публично-правовой дѣятельности замѣняется противоположеніемъ дѣятельности формально запрещенной и дозволенной. Гонимая въ дверь природа входитъ черезъ окно.

Изъ сказаннаго вытекаетъ, что деревня не приняла соціализма совсѣмъ, города насильственно соціализированы и удерживаются — хотя бы цѣной ихъ вымиранія — въ этомъ состояніи, но и тамъ продолжаетъ держаться частный оборотъ. Вотъ тотъ максимумъ, который достигнутъ въ осуществленіи соціалистической программы.

Дальнѣйшій ходъ вещей можетъ быть двоякимъ. Или большевизмъ попытается рѣшительно пойти дальше, т. е. проникнуть вглубь деревни и поглотить полностью городъ. Это означало бы возобновленіе страшной борьбы съ деревней, дальнѣйшее вымираніе городовъ, море крови, въ которомъ захлебнется большевизмъ, и новая волна анархіи, — за которой уже начнется государственное возрожденіе Россіи. Принимая, однако, во вниманіе достаточно трезвое политическое чутье руководителей большевизма, нужно признать болѣе вѣроятнымъ другое рѣшеніе, именно то, при которомъ большевизмъ, формально оставаясь на прежней идеологической позиціи, примирится съ существующимъ порядкомъ вещей, какъ съ максимальнымъ въ Россіи достиженіемъ соціалистической программы, а всю свою энергію направитъ во внѣ, на раздуваніе міроваго пожара. Въ этомъ послѣднемъ случаѣ изъ двухъ основныхъ элементовъ, слагающихъ совѣтскую власть — государственная власть и коммунистическая партія — первая во внутренней политикѣ получитъ явный перевѣсъ. Для совѣтскаго великодержавія нужна армія, нуженъ порядокъ, нужна хозяйственная жизнь, нуженъ внутренній миръ. А для достиженія этого необходимы уступки, допустимыя поскольку не унич-

тожается главное: владычество коммунистической партіи и соціалистическій фасадъ. Внутреннее углубленіе соціализма, furor communisticus въ этихъ условіяхъ не находитъ себѣ мѣста.

Между этими двумя крайностями будетъ итти линія поведенія большевизма, обусловливающая длительность его власти; для страны наступаетъ періодъ, болѣе или менѣе долгаго мучительнаго приспособленія всего того, что осталось отъ жизни, къ устоявшимся, застывающимъ и постепенно отмирающимъ соціалистическимъ формамъ. Съ одной стороны будетъ итти обростаніе офиціальнаго соціалистическаго строя житейскимъ бытомъ, отрицающимъ этотъ строй и принципіально ему противоположнымъ. Съ другой стороны будетъ итти наростаніе, подъ соціалистической поверхностью, живыхъ тканей, подъ напоромъ которыхъ, рано или поздно, сразу или постепенно, но свалится, наконецъ, омертвѣвшая клѣтчатка соціалистическихъ наслоеній, какъ кора струпьевъ съ исцѣленнаго тѣла, и обнаружится лицо новой Россіи, еще, можетъ быть, искаженное только что пережитыми нечеловѣческими страданіями, но близкое намъ, родное, подлинное. Когда наступятъ эти дни и какъ произойдетъ таинство преображенія Россіи, намъ знать не дано. Кровавая ли волна смоетъ большевистскую нечисть, или длительный многолѣтній процессъ постепеннаго ея преодолѣнія ожидаетъ Россію — покажетъ лишь будущее, но что это будущее вырастетъ не изъ большевизма и даже не черезъ него, а противъ него — это мы знаемъ.

Странная судьба предначертана исторіей русскому большевизму. Подобно гегелевскому антитезису, большевистская диктатура, противопоставляясь анархическому крушенію Русской Имперіи, участвуетъ, какъ отрицательная, но дѣйственная сила, въ созидательномъ синтетическомъ творчествѣ Новой Россіи. Къ чему ни прикасается большевизмъ, его положительныя заданія, при первой же попыткѣ ихъ осуществленія, оказываются лишенными живого содержанія и превращаются въ грубое, неодухотворенное, мертвящее насиліе. Горе жизни, если соки ослаблены, если сердце утомлено, если духъ немощенъ — она будетъ задавлена и уничтожена. Но молодая жизнь, въ смертельномъ страхѣ за самое духовное бытіе свое, находитъ въ себѣ неизсякаемыя силы сопротивленія. Пусть подъ тяжкими ударами большевистскаго молота раздроблены въ щепы внѣшнія достиженія русской культуры, пусть физически уничтожены и духовно раздавлены цѣлыя поколѣнія — имъ на смѣну Россія шлетъ новыя, болѣе сильныя. Есть еще порохъ въ пороховницахъ! Слабое уничтожается, но сильное крѣпнетъ. Подъ разрушительными ударами большевистскаго молота куется творецъ новой русской культуры — русскій гражданинъ, гордо сознающій свою „буржуазную“ сущность, несущій на знаменахъ своихъ лозунги личной отвѣтственности, свободы и права.

Злая иронія исторіи обрекаетъ большевизмъ на осуществленіе въ Россіи задачъ, противоположныхъ тѣмъ цѣлямъ, которыя они себѣ ставятъ. Подобно одному изъ щедринскихъ градоправителей больше-

вики созданы природой со ступнями, обращенными вспять, почему, желая приблизиться къ какому нибудь предмету, они не только не успѣваютъ въ своемъ желаніи, но все дальше и дальше отходятъ отъ того мѣста, куда они направляются. Разница между ними и щедринскимъ градоправителемъ лишь та, что этотъ послѣдній былъ задержанъ на границахъ своего города стражниками и водворенъ обратно по мѣсту его жительства, большевики же, перешагну въ границы Россіи, обратно не вернутся. Судьбы Европейской культуры и судьбы Россіи не совпадаютъ.

„Однажды, во время Севастопольской кампаніи, разсказываетъ гдѣ-то Мережковскій, русскіе солдаты шли на приступъ. Между нашими и вражескими укрѣпленіями былъ великій ровъ. Первые ряды пали и наполнили равелинъ тѣлами мертвыхъ и раненыхъ. Слѣдующіе ряды прошли по трупамъ. Такіе равелины бываютъ въ Исторіи. Чрезъ нихъ нельзя иначе пройти, какъ по мертвымъ тѣламъ".

Чрезъ такой равелинъ суждено на нашихъ глазахъ перешагнуть Русской Исторіи. Цѣной неисчисленныхъ жертвъ, чрезъ милліоны мертвыхъ тѣлъ, но сила жизни несетъ насъ „по ту сторону". И въ этомъ, если отвлечься отъ апокалиптическихъ настроеній и отъ кроваваго кошмара гражданской войны и большевистскаго ига, величайшее достиженіе русской революціи.

Перерождаемся мы, перерождается наше представленіе о жизни, перерождается самая русская жизнь.

Но есть что-то странное, что-то чудное въ этомъ перерожденіи, въ этомъ ощущаемомъ нами приближеніи новой жизни. Есть ли новыя слова на знаменахъ, зовущихъ насъ къ этой новой жизни? Нѣтъ, это все старыя слова, которыми мы жили и въ старой Россіи и которыя казались намъ ветшающими и терящими смыслъ. Что-же, какой нибудь новый смыслъ находимъ мы въ этихъ словахъ, влагаемъ въ нихъ новыя понятія? Нѣтъ. Собственность, государство, самоуправленіе, право, нація, церковь — это все старыя слова и въ нихъ все тотъ же старый смыслъ. Новое въ нихъ только то, что вся Россія влагаетъ въ эти слова одинъ и тотъ же смыслъ и что для всѣхъ русскихъ это не только — слова, и не только смыслъ, — а неизгладимая составная часть ихъ сознанія, сливающая ихъ въ одно неразрывное, какъ монолитъ, духовное цѣлое.

Мелкая собственность, которая окончательно поглощаетъ противоположенія бывшаго помѣщика и бывшаго крѣпостного; земская волость, сливающая сословное сельское управленіе и барское земство; единое гражданское уложеніе, устраняющее самую память о двойственности правопорядка; единая государственная власть, причудливо сочетающаяся на экранѣ будущаго съ недавними, но уже сказочными воспоминаніями прошлаго; церковь, освобожденная и просвѣтленная въ гоненіяхъ и мученичествѣ — вотъ элементы русскаго самосознанія, связывающіе Новую и Старую Россію и связанные сами неумирающей идеей Націи.

Новая Россія есть обновленная Старая Россія. И въ этомъ быть можетъ, кроется великое, сейчасъ мало постигаемое значеніе Россіи въ судьбахъ міра.

Близится время, когда сойдутся пути буржуазнаго міра и Совѣтской Россіи. „Старыя слова", на которыхъ выросла европейская культура, должны столкнуться съ „новыми словами", провозглашенными Совдепіей. То, что европейскій міръ не чувствуетъ, не видитъ и не понимаетъ настоящей Россіи — есть зловѣщій фактъ, свидѣтельствующій о томъ, что міръ этотъ утрачиваетъ подъ гипнозомъ „новыхъ словъ" живое ощущеніе духовныхъ основъ культуры. Готовится страшный бой.

И кто знаетъ, быть можетъ, „старыя слова", впервые сказанныя Западомъ, будутъ громче всего звучать на Востокѣ; быть можетъ, Обновленная Россія, первая пройдя соблазнъ и искушенія соціализма, первая вернется къ вѣчнымъ истокамъ духовной жизни и будетъ той твердыней, которая охранитъ и сбережетъ пламя міровой культуры.

г. Константинополь, 8 марта 1921 года.

К. Зайцевъ.

Родникъ въ пустынѣ.

I.

Уже нѣсколько дней съ утра до вечера до головной боли, до тошноты качалась на верблюдѣ Ксенія, украдкой отъ самой себя лизала потрескавшіяся губы, маленькими глотками пила изъ фляжки теплую воду, подкрашенную клюквеннымъ экстрактомъ — и все таки не вѣрила, что она находится гдѣ то на широтахъ Туркестана и Кашгаріи и что позади на верблюдѣ, среди вьюковъ и желтыхъ чемодановъ сидитъ, качается, смотритъ на нее и, улыбаясь, щурится отъ солнца ея мужъ.

Все было естественно и вѣроятно, пока были въ Москвѣ или пока неслись по безконечнымъ путямъ Сибири въ экспрессѣ международнаго общества въ прекрасномъ купэ, съ рестораномъ и салонъ-вагономъ по сосѣдству.

Весна, первыя робкія сближенія съ мужемъ и просторъ Сибирскихъ степей дѣлали поѣздку радостной, волнующей и интересной: именно не въ Европу, а въ Азію понеслись они въ свадебное путешествіе, и въ этомъ была часть того особеннаго и яркаго, что вообще побудило Ксенію на ея оригинальный бракъ.

Это былъ рѣдкій случай выйти за англичанина, хотя и очень обрусѣвшаго, но все же настоящаго британца, слегка презиравшаго все не англійское и живущаго въ Россіи съ несомнѣнною изслѣдовательской цѣлью. Этотъ случай, какъ озорницу, подзадорилъ Ксенію и она вышла замужъ неожиданно для своихъ родителей. Она сама научила Роберта, какъ нужно совершать церковныя формальности, и онъ съ веселымъ любопытствомъ воспользовался всѣми льготами православія, какія можно купить за деньги въ любой изъ подмосковныхъ церковокъ.

Ксенія подозрѣвала, что Роберту нужна была не столько жена, сколько молодая москвитянка, спутница по Азіи и пе-

реводчица, знавшая восточные языки, и въ свою очередь прятала лукавое желаніе подчинить себѣ самоувѣреннаго иностранца и превратить его въ ручного интереснаго проводника на край свѣта.

Вообще на бракъ свой Ксенія смотрѣла, какъ на ключъ къ необычайно яркой, никому невѣдомой и интересной жизни.

Избалованная дочь уральскаго горнозаводчика, Ксенія съ дѣтства жила въ Москвѣ, до двадцати лѣтъ увлекалась иностранной литературой, спортомъ — рысаками и театрами, а съ двадцати лѣтъ неожиданно для себя стала переводчицей. Потомъ весь свой досугъ и темпераментъ отдала восточнымъ языкамъ и переводамъ и заражала своихъ читателей необычайнымъ любопытствомъ какъ разъ къ тѣмъ странамъ, которыя были менѣе всего извѣстны. И этимъ заинтриговала Роберта.

До знакомства съ нею онъ не повѣрилъ бы, что въ Россія есть дѣвицы, знающія всѣ европейскіе и часть восточныхъ языковъ, и относился къ Ксеніи съ тѣмъ вниманіемъ, какое могутъ проявить лишь англичане, разъ составившіе свое мнѣніе, но слегка сбитые съ толку.

Ксенія съ одинаковою легкостью болтала съ Робертомъ на разныхъ языкахъ и при этомъ всегда съ любопытствомъ всматривалась въ его зеленоватые глаза и тайно спрашивала себя:

— „Способенъ ли онъ полюбить“?

Робертъ былъ скучно-корректенъ, педантиченъ, слегка шутилъ, никогда не раздражался, и это огорчало Ксенію. Вначалѣ ей совсѣмъ не нравилась его красная, длинная, жилистая шея, отчего гладко-стриженная голова казалась маленькой. Не нравилась постоянная манера держать во рту сигару, смотрѣть мимо Ксеніи и ходить широкими шагами, съ раскачкой снизу вверхъ.

Больше же всего, уже послѣ свадьбы, Ксенію задѣло плохо скрытое въ Робертѣ высокомѣрное отношеніе ко всѣмъ не англичанамъ.

Однажды, — это было въ день посадки на сибирскій поѣздъ, — онъ смотрѣлъ въ окна вагона на безтолково-мечущихся пассажировъ съ огромными узлами, чуть ли не съ

перинами, вспотѣвшихъ, красныхъ и растерянныхъ и ядовито усмѣхался.

Ксенія не выдержала и сказала:

— Мнѣ непріятно, когда я вижу этотъ твой издѣвающійся взглядъ. Ты постоянно насмѣхаешься надъ русскими и надъ Москвою.

— О, что ты! Россія и Москва — это настоящій кладъ для путешественника!

Ксенія скрыла раздраженіе, отвернулась и закусила губку:

— „А говорятъ еще, что англичане джентльмены . . .“ — иронически подумала она.

Поэтому то и въ пути, несмотря на то, что Робертъ относился къ ней съ супружеской нѣжностью, она не могла привыкнуть къ нему и все какъ будто сторонилась его. Между тѣмъ Москва отодвигалась все дальше; мимо проносились пустынныя и дикія мѣста, мелькали незнакомыя чужія лица, а впереди вставала неизвѣстность и одинокія скитанія съ Робертомъ.

И вотъ, даже теперь на шестой день караваннаго пути, изнемогая отъ зноя и оглядываясь назадъ, Ксенія неизмѣнно думала, что Робертъ только путешественникъ и англичанинъ и зеленые глаза его улыбаются не супругѣ, а безпомощной московской женщинѣ, такой хрупкой и слабой подъ лучами безпощаднаго солнца, и такой забавной на верблюдѣ.

Она съ ненавистью смотрѣла на желтые чемоданы на горбу верблюда, на которомъ ѣхалъ Робертъ, потому-что эти чемоданы, ихъ прихотливыя удобства и предусмотрительность больше всего напоминали ей о томъ, что Робертъ только путешественникъ и англичанинъ, упрямо убѣжденный, что будущее всего человѣчества — это Англія.

Голова Ксеніи, какъ надломленная лилія, то и дѣло падала на грудь, при этомъ обнажалась нетронутая солнцемъ часть шеи съ легкими золотистыми завитушками волосъ и бѣло-голубою нѣжной кожей.

Это напоминало Роберту о всемъ ея стройномъ, хрупкомъ и чистомъ тѣлѣ, и онъ, покачиваясь на верблюдѣ, самодовольно улыбался и лѣниво попыхивалъ сигарою.

II.

Впереди ѣхалъ дунганинъ изъ Кульджи, человѣкъ безъ имени, безъ языка и безъ отечества. Рожденный гдѣ то на узлу границъ шести восточныхъ стренъ: — Россіи, Бухары, Авганистана, Индіи, Кашгаріи и Монголіи, онъ не принадлежалъ ни къ одной изъ нихъ, жилъ же во всѣхъ, совсѣмъ не интересовался границами, занимался вьючной перевозкою товаровъ на пространствѣ отъ Джаркента и до Лхасы, давнымъ давно сбрилъ мѣшавшую ему косу, носилъ сартовскую тибетейку и совсѣмъ утратилъ какія бы то ни было понятія о Богѣ и религіи.

Онъ кое какъ зналъ языки: китайскій, монгольскій, свой дунганскій — смѣсь киргизскаго съ кашгарскимъ, — всего три слова русскихъ: „нѣтъ", „хозяинъ" и „маленько". Изъ нихъ чище всѣхъ произносилъ „маленько", хуже, но вполнѣ понятно „нѣтъ" и совсѣмъ по своему — „хозяинъ", который выходилъ у него: „кажайнъ". Однако, всѣхъ этихъ трехъ словъ ему хватало для сношеній съ русскими купцами гдѣ нибудь въ Копалѣ или Сергіополѣ близь Семипалатинска.

Когда нужно было попросить прибавки, онъ вплеталъ въ свою рѣчь слова:

— Эй! Маленько! Маленько...

Когда нужно было войти въ дружескія отношенія, онъ повторялъ, какъ повторяютъ кличку злой собаки, которую хотятъ расположить къ себѣ:

— Эй, кожайнъ, кожайнъ!... — и дѣлалъ мягкій жестъ рукой, какъ бы хотѣлъ „хозяина" погладить.

Когда же сердился, или не могъ согласиться съ расчетомъ, или оскорблялся, повторялъ глухо и обязательно отвернувшись:

— Нѣтъ! Нѣтъ!

Такъ и теперь, на смѣшанную рѣчь путешественниковъ, которые говорили ему по турецки, по китайски и по русски, чтобы онъ держалъ путь на сѣверъ, на Черченъ-дарью, онъ отвѣчалъ сердито и не поворачивая головы:

— Нѣтъ, нѣтъ!... Нѣтъ! и держалъ путь прямо на югъ, на Джаркенъ-дарью.

Это совсѣмъ путало планъ Роберта. Онъ съ самаго начала не хотѣлъ ѣхать по избитымъ путямъ, описаннымъ другими путешественниками. Тянь-шань по описаніямъ Семенова и Потанина онъ такъ хорошо зналъ, что совершенно имъ не интересовался, и потому то изъ Семипалатинска не поѣхалъ на Вѣрный или на Балхашъ, которые зналъ по Пржевальскому, но поднялся по Иртышу до Зайсана, и отсюда съ упрямствомъ англичанина направился по совершенно невѣдомымъ путямъ черезъ Алатау на Кульджу и черезъ Небесныя Горы на Токламаканскую пустыню. Отсюда онъ намѣревался открыть прямой путь на хребетъ Алтынъ-тагъ, потомъ перерѣзать весь Тибетъ и выйти въ Индію въ уже знакомыя ему англійскія колоніи.

Все шло хорошо вплоть до Кучи, откуда нанятъ былъ этотъ дунганинъ. Отъ Кучи дунганинъ шелъ какъ надо до начала Токламаканскихъ степей. Но здѣсь онъ сразу отвернулся и пошелъ въ противоположную сторону.

Робертъ раза два соскакивалъ съ верблюда, догонялъ дунганина, бралъ за поводъ его верблюда, поварачивалъ назадъ, грозилъ проводнику кулаками и ружьемъ, и дунганинъ нѣкоторое время шелъ, какъ ему было приказано. Но потомъ снова круто поворачивалъ на югъ, стегалъ верблюда бичемъ и глухо, злобно повторялъ:

— Нѣтъ! Нѣтъ!...

Ксенія, наблюдая за этими сценками, тайно злорадствовала надъ Робертомъ:

— „Не все такъ дѣлается, какъ ты хочешь!“

Робертъ, какъ бы почуявъ это, пересталъ смотрѣть на Ксенію, замолчалъ и пошелъ пѣшкомъ. Это былъ лучшій признакъ его сквернаго расположенія духа. Пѣшкомъ онъ шелъ быстрѣе каравана, и то и дѣло уходилъ впередъ.

Дорога шла въ виду Тяньшанскихъ высотъ, которыя въ знойномъ, мутномъ воздухѣ едва маячили на юго-западѣ. Каменистая, выжженная солнцемъ и холмистая степь, была совершенно безводной и безлѣсной. Съ земли, уступая Роберту дорогу, вспрыгивали тысячи кузнечиковъ, какъ брызги отъ его сапогъ съ тяжелыми подошвами. Стрекотаніе кузнечиковъ напоминало и подчеркивало знойность и безжизненность степи.

По тому, что Робертъ уходилъ впередъ, поджидалъ караванъ и снова шелъ по дорогѣ, ведшей на югъ къ вершинѣ Джаркенъ-дарьи, Ксенія видѣла, что Робертъ подчинялся дикарю. Но въ то же время, видя слегка сутулую спину мужа, съѣхавшую на затылокъ кэпи и эти упрямыя, крѣпко становящіяся на землю и полусогнутыя въ колѣняхъ ноги, она была убѣждена, что англичанинъ никогда не проститъ дунганину его непокорства.

Совсѣмъ прямо надъ головой стояло солнце и Ксенія напрасно искала тѣней отъ верблюда и отъ себя. Она обычно на тѣни ловила свой силуэтъ и какъ въ зеркалѣ провѣряла: хорошо ли лежитъ на головѣ газовый шарфъ, обернутый чалмой вокругъ прически. Эта женская манера искать себя во всемъ, что можетъ отражать: въ зеркалѣ, въ водѣ, въ уличной витринѣ и даже на тѣни — вызывала всегда шутки Роберта, и Ксенія старалась прихорашиваться украдкой отъ него. Теперь она еще чаще сторонилась его или потому, что была запылена и неумыта, или чувствовала, что отъ нея пахнетъ потомъ. Да и многія раньше непредвидѣнныя подробности: — ссадины на ногахъ отъ ремней сѣдла, смокшее и пропыленное, а потому ѣдкое бѣлье или воспаленное отъ постояннаго сидѣнія на сѣдлѣ тѣло — причиняли Ксеніи, кромѣ физическаго, глубокое душевное страданіе. При одной мысли о томъ, что Робертъ какъ нибудь узнаетъ или догадается объ этомъ, она вспыхивала и, завидуя, что онъ идетъ пѣшкомъ, презирала свое слишкомъ женственное тѣло, совсѣмъ не предназначенное для тяжелыхъ путешествій. Она бранила разныхъ романистовъ и писателей, которые во имя лицемѣрной эстетики такъ часто лгутъ и уже во всякомъ случаѣ умалчиваютъ обо всѣхъ тѣхъ мелочахъ, которыя могутъ служить причиной столькихъ неудобствъ, несчастій, даже отчаянія для женщины.

Ксенія знала, что загаръ ея лица совсѣмъ ее обезобразилъ, съ носа падаетъ шелуха, щеки стали красными. Это совсѣмъ не то, когда какая либо куртизанка послѣ трехмѣсячнаго безстыдства на лиманахъ и на морскихъ пляжахъ пріобрѣтаетъ сплошную бронзовую окраску . . .

Всѣ эти мысли рядомъ съ жаждой и усталостью снова и снова почему то раздражали Ксенію и настраивали ее про-

тивъ Роберта: и за то, что онъ молчитъ, и за то, что онъ не русскій, и за то, что потащилъ ее въ эти проклятыя пустыни безъ воды и безъ дорогъ, и за то, наконецъ, что она все еще не можетъ почувствовать къ нему настоящаго довѣрія, любви и нѣжности, а главное за то, что здѣсь она уже не въ состояніи стать свободной и безпечной, какъ еще совсѣмъ недавно.

III.

Наступилъ девятый день пути отъ Зайсана. Солнце только что поднялось и сразу раскалилось. Ксенію съ утра одолѣвала сонливая тяжесть давно не мытаго человѣка. И вотъ наконецъ-то вдали, въ широкой котловинѣ ей показалось озеро, съ темными овальными островами, а на островахъ — группы бѣлыхъ юртъ съ голубыми дымками, какъ съ высокими султанами.

— Сколько же здѣсь будетъ километровъ? — спросила она у Роберта и сейчасъ же восторженно прибавила: — Хоть бы поскорѣй дойти. Вотъ гдѣ я вымоюсь-то, выкупаюсь! Господи!...

Робертъ криво улыбнулся и прошамкалъ сквозь сигару:

— Посмотри хорошо... Долго посмотри!

Ксенія всмотрѣлась и замѣтила, что острова снимаются съ воды и исчезаютъ, а на концѣ озера внезапно вырастаютъ и дрожатъ рощи, густыя и тѣнистыя, совсѣмъ, какъ гдѣ нибудь въ Тверской губерніи.

— Миражъ?! — разочарованно и изумленно произнесла она и часто заморгала воспаленными глазами.

Робертъ молча пожалъ плечами, какъ бы говоря:

— Что же я сдѣлаю?

Ксенія закрыла глаза и передъ ней нарисовался только что пройденный путь черезъ Алатау и Небесныя Горы, гдѣ было такъ хорошо, разнообразно и лишь немножко жутко: тамъ были такія узкія тропинки, такъ высоки обрывы, такъ бурны и каменисты рѣчки. У Ксеніи сжималось сердце, когда лапы верблюдовъ застрѣвали въ каменьяхъ во время брода черезъ эти рѣчки. Оставляя кровавые брызги на водѣ или на розсыпяхъ береговъ, они подавленно кричали и начинали

быстрѣе шагать, ныряя по воздуху маленькими птичьими головками и озираясь на невидимыхъ враговъ. А впереди опять такія же рѣчки и броды. И удивительно: тамъ даже не хотѣлось пить. Хотѣлось ѣхать все впередъ, хотѣлось поскорѣе выбраться на свѣтлыя, просторныя равнины...

И вотъ онѣ — равнины: уходятъ вдаль на всѣ четыре стороны и будто таютъ, растворяются въ желтомъ туманѣ: есть онѣ, и нѣтъ ихъ...

Верблюды, третій день не видя воды, все быстрѣе и легче шли по раскаленному мелкому щебню, будто спѣша къ какому то, имъ однимъ извѣстному источнику и оттого, что они качали — смутно дремалось и чуть колыхался неподвижный воздухъ, какъ подъ опахаломъ.

Робертъ все чаще спрыгивалъ прямо на ходу съ верблюда и шелъ пѣшкомъ, а Ксенія охотнѣе дремала, ей пріятно было, что Робертъ идетъ впереди и не видитъ ея вялой, полусонной фигуры и размореннаго дремотою и зноемъ лица.

Медленно ползло по небу солнце, и медленнѣй всего посерединѣ неба, а надъ самой головою, когда терялись тѣни, оно совсѣмъ останавливалось, какъ бы издѣваясь надъ изнеможенной въ зноѣ степью и рѣдкими на ней живыми существами.

Совсѣмъ по новому текли, сплетались и раскрашивались мысли Ксеніи, похожія то на грезы, то на чью то рѣчь, напоминавшую журчаніе ручья, то на раскрашенныя въ неземныя яркія краски пейзажи. Или рисовалось далекое невѣдомое прошлое всего человѣчества, которое когда то было маленькимъ, разсѣяннымъ въ пустыняхъ и бродившимъ кочевою жизнью съ караванами, стадами и высокими съ крючками на верху посохами.

То вспоминались безконечные герои дѣтскихъ книгъ и до сихъ поръ казавшіеся Ксеніи живыми, настоящими, гдѣ то безсмертно существующими, и тутъ же слѣдомъ выплывали сценки собственнаго дѣтства...

Ксенія невольно улыбалась и не хотѣла открывать глазъ, чтобы не потерять чудесныхъ образовъ.

— О-о! — услыхала она закругленный и упруго-басовитый голосъ Роберта, и открыла глаза.

Онъ стоялъ на полусогнутыхъ ногахъ, какъ бы готовясь къ прыжку съ лѣвой рукой въ карманѣ брюкъ, а правою показывалъ въ степь, и окурокъ сигары быстро перебрасывался изъ угла въ уголъ его губъ.

Ксенія лѣниво посмотрѣла въ степь по направленію его руки и увидала, что тамъ неторопливымъ махомъ одинъ за другимъ бѣгутъ два волка. И удивилась, что волки не большіе и не сѣрые, а желто-красные, съ высунутыми, отяжелѣвшими и черными отъ пыли языками.

Волки бѣжали совсѣмъ близко и не прочь отъ каравана, а съ нимъ рядомъ, не удаляясь и не приближаясь.

— Есть! — сказалъ Робертъ и помаячилъ проводнику, чтобы тотъ остановился.

Но дунганинъ, отвернувшись, глухо и упрямо промычалъ:

— Нѣтъ! — и продолжалъ ѣхать по степи, ускоряя шагъ верблюдовъ.

Вдругъ Ксенія слегка вскрикнула. Такъ неожиданно было то, что произошло въ одно мгновеніе.

Робертъ, какъ акробатъ, вскочилъ на верблюда, сѣлъ за спину проводника, и ударилъ его кулакомъ сначала по плечу, потомъ по спинѣ. А потомъ схватилъ въ ладони полубритую голову и началъ быстро-быстро натирать обожженныя солнцемъ уши. Верблюдъ изумленно остановился, поглядѣлъ на сѣдоковъ, потомъ свернулъ въ сторону и, наклонивши голову, сталъ шарить губами по выжженной травкѣ.

Ксенія видѣла, какъ на грудь Роберта сыпался горячій пепелъ отъ сигары, какъ багровое лицо его сморщилось, а кэпи свалилась на затылокъ, но онъ все такъ же дѣловито продолжалъ свою работу, пока дунганинъ не запѣлъ ребячьимъ тонкимъ голосомъ:

— Эй! Кажайнъ! Кажайнъ!...

Англичанинъ отнялъ руки отъ ушей проводника, выкинулъ ихъ въ стороны и вверхъ, какъ на гимнастикѣ, потомъ перевелъ духъ, вынулъ изъ кармана свѣжую сигару, закурилъ и снова началъ дѣлать то же, какъ бы не слыша, какъ кричитъ и мечется измученный и окровавленный дунганинъ.

Ксенія очнулась не сразу и вспомнила, что надо что то

сдѣлать. Она однимъ движеніемъ почему то сбросила съ головы свою чалму и крикнула по англійски:

— Стыдно, Робертъ!... Стыдно такъ.

Робертъ оглянулся и, бросивъ истязаніе проводника, спрыгнулъ съ верблюда, взялъ его поводъ и подалъ Ксеніи.

— Хорошо держи, — сказалъ онъ тономъ приказанія и это почему то не обидѣло Ксенію.

Она взяла поводъ, а Робертъ вскочилъ на своего верблюда, выхватилъ изъ чехла ружье и прищурилъ глаза на то мѣсто, гдѣ были волки. Но волковъ тамъ уже не было. Ксенія взглянула налѣво, увидѣла, что волки пошли вокругъ каравана и крикнула Роберту:

— Вонъ они! Назадъ бѣгутъ!

— О! Это же совсѣмъ глупая страна! — азартно крикнулъ Робертъ и пошелъ вокругъ каравана, загибая малое кольцо.

Стараясь обойти другъ друга они кружились, танцовали по степи, пока Робертъ сталъ на колѣно и мучительно долго, какъ показалось Ксеніи, цѣлился. Она нѣсколько разъ зажмуривала глаза, ожидая выстрѣла, и, наконецъ, выстрѣлъ раздался въ тотъ моментъ, когда она, какъ ребенокъ передъ воображаемымъ чудовищемъ, одновременно сгорая страхомъ и любопытствомъ, открыла ихъ и не успѣла зажмурить.

По степи къ волкамъ запрыгали пыльные клубки.

— Снизилъ, — проворчалъ Робертъ, выплевывая недокуренную сигару, и слѣдомъ за первою пустилъ другую пулю, и странно, что Ксенія не слышала второго выстрѣла... Потомъ запѣла третья. Волки пошли прочь отъ каравана, но англичанинъ съ прежней методичностью посылалъ имъ вслѣдъ пулю за пулей до послѣдней и лишь послѣдней опрокинулъ задняго. Волкъ перекувыркнулся черезъ голову, метнулся въ сторону и ошалѣло и устало побѣжалъ назадъ въ то время, какъ охотникъ вкладывалъ въ ружье новую обойму.

Но стрѣлять уже не нужно было. Волкъ пошелъ все медленнѣе, все сильнѣй шатаясь, но продолжая держать путь къ охотнику, какъ будто онъ хотѣлъ выяснить происшедшее недоразумѣніе или протянуть передъ смертью руку примиренія, и сказать „сдаюсь“, или, напротивъ, вонзить костенѣющіе клыки въ ненавистное тѣло убійцы.

Робертъ тоже шелъ ему навстрѣчу, съ ружьемъ на изготовкѣ. Ксенія смотрѣла, какъ сходились звѣрь и человѣкъ, и впервые почувствовала страшную, неотвратимую власть Роберта и надъ волкомъ, и надъ проводникомъ, и надъ собою, и, вспомнивъ про довѣренный ей поводъ, крѣпче сжала его слабою рукою.

Проводникъ сидѣлъ на землѣ на корточкахъ, размазывалъ рукою по щекамъ сочившуюся изъ ушей кровь и потихоньку всхлипывалъ, какъ дитя.

Робертъ приволокъ за хвостъ прямо по землѣ волчью тушу, оставивъ за собою длинную полоску пыли на степи, и бросилъ волка передъ Ксеніей:

— Вотъ: въ холодныя ночи твоимъ ногамъ будетъ тепло, — сказалъ онъ и улыбнулся, какъ показалось Ксеніи, безъ всякаго самодовольства.

Она смотрѣла на его вспотѣвшее и запыленное лицо и тоже улыбалась, сама не зная чему. Потомъ передала ему поводъ верблюда и быстро стала обматывать голову шарфомъ, спѣша спрятать отъ него неприбранные волосы.

IV.

Остатокъ дня прошли лѣниво, безъ дороги, по холмамъ и на востокъ. Робертъ ѣхалъ впереди и то и дѣло помахивалъ отобраннымъ у проводника кнутомъ и поглядывалъ на компасъ. Однако онъ не былъ увѣренъ — хорошо ли, что онъ довѣряетъ компасу и картѣ и самъ ведетъ караванъ.

Дунганинъ ѣхалъ позади. Онъ часто начиналъ пинать въ бока своего верблюда и безпокойно обгонялъ Ксенію, но поровнявшись съ нею, снова отставалъ. Ксенія слышала, какъ онъ по дѣтски всхлипывалъ, и видѣла, какъ скоблилъ со щекъ и съ шеи засохшую кровь. Моложавое, курносое и смуглое его лицо, съ чуть замѣтными рѣдкими волосами на усахъ и подбородкѣ, теперь казалось и окаймленнымъ темно-красными баками, а глаза, узкіе и маслянистые, посверкивали мимо Ксеніи какъ-бы разсѣянно и виновато.

— „Онъ совсѣмъ еще обезьянка!“ — подумала съ улыбкой Ксенія и старалась не смотрѣть на дунганина: ей непріятно было видѣть кровь, выпущенную Робертомъ.

Возникали и обрывались сложныя, запутанныя мысли, вспыхивали противорѣчивыя чувства и все это тонуло въ усталомъ безпокойствѣ:

— Что то еще будетъ впереди? Будетъ ли когда нибудь вода? Къ источнику-бы свѣтлому, прохладному. Утолить бы жажду. Припасть бы къ нему грудью!...

Сутулая спина Роберта, его частое поворачиваніе головы по сторонамъ и заглядываніе на компасъ не обѣщали спокойной увѣренности въ завтрашнемъ днѣ. Однако въ молодой задорной головѣ Ксеніи вспыхивали полудѣтскія мысли:

— „Вотъ они и приключенія!... Начались".

А подсознательное родилось иное, почти злорадное:

— „А ну-ка милые герои! Вывертывайтесь изъ положенія. Это вамъ не книжка съ благополучнымъ концомъ".

Медленно наплывали сумерки, сначала оранжевыя, потомъ зеленоватыя, потомъ лиловыя, и первая звѣзда, вспыхнувъ на мѣстѣ угасающей зари, ласково смотрѣла въ душу Ксеніи, какъ старая знакомая. Отъ этого необитаемая степь показалась ей не столь пустынной и чужой, и Ксенія отчетливо почувствовала подъ собою землю-шаръ, землю-планету, одиноко кочующую въ пространствѣ и такую близкую, родную и роднящую со всѣми, кто живетъ на ней. Это было даже и не сложно: Ксенія смотрѣла на дунганина, на Роберта и на верблюдовъ и какъ бы ощущала теплоту струившейся въ нихъ крови, которая сливалась съ ея кровью и растворялась въ теплыхъ сумеркахъ пустыни.

Ей страстно хотѣлось сойти съ верблюда, припасть къ землѣ и лежать такъ долго, неподвижно и благоговѣйно.

Она склонилась къ верблюду, обняла его пушистый теплый горбъ и вспомнила, что съ утра не сходила на землю, которая теперь дышала на нее горячимъ запахомъ щебня и звала къ себѣ на раскаленную дневнымъ зноемъ полукаменную грудь.

И вдругъ ей показалось, что верблюдъ валится на землю: она слабо простонала и свалилась съ верблюда.

— Э-э-гей! Кожайнъ! Кожайнъ! — закричалъ дунганинъ догоняя Роберта.

Робертъ спрыгнулъ съ верблюда и подбѣжалъ къ Ксеніи. Она пыталась встать на ноги, и не могла. Шатаясь, хваталась за руки Роберта и слабо хихикала, какъ пьяная. Потомъ упала на землю, растянулась и увидѣла, что земля пошла кругомъ и вотъ-вотъ опрокинется.

— Держи-же меня, Робертъ . . . Я падаю!

— Ты на землѣ лежишь . . . Куда ты можешь падать? — недоумѣнно возразилъ онъ, но все таки держалъ ея теплыя, тонкія руки и близко наклоняясь надъ ея лицомъ, дружески ворчалъ:

— Вотъ и потеряемъ цѣлую ночь: я хотѣлъ итти по звѣздамъ . . .

— Какъ древніе волхвы, да? . . . — слабо улыбаясь, спрашивала Ксенія и видѣла, что онъ не сердится на ея слабость.

Пока развьючивали караванъ, Ксенія лежала на спинѣ и смотрѣла на небо, которое теперь стояло надъ землею твердо и было все усыпано звѣздами.

— Господи . . . Только однѣ звѣзды, да мы! — сказала она вслухъ, чувствуя, какъ мелкіе камни давятъ ей въ спину.

Робертъ принесъ и сталъ разстилать для нея спальный мѣшокъ, а дунганинъ обносилъ вокругъ Ксеніи черную веревку-арканъ изъ конскаго волоса, чтобы по землѣ не подползли къ ней ни змѣя, ни скорпіонъ. Тронутая этой заботливостью, Ксенія услышала, какъ проводникъ опять по дѣтски всхлипнулъ и сказалъ:

— Маленько . . . Каракуртъ, джиланъ кельмейды . . .*)

Робертъ хотѣлъ взять Ксенію на руки, чтобы перенести въ постель. Но она встала, придержалась за него и съ усмѣшкою сказала:

— Нѣтъ, обожди. Я сначала пойду погуляю и поправлюсь.

Пошатываясь и оправляя платье, она порылась въ своемъ чемоданѣ и пошла въ глубь сумерекъ, то и дѣло запинаясь за каменья, точно не умѣя ходить.

Она ступала по землѣ какъ по горячему тѣлу живого и могучаго разумнаго существа, подъ защитою котораго было не страшно уходить одной все дальше и дальше отъ каравана въ нѣмую степь.

---

*) Маленько . . . Черная букашка и змѣя не придутъ.

Наконецъ, присѣвъ на камень, осмотрѣлась и прислушалась. Вмѣстѣ съ тьмою ее окутала и окружила тишина, бездумье, ласковая полудремотная усталость. Она откинула голову, смотрѣла на звѣзды и тихо улыбалась ихъ молчаливому мерцанію.

Потомъ зѣвнула, потянулась и стала медленно освобождаться отъ платья и бѣлья, которыя связывали ее, какъ липкія тенета.

Ласково, какъ мягкими крылами изъ одного пуха, ее обнялъ вѣтерокъ, и Ксенія вытянулась ему на встрѣчу, погрузилась въ его объятія, будто беззвучно поплыла по теплой, тихой, ласковой водѣ. Долго она такъ купалась въ струйкахъ теплаго вѣтра пустыни, распустила, расчесала волосы и играла ими съ вѣтромъ, какъ русалка. Потомъ обтерлась полотенцемъ и долго, лѣниво надѣвала свѣжее бѣлье и прибирала волосы.

Испытывая бодрость только что выкупавшагося человѣка, она плутовато подмигнула себѣ и сказала:

— Пусть онъ теперь меня поищетъ! . . . — и легла на камни.

Но въ слѣдующую минуту вдругъ привстала на локоть и встрепенулась:

— А вдругъ волки? . . . Либо скорпіонъ! Или змѣя? . . .

Притихла и прислушалась:

— Гдѣ то топаютъ шаги . . . Нѣтъ, это сердце бьется. Нѣтъ, не сердце . . . Кто же это? — и вскочивъ съ мѣста, противъ воли сильно вскрикнула:

— А-ай! . . . — Степь поглотила звуки и принесла издали:

— О-го-о! . . .

— А-ай! — уже протяжно, призывающе, испуганно и весело кричала Ксенія и побѣжала по степи зигзагами, не зная, гдѣ прозвучалъ этотъ увѣренный и сильный голосъ.

Она бѣжала долго и все металась по степи, потерявъ дорогу къ каравану, а за ней гонялся Робертъ и долго не могъ догнать ее и уловить во тьмѣ ея силуэта, пока, наконецъ, она не бросилась назадъ ему навстрѣчу.

И вотъ, горячая, съ сильно бьющимся сердцемъ, съ учащеннымъ дыханіемъ, не умѣя вымолвить ни слова, она

повисла на его рукахъ и впервые услыхала совсѣмъ особенныя, нѣжныя и страстныя его слова:

— О, моя безумная!... О, бѣдная!...

А потомъ приникла къ нему и покорно принимала его ласки, чувствуя, какъ горяча безплодная земля пустыни.

Онъ потемнѣвшими глазами вглядывался въ ея лицо, блѣдное во мракѣ ночи, а она смотрѣла мимо на безчисленныя звѣзды, яркія, далекія и молчаливыя, не знающія о земномъ стыдѣ.

V.

Только теперь они впервые и по настоящему довѣрчиво и близко подошли другъ къ другу. Ихъ слова особенно отчетливо звучали въ тишинѣ пустыни, пріобрѣтая необычайный и глубокій смыслъ, какъ будто въ необъятномъ храмѣ два жреца совершали священнодѣйствіе. Это было незабываемо для Ксеніи потому, что Робертъ былъ совсѣмъ преображенъ: онъ сталъ поэтомъ и философомъ, ученымъ и художникомъ. И мысли Ксеніи стали окрыленны, ясны и чудесны. Никогда раньше слова и голосъ человѣческій не звучалъ для нея такою чудотворной музыкой: онъ говорилъ о древнемъ полудикомъ человѣкѣ — и вырастали дѣвственные, непроходимые лѣса на окружающихъ ее холмахъ; припоминалъ ли онъ пуническія войны — и открывались безконечныя поля сраженій; говорилъ ли онъ о первыхъ христіанахъ — развертывалась панорама Галилеи, а за нею мощно воздвигался величавый, шумный, прихотливый Римъ... Умолкали его слова — и воцарялась тишина пустыни, въ которой высокая мелодія словъ Ксеніи звучала, какъ тоскливая молитва о грядущемъ воскресеніи всѣхъ земныхъ пустынь.

А Робертъ увѣренными жестами прокладывалъ черезъ пустынные холмы желѣзные пути. Пускалъ по небу, какъ стаи журавлей, воздушныя флотиліи. Извергалъ изъ подъ земли могучіе фонтаны водъ, воздвигалъ высокіе, стальные города, и все это отчетливо вставало передъ Ксеніей, какъ близкая дѣйствительность, потому что самое чудесное, самое волшебное — это человѣческое слово, музыкой звучащее въ пустынѣ, и рождающее всесотворяющую мысль... Если въ

пустыню проникло это слово, если въ ней родилась мысль — значитъ:

— Да будетъ по слову твоему! — торжественно и гордо говорила Ксенія, завершая свои мысли и благословляя взглядомъ Роберта.

Потомъ онъ снова обнялъ ее и сказалъ сурово, будто заклиная:

— Если не я, то сынъ мой долженъ окропить живой водой эту пустыню.

И Ксенія впервые поняла, какое это большое и значительное слово „сынъ". И можетъ быть, вотъ здѣсь въ пустынѣ, на безплодной землѣ, онъ только что посѣянъ и чудесно и торжественно пойдетъ отсюда его жизнь и будетъ ему родина пустыня...

— Какъ это мудро. Какъ это красиво. Какъ значительно! — шептала Ксенія, молитвенно смотря на звѣзды.

Неожиданно вспыхнулъ разсвѣтъ, такой же оранжево-пыльный и безросный, какъ закатъ, и прервалъ горячую и задушевную бесѣду.

Они поднялись на ближайшій холмъ, оглядѣлись и невдалекѣ увидѣли одиноко лежавшіе вьюки и чемоданы, но верблюдовъ и дунганина нигдѣ по близости не было.

Робертъ вспомнилъ о сигарахъ, къ которымъ за всю ночь не прикасался, нахмурился и закурилъ. Ксенія тревожно посмотрѣла на него, потомъ на опустѣвшій станъ и прерывисто, упавшимъ голосомъ спросила:

— Неужели... Неужели онъ уѣхалъ?...

Робертъ молча пожалъ плечами и глухо произнесъ по англійски, какъ бы говоря съ самимъ собою:

— Это мнѣ урокъ за ночныя похожденія!

Ксенія вдругъ вся увяла, потеряла всякую способность обижаться, говорить и даже думать. Она сунула въ свой чемоданъ принесенный ею въ полотенцѣ узелокъ, закрыла чемоданъ; сѣла на него и безпомощно взглянула на разгорающійся востокъ, такой зловѣще-молчаливый, необъятный и безжизненный.

— Конечно я во всемъ виновата, — сказала она наконецъ.

Стоявшій неподвижно Робертъ повернулся къ ней и рѣзко отчеканилъ по русски:

— Э-э! Что толку въ томъ, что мы виноваты!... Надо думать, что дѣлать дальше.

Онъ раза два прошелся вокругъ багажа, съ досадой пнулъ тяжелые вьюки, сѣлъ на нихъ и исподлобья поглядѣлъ на Ксенію. Она невольно увидѣла его двигавшуюся челюсть и искривленныя усмѣшкой губы.

— Вотъ какъ потѣшается надъ человѣкомъ дѣйствительность!... — помолчавъ, прибавилъ Робертъ съ разстановкой: — Я очень глупо сдѣлалъ, что съ тобой поѣхалъ безъ дороги... Рисковать я могъ только своей персоной.

Это какъ то обогрѣло Ксенію, она подошла къ нему и твердо заявила:

— Ради Бога, ты со мной не церемонься... Ты можешь оставить меня здѣсь... При багажѣ.

Онъ съ усмѣшкой возразилъ ей:

— Это не такъ просто, какъ ты думаешь.

И снова нахмурился, потомъ досталъ походный погребокъ, быстро приготовилъ завтракъ изъ консервовъ и сурово сказалъ:

— Нужно хорошо покушать, потомъ подумать... Ну, время дорого, выпей и закуси! — приказалъ онъ строго.

Ксенія невольно подчинилась, выпила всю рюмку коньяку, съѣла лишній бутербродъ и оживилась.

— Приказывай! — сказала она, улыбаясь. — Я думаю, что все смогу исполнить.

— Ты всего не исполнишь потому, что у тебя отвратительные сапоги! — сказалъ онъ озабоченно. — Въ этихъ сапогахъ на балъ ходить, а не въ Индію.

И быстро у ея ботинокъ сверкнувшимъ тесакомъ отсѣкъ прекрасные французскіе каблуки.

— Надѣнь ихъ и бери съ собой самое легкое и самое необходимое.

А самъ между тѣмъ навьючилъ на себя часть багажа, сложилъ въ пирамиду оставшіеся чемоданы, укрылъ ихъ брезентомъ, сдѣлалъ изъ дунганскаго кнута и носового платка флажокъ и укрѣпилъ на пирамидкѣ.

— Такъ мы скорѣе его потомъ найдемъ, — сказалъ онъ просто и увѣренно.

— Ты думаешь, — спросила она робко, — намъ удастся возвратиться?

— Если не я, то, повторяю тебѣ, сынъ мой долженъ будетъ продолжать мою работу! — сказалъ онъ громко, развертывая карту и доставая компасъ.

Ксенія слабо улыбнулась его шуткѣ, но его серьезный тонъ и строгій взглядъ сѣро-зеленыхъ глазъ опять заставилъ ее задуматься.

Но она совсѣмъ не представляла истинной картины ихъ несчастія, а Робертъ ей намѣренно не говорилъ объ этомъ.

Онъ прикинулъ спичкою масштабъ по картѣ, нахмурился и сбросилъ съ себя вьюки.

— Намъ очень далеко итти пѣшкомъ? — спросила она, и въ голосѣ ея снова зазвучало безпокойство.

Робертъ уклонился отъ отвѣта и посовѣтовалъ:

— Тебѣ необходимо хоть немножко уснуть.

— А тебѣ?

— И мнѣ. И береги ты воду! — строго добавилъ онъ, увидѣвъ, что наливая свою фляжку, она пролила немного изъ походнаго боченка.

Потомъ онъ легъ на раскинутый плащъ и, закрывъ глаза рукою, замолчалъ.

Какъ никогда, онъ почувствовалъ усталость и неспособность мыслить. Онъ не могъ сообразить — куда нужно итти, чтобы имѣть надежду выйти къ населеннымъ пунктамъ. Если-бы не было съ нимъ женщины — онъ могъ бы продолжать намѣченный путь, но Ксенія, — онъ это живо представлялъ, — не вынесетъ ни зноя, ни разстоянія, ни голода, ни жажды. Неужели возвращаться?

Такъ ничего и не рѣшилъ онъ и заснулъ, лежа кверху лицомъ.

Ксенія побродила вокругъ него, поглядѣла на озаренную поднимающимся солнцемъ степь и, спрятавъ голову въ тѣнь отъ багажа тоже заснула, быстро, крѣпко и безъ сновъ. Такъ же, какъ спала тысячелѣтнимъ сномъ пустыня. Только кое гдѣ цицикали кузнечики, да бѣленькій флажокъ, привя-

занный къ кнуту надъ пирамидкою изъ багажа, чуть чуть колыхался подъ легкимъ вѣтеркомъ, какъ будто намекалъ на что то важно и лукаво.

VI.

Какъ-то не хотѣлось уходить отъ пирамиды изъ узловъ и чемодановъ, точно отъ домашняго уюта съ любимыми и необходимыми предметами. Ксенія еще разъ переложила свой вьючокъ, который сдѣлала гораздо тяжелѣе, чѣмъ вначалѣ. Робертъ лежалъ, курилъ сигару и молчалъ. Онъ рѣшилъ, что медлить и соображать лучше всего здѣсь, гдѣ есть запасы пищи и воды, въ пути-же колебаться будетъ некогда.

Они сварили изъ консервовъ супъ, хорошо съ комфортомъ пообѣдали, еще разъ вмѣстѣ изучили карту и, нагрузившись, вышли послѣ полудня. Пошли они на сѣверо-востокъ, гдѣ должно лежать степное, небольшое озеро, и гдѣ они надѣялись найти какое либо кочевое племя.

Пошли довольно бодро, даже весело. Подъ котомками оба казались горбатыми, смотрѣли другъ на друга и смѣялись. Потомъ много говорили, невольно, по привычкѣ, мѣшая языки, и Ксенія первая это замѣтила:

— Странно, — сказала она — каждая изъ нашихъ мыслей облюбовываетъ себѣ тотъ или иной языкъ... Замѣтилъ ли ты, что это у насъ выходитъ не случайно?

— Да, сказалъ онъ, криво улыбаясь, — когда я говорю о Римѣ, я невольно говорю по итальянски... Когда же ты мнѣ хочешь сказать непріятность, ты непремѣнно дѣлаешь это по нѣмецки!

— И по англійски, когда говорю о моряхъ или о всѣхъ четырехъ концахъ свѣта, — живо подхватила она и лукаво посмотрѣла на него.

Онъ скосился на нее и сказалъ:

— А по русски надо мною зло смѣешься!...

— О, русскій языкъ выразительный!

— Для тебя! — подсказалъ Робертъ.

— Для всѣхъ, кто его хорошо знаетъ! — упрямо возразила Ксенія и, помолчавъ, спросила: — А ты вѣришь, что

когда нибудь всѣ люди будутъ говорить на одномъ языкѣ. Напримѣръ на англійскомъ?

— Когда они построятъ башню до небесъ!... — засмѣялся Робертъ. — Да такую, чтобы она не развалилась...

— А ты не думаешь, что на небѣ всѣ говорятъ по англійски?

Робертъ громко засмѣялся и остановился, чтобы поправить на себѣ вьюки. Онъ снялъ съ себя ружье, которое слишкомъ раскалилось отъ жары и жгло ему плечо, и замѣтилъ, что Ксенія поджимаетъ одну ногу.

— Мозоль?

— Чуть-чуть, — сказала она беззаботно.

Но онъ усадилъ ее на землю и самъ снялъ ботинокъ.

На бѣлой нѣжной кожѣ розовѣла маленькая ссадина. Робертъ нахмурился, поправилъ ей ботинокъ, и они снова продолжали путь. Но разговоръ уже не налаживался. Ксенія то и дѣло прятала отъ Роберта легкія гримасы, когда ботинокъ колющею болью напоминалъ о ссадинѣ.

День догоралъ. Солнце краснымъ колесомъ скатилось на землю, и когда ночь снова навалилась на пустыню, Робертъ кое-какъ устроилъ ночлегъ Ксеніи, а самъ сидѣлъ возлѣ нея и утѣшался:

— Какъ хорошо, что здѣсь не холодно и нѣтъ дождей. У насъ такъ мало теплаго...

А она отвѣтила ему съ глубокимъ вздохомъ:

— О, какъ бы я хотѣла, чтобы пошелъ дождь!... Мнѣ такъ жарко, такъ душно!

И опять нахмурился и замолчалъ Робертъ: всѣ эти мелочи не обѣщали ничего хорошаго, и сонъ ихъ былъ тяжелъ и безпокоенъ.

И весь слѣдующій день Ксенія прошла безропотно, хоть и побросала часть вещей и часто отставала. Но потомъ...

... Какъ въ тяжкой болѣзни все медленнѣе и тупѣе проходили дни и ночи. По временамъ ей казалось все это неправдой, бредомъ, безсознательною знойной грезой, когда въ большомъ жару на человѣка наваливаются ненужныя и оскорбительныя насилія: то заставляютъ его нырять въ горячую грязь, то задыхаться подъ сугробами пыли, то лѣзть

на шаткую высокую лѣстницу, которая вотъ-вотъ развалится и рухнетъ... Или гоняются за нимъ неумолимые враги, чтобы взять его и мучить до потери памяти. И нѣтъ конца кошмарамъ, темнымъ, жаркимъ и обиднымъ, отъ которыхъ человѣкъ не въ силахъ убѣжать и бьется, мечется въ постели безъ сознанья и просвѣта.

Такъ на пятый день похода Ксенія бросилась на землю и не заботясь ни о позѣ, ни о платьѣ, лежала и не понимала, гдѣ она и что съ нею, и почему преслѣдуетъ ее этотъ хмурый человѣкъ съ сигарою во рту и съ красно-багровымъ, потнымъ и измученнымъ лицомъ...

Ксенія давно не слушала, или слушала, но не понимала, что онъ говоритъ, но знала, что онъ, какъ кошмаръ, неумолимъ и безпощаденъ. Какъ бы она ни протестовала, онъ все равно будетъ поднимать ее, давать ей мятныя лепешки, отчего вся степь и небо и солнце пропахли этимъ противнымъ мятнымъ запахомъ; будетъ говорить ей, то ласково и нѣжно, то грубо и отчаянно, что надо итти впередъ.

Ахъ, это проклятое и жуткое: впередъ!... Какъ оно далеко, какъ несбыточно, какъ странно. Иной разъ Ксенія уже совсѣмъ забудетъ обо всемъ, и мысль уснетъ, и сердце остановится, и солнце погаснетъ, и зной остынетъ, и такъ хорошо тогда забыться навсегда, уснуть и не пробуждаться... Нѣтъ, онъ, этотъ неотвязный призракъ, съ еще большей силой, съ неумолимою жестокостью беретъ ее, трясетъ, становитъ на ноги и, самъ шатаясь и изнемогая, ведетъ, ведетъ куда то въ ярко-желтое и пыльное и жаркое, какъ пожаръ.

Много разъ она слышала его слова:

— Скоро будетъ озеро. Тамъ ты напьешься. Тамъ отдохнешь... Иди, иди! Еще немного! — и вслѣдъ за этими словами, какъ наяву, ей представлялось дивное видѣніе: глубокое и голубое озеро, вѣтеръ гонитъ волны одну за другою: онѣ бѣгутъ играючи, качаясь и звеня серебряными струйками, а у береговъ колышутъ камыши, тѣнистые, густые, задумчиво засматривающіе вглубь на мозаическое дно...

Она уже готова была однимъ движеніемъ снять съ себя связавшіе ее тяжелые и липкіе покровы и отдаться волнамъ, похоронить себя подъ ихъ чудесной синевою, какъ онъ опять беретъ ее, трясетъ и мучаетъ, и говоритъ:

— Очнись! Еще немножко потерпи! Теперь ужъ недалеко... Ну, ради Бога!...

О, какъ ненавидѣла она его за эту ложь, какъ ей хотѣлось, чтобы онъ ушелъ отъ нея, безслѣдно сгинулъ и оставилъ бы ее въ покоѣ...

Нѣтъ, онъ не оставилъ ее ни на минуту, все велъ куда то, мучился и мучилъ, и не было у нея силъ сбросить съ себя его иго.

Такъ и тогда, передъ закатомъ нескончаемо-мучительнаго дня, когда онъ зашагалъ увѣреннѣе и бодрѣе и, показывая вдаль рукою, увѣрялъ ее:

— Теперь ужъ правда, не миражъ, смотри!

Она смотрѣла, видѣла дымъ надъ бѣлыми постройками, а за ними голубую воду озера, но не вѣрила. Не вѣрила, хотя и призывала сладостный обманъ... И отъ этого у нея снова закружилась голова, комкомъ сбилась обида гдѣ то подъ ложечкой, стѣснило сердце, и она упала къ нему на руки, и точно выронила изъ себя небо и землю, и оранжевый закатъ, волю и сознаніе.

Онъ подержалъ ее немного на рукахъ, даже быстро зашагалъ съ нею, какъ бы желая скорѣе донести ее до озера, но скоро и самъ изнемогъ и тяжело упалъ на колѣни, а потомъ на локти, и не могъ подняться. Потомъ увидѣлъ ея блѣдное безкровное лицо, прикоснулся къ груди ухомъ и услышалъ, что сердце бьется все слабѣй и какъ то неохотнѣе... И не могъ поднять головы съ ея груди. Зналъ, что это страшно, если онъ забудется и не поднимется, и все таки не могъ подняться. А потомъ и ему стало безразлично итти или лежать, жить или умереть, и онъ лежалъ безъ мысли, безъ желанья и безъ силъ, въ уродливой позѣ, рядомъ съ полумертвой женщиной.

VII

Столпившіяся возлѣ озера лачуги, домики и юрты назывались общимъ именемъ Суукъ-куль — холодное озеро.

Озеро, конечно, не было холоднымъ и даже то, что издали въ немъ принималось за воду — было лишь бѣловатымъ иломъ, столь обманчивымъ для глаза. Озеро отъ зноя лѣтомъ

высыхало, и его перебродили кулики, и надъ небольшими лужицами трепались, какъ тряпки по вѣтру, и вѣчно плакали о чемъ то чибисы.

Да и лужицы къ срединѣ лѣта исчезали, потому что Суукъ-кульцы разносили воду по домамъ. И бойкій пограничный городокъ, наполненный зимой и осенью пестрымъ, суетливымъ и горячимъ торговымъ людомъ, съ весны замиралъ и особенно былъ скученъ въ знойные лѣтніе мѣсяцы. Въ немъ оставались только сторожилы, лѣнивые и злые, ожидавшіе съ туманно-желтыхъ горизонтовъ случайныхъ, контрабандныхъ каравановъ, у которыхъ вымѣнивали за гнилую грязную воду цѣнные товары: хлѣбъ, шелкъ, чай и серебро.

Цѣлыми днями все мужское населеніе ютилось либо въ тѣни мечети, либо на базарной площади, или подъ истрепанными холщевыми навѣсами возлѣ своихъ пустыхъ и тѣсныхъ лавочекъ. Полураздѣтые, черные отъ солнца, жилистые и сухіе, въ цвѣтныхъ платкахъ и пестрыхъ тюрбанахъ на головахъ, они дремали, покачиваясь изъ стороны въ сторону, и лѣниво перебрасывались рѣдкими словами, пока не прибѣжитъ изъ степи какой либо счастливецъ съ извѣстіемъ о показавшемся вдали случайномъ караванѣ. Тогда весь городокъ вставалъ на ноги и оживалъ. Поднимался галдежъ и споры о водѣ, объ очереди и о цѣнахъ. И горе каравану, если Суукъ-кульцы межъ собой въ ладу и войдутъ въ стачку. Дорого тогда обходилось утоленіе жажды путниковъ и верблюдовъ.

И вотъ въ такое то унылое и будничное время, въ Суукъ-куль со стороны заката пришелъ жуткій слухъ о томъ, что на русскихъ поднимаются войною нѣмцы, и русскіе хотятъ взять на войну всѣхъ сартовъ и дунганъ, татаръ, калмыковъ и киргизъ. Никто въ Суукъ-кулѣ не зналъ по настоящему, чьи они подданные: русскіе или китайскіе, но всѣ знали, что Россія сильная и страшная, и если къ ней пришла бѣда, значитъ бѣда пришла ко всѣмъ.

Не успѣли Суукъ-кульцы пережить огненнаго, полнаго тревогъ и жуткихъ опасеній слуха, не успѣли разукрасить его во всѣ цвѣта причудливой восточной сказки, какъ пронесся новый слухъ; и даже не слухъ, а настоящая быль . . . многіе видѣли, какъ надъ Кашгаріей на Лхасу пролетѣла

нѣмецкая желѣзная птица. А это значило, что пролетѣла она для того, чтобы поднять Китай, никогда не воевавшій и еще болѣе страшный, чѣмъ Россія. Что теперь дѣлать, на чью сторону итти, у кого просить защиты?

И тутъ же слѣдомъ, на другой или на третій день, рано утромъ, прямо на базаръ привезли и самихъ „нѣмцевъ", не то свалившихся съ желѣзной птицы, не то иначе появившихся въ пустынѣ. Да и не важно было, какъ они сюда попали, важно, что ихъ поймали, связали, положили на высокую, скрипучую двухколесную арбу и привезли на мулахъ въ Суукъ-куль.

Какъ на пожаръ, сбѣжались Суукъ-кульцы и окружили арбу, къ которой были крѣпко—накрѣпко прикручены такъ не похожіе на живыхъ, совсѣмъ не страшные, истерзанные, окровавленные плѣнники. Однако всѣ кричали возбужденно и озлобленно, сверлили плѣнниковъ глазами; одни плевали на нихъ, другіе бросали въ нихъ каменьями и палками, третьи порывались съ явной жаждою схватить за горло или грызть зубами: такъ хищно были вытянуты руки и ощерены зубы... И видно было, какъ завидовали многіе тому, который стоялъ на арбѣ съ отобраннымъ у „нѣмца" красивымъ ружьемъ, что то сипло разсказывалъ толпѣ, и то и дѣло тыкалъ дуломъ и прикладомъ въ грудь старшаго изъ связанныхъ. Онъ билъ человѣка и смѣялся, сверкая бѣлыми зубами, и, вздергивая маленькій широкій носъ, явно сочинялъ сказку:

— А этотъ, который въ бабьемъ нарядѣ, въ трубу кругомъ смотрѣлъ и на бумагу все записывалъ, — и дунганинъ дернулъ за рукавъ младшаго и прибавилъ для потѣхи зрителей: я сперва думалъ: это дѣвка. Надо бы раздѣть — смотрѣть. Можетъ правда — дѣвка...

А толпа торжествовала и рычала, метались возлѣ арбы грязные тюрбаны и бронзовые кулаки и груди.

Все было такъ, какъ бываетъ во время самосуда, когда толпа еще не насладилась, не натѣшилась надъ тѣми, кто попалъ въ ея кровавыя объятія.

Уже замерли и смолкли побѣжденные, ибо передъ слѣпой стихіей звѣрства ни слова, ни разумъ, ни мольбы не въ силахъ были остановить хмѣльного и безумнаго злодѣйства.

И потому-то слабый, жалкій и истерзанный видъ Ксеніи

не только ни въ комъ не вызывалъ жалости, но — напротивъ — возбуждалъ въ толпѣ еше большее остервенѣніе, и даже сѣдой старикъ въ чалмѣ кричалъ:

— Ишь! Этотъ-то совсѣмъ еще парнишка, а уже злодѣй. И тянулся черезъ головы другихъ, чтобы достать и ткнуть измученную костылемъ.

Робертъ, истощенный голодомъ и обезсиленный побоями, лежалъ спиною къ Ксеніи и, казалось, ничего не видѣлъ и не понималъ, но вдругъ внезапный вопль Ксеніи вывелъ его изъ забытья и онъ, какъ потревоженный голодный звѣрь, заметался и сталъ рвать веревки. Мускулистыя, спортсментскія руки его въ затянутыхъ узлахъ такъ сильно напряглись, что изъ нихъ брызнула на толпу кровь . . .

Теперь нельзя было узнать въ немъ Роберта: безъ шапки, съ окровавленнымъ лицемъ, съ выкаченными бѣлесыми глазами, онъ былъ страшенъ. Толпа отхлынула и замерла, даже дунгане, правившіе мулами, спрыгнули съ арбы: такъ неожиданно и страшно началъ рваться Робертъ. Но веревка изъ конскаго волоса была крѣпка, и узлы ея затянулись еще крѣпче. Робертъ припалъ къ узламъ зубами, но въ это время сзади снова въ спину его прилетѣлъ камень, и Робертъ только стиснулъ окровавленные зубы и глухо застоналъ. И была во взглядѣ его скорбь и ненависть, и мольба, похожая на клятву: рано или поздно прійти и побѣдить.

Потомъ, когда опять кто-то ударилъ Ксенію и когда вновь раздался ея вопль, Робертъ выгнулъ жилистую шею и увидѣлъ ее связанную, униженную, бьющуюся въ безсильномъ протестѣ... И онъ собралъ остатки своихъ силъ, уперся обѣими ногами въ колесо арбы, рванулся и вмѣстѣ съ костюмомъ разорвалъ веревки . . .

И вскачивъ на арбѣ на ноги почти голый, съ высоко и быстро вздымавшеюся грудью, онъ нѣкоторе время пожиралъ глазами трусливо отступившую толпу и повторялъ:

— О, мы прійдемъ къ вамъ! Мы прійдемъ! . . .

И снова услыхавъ охрипшій голосъ Ксеніи, онъ соскочилъ съ арбы и бросился на самаго стараго, сѣдого, въ бѣломъ тюрбанѣ мусульманина, какъ будто хотѣлъ пролить на него всю силу своей мести. Но тутъ произошло съ нимъ нѣчто чу-

дотворное: бѣлыя сѣдины и пышная чалма задержали его взглядъ и молніей ударила въ его мозгъ надежда спасти Ксенію. — Онъ схватилъ за плечи старика, трясъ его и кричалъ надъ самымъ его ухомъ по киргизски то, что нѣкогда давно случайно прочелъ въ Коранѣ:

— Вамъ отомститъ Аллахъ. За убійство женщины, носящей въ себѣ плодъ жизни! Жестоко отомститъ всему народу!

И старый мусульманинъ вдругъ затрясся. Онъ весь ссутулился, взмахнулъ костылемъ на изумленную толпу и первый бросился развязывать дрожащими руками Ксенію, хрипло и изступленно крича на всѣхъ и каждаго:

— Это женщина! Она беременна! О-о! Аллахъ, Аллахъ... Она беременна!...

Еще не всѣ знали въ чемъ дѣло, но видя, что плѣнники освобождаются, толпа вдругъ стихла, въ ней укротилась ненависть и злоба, и вмѣсто нихъ вселился страхъ. Многіе бѣжали отъ арбы по узкимъ улицамъ и кричали съ рабскою трусливостью:

— Ой-ой! Это начальники! Начальниковъ избили! Что теперь намъ будетъ?

И только тѣ, кто понялъ въ чемъ дѣло, бѣжали за водой, чтобы отлить и отпоить замученную женщину, чтобы выпросить у ней прощеніе за тяжкое, незамолимое, нанесенное всему человѣческому роду оскорбленіе.

Когда Ксенія глотнула воды и пришла въ себя, она прежде всего отыскала глазами Роберта, который стоялъ, пошатываясь, возлѣ арбы и хватался за нее руками. Лицо его было багрово-синимъ, а изо рта сочилась темная, густая кровь. И только глаза казались тѣми же недавними въ незабываемую ночь въ пустынѣ...

Онъ смотрѣлъ на нее, губы его кривились въ побѣдную улыбку, но улыбка эта была страшною гримасой смерти.

Ксенія съ трудомъ приблизилась къ нему и опустилась возлѣ его ногъ на землю, безсильная и онѣмѣвшая отъ скорби. А онъ все такъ же упрямо и крѣпко продолжалъ держать похолодѣвшими рукими пыльную, скрипучую и старую арбу, какъ будто рѣшилъ взять ее съ собой на страшный судъ въ свидѣтели. И все ниже клонилъ голову, все болѣе слабѣлъ и

осѣдалъ возлѣ арбы, все пристальнѣе глядѣлъ на Ксенію потухавшимъ взглядомъ, напрасно пытаясь что то сказать ей кровавыми устами . . .

VIII.

Какъ всегда бываетъ, черезъ нѣкоторое время, когда Ксенія оправилась отъ пережитого, когда у нея исчезли послѣдніе кровоподтеки отъ побоевъ и когда она привыкла къ мысли, что люди, такъ заботливо поддерживавшіе теперь ея существованіе, пріютившіе ее и окружавшіе ласковой жалостью, не могли сознательно отнять жизнь у близкаго ей человѣка, — въ душѣ ея вмѣсто глубокаго отчаянія, осталось одно грустное недоумѣніе: что-же это. Неужели Робертъ умеръ? Почему же не она, а онъ. Вѣдь она слабѣе его во много разъ . . .

Все, какъ въ тяжеломъ снѣ: и вѣрно, и невѣроятно, и вмѣстѣ съ тѣмъ все просто и не сложно: вѣдь всѣ наиболѣе тяжелые удары выпавшаго на ихъ долю испытанія Робертъ принялъ на себя, и погибъ, спасая ее . . .

Каждый день она ходила на могилу Роберта, на вершину древняго высокаго кургана на берегу озера, и долго тамъ сидѣла, какъ бы бесѣдуя съ нимъ о непоправимомъ, какъ бы выпрашивая у него прощенія и совѣта: какъ искупить его жертву? И все спокойнѣе, трезвѣе разбиралась здѣсь она во всемъ и не находила виноватыхъ въ происшедшемъ. Передъ нею неизмѣнно разстилалась сѣрая и знойная, безплодная и дикая пустыня. Можетъ быть она одна во всемъ повинна, но какъ съ нея спросить, кому на нее жаловаться?...

Только теперь она стала догадываться, какой завѣтъ пытался ей оставить Робертъ въ преддверіи вѣчности, и благоговѣйно повторяла, какъ молитву, его горячую мечту: „окропить живой водой пустыню“.

За эту мечту она хваталась, какъ за тоненькую нить, которая когда то приведетъ ее къ истинѣ, какъ къ роднику. Вѣдь рано или поздно онъ забьетъ изъ нѣдръ пустыни, потому что съ пустыней никогда не примирится человѣкъ! . . .

И вдругъ все разрѣшилось неожиданно и просто.

Однажды Ксенія съ кургана увидала приближавшійся караванъ изъ трехъ верблюдовъ и сердце ея больно сжалось,

точно эти три верблюда напомнили ей о давно минувшей юности...

Сердце угадало: это ѣхалъ тотъ самый дунганинъ, который, бросивъ ихъ въ пустынѣ, такъ жестоко расплатился съ Робертомъ за оскорбленіе.

Ксенія почти побѣжала навстрѣчу каравану, и дунганинъ, увидавъ ее, худую, блѣдную и постарѣвшую, спрыгнулъ съ верблюда и наивно что-то лепеталъ, повторяя безъ нужды:

— Эй!... Маленько! Кажайнъ!... — и прикладывалъ къ сердцу тонкія смуглыя руки, кланялся ей въ поясъ, показывалъ на небо и на горизонтъ, будто призывалъ ихъ въ свидѣтели своего искренняго покаянія.

Узнавъ черезъ дунганина всю правду, также искренно раскаялся и весь Суукъ-куль, и жители его встрѣчали Ксенію полусклоненными и виноватыми. И самъ мулла поѣхалъ въ поиски за покинутымъ въ пустынѣ багажемъ, среди котораго самымъ дорогимъ для Ксеніи были записки Роберта, эти живыя нити между мертвыми и живыми.

Когда мулла съ дунганиномъ вернулись въ Суукъ-куль и сдали Ксеніи все до мелочей, она долго плакала надъ искусственнымъ флажкомъ, какъ надъ послѣднимъ знакомъ ихъ несбывшихся надеждъ. А послѣ слезъ ея желанья стали ясны и крѣпки, какъ сталь.

Дунганинъ направлялся въ Лхасу. Ксенія навьючила на его верблюдовъ весь багажъ, и караванъ медленно растаялъ на знойной равнинѣ.

Она опять сидѣла на верблюдѣ, тоненькая, гибкая, въ газовомъ тюрбанѣ, и, качаясь, думала дремотно и печально все одну и ту-же думу, которая все время завершалась въ форму одинокаго кургана, брошеннаго въ пустынѣ на берегу пересохшаго озера.

Мягкія московскія черты ея лица какъ бы подсохли и заострились, въ глазахъ же появилась упрямая настойчивость во что-бы то ни стало, хоть пѣшкомъ, пройти въ Индію, а тамъ и въ Англію, розыскать родителей Роберта и съ ними, возлѣ нихъ, оплакать свое яркое и мимолетное, навсегда поглощенное пустыней счастье...

— А потомъ... — и Ксенія вдругъ спохватилась, точно въ этотъ мигъ узнала новую, доселѣ невѣдомую тайну истиннаго счастья. — Вѣдь я же... въ самомъ дѣлѣ... По настоящему...

И снова, какъ въ ту ночь въ пустынѣ, самое простое и обыкновенное — зачатіе человѣка — показалось ей и мудрымъ, и прекраснымъ чудомъ.

Она всматривалась въ безпредѣльныя, безплодныя дали, но не видѣла ихъ, а видѣла передъ собою новыя невѣдомыя страны, сказочныя рѣки и долины, все то, что можетъ видѣть юная мечта, окрашенная безграничной, новой радостью, купленной цѣною жизни и страданій.

И точно кто-то ласковый и величавый ей шепталъ надъ самымъ ухомъ:

— Ты родишь сына и сотворишь чудо! И чудо это сдѣлаетъ безсмертнымъ Роберта. Раскраситъ явь въ земныя сказки, оплодотворитъ безплодныя пустыни, воздвигнетъ башни до небесъ и научитъ всѣхъ людей единому нарѣчію, для всѣхъ понятному, какъ материнская любовь.

И рѣшила Ксенія беречь себя, какъ хрупкую хранилищницу чуда, какъ кусокъ земли весною, въ которую только что брошено зерно чудеснаго растенія.

Мѣрно шли верблюды по песчаной раскаленной степи. Медленно шло солнце по небу, какъ всегда, покорное законамъ вѣчности.

Георгій Гребенщиковъ.

Экономическое положеніе и общественные классы Совѣтской Россіи.*)

I.

Исторія Совѣтскаго Хозяйства.

Совѣтская власть держится въ центрѣ Россіи уже четвертый годъ. Она за это время ни разу не выпускала изъ рукъ своихъ нашихъ столицъ — Москву и Петроградъ, и господствуетъ нынѣ на всемъ пространствѣ отъ Минска до Хабаровска и отъ Мурмана до Эривани. Ея существованіе представляетъ во многихъ отношеніяхъ историческій парадоксъ, загадку, которую возможно понять только послѣ внимательнаго и пристальнаго изученія той обстановки, въ которой она держится.

Уже три года вся Европа слышала о томъ невѣроятномъ хозяйственномъ развалѣ, который получился въ результатѣ господства большевиковъ. Уже три года многочисленные бѣженцы въ одинъ голосъ повторяютъ насколько нестерпима стала жизнь — здѣсь я говорю только о матеріальной сторонѣ положенія, хотя надо сказать, что по крайней мѣрѣ для интеллигенціи, моральная сторона еще болѣе тягостна. Неминуемый и близкій крахъ большевизма предсказывался не разъ съ математической точностью, приводились выдержки изъ Совѣтскихъ газетъ, подкрѣплявшія эти предсказанія. И это было не только заграницей: въ предѣлахъ самой Совѣтской Россіи за все время большевистскаго господства — отъ первыхъ дней октябрьскаго переворота, до этой весны, начавшейся съ Кронштадтскихъ выстрѣловъ — существуетъ глубокое и ничѣмъ неискоренимое убѣжденіе въ томъ, что Совѣтскій строй падетъ, что онъ смѣнится какимъ то совершенно инымъ порядкомъ, что все совершающееся — это видимость, нѣкій дымъ, который не можетъ не разсѣяться. Самое любопытное, что въ этомъ увѣрены въ большинствѣ даже интеллигентные коммунисты, — въ особенности, это было замѣтно въ первыя времена ихъ владычества, когда они охотно рядились въ мантіи трагическихъ героевъ и говорили: „да, мы падемъ, да мы всѣ погибнемъ, но перейдемъ въ исторію, какъ мученики, наша память будетъ свѣточемъ“ и т. д.

---

*) Докладъ, прочитанный на Съѣздѣ Національнаго Объединенія въ Парижѣ, 5—12 іюня 1921 г., въ засѣданіи 6 іюня.

И вотъ, четвертый годъ большевистская власть существуетъ; четвертый годъ, подъ звуки Интернаціонала, собираются въ стѣнахъ Кремля коммунистическіе съѣзды, и даже тѣ самые люди, которые взялись за руль въ октябрѣ 1917 года, продолжаютъ править и въ 1921-мъ, тѣ же Ленинъ, Троцкій, Зиновьевъ, Рыковъ, Милютинъ, Каменевъ, Сталинъ, и проч.

Помню, въ дни октябрьскаго переворота, большое собраніе въ залѣ Совѣта Министра Финансовъ, на которомъ рѣшался вопросъ о забастовкѣ служащихъ. Во время преній была принесена листовка, расклеивавшаяся большевиками по улицамъ. Ее прочли въ слухъ: „Совѣтъ Народныхъ Комиссаровъ: Предсѣдатель Владиміръ Ильичъ Ульяновъ-Ленинъ“ — смѣхъ и возгласы въ собраніи — „Комиссаръ по Иностраннымъ Дѣламъ Левъ Давыдовичъ Бронштейнъ-Троцкій“ — опять смѣхъ и шумъ, продолжавшійся и далѣе во время чтенія всего списка. Помню, этотъ листокъ вызвалъ у собравшихся чувство облегченія: такіе люди у власти! Значитъ, это несерьезно! Ленинъ, нѣмецкія деньги, пломбированный вагонъ — какіе то народные комиссары вмѣсто министровъ — „это фарсъ, господа“ говорилъ одинъ ораторъ. Забастовка была рѣшена единодушно — чтобы не запачкаться, какъ говорили тогда . . .

А теперь, черезъ три съ половиной года, главные дѣятели этого „фарса“ разговариваютъ, какъ равные съ равными, съ премьеръ-министрами великихъ державъ!

И заграницей начинаютъ появляться сомнѣнія въ томъ, вѣрно ли все, что говорилось до сихъ поръ о Россіи. Начинаютъ думать, что не такъ, очевидно, плохо всѣмъ живется, если держится власть и если дѣйствуютъ театры, печатаются газеты и не остановились желѣзныя дороги. И строится на этомъ основаніи цѣлый рядъ теорій, и даже заграничные русскіе, кромѣ тѣхъ, кто былъ самъ недавно въ Совѣтской области, начинаютъ недоумѣвать: не преувеличены ли были представленія объ ужасахъ большевизма? Вѣдь если все, что говорилось, было правдой, — какъ можетъ еще существовать какая нибудь жизнь въ подобныхъ условіяхъ?

Такихъ сомнѣній, конечно, въ самой Совѣтской Россіи нѣтъ. Тамъ — ясно, что ужасъ повседневной жизни каждаго — не мифъ, а слишкомъ реальная дѣйствительность. Стоитъ прочесть любое письмо бѣженца, только что выбравшагося на волю — будь оно помѣчено 1918 годомъ, или маемъ 1921 — вы встрѣтите всюду тотъ же вопль о невыносимости жизни и ту же жажду, и то же чаяніе конца.

Задачей настоящаго доклада является попытка дать по возможности объективный анализъ экономическаго положенія Россіи, основанный какъ на личныхъ наблюденіяхъ — тамъ я былъ еще полгода назадъ, — такъ и на томъ обширномъ цифровомъ матеріалѣ, который былъ собранъ для Торгово-Промышленнаго Съѣзда.

Чтобы понять, какъ въ невѣроятныхъ экономическихъ условіяхъ Совѣтская власть продержалась до сихъ поръ, необходимо прослѣдить

годъ за годомъ исторію Совѣтскаго Хозяйства. Удобнѣе всего раздѣлить ее на хозяйственные циклы, заканчивающіеся къ сбору новаго урожая, т. е. ко второй половинѣ лѣта. Мы находимся теперь, такимъ образомъ, въ концѣ 4-го цикла-года; 1-ый годъ неполный, потому что большевики захватили власть въ 1917 г. только поздней осенью.

Первый годъ можно назвать *періодомъ стихійныхъ процессовъ*. Большевистская власть, свалившая призрачное правительство Керенскаго, за этотъ періодъ еще не имѣетъ никакого налаженнаго аппарата власти и совершенно недисциплинированный аппаратъ принужденія: матросы, вооруженные рабочіе, — красная гвардія, еще не армія.

Она еще не имѣетъ аппарата, но получаетъ огромное наслѣдство, которое даже сначала не можетъ учесть, какъ слѣдуетъ. Совѣтскіе органы пишутъ, что большевики унаслѣдовали отъ „царизма" и „буржуазіи" разоренное войной хозяйство. Это и вѣрно, и невѣрно, и въ гораздо большей степени невѣрно, чѣмъ вѣрно.

Война взбаламутила хозяйственную жизнь. 16 милліоновъ мобилизованныхъ вызвали сокращеніе посѣвной площади и усиленное потребленіе мяса, приведшее къ паденію численности скота; система твердыхъ цѣнъ вызвала уменьшеніе производства сахара. Но всѣ эти сокращенія колебались въ предѣлахъ отъ $^1/_5$ до $^1/_4$ общаго производства нормальнаго до военнаго года. И наоборотъ, въ области промышленной, война вызвала усиленный ростъ, увеличеніе производства и добычи, особенно, въ области металло-обрабатывающей и химической промышленности. Она же вызвала, вслѣдствіе удорожанія и трудности доставки американскаго хлопка, усиленный ростъ хлопководства въ Туркестанѣ.

Революція, конечно, расшатала въ большей мѣрѣ народное хозяйство, чѣмъ война. Пониженіе трудовой дисциплины, разореніе частновладѣльческихъ имѣній, хлѣбная и прочія монополіи, все это, разумѣется, понижало производство и разстраивало торговый оборотъ. Но въ то же время, самое разстройство торговли способствовало отчасти накопленію запасовъ на мѣстахъ производства, такъ какъ работа все же продолжалась почти вездѣ, и темпъ ея, по инерціи, слабѣлъ не быстро. Такъ, угля за 1917 годъ было добыто 1,516 милліон. пуд. противъ 1,752 въ 1916; желѣзной руды 222 противъ 314; чугуна выплавлено 125 противъ 175; нефти добыто 388 вмѣсто 477 и т. д. Сокращеніе за 1917 г. не превышало въ общемъ $^1/_3$ — $^1/_4$ общей суммы производства.

Такимъ образомъ, въ моментъ захвата власти большевиками, на копяхъ, на промыслахъ, на фабрикахъ и заводахъ — имѣлись довольно значительные остатки невывезеннаго остатка работы за предшествовавшій періодъ. Особенно значительны были залежи мануфактуры на фабрикахъ центральнаго раіона. Сами большевики опредѣляли ихъ еще въ 1918 году въ 1 $^1/_2$ милліарда аршинъ.

Большевикамъ достался, далѣе, русскій золотой запасъ — около 1.200 милліоновъ рублей, румынскій золотой фондъ, сданный на храненіе въ Россію послѣ взятія нѣмцами Бухареста, — около 250 милліоновъ, и, наконецъ, золотая наличность банковъ, золото и драгоцѣнности сейфовъ — общая сумма ихъ обнародована не была, но вмѣстѣ съ драгоцѣнными камнями она все же достигала нѣсколькихъ сотъ милліоновъ. Несомнѣнно также, что и нѣкоторыя, хотя бы и скромныя, количества иностранной валюты попали къ нимъ въ руки. Круглымъ счетомъ, большевики захватили около двухъ милліардовъ рублей, или пяти милліардовъ франковъ золотомъ, камнями и валютой, не считая всевозможныхъ процентныхъ бумагъ и акцій, какъ русскихъ, такъ и иностранныхъ.

Но еще большее, прямо таки рѣшающее значеніе для существованія большевиковъ имѣли запасы военнаго вѣдомства. Точныя цифры не опубликовывались, такъ какъ составляли военную тайну, но извѣстно, что къ веснѣ 1917 г., когда ожидалось общее наступленіе союзниковъ, русская армія, насчитывавшая съ тыловыми частями до 10 милліоновъ человѣкъ, была снабжена всѣмъ необходимымъ для рѣшительнаго столкновенія, — снабжена по широкой мѣркѣ міровой войны.

За 1917 годъ только небольшая часть этихъ запасовъ попала на Галиційскомъ и Рижскомъ фронтахъ въ руки нѣмцамъ и совершенно ничтожная часть была истрачена въ бояхъ. Грандіозные взрывы, вродѣ происшедшаго въ августѣ 1917 года въ Казани, уничтожившіе также лишь малую долю военныхъ складовъ, показываютъ, какъ огромны были запасы даже въ глубокомъ тылу.

Вся эта масса оружія, снарядовъ, обмундированія и т. д., попала въ руки большевиковъ. Для полумилліонной Арміи, каковой является, напр., современная Польская, такихъ запасовъ могло хватить на добрый десятокъ лѣтъ!

Вотъ каково было полученное большевиками „наслѣдіе стараго режима“.

Какъ уже упоминалось, въ первый годъ большевистскій аппаратъ еще не былъ налаженъ, и кое что изъ этого наслѣдства утекло у нихъ сквозь пальцы.

Извѣстно, что при ликвидаціи фронта, значительныя количества военнаго снаряженія, въ особенности артиллеріи, были брошены, а то и проданы нѣмцамъ разбѣгавшимися частями арміи. Запасы Румынскаго фронта, съ бессарабскими тыловыми складами, достались Румыніи. На многихъ фабрикахъ происходилъ дѣлежъ продуктовъ между принявшими всю власть рабочими. Но большевики довольно скоро сорганизовались настолько, что стали противиться расхищенію своего „наслѣдства“ и сберегли большую часть его, особенно, чисто военные запасы: орудія, снаряды, и т. д. Въ меньшей мѣрѣ это удалось въ отношеніи запасовъ интендантства — полъ Россіи ходитъ въ солдатскомъ сукнѣ царскихъ временъ! — нѣкоторое количество винто-

вокъ и пулеметовъ утекло съ фронта въ деревни, особенно на Украйнѣ, но фондъ остался все же не малый.

Первая зима — періодъ стихійныхъ процессовъ. — Съ фронта бурными потоками разливается по всей Россіи демобилизующаяся армія. Крестьяне дѣлятъ землю. Желѣзныя дороги трещатъ подъ наплывомъ массъ. Въ классныхъ вагонахъ сдирается матерія обивки, выламываются окна. Снабженіе городовъ дѣлается хаотичнымъ, и продовольственное положеніе мѣстами обостряется. Нѣтъ общаго недостатка продуктовъ, но распредѣленіе ихъ по странѣ крайне неравномѣрно. Петроградъ видитъ въ февралѣ 1918 года первую хлѣбную выдачу въ 1/4 фунта. Голодъ и закрытіе многихъ военныхъ заводовъ вызываютъ массовый отливъ населенія. За три мѣсяца весны 1918 года цѣлый милліонъ людей покидаетъ Петроградъ, растекаясь по деревнямъ, по провинціи, — и въ особыхъ маршрутныхъ поѣздахъ для рабочихъ и ихъ семей, и на крышахъ вагоновъ, и на буферахъ. Потокъ людей, бѣгущихъ изъ городовъ и съ фабрикъ сливается съ послѣдними ѣдущими домой фронтовиками, и только къ началу лѣта вся эта волна, наконецъ, спадаетъ.

За то же время югъ и юго-западъ Россіи — области, богатыя хлѣбомъ и сахаромъ, главный нашъ угольный районъ, Донецкій бассейнъ, — все это попадаетъ въ руки нѣмцевъ. Возстаніе на Дону отрѣзаетъ большевиковъ отъ сѣвернаго Кавказа. Къ концу лѣта турки занимаютъ Баку. Выступленіе Чехо-словаковъ закрываетъ пути въ Сибирь и Туркестанъ. Отряды „бѣлыхъ", занявшіе Казань, овладѣваютъ половиной большевистскаго золотого запаса, увозя на востокъ 650 миліоновъ.

Къ концу перваго цикла, такимъ образомъ, большевики теряютъ часть своего наслѣдства. Но у нихъ остается главное: запасы военнаго вѣдомства и залежи товаровъ на фабрикахъ центральнаго района. На эти запасы обратила вниманіе Германія и по дополнительному соглашенію 27 августа 1918-го года выговорила себѣ нѣкоторую часть ихъ, но, за крушеніемъ Германіи, поставка товаровъ не состоялась. Было передано нѣмцамъ только золото — ок. 340 мил. р., переданное затѣмъ Германіей союзникамъ.

Къ началу второго періода — къ концу лѣта 18-го года, — Совѣтская власть, ставшая вполнѣ однородной (безъ лѣвыхъ эсъ-эровъ), господствуетъ надъ сильно сократившейся территоріей — безъ Сибири, юга, запада и крайняго сѣвера, — но въ этихъ предѣлахъ, она овладѣваетъ положеніемъ и создаетъ свою собственную вооруженную силу.

Продовольственное положеніе, при полномъ разстройствѣ преслѣдуемой торговли, при отрѣзанности отъ наиболѣе хлѣбныхъ мѣстностей, становится съ августа 18-го года особенно критическимъ. Именно къ этому времени относятся знаменитыя восьмушки и шестнадцатыя фунта. Никто, прожившій осень 18-го года въ Петроградѣ, не сможетъ никогда ее забыть. Тогда еще люди меньше приспособились; немногіе умѣли добывать пайки, да и пайковъ почти не было;

продавать бѣлье еще мало кто рѣшался; продавали только всякія бездѣлушки, вазы, картины и т. д. Умирали многіе: или прямо съ голоду, или отъ малѣйшей болѣзни. Люди на улицахъ, правда, падали рѣдко. Но лошади — тогда еще были лошади! — тѣ часто умирали на улицахъ — особенно много ихъ падало у подъемовъ на мосты. Идя по городу, можно было почти каждый разъ видѣть издыхающихъ лошадей. Убирали ихъ иногда нескоро, онѣ лежали, облѣпленныя мухами.

Ѣсть было почти нечего: даже картофель былъ рѣдокъ въ августѣ и сентябрѣ 18-го года; и люди пили: чай, кофе, по большей части не настоящіе; отъ избытка жидкостей у многихъ дѣлались отеки. Никогда не забуду эти улицы Петрограда съ интеллигентами, на лицахъ которыхъ сѣроватые отеки подъ глазами, этихъ продавцевъ подозрительныхъ лепешекъ изъ какого то сѣровато-зеленоватаго сору, — и вѣчное желаніе съѣсть хоть что нибудь, не проходившее цѣлыми днями . . . Это было трудное время!

Второй періодъ былъ для Совѣтской области особенно критическимъ въ отношеніи продовольствія. Тотъ рѣзкій провалъ въ снабженіи городовъ, который произошелъ передъ реализаціей урожая 18-го года, поставилъ ихъ населеніе на грань голодной смерти. Продовольственный аппаратъ принужденія еще былъ плохо налаженъ, — хотя первые реквизиціонные отряды уже тогда вербовались на фабрикахъ. Къ тому же, наиболѣе богатыя продовольствіемъ мѣста были внѣ Совѣтской области. Наконецъ, остававшіеся кое гдѣ частные запасы были конфискованы властями и выдавались только привиллегированнымъ категоріямъ, тогда еще не очень многочисленнымъ. Второй періодъ можно назвать *голодной зимой.*

За этотъ періодъ большевики постепенно расходовали военные запасы и остатки мануфактуры. Производство на текстильныхъ фабрикахъ останавливалось изъ за отсутствія сырья — туркестанскаго хлопка, запасы котораго истощились почти совершенно къ началу зимы. Всѣ военные успѣхи этого года дали большевикамъ только нѣкоторое количество сахару съ Украйны и прокормъ большей части Красной Арміи въ южныхъ областяхъ.

Третій періодъ — 1919—20 годовъ — былъ также тяжелъ для населенія Совѣтской области, но тяжелъ по иному. Продовольственное положеніе городовъ оставалось въ общемъ на одномъ уровнѣ: съ одной стороны, наладился реквизиціонный аппаратъ, съ другой — начался массовый отливъ городской движимости въ деревню въ обмѣнъ на продукты. Но зато обострился кризисъ съ топливомъ, въ этомъ году сѣверъ уже не имѣлъ ни донецкаго угля, ни нефти. Если второй періодъ можно было назвать періодомъ голодной зимы, то третій, по справедливости, заслуживаетъ названія періода зимы *холодной,*

Помню, какъ было жутко читать въ расклеенныхъ по Ростову номерахъ московскихъ „Извѣстій“ такія сообщенія (заголовокъ —

„Петроградъ подаетъ примѣръ“): „Рабочіе въ Петроградѣ рѣшили этой зимой отапливать общими средствами по одной комнатѣ въ домѣ, гдѣ можно было бы собраться, почитать газету и погрѣться“; „Извѣстія“ рекомендовали московскимъ рабочимъ сдѣлать то-же.

Одна комната въ домѣ отапливается? При русскихъ морозахъ? Возможно ли это? — Да, это было, и всѣ мыслимыя послѣдствія тоже были. Замерзали и лопались водопроводныя трубы, изъ канализаціонныхъ проводовъ нечистоты сочились сквозь потолки квартиръ. Въ жилыхъ помѣщеніяхъ бывало 5 и больше градусовъ мороза. Люди по мѣсяцамъ не снимали шубы. Памятниками этого третьяго періода, этой холодной зимы, въ Петроградѣ стоятъ еще среди пустырей трубы разобранныхъ домовъ, — особенно много ихъ на Петроградской сторонѣ.

И что-же, спросятъ, можетъ быть, — вѣдь живутъ люди все таки, ничего? Нѣтъ! Есть объективныя данныя, которыя свидѣтельствуютъ о томъ, что такая жизнь дается недаромъ. За эту зиму — за холодную зиму — смертность въ Петроградѣ по оффиціальнымъ даннымъ Совѣтской статистики дошла до 90 на тысячу. На первомъ мѣстѣ среди причинъ смерти стояли зимой легочныя и простудныя заболѣванія — слѣдствія холода; на второмъ — дизентерія (лѣтомъ — обратное: дизентерія на первомъ), на третьемъ мѣстѣ — тифъ. Переболѣло сыпнымъ и возвратнымъ тифомъ за 1919 и первую половину 1920 года въ Петроградѣ свыше 100 тысячъ человѣкъ, т. е. примѣрно, одинъ изъ каждыхъ восьми жителей. Смертность дѣтей на первомъ году жизни достигала 57% оставшихся въ Петроградѣ.

За эту зиму, пока — самую тяжкую изъ всѣхъ, большевики истратили почти все свое наслѣдство, за исключеніемъ золотого фонда; но они прибавили зато къ полученнымъ отъ стараго строя богатствамъ большую военную добычу. За этотъ третій періодъ они захватываютъ въ Сибири часть вывезеннаго изъ Казани золотого фонда (свыше 300 милліоновъ рублей). Они овладѣваютъ большими запасами товаровъ на югѣ Россіи и въ Сибири; одни Новороссійскіе склады, — это многомилліонное достояніе. На копяхъ Донецкаго бассейна они находятъ до 100 милліоновъ пудовъ угля, накопленнаго за время Добровольческой власти. А самое крупное пріобрѣтеніе въ концѣ періода: это — Баку, гдѣ они застаютъ невывезенные запасы, 305 милліоновъ пудовъ нефти и неразрушенный аппаратъ производства. Затѣмъ, въ продовольственномъ отношеніи, они захватываютъ избыточныя хлѣбомъ области, въ которыхъ засѣвъ за оба послѣднихъ года происходилъ при другой власти, когда не сокращались посѣвы изъ боязни реквизиціи; они могутъ извлекать остатки прошлыхъ урожаевъ и собирать хлѣбъ, посѣянный не при нихъ.

Большевики, уже истратившіе значительную долю унаслѣдованнаго отъ Имперіи капитала, собираютъ теперь наслѣдство Колчака, Деникина и Азербейджанской Республики. Другой хозяйственный строй позволилъ значительнымъ областямъ Россіи жить еще болѣе

или менѣе нормально; теперь большевики собираютъ плоды работы своихъ противникомъ.

Но за третій періодъ, полученіе всѣхъ этихъ благъ отражается еще только на частяхъ Красной Арміи, одѣвающейся въ англійскіе мундиры и сапоги. Транспортъ и пути сообщенія къ этому времени находятся въ такомъ состояніи, что въ началѣ 1920 года изъ Москвы въ Ростовъ поѣзда вообще не доходятъ — по пути взорваны мосты и нужны нѣсколько пересадокъ. Захваченными богатствами удалось воспользоваться не сразу.

Зато четвертый періодъ, 1920—21-го годовъ, въ первой своей половинѣ является контрастомъ обоимъ предыдущимъ. Продовольственное положеніе городовъ несомнѣнно улучшается. Пайки просто трудовые (на которые постепенно сумѣло перевестись болѣе $^2/_3$ населенія) достигаютъ цѣлаго фунта хлѣба, привиллегированные 1 $^1/_2$ и 2-хъ фунтовъ въ день. Тутъ же большой урожай яблокъ, ихъ тоже выдаютъ по пайкамъ. Есть и картофель, и даже крупы: пшенная, пшеничная, перловая. Топлива тоже значительно больше. По Волгѣ удается вывезти около ста милліоновъ пуд. нефти, изъ Донецкаго бассейна уголь. Эта добавка къ дровяному топливу (оставшемуся и за этотъ годъ основнымъ — $^2/_3$ потребленія) даетъ возможность удѣлять дрова для отопленія домовъ. Параллельно съ этимъ идетъ усиленный ремонтъ паровозовъ, и транспортъ — сравнительно съ зимой 1919—20-го года — во второй половинѣ 20-го года нѣсколько улучшается. Поднимается даже производство: и на текстильныхъ, и на табачныхъ фабрикахъ, и даже добыча угля и торфа. Въ Петроградѣ, гдѣ число рабочихъ сократилось до 80—90 тысячъ, появляются осенью нѣсколько тысячъ рабочихъ изъ провинціи, привезенныхъ для оживленія промышленности. Помню, какъ еще Петроградцы испугались: не вызоветъ ли ихъ пріѣздъ сокращенія пайковъ.

Что это? Происходитъ ли дѣйствительное улучшеніе Совѣтскаго хозяйства? Выбивается ли оно на просторъ, послѣ того, какъ преодолѣны внѣшнія препоны? Отвѣтъ на это даютъ не только теоретическія соображенія — на него отвѣчаютъ факты весны 1921-го года.

Четвертый періодъ не былъ періодомъ выздоровленія. Это былъ *періодъ обманчивой передышки.*

Увеличеніе хлѣбныхъ пайковъ произошло, главнымъ образомъ, за счетъ запасовъ, захваченныхъ въ завоеванныхъ областяхъ. Старые источники дали меньше хлѣба, чѣмъ раньше. Урожай 1920-го года въ избыточныхъ мѣстностяхъ былъ еще отчасти засѣянъ при Добровольцахъ. Имѣлись также остатки прошлыхъ урожаевъ. Довольные быстрымъ ходомъ заготовокъ въ началѣ года, большевики увеличили пайки и, какъ оказалось, просчитались.

Добыча угля, даже при нѣкоторомъ ея увеличеніи къ концу года, была такъ мала въ Донецкомъ Бассейнѣ, что вывозъ шелъ главнымъ образомъ за счетъ оставшагося отъ Добровольцевъ запаса.

Къ тому же, расхищеніе по дорогѣ достигало такихъ размѣровъ, что доходило по назначенію часто менѣе половины.

Съ истощеніемъ запасовъ долженъ былъ наступить кризисъ.

Путемъ обращенія особаго вниманія на ремонтъ паровозовъ, большевикамъ къ началу періода, въ серединѣ 1920-го года, удалось временно улучшить транспортъ, но непрочность этого улучшенія отразилась ярко въ полемикѣ, ведшейся осенью 1920-го года между Троцкимъ и Ларинымъ въ московскихъ „Извѣстіяхъ". Троцкій рѣзко обрушился на Ларина за его призывы „все на ремонтъ паровозовъ". Онъ указывалъ, что вслѣдствіе такой безсмысленной односторонности работы, были израсходованы почти всѣ запасныя части, а новыхъ не дѣлалось, что грозитъ въ ближайшемъ будущемъ полнымъ прекращеніемъ возможности ремонтировать паровозы.

То слабое увеличеніе производства, которое было слѣдствіемъ болѣе правильнаго подвоза сырья и топлива, автоматически превращалось въ обратное, когда наступало разстройство транспорта.

Четвертый періодъ распадается на двѣ части. Первая — примѣрно, до конца 1920-го года, или даже до средины января 1921-го, во время которой Совѣтское хозяйство переживало время невиданнаго за два съ половиной года благополучія; вторая началась съ закрытія ряда желѣзныхъ дорогъ за отсутствіемъ топлива и ознаменовалась остановкой многихъ фабрикъ по той же причинѣ, новымъ упадкомъ производства и, главное, обостреніемъ продовольственнаго положенія. Это обостреніе еще не дошло до той степени, которая наблюдалась осенью 1918-го года, но оно болѣе грозно тѣмъ, что является слѣдствіемъ болѣе глубокихъ причинъ, уже неустранимыхъ ни организаціей реквизиціоннаго аппарата, ни новыми побѣдами на внутреннихъ фронтахъ.

Третій періодъ, годъ холодной зимы, далъ большевикамъ значительный доходъ, который и доставилъ имъ передышку, оказавшуюся обманчивой. Четвертый годъ, какъ и второй, явился періодомъ огромнаго перевѣса потребленія не только надъ производствомъ, — это при большевикахъ было всегда, — но вообще надъ доходомъ. Пріобрѣтенія этого года — Крымъ, Арменія и Грузія — представляютъ, конечно, какъ мѣстности еще невысосанныя, извѣстную цѣнность, но непосредственное хозяйственное значеніе ихъ для Совѣтской власти не велико, Впрочемъ, для внѣшней торговли Батумскій нефтепроводъ и Чіатурскія марганцовыя руды могутъ имѣть извѣстное значеніе.

Изъ обзора экономической исторіи Совѣтской области видно, почему, несмотря на длящійся въ сущности уже три года кризисъ, полный экономическій крахъ еще не наступилъ.

Большевизмъ жилъ наслѣдіемъ стараго — и завоеваніемъ; противники какъ бы раціонировали его, не давая ему все сразу; они сберегли до 1920-го года хозяйственныя цѣнности, которыя при большевикахъ были бы уничтожены ранѣе.

Теперь въ предѣлахъ Россіи 1914-го года, такихъ неиспользованныхъ избыточныхъ областей уже почти не осталось, и большевикамъ новой поживы пришлось бы искать уже за ея предѣлами. Недаромъ, Ленинъ пишетъ, что только революція въ Англіи и Америкѣ (послѣ которой всѣ Совѣтскія Республики, очевидно, по его мнѣнію, имѣли бы общій товарный фондъ) могла бы радикально улучшить ихъ положеніе!

Разсмотрѣніе историческаго хода событій въ Совѣтской Россіи объясняетъ, такимъ образомъ, парадоксъ столь долгаго господства большевиковъ:

Ненавидимая подавляющимъ большинствомъ населенія, съ хозяйствомъ, которое заживо разлагается, Совѣтская власть продолжаетъ держаться, во первыхъ потому, что она собрала своихъ немногихъ сторонниковъ въ желѣзный кулакъ организованной силы, и во вторыхъ потому, что она получила отъ стараго порядка и отъ своихъ противниковъ большіе запасы и аппаратъ производства, только постепенно изнашивающійся и слабѣющій въ рукахъ большевиковъ.

II.

Экономическое положеніе Совѣтской Россіи къ лѣту 1921 года.

Каково положеніе Совѣтской Россіи теперь, къ лѣту 1921 года? Постараюсь изобразить его насколько возможно точно, — здѣсь придется временами обращаться къ цифрамъ.

Какъ тамъ живутъ? Ясно представляю себѣ эти улицы, которыя видѣлъ осенью и подъ раннимъ снѣгомъ, знакомыя улицы столицъ: и Кремль съ золотыми орлами не снятыми съ башенъ — и съ огромнымъ краснымъ флагомъ на Зданіи Судебныхъ Установленій, и бѣлыя ночи надъ неизмѣнившейся Невой. Между камней улицъ тамъ теперь зеленѣетъ трава, цвѣтутъ или отцвѣтаютъ одуванчики. Въ провалахъ торцовой мостовой по прежнему стоитъ вода. Въ сѣромъ свѣтѣ іюньской ночи не кажутся такими зловѣщими пустынныя улицы около Невскаго съ ихъ рядами необитаемыхъ домовъ. На пустыряхъ, гдѣ стояли деревянные дома, разобранные въ холодную зиму, обломки кирпичей и ржавый ломъ желѣзныхъ крышъ зарастаютъ сорной травой. Запустѣніе огромно. О немъ находишь подчасъ самыя неожиданныя свидѣтельства:

„Екатерингофскій Паркъ, единственное мѣсто, гдѣ рабочіе Нарвско-Петергофскаго района могли подышать свѣжимъ воздухомъ въ часы досуга, въ настоящее время пришелъ въ полное разрушеніе. Сюда выгоняютъ коровъ и лошадей для пастбища, деревья не охраняются, дорожки размыты. А когда то здѣсь были прекрасныя липовыя аллеи, пруды съ вымощеннымъ камнемъ дномъ, цвѣтники, скамейки“.

Этотъ вздохъ о прошломъ изъ — „Маховика“, органа Петроградскаго Губернскаго Совѣта Профессіональныхъ Союзовъ, отъ 23 апрѣля 1921-го года.

Но и въ такой обстановкѣ, — весна есть весна. Какое громадное значеніе имѣетъ приходъ тепла и свѣта въ тѣхъ первобытныхъ условіяхъ, которыя создались въ Совѣтскомъ Государствѣ — это трудно почувствовать, не переживъ. Даже нѣкоторое ухудшеніе продовольственнаго положенія не устраняетъ общаго чувства облегченія отъ того, что больше не мерзнешь. Холодъ переносить труднѣе голода, это общее мнѣніе тѣхъ, кто пережилъ голодную и холодную зиму. Опять переполняются тѣ немногіе поѣзда, которые еще ходятъ, людьми, ѣдущими за продуктами. Все свободное и часть служебнаго времени многихъ горожанъ уходитъ на огородныя работы.

Если въ экономической области весна приноситъ ослабленіе напряженія, это отражается и на психологіи. Но конечно, основное настроеніе не мѣняется. Изъ Совѣтской Россіи доходятъ вѣсти не только про весну. Изъ Москвы отъ того же времени пишутъ: „увязаемъ въ грязи физической и духовной“. Очень яркое письмо отъ мая этого года напечатано въ „Новой Русской Жизни“ отъ 22 мая:

„Все не только осталось по старому, т. е. ужаснымъ, но все безусловно идетъ къ полному неминуемому краху“... „Двѣ недѣли тому назадъ разрѣшили свободную торговлю — но увы, торговать нечѣмъ. Предвидя это большевики и разрѣшили свободную торговлю, а теперь кричатъ сами въ печати: вотъ, молъ, вамъ и свободная торговля; какъ мы ее допустили, такъ и начался форменный голодъ. Развѣ это не наглый цинизмъ. Погода у насъ и въ Москвѣ стоитъ чудесная, все въ зелени, но отъ этого еще болѣе болитъ душа“ . . . „Всѣ и всѣхъ интересы свелись на ѣду“ . . . „люди одичали окончательно, воруютъ все, кусокъ карандаша, клочекъ бумаги, веревочку, старое перо, двѣ-три спички, ибо ничего нѣтъ. У насъ нѣтъ воды, утромъ нельзя сварить себѣ кипятку за полнымъ отсутствіемъ топлива. Мы всѣ проклинаемъ большевиковъ, и конецъ будетъ для нихъ небывало кровавый“.

Свободная торговля принесла, пожалуй, нѣкоторое бытовое облегченіе въ апрѣлѣ, но при тѣхъ ограниченіяхъ, которыя ей поставлены, она не можетъ широко развиться, и цѣны продолжаютъ расти.

Цѣны — ничего нѣтъ легче, какъ жонглировать съ ними. Иногда ихъ сравниваютъ съ прежними и говорятъ о томъ, что продукты вздорожали въ десять или сто тысячъ разъ. Или переводятъ ихъ на валюту, и доказываютъ, что многое стало дешевле. Чтобы понять ихъ значеніе, надо сопоставить ихъ съ общимъ доходомъ совѣтскаго работника. Вотъ цѣны въ столицахъ поздней весной 1921-го года, округленныя, чтобы не претендовать на точность тамъ, гдѣ ее быть не можетъ, и скорѣе пріуменьшенныя: хлѣбъ черный около 2.000 рублей фунтъ, масло и сахаръ около двадцати тысячъ р., мясо около 6 тысячъ р. Эти цѣны, примѣрно, въ три-четыре раза выше, чѣмъ были

осенью, и, по опыту прошлыхъ лѣтъ, имѣютъ шансы продержаться со сравнительно незначительными колебаніями до конца года (въ серединѣ лѣта выше, послѣ сбора урожая — нѣсколько ниже іюля, но все же выше апрѣля).

Жалованье — тарифы, повидимому, повышены не были — составляетъ номинально отъ 4 до 7 тысячъ руб. въ мѣсяцъ; прибавки удваиваютъ эту сумму; дополнительныя службы ее учетверяютъ, но лишь немногіе получаютъ столько, что могли бы купить, даже затративъ на это весь свой заработокъ, — напр. 3 фунта сахару или масла въ мѣсяцъ. Прикупать картофель или капусту могутъ въ извѣстной мѣрѣ почти всѣ; но прикупать хлѣбъ, хотя бы по одному фунту каждые три-четыре дня можетъ, конечно, только тотъ, кто имѣетъ нѣсколько службъ. Вообще, жалованье перестало быть главнымъ доходомъ: болѣе серьезными жизненными элементами являются: 1) паекъ, 2) продажа и обмѣнъ вещей. — А деньги? — На ближайшіе мѣсяцы рѣшено, напр., отпустить 40 милліардовъ на продовольственныя прибавки служащимъ. Сейчасъ въ обращеніи находится не-аннулированныхъ денегъ свыше тысячи милліардовъ. Къ концу лѣта это составитъ по 10 тысячъ рублей на каждаго жителя Совѣтской области. Въ 1914 году золота и бумажныхъ денегъ въ обращеніи было около двѣнадцати рублей на человѣка. Но 10 тысячъ рубл. совѣтскими, это полфунта сахару, а двѣнадцать рублей до-военныхъ это около двухъ пудовъ. На другіе товары соотношеніе нѣсколько иное, но суть дѣла не мѣняется. Все-же, пока крестьяне не отказываются рѣшительно отъ денегъ, жалованья имѣютъ нѣкоторое подсобное значеніе.

Паекъ, выдававшійся осенью въ столицахъ, составлялъ, при переводѣ на рыночныя цѣны, сумму въ 4, 5 и болѣе разъ превосходящую денежныя выдачи. Тѣ ловкіе люди, которые получали нѣсколько пайковъ, могли выручать отъ продажи пайковыхъ излишковъ суммы, во много разъ превышавшія ихъ жалованье. Вообще, въ послѣдній годъ, особенно съ періода увеличенія выдачъ, жизнь горожанина стала въ значительной мѣрѣ зависѣть отъ размѣровъ пайка.

Что такое паекъ? Вотъ примѣръ средняго „приличнаго“ пайка этой осени. Рабочій (или служащій) получаетъ въ день: 1) фунтъ чернаго хлѣба и 2) совѣтскій „трудовой“ обѣдъ (супъ изъ ботвы, сушенныхъ кореньевъ, иногда съ капустой, рѣдко съ рыбой, всегда очень жидкій — и на второе кашу, воблу, тушоную капусту, иногда просто вываренную въ супѣ зелень, иногда ржаныя лепешки; второе блюдо всегда въ очень скромномъ количествѣ). И это все. Въ мѣсяцъ онъ еще получаетъ фунтъ соли; полфунта табаку, 4 коробки спичекъ, 1—2 фунта керосину и какую нибудь, мѣняющуюся по мѣсяцамъ, добавку: либо фунтовъ десять картофелю, или капусты, или яблокъ, либо два—три ф. крупы, иногда одинъ ф. постнаго масла. Добавьте къ этому пять—шесть тысячъ рубл. жалованья, или, по осеннимъ цѣнамъ, примѣрно, фунтъ картофеля въ день. Конечно, ни скоромнаго масла, ни молока, ни мяса, ни сахару въ такомъ бюджетѣ совершенно нѣтъ.

И на это люди живутъ. Это — очень голодно; и все таки, это еще не голодная смерть. Жизнь при такихъ условіяхъ обращается въ сплошную охоту за „добавками". Съ трепетомъ слѣдишь за выдачами; научаешься цѣнить и восьмушку хлѣба; и шестнадцатая — все таки лишній ломтикъ.

Теперь, представьте себѣ, при такомъ пайкѣ, сокращеніе хлѣбной выдачи до полуфунта, и Вы отчасти поймете голодную судорогу февраля 1921-го года.

Въ маѣ этого года, мы читали про забастовки съ требованіемъ возобновленія выдачи пайка. Это чрезвычайно любопытно; возможно, что большевики хотѣли, разрѣшая на словахъ свободную торговлю, только скомпрометировать этотъ лозунгъ, обломать его остріе, — и, если вѣрны свѣдѣнія о забастовкахъ съ требованіемъ пайковъ, они пока достигли своей цѣли. А что они торговлю разрѣшили не „въ серьезъ", видно было изъ всѣхъ сообщеній.

Сколько нибудь серьезныхъ пайковыхъ выдачъ въ обще-русскомъ масштабѣ большевики до новаго урожая произвести, однако, не могутъ. Они недаромъ отмѣнили выдачи во всѣхъ городахъ, кромѣ Москвы, Петрограда, Иванова-Вознесенска и Кронштадта. И въ этихъ городахъ выдачи будутъ тоже меньше осеннихъ; но спустятся ли онѣ до уровня августа 1918-го года, это еще неизвѣстно.

Во всякомъ случаѣ, въ ближайшіе мѣсяцы на пайки трудно прожить; правда, въ серединѣ лѣта подоспѣютъ огороды, играющіе важную роль въ питаніи городовъ. Но все же, будетъ голодно — деревня сѣвера и центра сама терпитъ недостатокъ въ продуктахъ и поэтому, хотя мѣстная торговля разрѣшена, — вѣрнѣе, мѣстный обмѣнъ, — многаго изъ деревни за остатки бѣлья и платья горожане до новаго урожая не извлекутъ. Это сбережетъ часть этихъ жалкихъ остатковъ на будущую зиму, но сейчасъ будетъ очень тяжелое время.

Слѣдующій годъ можетъ стать катастрофичнымъ въ продовольственномъ отношеніи. На 1921—22 годъ большевики исчисляютъ натуральный налогъ въ 240 милліоновъ пуд. хлѣба. За 1920—21 они собрали 287 милл. (вывезли съ мѣстъ меньше), за 1919—20 — 212 милл. Такимъ образомъ, сумма хлѣба, которую они хотятъ взять съ крестьянства, не меньше того, что они брали до сихъ поръ. Дать взамѣнъ — они почти ничего не могутъ; сахару на 1-ое января 1921 г. оставалось всего около 5 милл. пудовъ, онъ выдается только по привиллегированнымъ пайкамъ и въ деревню не пойдетъ. Мануфактура исчерпана. Соли — значительный недостатокъ. Вооруженныя реквизиціи для собиранія смѣнившаго разверстку налога остаются единственнымъ способомъ добыть хлѣбъ изъ деревни. Между тѣмъ, въ самой деревнѣ можетъ быть голодъ. Недосѣвы, вызванные страхомъ реквизиціи, грозящій въ наиболѣе хлѣбныхъ мѣстностяхъ неурожай, — все это затруднитъ работу продовольственныхъ отрядовъ. Конечно, на югѣ и юго-востокѣ есть еще остатки прошлыхъ урожаевъ, но извлекать ихъ нелегко, какъ показалъ примѣръ Украйны, гдѣ въ

1920—21 г. собрано было менѣе трети довольно скромно исчисленнаго по разверсткѣ количества.

О размѣрахъ недосѣва точныхъ цифровыхъ данныхъ нѣтъ; они зато есть о другой сторонѣ сельскаго хозяйства, о скотоводствѣ. Недостатокъ хлѣба вызвалъ на сѣверѣ и въ центрѣ усиленное потребленіе мяса въ деревнѣ, и по даннымъ „Экономической Жизни" отъ 26 апрѣля этого года, въ 32 губерніяхъ Совѣтской Великороссіи число коровъ противъ 1916 года сократилось съ 17 мил. до 13 съ половиной, число овецъ съ 28 мил. до 18, число свиней — съ 13 до $6^1/_2$, т. е. вдвое. Идетъ потребленіе живого инвентаря. На 1921—22 годъ большевики вводятъ натуральный мясной налогъ, который будетъ собираться, очевидно, тоже путемъ реквизицій.

Нѣкоторыя надежды возлагаетъ еще совѣтская власть на ввозъ продовольствія изъ за границы. Даже хлѣбъ Россія ввозитъ, — уже не вывозитъ.

Смутны перспективы въ продовольственной области. Не лучше обстоитъ и съ транспортомъ. Нѣсколько цифръ: изъ 20.000 паровозовъ, находившихся на русскихъ дорогахъ ко времени революціи, большевиками зарегистрировано 18.000; но изъ нихъ „здоровыхъ" около 5.000, „полубольныхъ" около $2^1/_2$ тыс., остальные „больные" или прямо „кладбищенскіе". (Такой техническій терминъ вошелъ въ обиходъ: „паровозное кладбище"; съ „кладбищенскихъ" сняты существенныя части, они понемногу разбираются). Изъ 5.000 „здоровыхъ" около 1.000 пассажирскихъ и 4.000 товарныхъ паровозовъ. Число товарныхъ вагоновъ (230.000), сократившееся противъ прежняго почти вдвое, все же оказывается непосильнымъ для уцѣлѣвшихъ паровозовъ. Но даже это положеніе — результатъ усиленной работы надъ ремонтомъ послѣднихъ, сопровождавшейся, по словамъ Троцкаго, израсходованіемъ всѣхъ запасныхъ частей. Новыхъ паровозовъ за три послѣднихъ года выпущено всего триста, на этотъ источникъ пополненія расчитывать не приходится. Остается все та же послѣдняя надежда на локомотивы изъ заграницы!

Изъ различныхъ видовъ топлива въ наихудшемъ положеніи находится уголь. Въ Донецкомъ бассейнѣ, гдѣ добыча требуетъ высокой техники, она упала до $^1/_5$—$^1/_6$ прежняго количества; ея перевѣсъ надъ мѣстнымъ потребленіемъ составляетъ теперь около 10 милл. пуд. въ мѣсяцъ; а такъ какъ этотъ районъ давалъ раньше наибольшее количество угля, это уменьшеніе не уравновѣшивается тѣмъ, что въ подмосковномъ районѣ и въ Туркестанѣ при огромномъ увеличеніи численности рабочихъ, добыча остается на уровнѣ, близкомъ къ прежнему. За 1920 годъ угля по всей Совѣтской Россіи добыто менѣе $^1/_4$ прежняго количества (460 милл. п.). Большевики въ своихъ оптимистическихъ разсчетахъ не надѣялись получить болѣе одной трети за 1921 г. (700 мил. пуд. противъ 2000 мил. за 1916). Но первые мѣсяцы 1921 г. показывали, что и этотъ разсчетъ не оправдался; въ лучшемъ случаѣ, 1921 г. дастъ цифру 1920-го.

Въ виду недостатка угля, по сообщеніямъ совѣтской печати, рѣшено совершенно закрыть въ Петроградѣ на время съ 5 мая по 15 августа, двѣ электрическихъ станціи; а трамвайное движеніе не сможетъ поддерживаться даже до 6 час. вечера, какъ было за послѣднее время.

Дровяное топливо въ значительной степени зависитъ отъ состоянія транспорта, отчасти, отъ климатическихъ условій, и точному учету напередъ плохо поддается. Торфъ — за 1920 г. его было добыто 90 милл. пуд. — не является крупной величиной въ общемъ итогѣ.

Лучше всего обстоитъ въ совѣтской области въ настоящее время дѣло съ нефтью. Огромные запасы, накопленные „буржуазнымъ строемъ", продолжали еще пополняться и при большевикахъ, хотя добыча къ февралю 1921-го г. уже упала до 8 милл. пуд. въ мѣсяцъ противъ 30 милл. въ нормальныхъ условіяхъ. Но такъ какъ въ компанію 1920 г. было вывезено изъ захваченныхъ 305 милл. всего 150 милл. пуд.: изъ нихъ еще неиспользованными къ началу навигаціи 1921 г. лежали въ Астрахани и на низовыхъ пристаняхъ около 76 милл., — то запасъ въ Баку, если присоединить къ нему добычу съ мая 1920 г., за навигаціонный періодъ 1921 г. составитъ около 300 милл. пуд., цифру, близкую къ вывозу нормальнаго года. Это Бакинская нефть; что касается Грозненской, то она продолжаетъ питать районъ Владикавказской желѣзной дороги, но врядъ ли далеко проникнетъ за его предѣлы. Бакинская нефть дѣлаетъ общій итогъ топлива сравнительно благопріятнымъ.

Положеніе обрабатывающей промышленности — этой, казалось бы, основы соціалистическаго хозяйства — въ высшей степени печально. Хлопчатобумажная промышленность за 1920 г., когда сообщеніе съ Туркестаномъ все время было открыто, выработала, правда, больше, чѣмъ въ 1919 г., но все же только 118 мил. аршинъ, иначе говоря — меньше 1 аршина матеріи на каждаго жителя за цѣлый годъ. Если къ этому прибавить шерстяную (25 милл. арш.) и льняную промышленность (50 милл.), получится всего около 200 милл. арш. за 1920 годъ и гораздо меньшая цифра за 1919 г. Между тѣмъ, въ томъ наслѣдствѣ, которое большевики нашли на фабрикахъ центральнаго района, было, какъ уже сказано, $1^1/_2$ милліарда аршинъ мануфактуры, не считая интендантскаго имущества. Очевидно, что $1^1/_2$ арш. въ годъ на человѣка недостаточно: что совѣтское производство въ этомъ отношеніи не покрываетъ и малой доли потребности.

Между тѣмъ, добыча сырья для текстильной промышленности упала невѣроятно: для хлопка до 2 милл. пуд. въ 1920 г., противъ 16 въ 1914-мъ и, кажется, 20 милл. въ 1915-мъ; для льна до 2 милл. пуд. противъ 22-хъ въ 1915 и 30-и въ 1913-мъ. Имѣются еще нѣкоторые запасы отъ прежнихъ временъ: такъ медленно работаетъ совѣтская промышленность, что она еще не использовала сырья, добытаго уже давно. Запасы хлопка на 1921 г. исчисляются въ $4^1/_2$ милл. пуд., запасы льна также въ $4^1/_2$ милл. и шерсти 3 милл. Въ нормальныхъ усло-

віяхъ, этого хватило бы всего на три-четыре мѣсяца; для совѣтской промышленности, при темпѣ ея работы, это болѣе, чѣмъ годовой запасъ. Но вѣдь совѣтскаго производства абсолютно недостаточно для удовлетворенія нуждъ населенія! — Эти скромные запасы — почти послѣдніе, такъ какъ въ 1921 г. сами большевики въ своихъ планахъ ожидаютъ дальнѣйшаго сокращенія сбора льна и хлопка, до $1^1/_2$ милл. пуд. каждаго.

Металло-обрабатывающая промышленность отчасти скрыта завѣсой военной тайны. Но извѣстны ея основные элементы. Картина тутъ очень ярка. Желѣзная руда: за 1920 г. добыча составила около 9 милл. пуд. — при 581 милл. пуд. добычи въ 1913 г. Запасы руды отъ прежнихъ временъ составляютъ около 200 милл. пуд. На увеличеніе добычи разсчитывать трудно: въ „Экономической Жизни" нѣкто Голощекинъ такъ изображаетъ положеніе главныхъ желѣзныхъ рудниковъ Россіи — Кривого Рога: всѣ шахты затоплены, оборудованіе разрушено на 60%, деревянныя зданія, эстокады и деревянныя части зданій расхищаются на топливо. Вмѣсто 22.000 рабочихъ до войны, всего 1.200. „Кривой Рогъ", пишетъ Голощекинъ „производитъ впечатлѣніе трупа". Скажутъ, можетъ быть, что здѣсь повліяла гражданская война. Это отчасти вѣрно для Кривого Рога; но надо сказать, что большевики тамъ получили все таки и „наслѣдство" — 85 милл. пуд. руды, тогда какъ сами, на Уралѣ, которымъ всецѣло владѣли, за 1920-ый годъ добыли въ этомъ году всего около 6 милл. пуд., и въ центрѣ Россіи, — около 3-хъ милліоновъ.

То-же съ мѣдью: 219 тыс. пуд. добычи за 1920 г. противъ 69 милл. въ 1913 г. и запасъ на 1-ое января 1921 г. — отъ старыхъ годовъ — $12^1/_2$ мил. (размѣръ добычи 2-хъ мѣсяцевъ „буржуазнаго" строя, или 60 лѣтъ совѣтскаго, если исходить изъ цифръ 1913 и 1920 годовъ). То-же съ марганцемъ; 212 тыс. пуд. добычи въ 20-мъ году противъ 77 мил. въ 1913-мъ и старый запасъ $7^1/_2$ м. п. (сюда не входитъ грузинскій марганецъ).

Наконецъ, извѣстно, что къ декабрю 1920 г. во всей Совѣтской области работало 19 доменныхъ печей изъ общаго числа 293, т. е. менѣе одной десятой.

Не буду вдаваться въ дальнѣйшія цифровыя подробности; интересующихся отсылаю къ матеріаламъ Торгово-Промышленнаго Съѣзда, желающихъ получить общій цифровой обзоръ къ сводному докладу В. Ф. Гефдинга.

Во всѣхъ областяхъ хозяйственной жизни, мы видимъ упадокъ, сокращеніе производительности труда, и еще въ большей мѣрѣ пониженіе производства. Ясно, что Совѣтское хозяйство не имѣетъ излишковъ и само въ сильнѣйшей степени нуждается въ подвозѣ изъ за границы рѣшительно всего; въ особенности, паровозовъ, угля и продовольствія.

Чѣмъ же Совѣтская власть можетъ оплачивать свои закупки? все тѣми же остатками своего наслѣдства: золотомъ (на Торгово-

Промышленномъ Съѣздѣ его наличность къ веснѣ 1921 г. считали отъ 300 до 500 милл. рублей), Бакинской нефтью, быть можетъ, грузинскимъ марганцемъ, и частью Криворожской желѣзной руды. Добыча платины и золота за время господства большевиковъ составляетъ въ переводѣ на золотые рубли около 10 милліоновъ (во времена Имперіи добыча была разъ въ 10 больше). Это, пожалуй, единственный излишекъ Совѣтскаго хозяйства, все остальное, что она можетъ использовать для внѣшней торговли, накоплено не ею, а до нея. Всѣ товары, которые она можетъ вывезти, составятъ лишь небольшую добавку къ золотому фонду.

Тотъ безнадежный дефицитъ по всѣмъ статьямъ народнаго хозяйства, для покрытія котораго Совѣтская власть за всѣ эти годы затрачивала капиталъ, накопленный старымъ строемъ или сохраненный ея противниками, — это еще только дефицитъ по бюджету текущихъ расходовъ. На амортизацію не затрачивалось почти ничего.

Что это значитъ? Возьмемъ хотя бы желѣзныя дороги. 3 года пути почти не ремонтировались, а поскольку это дѣлалось, замѣна обветшавшихъ шпалъ, рельсъ, и т. д. производилась изъ старыхъ запасовъ. Шпалы гніютъ и проваливаются, стрѣлки перестаютъ работать. Со снѣжными заносами не справляются больше, и рельсы ржавѣютъ, оставаясь иногда мѣсяцами подъ снѣгомъ. Рядъ закрытыхъ на зиму линій вѣроятно станетъ вообще негоднымъ къ употребленію безъ общаго ремонта — и шпалъ, и рельсъ, и стрѣлокъ, и даже иногда самихъ насыпей. Разложенію желѣзныхъ дорогъ содѣйствуетъ и частая порча мостовъ Махновскими и имъ подобными отрядами, производящаяся во многихъ мѣстностяхъ довольно систематически.

То-же происходитъ съ искусственными водными путями. Петроградскія „Извѣстія“ писали въ сентябрѣ 1920 г.: „Когда проѣзжаешь по Маріинской системѣ, то сразу въ глаза бросаются запущенные берега, обвалы, обмеленіе каналовъ, такъ что небольшой пароходъ съ трудомъ проходитъ“. Весь Вытегрскій районъ „въ крайне ветхомъ состояніи, стѣны прогнили, мѣстами обвалились сваи, а шлюзовыя ворота имѣютъ такія щели, что вода безостановочно пробивается“. О Москворѣцкихъ шлюзахъ „Экономическая Жизнь“ 28 ноября 20 г. пишетъ: „шлюзовыя ворота почти повсемѣстно фильтруютъ, замощеніе откосовъ оползаетъ“. По даннымъ Совѣтской печати, больше половины судовъ рѣчного транспорта стали негодны для плаванія.

А города? Мы имѣемъ данныя по статистикѣ Петрограда отъ августа 1919 г., результатъ Совѣтской анкеты. Изъ 10.900 домовъ было только 23 % исправныхъ, 62 % требовали „малаго ремонта“, и 15 % „капитальнаго“ или „подлежали закрытію“. Въ центрѣ города число исправныхъ спускалось до 2 ½ %, а число подлежащихъ закрытію или капитальному ремонту поднималось до 25 %. И это было еще *передъ* холодной зимой, передъ той зимой, въ которую лопались водопроводныя и канализаціонныя трубы!

Города разлагаются медленно. Еще осенью этого года внѣшній видъ Петрограда, особенно днемъ, только въ подробностяхъ отличался отъ прежняго, — даже старыя вывѣски были на мѣстахъ. Но количество необитаемыхъ домовъ было уже очень велико, и вечеромъ — фонари не горятъ — можно было идти по улицамъ центра города и видѣть длинные ряды темныхъ оконъ — одни еще съ зеркальными стеклами, другія съ зіяющими впадинами выбитыхъ рамъ, — видѣть ихъ при свѣтѣ изъ оконъ какого нибудь обитаемаго дома-оазиса или при лунномъ свѣтѣ. Въ отношеніи нѣкоторыхъ, очень немногихъ, зданій — музеевъ, нѣкоторыхъ дворцовъ — принимаются еще кое какія мѣры. Но громадное большинство домовъ въ русскихъ городахъ нѣсколько лѣтъ совершенно не ремонтируется. И это есть тоже расходованіе капитала страны, расточеніе накопленныхъ вѣками богатствъ.

Текущіе расходы въ нѣкоторой мѣрѣ могли покрываться старыми запасами и ввозомъ изъ за границы на золото; изнашиваніе инвентаря не компенсируется ничѣмъ.

Разница между Россіей 1921 г. и Россіей 1913 или даже 1916 г. чудовищна; разореніе и страданія населенія такъ велики, что невольно встаетъ вопросъ, какъ можетъ еще держаться власть, которая видитъ сама, до какого состоянія довела страну. И однако, П. П. Рябушинскій, конечно, правъ, говоря, что было бы безсмысленно сказать Ленину: „Вашъ опытъ не удался, видите, что вышло, уйдите". — Для Совѣтской власти главной задачей сейчасъ является — продержаться, что бы ни было со страной. Это не есть простое своекорыстіе или вульгарное властолюбіе: цѣли коммунистовъ иныя; интересы одной страны для нихъ не рѣшающій доводъ. Если бы цѣною полнаго упадка и разоренія Россіи, голоднаго вымиранія цѣлыхъ ея областей, они смогли бы продлить свою власть до момента революціи за рубежомъ, бросить Красную Армію на вѣсы Гражданской Войны и помочь революціи одержать тамъ верхъ, — ихъ совѣсть была бы спокойна; они бы сказали, что Россія геройски исполнила свой долгъ передъ міровымъ пролетаріатомъ, возложили бы вѣнокъ изъ красныхъ гвоздикъ на могилу нашей родины, и перенесли бы Совѣтъ Народныхъ Комиссаровъ изъ Москвы въ столицу другой страны.

Потребности Совѣтской власти не совпадаютъ съ потребностями какого либо нормальнаго Правительства. Наибольшее сходство она имѣетъ съ властью оккупаціонной, потребности которой уже. Оккупаціонная армія еще не гибнетъ, если кругомъ голодаетъ населеніе занятой области, оскудѣніе которой только косвенно отражается на благополучіи оккупантовъ.

Каковы же потребности Совѣтской власти, какъ организаціоннаго центра міровой революціи? Ей нужны: 1) желѣзныя дороги — по крайней мѣрѣ, главныя магистрали — чтобы поддерживать свою власть на всемъ занятомъ пространствѣ и перебрасывать войска къ границѣ; 2) топливо и подвижной составъ для этихъ дорогъ; 3) то-

пливо, продовольствіе и одежда для нѣкоторой части городскаго населенія, для желѣзнодорожниковъ и для, примѣрно, полумилліонной арміи. Въ городахъ, наконецъ, они должны кромѣ технически необходимаго поддерживать и нѣкоторое количество „показательныхъ" учрежденій — учебныхъ заведеній, образцовыхъ пріютовъ, „домовъ отдыха" и т. д. — своего рода Потемкинскихъ деревень, являющихся необходимымъ аксессуаромъ заграничной пропаганды. Пока эти довольно ограниченныя потребности удовлетворяются, существованіе Совѣтской власти въ Россіи сохраняетъ для коммунистовъ свое значеніе.

Дальнѣйшее сокращеніе численности городского населенія, закрытіе значительной доли фабрикъ, роспускъ части Красной Арміи — все это не явилось бы катастрофой для Совѣтской власти; скорѣе, наоборотъ, если уменьшится число ртовъ, которые она такъ или иначе должна кормить, ей меньше придется реквизировать въ деревняхъ, и ей на дольше хватитъ золотого запаса. Голодъ въ деревнѣ сѣвера, пока есть запасы на югѣ, очень мало значитъ для большевиковъ.

Общее экономическое положеніе страны — ужасно. Запасовъ — на нормальное годовое потребленіе явно уже не хватаетъ. Однако, нельзя съ увѣренностью сказать, когда эти запасы истощатся окончательно, когда инвентарь разрушится настолько, что наступитъ полная экономическая невозможность дальнѣйшаго существованія Совѣтской власти. Напомню только одно. Съ перваго года міровой войны, экономисты и статистики странъ Согласія писали, что Германія не выдержитъ экономически, и ставили сроки. Проходили годы, Германія успѣшно отстаивалась, и скептики начинали говорить: „вотъ, видите, чего стоятъ ваши вычисленія". И однако, въ итогѣ, все таки оказались правы тѣ, кто доказывалъ, что Германія не выдержитъ экономически: она рухнула неожиданно и въ короткій срокъ.

Съ еще большей увѣренностью можно говорить о неизбѣжномъ паденіи коммунистической власти. Но ставить сроки было бы легкомысленно. И другой вопросъ — въ какомъ состояніи будетъ тогда Россія.

III.

Положеніе отдѣльныхъ слоевъ населенія въ Совѣтской Россіи.

Стало общимъ мѣстомъ сужденій о Совѣтской Россіи — разобщеніе между городомъ и деревней. Это фактъ совершенно очевидный. Пути ихъ разошлись. Многія прежнія связующія нити — отхожіе промыслы крестьянъ, связь рабочихъ съ родной деревней — почти порвались. Изъ крестьянъ никто не ѣдетъ въ голодной городъ, изъ рабочихъ только тѣ не покинули фабрикъ, кому некуда было уѣхать. Перепись 1920 г., результаты которой еще окончательно не разрабо-

таны, ясно показываетъ, какъ ни спорна точность ея данныхъ въ подробностяхъ, что городское населеніе вездѣ сильно сократилось, а сельское нѣсколько увеличилось. Нѣкоторой связью между городомъ и деревней служатъ еще мобилизованные въ Красную Армію крестьяне; но съ начавшейся въ серединѣ зимы демобилизаціей, и эта связь должна ослабѣть. Уменьшенная Красная Армія будетъ въ значительной мѣрѣ состоять изъ элементовъ деклассированныхъ.

Въ городахъ осталось населеніе въ большинствѣ своемъ непосредственно зависящее отъ власти, отъ ея аппарата снабженія и распредѣленія. Есть интеллигенція и рабочіе. Иначе ихъ опредѣляютъ, какъ рабочихъ и служащихъ.

Въ большинствѣ городовъ, всюду, кромѣ заводскихъ поселеній, вродѣ Орѣхова-Зуева — служащихъ больше, чѣмъ рабочихъ. Особенно это замѣтно въ столицахъ. Въ Москвѣ совѣтскихъ служащихъ сотни тысячъ; одинъ изъ видныхъ большевиковъ назвалъ ее недавно въ печати „городомъ совѣтскихъ барышенъ".

Основной чертой положенія интеллигенціи является ея полная безпомощная зависимость отъ власти. Нѣтъ службы, нѣтъ работы, кромѣ совѣтской, и нѣтъ хлѣбной карточки безъ службы. Нѣтъ личной свободы и на службѣ; но безъ нея — вѣроятность быть посланнымъ рыть окопы, рубить лѣсъ, или быть заключеннымъ въ концентраціонный лагерь, т. е. попасть въ несвободу, для большинства горшую, становится почти достовѣрностью. Служатъ всѣ отъ подростковъ до стариковъ. Большевики гордятся тѣмъ, что они всѣхъ заставили работать, что теперь никакая барышня не можетъ цѣлый день сидѣть у окна, почитывая романъ или вышивая. Дѣйствительно, они всѣхъ, или почти всѣхъ заставили взять ту или иную должность: заставили просто тѣмъ, что заработокъ одного лица не могъ болѣе хватать на всю семью. Но вызвавъ предложеніе труда, они силою вещей вынуждены были искусственно выдумывать спросъ, создавать канцеляріи и регистратуры безъ числа, въ которыхъ они запутывались сами, которыя всѣхъ раздражали, — и уже не могли затѣмъ ихъ отмѣнить, такъ какъ весь совѣтскій аппаратъ контроля и управленія сросся съ этой небывалой канцелярщиной. Никакого, конечно, прока ни для самихъ совѣтскихъ барышенъ, ни для страны нѣтъ въ томъ, что онѣ сидятъ не у себя дома, а въ канцеляріяхъ, скучаютъ, болтаютъ, читаютъ, и подталкиваютъ стрѣлку часовъ, чтобы скорѣе можно было расписаться на листѣ и уйти. Но такъ трагически нелѣпо сложилась жизнь въ совѣтскомъ государствѣ, что интеллигенціи, ради скуднаго куска насущнаго хлѣба, не только приходится заниматься совершенно непроизводительнымъ толченіемъ воды въ ступѣ, — ей приходится даже цѣпляться за него. Это толченіе разнообразится — отъ сочиненія грандіозныхъ проектовъ электрификаціи до механическаго прикладыванія печати къ ордерамъ на покупки въ совѣтскихъ складахъ, но по существу, за весьма немногими исключеніями, оно унизительно прежде всего своей безсмысленностью.

Власть держитъ всѣхъ служащихъ въ своихъ рукахъ черезъ пайки, составляющіе главную основу ихъ питанія. Уйти нельзя. Безъ разрѣшенія съ прежней службы — другое учрежденіе не приметъ. Уѣхать некуда. Люди все время всячески изворачиваются, только чтобы обойти проволочныя загражденія безчисленныхъ декретовъ. Понятіе честности претерпѣваетъ измѣненія, обманъ и подлогъ ради пайка только еще очень немногіе считаютъ предосудительнымъ.

То изводящая механическимъ однообразіемъ, то искусственная, надуманная, безцѣльная по существу, совѣтская служба, которая почти никогда не интересуетъ служащаго, приводитъ къ окончательному упадку всякой трудовой энергіи. И вотъ еще одинъ парадоксъ совѣтскаго строя: никто не хочетъ имѣть основную службу по своей спеціальности. Вѣдь основная служба вознаграждается жалованіемъ по тарифу, т. е. грошами. И всѣ стремятся сдѣлать ее, эту якобы основную службу, менѣе обременительной, и сберечь силы (а если возможно, то и время) для работы въ качествѣ консультанта, уже по спеціальности, что оплачивается въ общемъ выше, сдѣльно, по засѣданіямъ и т. д.

Несмотря на всѣ усилія и всѣ совмѣстительства, пайковъ и жалованій большинству не хватаетъ, и — особенно за послѣднія двѣ зимы — идетъ усиленная продажа интеллигенціей остатковъ ея движимости. Сначала люди голодали, но крѣпились. А потомъ рѣшили: лучше быть сытымъ сегодня, чѣмъ одѣтымъ черезъ полгода, и принялись ликвидировать платье, бѣлье, и всякія хозяйственныя мелочи.

Рабочіе, составляющіе формально правящій классъ Совѣтской Россіи, по существу находятся почти въ такомъ же положеніи, какъ интеллигенты. Они также состоятъ на содержаніи у власти; результатъ ихъ труда — справедливость требуетъ отмѣтить, что часто не по ихъ винѣ, — совершенно былъ бы недостаточенъ для поддержанія существованія, еслибы власть не давала имъ, — въ большей мѣрѣ, чѣмъ среднимъ служащимъ, хотя и въ меньшей, чѣмъ привиллегированнымъ, — реквизированные ею въ деревнѣ продукты и товары изъ своего „наслѣдства“ и своей „военной добычи“. Скудны, однако, и рабочіе пайки, и въ полуголодной обстановкѣ требованія трудовой дисциплины, все настойчивѣе предъявляемыя со стороны властей, встрѣчаютъ растущее недовольство.

Рабочій привыкъ думать, что если онъ станетъ работать даже кое какъ, или если даже заводъ будетъ временно закрытъ, — онъ все равно будетъ получать паекъ и жалованье, и лишится развѣ небольшихъ добавокъ, премій и т. д. Создается безразличіе къ работѣ; оно сказывается огромнымъ пониженіемъ приозводительности труда, которая втрое, вчетверо сократилась противъ прежняго. Это признаютъ и большевики, считающіе уже очень удовлетворительной производительность труда въ сорокъ процентовъ дореволюціонной. Здѣсь я говорю не о пониженіи производства, которое много сильнѣе, а о той долѣ этого пониженія, которая коренится въ упадкѣ трудовой энергіи.

Рабочіе заводовъ, изготовляющихъ ходкіе товары, находятся, пожалуй, въ нѣсколько лучшемъ положеніи, чѣмъ другіе, такъ какъ могутъ — съ недавняго времени даже легально — присваивать себѣ продуктъ своего труда. Заниматься мѣшечничествомъ тоже рабочему легче, чѣмъ интеллигенту, такъ какъ онъ скорѣе можетъ добыть себѣ нужные документы. Но въ общемъ, всѣ тяготы городской жизни, о которыхъ достаточно говорилось здѣсь, падаютъ въ такой же мѣрѣ на рабочаго, какъ на интеллигента. Кто могъ, уѣхалъ въ деревню; численность рабочихъ сократилась въ еще большей мѣрѣ, чѣмъ общее число горожанъ, такъ какъ интеллигенту некуда было уѣхать, а часть рабочихъ еще могла устроиться въ деревняхъ.

Пожалуй, большевики могли бы съ нѣкоторымъ основаніемъ утверждать, что при нихъ повысился въ городахъ процентъ людей со среднимъ и высшимъ образованіемъ; но произошло это не отъ того, что расцвѣло просвѣщеніе, а вслѣдствіе болѣе усиленнаго отлива изъ городовъ тѣхъ слоевъ населенія, которые въ большинствѣ имѣли образованіе не выше городского училища.

Полученіе товаровъ изъ за границы должно въ огромной степени увеличить матеріальную зависимость городского населенія отъ Совѣтской власти. Распредѣленіе этихъ благъ будетъ уже всецѣло зависѣть отъ нея, что невполнѣ достигалось ею въ отношеніи туземныхъ продуктовъ. Легче охранять таможенные склады, чѣмъ непрерывно слѣдить за производствомъ и за перевозками по странѣ.

Въ городахъ, такимъ образомъ, живутъ классы, зависимые отъ власти, и отчасти потому, ее особенно ненавидящіе. Крестьянство, наоборотъ, экономически независимо и отъ власти, и вообще отъ города. Деревня возвращается къ натуральному хозяйству. Она почти ничего не получаетъ отъ города и стремится ему ничего не давать, поскольку это возможно при его военномъ преобладаніи. Въ этомъ корень продолжающихся три года мѣстныхъ крестьянскихъ возстаній, не выходящихъ обычно за предѣлы уѣзда, а то и волости. Крестьянство, сравнительно съ городомъ, болѣе обезпечено продовольствіемъ и топливомъ, оно не живетъ въ постоянномъ страхѣ сокращенія пайка, не гоняется за карточкой. (На сѣверѣ, впрочемъ, и крестьяне получаютъ паекъ — мукой, а не хлѣбомъ, какъ въ городахъ). Оно получило, или, вѣрнѣе, захватило почти всѣ частновладѣльческія земли. Совѣтскія хозяйства и коммуны не занимаютъ и 10 процентовъ прежнихъ частныхъ владѣній.

Приходится нерѣдко, поэтому, слышать утвержденія, будто положеніе крестьянства улучшилось за годы революціи, что оно отъ нея экономически выиграло.

Это глубочайшая ошибка. Я утверждаю категорически, что *въ мірѣ небываломъ хозяйственномъ разгромѣ, который именуютъ революціей, выигравшихъ нѣтъ, и что довольныхъ имъ классовъ нѣтъ.*

Конечно, и въ Совѣтской Россіи многіе завидуютъ крестьянамъ. Понятно, что голодный городъ съ завистью смотритъ на деревню. Все то у нихъ есть! и молоко, и крупа, и даже масло, не говоря уже о хлѣбѣ! Въ деревню — даже сѣверную — горожане ѣдутъ съ мѣшками за спиной, сбывать все, что только попадется подъ руку въ обмѣнъ на продукты. Но что изъ этого? Да, городъ пострадалъ отъ переворота больше, чѣмъ деревня. Изъ этого не слѣдуетъ, что деревня выиграла.

Правда, въ крестьянскихъ избахъ вы можете теперь найти — особенно около столицъ — самые неожиданные предметы. Зеркала, занавѣски, ковры висятъ на бревенчатыхъ стѣнахъ; кое гдѣ появились диваны и кресла, а то и піанино (которое большей частью стоитъ для украшенія, не для игры). Но вся эта дешево доставшаяся мишура не спасаетъ отъ тяжелой заботы: своего хлѣба мало; а все труднѣе его добывать на сторонѣ; нѣтъ керосину — лучина горитъ надъ піанино и диваномъ, не лампа! Нѣтъ соли, ѣда — прѣсная. Ни сахару, ни чаю, одна самогонка. Ухудшенный бытъ въ улучшенной декораціи!

Крестьяне получили земельныя прирѣзки. Какъ можно было ожидать, и самыя эти прирѣзки на „ѣдока" не велики. А въ то же время, отсутствіе орудій обработки вынуждаетъ крестьянина возвращаться отъ плуга къ стародавней сохѣ. Работа идетъ хуже, и урожайность падаетъ. Съ бо́льшаго владѣнія — меньшій сборъ!

Еще крестьянское хозяйство, даже на сѣверѣ, имѣетъ излишки нѣкоторыхъ продуктовъ, напр., картофеля; такъ какъ его нельзя хранить годами, крестьяне не отказываются пока продавать его за рубашки, сапоги, иногда за статуэтки и вазочки, или даже за совѣтскія деньги. Но въ отношеніи многихъ продуктовъ крестьянство уже само испытываетъ недохватъ — часто даже въ отношеніи хлѣба. Крестьянство сѣвера и центра ѣстъ мясо — да, но не отъ избытка, а съ голоду, и тутъ потребленіе превышаетъ производство, и тутъ расходуется капиталъ страны, сокращается наличность скота, падаетъ молочное хозяйство, уменьшается количество удобренія.

Мнѣ приходилось видѣть въ Ростовѣ красноармейцевъ изъ разныхъ губерній. Всѣ они говорили: намъ то хорошо, а вотъ дома я побывалъ въ деревнѣ — въ Пензенской, или въ Тульской, или въ Самарской, — названіе губерній мѣнялось, суть оставалась — ой-ой, какъ тамъ плохо! вся родня голодаетъ, люди ходятъ, какъ потерянные. То же самое говорили кронштадтцы; въ напечатанныхъ „Новой Русской Жизнью" отчетахъ предсѣдателя Кронштадтскаго Революціоннаго Комитета Петриченко и генерала Козловскаго, и въ бесѣдахъ съ нимъ упоминается нѣсколько разъ о томъ, что броженіе въ Кронштадтѣ началось именно послѣ того, какъ Кронштадтцы, побывавъ въ отпускахъ, увидѣли, что творится на родинѣ. „Люди", говоритъ генералъ Козловскій, „побывавъ въ деревнѣ, пріѣзжали оттуда возбужденные и разсказывали о томъ, что жизнь въ деревнѣ стала невозможной, что

большевики совершенно раззорили крестьянъ". „Разсказывали нѣкоторые — пишетъ Петриченко, — что отцы и матери проклинаютъ своихъ дѣтей за то, что они защищаютъ эту шайку грабителей и душегубовъ" . . .

Къ деревнѣ сѣвера и центра въ наступающемъ хозяйственномъ году съ грозящимъ неурожаемъ голодъ придвинулся уже вплотную. Голодный интеллигентъ, отдающій старый пиджакъ за пудъ картофеля, можетъ съ завистью смотрѣть на продавца-крестьянина; заграничный житель изъ прекраснаго далека можетъ теоретически разсуждать, что „революція, давъ крестьянству землю и избавивъ его отъ помѣщичьяго гнета, улучшила его экономическое положеніе"; Уэльсъ, видѣвшій крестьянъ изъ окна вагона Николаевской дороги, можетъ думать, что русскіе крестьяне, какъ жили, такъ и живутъ, въ условіяхъ 17-го вѣка. Но всякій, кто смотрѣлъ изблизи на положеніе вещей, и не былъ при этомъ зачарованъ видомъ полной картофелемъ ямы, знаетъ, что крестьянство на самомъ дѣлѣ не выиграло, а жестоко пострадало въ общемъ разгромѣ, хотя, правда, и меньше жителей городовъ. Деревня пострадала меньше — это вѣрно, но въ то же время, сейчасъ, она является въ отношеніяхъ съ городомъ страдающей стороной; она еще производитъ, а городъ только потребляетъ и — въ лицѣ реквизиціонныхъ отрядовъ — отнимаетъ у нея продукты, почти ничего не давая ей взамѣнъ.

Есть еще одно распространенное представленіе: будто и въ городахъ нѣкоторые слои обогащаются, что происходитъ новое накопленіе богатствъ, возникаетъ нѣкая совѣтская буржуазія. Объ этомъ говорилось на Торгово-Промышленномъ Съѣздѣ, и П. П. Рябушинскій даже счелъ нужнымъ ее привѣтствовать. Съ другой стороны, газета „Воля Россіи" писала, что она знаетъ про ростъ этой буржуазіи, знаетъ и уже заранѣе готовится вести съ ней борьбу.

Знаю, что и въ самой Совѣтской Россіи многіе искренно убѣждены въ томъ же, но считаю своимъ долгомъ тутъ же рѣшительно заявить, что эта пресловутая совѣтская буржуазія — только оптическій обманъ.

Уже нѣсколько лѣтъ, въ народномъ хозяйствѣ Россіи потребленіе намного превышаетъ производство. Одновременно происходитъ отливъ движимости изъ города въ деревню въ обмѣнъ на продовольствіе. Городъ скудѣетъ. Въ какой же формѣ можетъ происходить въ немъ это накопленіе богатствъ?

Кто эти новые „буржуи"? Очевидно, имѣются въ виду тѣ, кого обобщительно называютъ „комиссарами" и „спекулянтами". Дѣйствительно, эти категоріи людей живутъ много лучше, чѣмъ средній горожанинъ. Когда голодный обыватель видитъ, что комиссаръ за обѣдомъ ѣстъ курицу, или пьетъ чай въ накладку, — его чрезвычайно трудно убѣдить въ томъ, что здѣсь нѣтъ на лицо новой буржуазіи. Между тѣмъ, тутъ съ его стороны логическая ошибка: курица съѣдена, и комиссаръ, вѣроятно, сытъ; но никакого обогащенія этого комиссара,

никакого накопленія богатствъ тутъ не произошло. Усиленное потребленіе — и накопленіе — вещи очень разныя и даже противоположныя. Тѣ люди, которые урываютъ сотни тысячъ и милліоны изъ подъ печатнаго станка, какъ и тѣ, кто наживаетъ ихъ на перепродажахъ, имѣютъ возможность жить, не отказывая себѣ во всемъ, питаться нормальнѣе, и даже — и то невсегда, лучше одѣваться. И въ этомъ ихъ преимущество. Но накоплять богатства — почти не изъ чего.

Потому то отчасти, многіе „спекулянты" и бросаютъ десятки тысячъ за бутылку коньяку, что ясно чувствуютъ — это призрачное богатство все равно уплыветъ у нихъ изъ рукъ. Въ самомъ дѣлѣ, въ какой формѣ могли бы они накапливать богатства, общая сумма которыхъ въ странѣ угрожающе падаетъ? Складывать въ сундуки совѣтскія бумажки? Всякій чувствуетъ, что при быстромъ паденіи ихъ покупной силы это совершенно безсмысленно. Покупать вещи? Но громоздкія въ большомъ количествѣ опасно хранить — да и не такъ ихъ много! Можно, конечно, скупать бриллiанты, и это дѣлается. Можно пріобрѣтать иностранную валюту и процентныя бумаги, и это тоже происходитъ. Но насколько велика общая сумма всѣхъ этихъ цѣнностей въ Россіи? Какую долю народнаго богатства составляютъ обычно бриллiанты? Совершенно ничтожную! А количество иностранной валюты въ Россіи, которая ничего давно не вывозитъ, валюты, такъ тщательно выдавливавшейся не только властями, но и — бѣженцами, количество это не можетъ быть велико. Думаю, что общая сумма этой валюты, запрятанной въ различныхъ хитроумныхъ вмѣстилищахъ по всей Совѣтской области, едва ли достигаетъ цифры состоянія хотя бы одного солиднаго американскаго милліонера.

Потокъ совѣтскихъ денегъ течетъ черезъ страну широкой волной и безслѣдно исчезаетъ въ пескахъ, не оставляя накопленныхъ богатствъ. Находятся люди, которые умѣютъ использовать его по пути, обративъ эти деньги во что либо вещественное и сбывъ ихъ затѣмъ дальше. Кто то остается въ концѣ концовъ въ проигрышѣ, съ совѣтской бумажкой на рукахъ, и большей частью, этотъ кто то — крестьянство. Но то вещественное, которое достается передаточнымъ инстанціямъ, обычно состоитъ только изъ предметовъ непосредственнаго потребленія. Прекратится потокъ совѣтскихъ денегъ, будутъ доѣдены послѣдніе фунты сахару и бѣлой муки, и подавляющее большинство и „комиссаровъ", и „спекулянтовъ" окажется у разбитаго корыта.

Конечно, есть немногіе, сумѣвшіе отложить — и уберечь отъ конфискаціи — нѣкоторое количество бриллiантовъ и валюты. Но число такихъ людей измѣряется сотнями, много, если двумя-тремя тысячами, и, конечно, никакого класса они не составятъ, вѣдь не составляютъ же особаго класса выигрыватели на лоттереяхъ!

„Комиссары" и „спекулянты" были бы можетъ быть рады, какъ любятъ теперь выражаться, закрѣпить свое богатство; но имъ *не на чемъ* его закрѣпить. Скупать дома у владѣльцевъ? Нѣкоторые и это

дѣлаютъ. Но въ виду рискованности операціи и незнанія о томъ, какъ скоро можно будетъ пожинать ея плоды, на это идутъ немногіе. Да и владѣльцевъ невсегда легко найти; и дома — мы знаемъ уже въ какомъ состояніи!

„Комиссары", черпающіе свои доходы изъ казенныхъ средствъ незаконнымъ образомъ, — тѣ, пожалуй, заинтересованы въ сохраненіи власти, они — выигравшіе (пока не попались подъ разстрѣлъ). Но можно ли серьезно говорить *о казнокрадахъ*, какъ крупной экономической категоріи? Число ихъ невелико уже потому, что украсть много милліоновъ (а вѣдь только такая сумма еще нѣкоторое богатство при переводѣ на бриллiанты и валюту) даже при совѣтскомъ строѣ могутъ лишь единицы. А законными путями и мелкими взятками и кражами можно заработать, самое большее, на курицу и на сахаръ.

А „спекулянты"... многимъ приходилось имѣть съ ними дѣло по распродажѣ своего имущества! Это частью интеллигенты, на комиссіонныхъ прирабатывающіе къ жалкому жалованью, или мелкіе торговцы-мѣшечники. Эти — сегодня сыты, а завтра сами продаютъ *и свои* вещи, а то и сидятъ въ какой нибудь чрезвычайкѣ. Бываютъ и болѣе крупные; но ихъ немного, и всѣ они живутъ въ вѣчномъ страхѣ и трепетѣ, скользя по краю разстрѣла.

Возвращаюсь къ тому, что уже было сказано: въ Совѣтской Россіи довольныхъ классовъ нѣтъ! Довольные есть только въ коммунистической партіи, и то — довольны больше молодые коммунисты, еще вѣрящіе въ міровую революцію; довольны, быть можетъ, отдѣльные пристроившіеся. Выигравшихъ слоевъ населенія нѣтъ, для всѣхъ ущербъ превысилъ прибыль.

Часто говорятъ: крестьяне не хотятъ возврата къ старому. Какъ это понимать? Если бы сейчасъ можно было спросить обитателей Совѣтской Россіи — хотѣли ли бы вы, чтобы послѣдніе семь лѣтъ оказались сномъ, и все бы вернулось къ состоянію 1913 года? — увѣренъ, что болѣе $^{9}/_{10}$ если не $^{99}/_{100}$ обитателей Совѣтской области, всѣ, кромѣ коммунистовъ, пристроившихся и единичныхъ интеллигентовъ, — отвѣтили бы не колеблясь утвердительно. Тамъ — таково общее настроеніе. Но такая постановка вопроса — фантасмагорія. Когда домъ сгорѣлъ и торчатъ однѣ обугленныя стѣны, его словами не возсоздашь. Нѣтъ той волшебной палочки, ударомъ которой можно было бы воскресить въ мановеніе ока нашъ „домъ широкій, окнами на пять земныхъ морей", Россійскую Имперію, въ ея быломъ величіи и ея быломъ богатствѣ, которыя особенно ярко сіяютъ намъ теперь черезъ бездну паденія, и въ блескѣ которыхъ меркнутъ былыя неправды.

Этого дома теперь нѣтъ. Передъ нами обугленный остовъ. А разъ это такъ, разъ, все равно, придется многое строить заново, отъ основанія, тогда, конечно, нѣтъ смысла возсоздавать вмѣстѣ съ величіемъ и богатствомъ ошибки и неправды. Далѣе; когда общее разо-

реніе — уже неотвратимое настоящее, тогда тѣ, кто, многое потерявъ, кое что и пріобрѣлъ среди разрухи, неохотно разстанутся съ этимъ немногимъ. Крестьяне, конечно, не хотѣли бы, чтобы въ результатѣ нѣсколькихъ лѣтъ развала, они остались бы и при разоренномъ хозяйствѣ, и безъ земельной прирѣзки. Въ этомъ смыслѣ, и только въ этомъ, они дѣйствительно не хотятъ „стараго".

А степень разоренія ужасна и теперь, и предѣлъ его еще не достигнутъ. Оптимисты во что бы то ни стало — вѣрятъ въ происходящіе, будто бы, уже и теперь, при большевикахъ, процессы самоисцѣленія. Я ихъ сейчасъ не вижу. Русская соціалистическая революція есть процессъ чистаго разрушенія. Ни въ одной области народной жизни кривая не идетъ вверхъ. Мы, повидимому, еще только приближаемся къ огромной хозяйственной катастрофѣ, которую смутно почувствовалъ и Уэльсъ. Онъ сдѣлалъ странный выводъ — поддержите болѣзнь, — но величину катастрофы онъ ощутилъ.

Представимъ себѣ, что, такъ или иначе, совѣтская власть еще продержится. Продержится до того времени, когда продовольственный дефицитъ въ странѣ станетъ общимъ и огромнымъ. До той поры, когда провалятся шпалы и расползутся насыпи желѣзныхъ дорогъ, и сообщеніе центра съ окраинами прервется, что будутъ истрачены послѣдніе запасы сырья и топлива, послѣднія крохи золотого фонда, — и что только тогда Совѣтская власть падетъ.

Она оставитъ послѣ себя обезличеннаго долгимъ рабствомъ, изголодавшагося интеллигента, развращеннаго невольной и вольной праздностью, истощеннаго недоѣданіемъ рабочаго, одичавшую и анархическую, и тоже голодную деревню — и никакихъ путей и средствъ сообщенія, и никакихъ запасовъ; только огромныя милліонныя массы населенія, обращеннаго въ людскую пыль. Въ этой пыли не встрѣтишь сопротивленія и долго не найдешь опоры. Да, это будетъ конецъ и Совѣтской власти, но въ тысячу разъ было бы лучше, еслибы удалось вырвать Россію изъ рукъ большевистской оккупаціи раньше, чѣмъ наступитъ эта катастрофа.

То, что происходитъ у насъ на родинѣ, болѣе всего подобно пожару. Можно еще понять, когда иностранцы сторонятся и говорятъ „пусть само догораетъ". Но когда русскіе твердятъ: „дайте большевизму изжить себя, не вмѣшивайтесь, не трогайте", — это уже труднѣе понять. Каждый мѣсяцъ большевистской власти приноситъ сотни тысячъ лишнихъ смертей и неисчислимыя разоренія странѣ. Пожаръ погаснетъ и самъ, но только когда все будетъ выжжено, когда рухнетъ крыша горящаго зданія.

И еще происходящее напоминаетъ мнѣ „Нисхожденіе въ Мальстремъ" Эдгара По. Это — огромная воронка водоворота. По ея бокамъ бѣжитъ вода съ небывалой быстротой и несутся корабли, крутясь по нисходящей спирали. А внизу — черная яма: дно. И къ этому дну корабли приближаются съ каждымъ оборотомъ вокругъ стѣнъ

воронки. Россія кружится по такой же воронкѣ, спускаясь ниже съ каждымъ годомъ — цикломъ, и черное дно зіяетъ передъ нею. Мы, всѣ кто здѣсь, кто смотритъ сейчасъ съ чужого берега, — мы должны всѣ усилія приложить къ тому, чтобы какая нибудь властная рука остановила, пока не поздно, это роковое круженіе. А если это намъ не удастся, если все таки дойдетъ до катастрофы, — и тогда мы должны вѣрить, каковы бы ни были испытанія, что великіе народы не умираютъ, и немедля начать изъ разбросанныхъ водоворотомъ обломковъ строить свой родной корабль, свой разоренный домъ!

Парижъ, 29/16 мая 1921 г.

С. С. Ольденбургъ.

Воспоминанія князя Евгенія Николаевича Трубецкого.

(Продолженіе).

IX. Музыкальныя переживанія. Девятая симфонія Бетховена.

Для той духовной атмосферы, въ которой мы съ братомъ жили въ наши студенческіе годы, музыкальныя переживанія были много существеннѣе университетскихъ впечатлѣній. Тогдашній университетъ былъ совершенно чуждъ нашей духовной и умственной жизни. Напротивъ, тѣ музыкальныя переживанія, которыя въ началѣ восьмидесятыхъ годовъ выпали на нашу долю въ Москвѣ, входили въ нее какъ необходимая составная часть.

Николая Рубинштейна въ то время уже не было на свѣтѣ: онъ скончался 11 Марта 1881 года, — за нѣсколько мѣсяцевъ до нашего переѣзда въ Москву. Въ память почившаго артиста его братъ — Антонъ Григорьевичъ — открылъ осенью 1881 года музыкальный сезонъ въ Москвѣ, гдѣ онъ взялся дирижировать тремя первыми симфоническими концертами Императорскаго Музыкальнаго Общества. Въ программѣ этихъ концертовъ стояли, между прочимъ, двѣ симфоніи Бетховена — третья „героическая“ и девятая. Мы съ братомъ еще до переѣзда въ Москву готовились къ ихъ слушанію. Для этого моя мать съ сестрами исполняли ихъ нѣсколько разъ въ четыре руки. Помню, что мы „готовились“ съ благоговѣніемъ, точно къ совершенію нѣкотораго музыкальнаго священнодѣйствія, вслушиваясь въ каждую подробность и смакуя каждый аккордъ.

Готовиться было необходимо: несмотря на обиліе классической музыки, которое мы слышали съ дѣтства въ концертахъ и въ домашнемъ исполненіи, высшія созданія Бетховена и въ особенности его симфоніи были до того еще за предѣлами нашего пониманія; да къ тому же мы ихъ сравнительно мало слышали и почти совсѣмъ не знали. Намъ предстояло еще въ нихъ *вжиться*. И это стало возможнымъ, благодаря пріѣзду Антона Рубинштейна въ Москву. Получивъ до концерта доступъ на его репетиціи, я такимъ образомъ продолжалъ „готовиться", слушая не только оркестръ, но и всѣ комментаріи Рубинштейна къ его исполненію, всѣ его указанія.

Понятно, что при этихъ условіяхъ три концерта подъ управленіемъ Рубинштейна разрослись для меня въ большое событіе. Я и до сихъ поръ радуюсь, что событіе это выпало на мою долю, потому что благодаря ему симфоніи Бетховена стали для меня пріобрѣтеніемъ на всю жизнь, такъ что я помню въ нихъ каждый диссонансъ, каждый переходъ и могу, когда вздумается, мысленно развертывать ихъ въ воображеніи: память сохранила не только мотивы, но и характерныя черты Рубинштейновскаго исполненія — въ особенности его темпы.

Впослѣдствіи я слышалъ множество нападокъ на А. Рубинштейна, какъ на дирижера. Многіе имъ были недовольны; есть и сейчасъ музыканты, которые считаютъ его дирижеромъ „плохимъ", при чемъ въ основѣ этихъ сужденій обыкновенно лежитъ сравненіе съ иностранными, въ особенности нѣмецкими дирижерами. Этимъ для меня опредѣляется и цѣнность этихъ нападокъ. Въ отношеніи оркестровой техники Рубинштейнъ стоялъ ниже, можетъ быть, даже значительно ниже многихъ ученыхъ нѣмцевъ, и всетаки за его исполненіе, въ особенности за его исполненіе Бетховенскихъ симфоній, можно было отдать всѣхъ этихъ нѣмцевъ, вмѣстѣ взятыхъ. У него было какъ разъ то важнѣйшее, чего у нихъ не было: *музыкальный геній*.

Въ началѣ восьмидесятыхъ годовъ, когда мнѣ пришлось его слушать, Антонъ Григорьевичъ былъ уже полу-слѣпой: у него былъ катарактъ на обоихъ глазахъ. Передъ нимъ лежала партитура, но онъ ее почти не видѣлъ и дирижировалъ больше наизусть. На это жаловались музыканты, которые говорили, что онъ не всегда указываетъ вступленіе инструментовъ, отъ этого происходили шероховатости, вызывавшія гнѣвныя вспышки Антона Григорьевича. Онъ былъ такъ же вспыльчивъ, какъ и его покойный братъ, и не стѣснялся кричать на музыкантовъ на репетиціяхъ. Однажды я былъ свидѣтелемъ этого крика на самомъ концертѣ. Музыкантовъ это, понятное дѣло, энервировало, что не могло не вредить исполненію. Когда послѣ Рубинштейна являлся на эстрадѣ нѣмецъ-спеціалистъ, увѣренно и спокойно указывшій во время каждое вступленіе и тщательно разучивавшій съ оркестромъ симфонію до малѣйшихъ подробностей, это успокаивало и подкупало исполнителей. Помню радостный возгласъ оркестроваго музыканта послѣ одного концерта такого техника-виртуоза — Макса Эрдмансдёрфера, — выступившаго въ 1881 — 1882 году вслѣдъ за Рубинштейномъ. „Какое счастье играть съ такимъ дирижеромъ: какъ спокойно себя чувствуешь! У Рубинштейна, бывало, такъ боишься“.

Слова эти относились къ обоимъ Рубинштейнамъ — Антону и покойному Николаю. Своей техникой Эрдмансдёрферъ превосходилъ ихъ обоихъ. Музыканты единогласно свидѣтельствовали, что такихъ pianissimo, fortissimo и crescendo, какимъ научилъ ихъ Эрдмансдёрферъ, они раньше просто не умѣли дѣлать. Едва слышный шопотъ могучаго оркестра, безпредѣльное нарастаніе звука, стройность ансамбля и отчетливость выдѣленія каждой темы, главной и второстепенной, — все это было у Эрдмансдёрфера верхомъ совершенства. И, однако же, несмотря на всѣ шероховатости рубинштейновскаго исполненія, игра Эрдмансдёрфера въ сравненіи съ нимъ ничего не стоила,

Помню глубокія замѣчанія по этому поводу профессора віолончели Фитценгагена, тонкаго, умнаго знатока и цѣнителя музыки, который игралъ въ оркестрѣ подъ управленіемъ обоихъ Рубинштейновъ, а потомъ подъ управленіемъ Эрдмансдёрфера. — „Какое тутъ можетъ быть сравненіе", — говорилъ онъ, — „что изъ того, что у Рубинштейна пропадали тѣ или другія тонкія, неуловимыя детали. Развѣ въ деталяхъ дѣло? Рубинштейны — тотъ и другой — давали намъ самое главное — *великій образъ музыкальнаго цѣлаго* (ein grosses Gesammtbild). Какъ разъ именно этого не даетъ Эрдмансдёрферъ. Вмѣсто того, чтобы воспроизводить *цѣлое*, онъ беретъ партитуру и разсматриваетъ ее въ лупу, преувеличивая въ десять разъ каждую подробность. Онъ находитъ тамъ piano и говоритъ: „ахъ, тутъ долженъ быть шопотъ", рядомъ съ этимъ видитъ forte и дѣлаетъ такое forte, чтобы волосъ сталъ дыбомъ на головѣ. Подробности черезъ это безмѣрно преувеличиваются и разростаются, а образъ цѣлаго совершенно исчезаетъ изъ поля зрѣнія. Позвольте прибѣгнуть къ сравненію. Допустимъ, что я пишу съ Васъ портретъ. Я вижу, что у Васъ большой носъ и маленькій ротъ. И вотъ я начинаю вытягивать Вамъ носъ на полотнѣ и нарисую Вамъ ротикъ съ пуговицу. Развѣ это будетъ портретъ? Нѣтъ, какъ бы виртуозно ни былъ нарисованъ вашъ длинный носъ и вашъ маленькій ротъ, все же это будетъ не образъ Вашъ на полотнѣ, а каррикатура. Вотъ Вамъ и вся разница между Рубинштейномъ и Эрдмансдёрферомъ: одинъ даетъ Вамъ геніальный образъ подлинника, а другой пишетъ каррикатуру. Пожалуй еще можно способомъ Эрдмансдёрфера хорошо исполнять какой нибудь красочный танецъ или рапсодію. Но по отношенію къ Бетховену, извините меня, это — кощунство."

Слова Фитценгагена врѣзались мнѣ въ память, потому что они какъ нельзя болѣе точно и тонко выразили суть того музыкальнаго откровенія, которое

мнѣ дано было воспринять черезъ Антона Рубинштейна. Выраженіе „музыкальное откровеніе“ тутъ, право, не составляетъ преувеличенія. Этотъ Рубинштейнъ, у котораго не было нѣмецкой чистоты и отчетливости исполненія, заставлялъ своихъ слушателей въ симфоніяхъ Бетховена переживать всю міровую драму. И въ этомъ переживаніи была подлинная суть бетховенскаго творчества, — въ особенности — его девятой симфоніи.

Боже мой, до чего волнительна была въ передачѣ Рубинштейна эта симфонія. Помнится, слушая первую часть, я чувствовалъ, словно присутствую при какой то космической бурѣ: передъ глазами мелькаютъ молніи, слышится какой то глухой подземный громъ и рокотъ, отъ котораго сотрясаются основы вселенной. Душа ищетъ, но не находитъ успокоенія, отъ охватившей ее тревоги. Эта тревога безвыходнаго міроваго страданія и смятеніе проходитъ черезъ всѣ первыя три части, наростая, увеличиваясь. Въ изумительномъ скерцо съ его повторяющимися тремя жестокими, рѣзкими ударами, душа ищетъ развлечься отъ этого сгущающагося мрака: откуда то несется тривіальный мотивъ скромнаго бюргерскаго веселья и вдругъ опять тѣ же три сухіе, рѣзкіе удара его прерываютъ и отталкиваютъ: прочь пошлое, призрачное отдохновеніе, не мѣсто въ душѣ филистерскому довольству, прозаическому мотиву, будничной радости. Весь этотъ раздоръ и хаосъ, вся эта міровая борьба въ звукахъ, наполняющая душу отчаяніемъ и ужасомъ, требуетъ иного, высшаго разрѣшенія: не для того гремитъ громъ, не для того земля сотрясается, чтобы міръ могъ успокоится на мѣщанскомъ мотивѣ житейской середины. — Или все существующее должно провалиться въ бездну, или должна быть найдена та полнота жизни и радости, которая бы покрыла и претворила въ блаженство всю эту безмѣрную скорбь существованія.

Но гдѣ она, эта полнота? Вы прошли, пережили и перечувствовали весь міровой процессъ и не нашли

ея. Въ первыхъ трехъ частяхъ отзвучала вся міровая драма, вы хотите надъ ней подняться. Напрасная мечта: воспоминанія ваши воспроизводятъ вновь все тотъ же пережитый ужасъ. Мотивы трехъ первыхъ частей, геніально повторяясь въ началѣ четвертой части, наводятъ на душу ощущеніе полной безвыходности. Вы чувствуете себя въ магическомъ порочномъ кругѣ. Нѣтъ разрѣшенія міровому страданію. Всѣ его стадіи обречены на безконечное и вѣчное повтореніе: опять землетрясеніе и громъ первой части, опять захватывающая скорбь adagio, опять сухіе, рѣзкіе удары скерцо. Неужели же — обманъ вся эта жизнь и нѣтъ надъ ней того высшаго, ради чего стоитъ жить и страдать.

И вдругъ, когда вы чувствуете себя у самаго края темной бездны, куда проваливается міръ, вы слышите рѣзкій трубный звукъ, какіе то раздвигающіе міръ аккорды, властный призывъ потусторонней выси, изъ иного плана бытія. Душа ваша встрепенулась: она въ недоумѣніи спрашиваетъ себя, что это такое. И тутъ уже не звукъ, а слово, воплощенное въ мелодію, отвѣчаетъ на ея недоумѣніе и трепетъ: *„други, оставьте эти печальные звуки, запоемъ другіе, болѣе радостные“*. Ваше вниманіе приковано, но не сразу дается тотъ заключительный подъемъ, который готовится въ звукахъ. Изъ безконечной дали несется pianissimo невѣдомый доселѣ мотивъ радости: оркестръ нашептываетъ вамъ какіе то новые торжественные звуки. Но вотъ они растутъ, ширятся, близятся. Это уже не предвидѣнье, не намекъ на иное будущее — человѣческіе голоса, которые вступаютъ одинъ за другимъ, могучій хоръ, который подхватываетъ побѣдный гимнъ радости, это уже подлинное, это настоящее. И вы чувствуете себя разомъ поднятымъ въ надзвѣздную высоту, надъ міромъ, надъ человѣчествомъ, надъ всею скорбью существованія.

Обнимитесь всѣ народы,
Ницъ падите милліоны.

Сколько разъ потомъ я слышалъ эту симфонію, но никогда никто изъ дирижеровъ не умѣлъ съ такою силою, съ такою властью, какъ Рубинштейнъ передать эту теогоническую грозу въ звукахъ и такъ ясно поставить передъ душой эту музыкальную, а вмѣстѣ и жизненную дилемму. Нѣтъ и не должно быть середины въ достиженіи жизненнаго стремленія. Или все — общій міровой провалъ или подъемъ надъ звѣздами въ чертогъ высшей радости.

Трудно передать то состояніе восторга, которое я испыталъ тогда въ симфоническомъ концертѣ. Всего нѣсколькими мѣсяцами раньше передъ моимъ юношескимъ сознаніемъ стала навѣянная Шопенгауеромъ и Достоевскимъ дилемма. Или есть Богъ, и въ немъ полнота жизни *надъ міромъ*, или не стоитъ жить вовсе. И вдругъ я увидѣлъ эту самую дилемму глубоко, ярко выраженною въ геніальныхъ музыкальныхъ образахъ. Тутъ есть и нѣчто безконечно бо́льшее, чѣмъ постановка дилеммы, — есть *жизненный опытъ* потусторонняго, — *реальное ощущеніе динамическаго покоя*. Мысль ваша не застыла въ состояніи неподвижности, — нѣтъ, она воспроизводитъ всю серію драматическихъ звуковъ мірового движенія. Но она воспринимаетъ всю міровую драму съ той высоты вѣчности, гдѣ все смятеніе и ужасъ чудесно претворяются въ радость и *покой*. И вы чувствуете, что вѣчный покой, который нисходитъ сверху на вселенную — не отрицаніе жизни, а полнота жизни. Никто изъ великихъ художниковъ и философовъ міра не ощутилъ и не раскрылъ этого такъ, какъ это удалось Бетховену. Его девятая симфонія стоитъ совершенно одиноко среди тогдашняго мірового творчества. Ни въ тогдашней германской поэзіи, ни въ тогдашней германской философіи нѣтъ того, что составляетъ суть этого великаго произведенія: *нѣтъ ощущенія вѣчнаго покоя надъ вселенной*. А между тѣмъ при всемъ своемъ одиночествѣ, при всей *единственности* своего величія, какъ близокъ

былъ геній Бетховена къ той окружающей жизни, надъ которой онъ такъ высоко поднимался. Девятая симфонія — его отвѣтъ на всѣ драматическія переживанія тогдашней Европы.

Что такое эта *теогоническая* гроза, этотъ подземный гулъ и рокотъ первой части симфоніи? Бетховенъ все это переживалъ въ дѣйствительности. Онъ жилъ въ дни міровой революціи и нескончаемыхъ міровыхъ войнъ, космическая буря дѣйствительно совершалась на его глазахъ. Міръ истекалъ кровью, искалъ и не находилъ выхода изъ состоянія всеобщаго раздора и разлада. Не одинъ Бетховенъ чувствовалъ ужасъ этого колебанія основъ вселенной и этого надвигающагося на міръ адскаго вихря. Были въ его дни и другіе, которые спрашивали, къ чему весь этотъ стонъ, и плачъ, и ужасъ. Но тѣ другіе, а въ ихъ числѣ Шопенгауеръ, — искали смысла вселенной и не находили его. Изъ всѣхъ великихъ творцовъ того времени одинъ Бетховенъ звалъ враждующія племена людскія въ чертогъ вѣчной радости. И, вопреки *здѣшнему* раздору, этотъ потусторонній міръ вселенной былъ для него фактомъ его духовнаго опыта. Онъ не только его предвидѣлъ, онъ его *ощущалъ*. И этимъ ощущеніемъ онъ поднялся не только надъ своими современниками. Онъ явилъ въ звукахъ неумирающее откровеніе вѣчной правды.

Цѣлое столѣтіе отдѣляетъ насъ отъ той эпохи наполеоновскихъ войнъ, когда жилъ и творилъ Бетховенъ. И вотъ вселенная опять въ крови. Снова война, снова всемірная революція. Опять человѣчество спрашиваетъ себя, зачѣмъ весь этотъ плачъ, стонъ и ужасъ, гдѣ разрѣшеніе этого всеобщаго раздора, гдѣ выходъ изъ всемірнаго страданія и скорби. Теперь, какъ и тогда, отвѣтъ Бетховена остается въ силѣ. Между безусловной безсмыслицей и безусловнымъ смысломъ нѣтъ той *середины*, на которой могло бы успокоиться наше исканіе. *Или всеобщій міровой провалъ, или полнота вѣчной жизни и радости.*

X. Музыкальныя переживанія. Классики, Глинка, Бородинъ.

Много было у меня яркихъ и сильныхъ музыкальныхъ воспріятій зимою 1881 — 1882 года; но по глубинѣ и значительности, разумѣется, ничто не можетъ сравниться съ тѣмъ, что дала девятая симфонія. Это было одно изъ тѣхъ внутреннихъ озареній, которые оставляютъ прочный слѣдъ въ *жизни*. Потомъ душа живетъ многіе годы тѣмъ, что открылось ей въ такія исключительныя, единственныя въ своемъ родѣ минуты. Каковы бы ни были страданія и скорбь въ жизни, — *есть высота надъ хаосомъ, надъ землетрясеніемъ, надъ громами*; тамъ всѣ бури міра претворяются въ покой. Это я знаю не теоретически. Благодаря Бетховену, эта высочайшая горная вершина стала для меня фактомъ жизненнаго опыта. Оттуда я могу *созерцать грозу*, но не уноситься ею: ибо она *подо мною*. . . Я не страшусь ея, потому что всѣмъ существомъ чувствую *достовѣрность побѣды*. Вотъ и теперь, когда мнѣ, уже состарившемуся, приходится метаться изъ конца въ конецъ моей обширной родины, ища прибѣжища отъ бушующаго кругомъ урагана, въ душѣ живетъ все то же радостное чувство: *есть недвижный покой надъ громами*. Не Бетховенъ первый сообщилъ мнѣ эту радость, дающую силу жить; но онъ закрѣпилъ ее въ моемъ міроощущеніи. Въ трудныя минуты тяжкихъ жизненныхъ испытаній иногда бываетъ достаточно вспомнить торжественные звуки заключительнаго бетховенскаго хора, чтобы отогнать сомнѣнія и оживить въ душѣ это ощущеніе невозмутимаго покоя.

По отношенію ко всѣмъ прочимъ музыкальнымъ воспріятіямъ моей юности это былъ тотъ снопъ свѣта, который все освѣщалъ, ибо въ этомъ предѣльномъ высшемъ достиженіи музыкальнаго творчества я нашелъ искомое всякой музыки, болѣе того, — всякаго искусства. Заданіе всякаго искусства состоитъ въ томъ, чтобы найти недвижную точку покоя надъ

хаосомъ и созерцать временное съ высоты вѣчности; искусство нужно намъ вообще, чтобы вырвать душу изъ плѣна у времени.

Не въ одной девятой симфоніи я ощущалъ это освобождающее дѣйствіе, а въ большей или меньшей степени во всемъ, что я слушалъ. Помнится, въ 1881 году на одномъ изъ первыхъ концертовъ подъ управленіемъ А. Рубинштейна исполнялась увертюра „Фаустъ“ Р. Вагнера, которая произвела на меня сильное впечатлѣніе, какъ яркое изображеніе пессимистическаго настроенія въ музыкѣ. Въ стихахъ Гете, которые послужили эпиграфомъ къ увертюрѣ, говорится о переживаемой Фаустомъ ненависти къ жизни и жаждѣ смерти.*) Трудно себѣ представить настроеніе болѣе тяжелое, гнетущее. А между тѣмъ, когда эта жажда смерти находитъ себѣ художественное изображеніе въ звукѣ, душа надъ нею возвышается: она освобождается отъ гнета. *Искусство всегда радостно,* каковъ бы ни былъ его предметъ. Радостно это ощущеніе свободы, *легкости духа,* который поднимается надъ всякимъ преходящимъ явленіемъ, настроеніемъ, чувствомъ, вообще надо всѣмъ, что преходяще. Радуетъ тотъ подъемъ къ сверхвременному, который чувствуется во всякомъ художественномъ творчествѣ. Освобожденіе отъ тяжести и ощущеніе крыльевъ присуще всякому искусству, заслуживающему этого наименованія. Но ощущать въ себѣ крылья еще не значитъ знать, куда летѣть. Явить человѣчеству ту предѣльную высоту, которая составляетъ вершину и цѣль всего творческаго полета человѣческой мысли, дается лишь художникамъ изъ художниковъ, при томъ не во всѣхъ, а только въ высшихъ ихъ произведеніяхъ. И, когда такая высота достигнута, съ нея видны всѣ ступени подъема, весь восходящій путь мірового творчества.

Этимъ объясняется то расширяющее дѣйствіе на

*) Und so ist mir Dasein zur Last,
Der Tod erwünscht, das Leben erhasst.

кругозоръ, которое оказываютъ такія произведенія. Когда вы вживаетесь въ девятую симфонію, вы чувствуете, что передъ вами открылись во всѣ стороны необъятные горизонты; вы начинаете совсѣмъ иначе понимать и иначе чувствовать всѣ прочія музыкальныя красоты, которыми вы раньше наслаждались. Вы видите не только наверху, но и *внизу* то, чего вы раньше не видали. Мѣняется вся перспектива, въ которой вы смотрите и судите, а соотвѣтственно мѣняются и всѣ оцѣнки. Вы раньше преклонялись, скажемъ, передъ Чайковскимъ. И вдругъ, когда вы смотрите на него съ высоты, — оказывается, что это — не альпійская вершина, а высота средней величины, которая заслоняла отъ васъ несравненно высшія вершины, пока вы находились внизу у ея подножія. Но что это за громады, которыя выросли сзади, *надъ* этой возвышенностью и которыхъ вы раньше совсѣмъ не замѣчали? Вы видите уже не отдѣльныя вершины, а цѣлыя *цѣпи горъ*; и высота, которая раньше поглощала ваше вниманіе, оказывается лишь одной изъ многихъ вершинъ такой цѣпи, однимъ изъ ея развѣтвленій.

Вся классическая музыка стала мнѣ близкою, *своею*, съ того момента, когда мнѣ стало доступно высшее ея достиженіе; и Моцартъ, и Бахъ, и Гайднъ — стали моими, когда я сталъ смотрѣть на нихъ съ высоты открытаго мнѣ Бетховеномъ Монблана. Гайдна я всей душой любилъ и раньше. Поблекла для меня русская національная музыка, когда душа, казалось, переполнилась черезъ край музыкой нѣмецкой? Наоборотъ, она возросла въ цѣнѣ, измѣнилась только перспектива, въ которой я на нее смотрѣлъ. Вмѣсто отдѣльной вершины и тутъ я увидѣлъ цѣпь. Надъ Чайковскимъ сталъ расти въ моихъ глазахъ Глинка, знакомый и раньше, но до того еще не осознанный. И показались, хотя издали, возвышенности, которыхъ раньше совсѣмъ не было въ моемъ полѣ зрѣнія, — Бородинъ, Мусоргскій, Римскій Корсаковъ. Не могу сказать, чтобы я уже тогда въ нихъ вжился, но я сталъ

ихъ впервые разглядывать съ величайшимъ вниманіемъ и интересомъ, а кое-что и въ самомъ дѣлѣ разглядѣлъ.

Въ особенности ближайшее знакомство съ Глинкой въ ту пору имѣло для меня огромное значеніе. Какъ могло случиться, что я раньше такъ мало его зналъ? Объясняется это очень просто. До восьмидесятыхъ годовъ итальянская опера настолько господствовала въ русскихъ театрахъ, что для оперы русской почти не оставалось мѣста. „Жизнь за Царя" стояла въ репертуарѣ не въ качествѣ музыкальнаго произведенія, а въ качествѣ необходимой для „высокоторжественныхъ" дней оперы патріотической. А Руслана въ теченіе многихъ лѣтъ *не давали совсѣмъ*. Вотъ почему я не видалъ его въ дѣтствѣ. Я ли одинъ? Помню въ ту пору А. Рубинштейнъ пришелъ въ изумленіе, когда узналъ, что моя мать никогда не бывала въ Русланѣ. „Знаете ли что", — сказалъ онъ ей, — „я даже вамъ завидую: завидно думать о тѣхъ, кому еще предстоитъ такое большое наслажденіе".

Какъ разъ въ началѣ восьмидесятыхъ годовъ послѣ вступленія на престолъ императора Александра III-го, итальянская опера на императорской сценѣ была замѣнена русской и въ 1882 году въ Московскомъ Большомъ Театрѣ былъ возобновленъ „Русланъ". Эта опера тоже составила эпоху въ моей музыкальной жизни; но это не было то безпримѣсно музыкальное воспріятіе, которое я переживалъ, слушая Бетховена. Тутъ было новое воспріятіе Россіи; а потому съ наслажденіемъ художественнымъ сочетался сильный національный подъемъ. *Геніальное выраженіе родного*, вотъ что въ особенности меня плѣняло и захватывало въ Глинкѣ. И это въ немъ для меня осталось на всю жизнь. Я и до сихъ поръ не могу безъ радостнаго волненія слышать его увертюру „Руслана" и „Комаринскую", самое воспоминаніе о которой въ одинъ мигъ воскрешаетъ передо мною все дорогое, что *было*, и что, я надѣюсь, еще *есть* въ русской деревнѣ. Въ сравненіи съ этимъ *подлинно народнымъ* для меня какъ то сразу стало

яснымъ, сколько есть народничанья и оскорбляющей ухо итальянщины въ тѣхъ произведеніяхъ Чайковскаго, которыя раньше казались мнѣ подлинно народными.

И всетаки я чувствую, что теперь я воспринимаю Глинку иначе, чѣмъ тогда. Въ томъ особомъ энтузіазмѣ, съ которымъ его воспринимало наше поколѣніе молодежи, отражалась эпоха. Это были какъ разъ дни національной реакціи противъ космополитическаго нигилизма. Этимъ національнымъ движеніемъ было вызвано и самое возобновленіе „Руслана" въ связи съ изгнаніемъ итальянской оперы съ русской императорской сцены. И общество и правительство стали тогда удѣлять русскому искусству все больше вниманія. А мы, молодежь, воспринимали его, какъ воспитанники Достоевскаго, подъ сильнѣйшимъ вліяніемъ котораго мы тогда находились. Когда я впервые познакомился съ Русланомъ, русскій народъ былъ для меня „народомъ-богоносцемъ". Нужно ли удивляться, что въ моемъ воспріятіи и въ особенности въ моихъ оцѣнкахъ того времени было не мало націоналистическихъ преувеличеній!

Подъ вліяніемъ знаменитой пушкинской рѣчи Достоевскаго Глинка рисовался мнѣ русскимъ музыкальнымъ Пушкинымъ, своего рода музыкальнымъ „всечеловѣкомъ". И дѣйствительно, такія произведенія этого родоначальника русской музыки, какъ „Арагонская хота", краснорѣчиво говорили объ универсальности русскаго генія, о его изумительной способности творчески переноситься въ духовную атмосферу другихъ народовъ. Но при всей этой универсальности, при всей сказочной красочности этой музыки, какъ ясно сказываются въ творчествѣ Глинки національные недостатки, усугубленные недостатками его эпохи. И вотъ этихъ то недостатковъ я, въ мои молодые годы, совершенно не чувствовалъ, я просто не видѣлъ въ глинкинской музыкѣ тѣхъ пятенъ, которыя такъ ясно, такъ рельефно выступили для меня впослѣдствіи. Въ теченіе почти цѣлаго десятилѣтія „Русланъ" былъ для меня произ-

веденіемъ единственнымъ, несравненнымъ, *оперою изъ оперъ*. Такъ продолжалось до тѣхъ поръ, пока неожиданный, но въ высокой степени характерный случай не разъяснилъ мнѣ, что при всей своей геніальности Русланъ вовсе не опера, а нѣчто другое.

Случилось это уже въ тѣ дни, когда подъ вліяніемъ позднѣйшихъ разочарованій я начиналъ отходить отъ націоналистическихъ преувеличеній моей ранней молодости. Мнѣ какъ то захотѣлось „показать Руслана" нѣкоторымъ близкимъ людямъ, которые его не знали, — людямъ съ большимъ художественнымъ вкусомъ, но съ среднимъ музыкальнымъ развитіемъ. Я былъ чрезвычайно огорченъ тѣмъ, что они видимо скучали, а къ концу оперы чуть совсѣмъ не заснули. Я недоумѣвалъ: вѣдь тѣ же самыя лица на моихъ глазахъ прекрасно воспринимали какого нибудь „Лоэнгрина" Вагнера. Отчего же такая нечувствительность и такое равнодушіе къ своему родному. И вдругъ я услыхалъ фразу: il n'y a pas d'action. Я разомъ понялъ, въ чемъ дѣло, понялъ не только *ихъ*, но и ту черту „Руслана", которая погружала ихъ въ сонъ. Въ первый разъ въ жизни я замѣтилъ, что въ каждомъ дѣйствіи этой оперы кто нибудь спитъ. Въ первомъ дѣйствіи засыпаютъ *всѣ* дѣйствующія лица; въ второмъ спитъ голова; въ третьемъ безъ конца засыпаетъ на сценѣ Ратмиръ, въ четвертомъ Людмила, въ пятомъ — Горислава и опять Людмила. Чтобы наслаждаться этой оперой нужно обладать именно той способностью, которой недостаетъ среднему музыкальному развитію. *Надо умѣть отвлечься отъ сцены, гдѣ спятъ*, и уйти въ самую глубь той сказки, которая снится этимъ спящимъ.

Высшее произведеніе русской музыки — очаровательная, но не дѣйственная сказочная греза. Развѣ это не характерно для русской души и для эпохи глинкинскаго творчества въ особенности? Вслушайтесь въ героическіе звуки музыки Вагнера или въ могучіе аккорды Бетховена. Какой въ нихъ могучій призывъ къ

подвигу, къ дѣйствію. А у насъ? Къ чему зоветъ мелодія „Руслана"? Она уноситъ отъ жизни, зачаровываетъ душу, погружаетъ ее въ то сказочное настроеніе, о которомъ поетъ хоръ въ первомъ дѣйствіи:

Какое чудное мгновенье,
Что значитъ этотъ дивный сонъ!

Но въ концѣ концовъ это — все та же мистика пассивныхъ переживаній, которыхъ такъ много и въ русской сказкѣ, и въ русской поэзіи, и въ русской религіозности, и во всемъ русскомъ духовномъ складѣ. Прекрасная, свѣтлая, чистая мечта, которая восхищаетъ, радуетъ, уноситъ прочь отъ жизни, но не *дѣйствуетъ*. И, чѣмъ дальше и выше отлетаетъ отъ жизни мечта, тѣмъ больше коснѣетъ жизнь въ своемъ безобразіи. Такъ было въ дни Глинки и Пушкина. Такъ продолжалось и послѣ нихъ. Съ одной стороны дивный расцвѣтъ русской поэзіи, а съ другой — крѣпостное право! И чѣмъ выше вершины, на которыя поднималось и поднимается творчество русскаго генія, — тѣмъ мучительнѣе для совѣсти этотъ упрекъ, который я тогда слышалъ въ театрѣ:

Il n'y a pas d'action.

Это — не только судъ на оперою, но и судъ надъ Россіей. Въ мои молодые, студенческіе годы я для него еще не созрѣлъ. Отъ этого я и не видѣлъ пятенъ въ „Русланѣ".

Для настроенія начала восьмидесятыхъ годовъ это весьма характерно. Помнится, мы жили тогда подъ впечатлѣніемъ навѣянной Достоевскимъ мечты объ Алешѣ Карамазовѣ, посланномъ старцемъ Зосимою въ міръ — осуществлять Божью правду на землѣ. Образъ Алеши для всего воспитаннаго въ мысляхъ Достоевскаго поколѣнія молодежи того времени олицетворялъ задачу молодой Россіи. И душѣ хотѣлось вѣрить въ близкое разрѣшеніе этой задачи, въ чудеса, которыя скоро будутъ явлены міру черезъ Россію. Великій мірообъемлющій синтезъ Запада и Востока, религіи и науки,

церковнаго преданія и западной философіи, вотъ что наполняло душу радостной надеждой. Всмотритесь въ раннія произведенія В. Соловьева, которыя служатъ яркими показателями этого настроенія. И въ „Критикѣ отвлеченныхъ началъ", и въ „Великомъ спорѣ", и въ „Чтеніяхъ о Богочеловѣчествѣ" „великій синтезъ" рисуется ему какъ что то непосредственно предстоящее.

Такъ или иначе и Соловьевъ, и вся религіозно-настроенная молодежь того времени жила въ атмосферѣ славянофильской утопіи. То была красивая, но не дѣйственная мечта о Россіи. Нечего удивляться, что въ этомъ настроеніи мысль наша не могла понять тѣхъ недостатковъ творчества Глинки, отъ которыхъ она еще сама не освободилась. Чтобы понять изъяны этого настроенія „волшебнаго сна", надобно было увидѣть пропасть подъ ногами, надо было почувствовать надигающуюся на міръ, и прежде всего на Россію, катастрофу. Надо было почувствовать не только высшую, Божественную правду, составляющую *призваніе* Россіи, но и всю глубину неправды ея *дѣйствительности*. Это стало возможнымъ гораздо позже.

Въ связи съ Глинкою, какъ я сказалъ, мнѣ начали открываться и иныя красоты русской музыки. Но въ восьмидесятыхъ годахъ произведенія „могучей кучки" еще очень мало исполнялись. Ни Римскій-Корсаковъ, ни, тѣмъ болѣе, Мусоргскій еще не получили доступа на императорскую сцену. Въ репертуарѣ Большого Театра стояли оперы Дарогомыжскаго, Сѣрова, Чайковскаго, Рубинштейна, — а тѣ новѣйшіе композиторы, которые теперь составляютъ украшеніе русскаго опернаго репертуара, — все еще считались слишкомъ „радикальными". Рѣдко удавалось слышать исполненіе ихъ произведеній и въ концертахъ. Только въ видѣ исключенія мнѣ довелось какъ то разъ слышать на концертѣ Императорскаго Музыкальнаго Общества въ Москвѣ „Картины изъ средней Азіи" Бородина. По тому, какъ эта вещь была принята публикой, видно, что общество было уже подготовлено къ ея воспріятію.

„Картины“ заставили повторить на бисъ, что случалось не такъ ужъ часто съ большими оркестровыми произведеніями. Помню, какъ я былъ пораженъ необыкновенной яркостью этихъ музыкальныхъ образовъ, оставляющихъ впечатлѣніе почти зрительное. Когда слышишь лѣнивую русскую солдатскую пѣснь подъ ритмически повторяющійся однообразный аккомпаниментъ какихъ то тяжелыхъ шаговъ, — такъ и видишь войска, шествующія за верблюдами. А долго тянущаяся въ заключеніе верхняя скрипичная нота вызываетъ ощущеніе тропической жары въ безводной степи.

Какъ я ни жаждалъ послѣ этого послушать въ концертахъ новѣйшую русскую музыку, мнѣ это все не удавалось. Уже значительно позже, въ серединѣ восьмидесятыхъ годовъ, мнѣ на дому пришлось знакомиться въ любительскомъ исполненіи съ романсами и оперными аріями Бородина, Римскаго-Корсакова, Балакирева, Мусоргскаго и Кюи. И съ этого момента новая русская музыка стала для меня прочнымъ пріобрѣтеніемъ. Когда вслѣдъ за тѣмъ въ девяностыхъ годахъ началось царство названныхъ композиторовъ на сценѣ, я не только былъ подготовленъ къ ихъ слушанію, я хорошо зналъ и любилъ нѣкоторыя оперы, напримѣръ, „Снѣгурочку“ и „Бориса Годунова“.

Я не касаюсь здѣсь не только менѣе значительныхъ, но и весьма значительныхъ моихъ музыкальныхъ переживаній того времени и упоминаю лишь о тѣхъ, которыя, какъ яркіе факелы, освѣщаютъ всѣ мои воспоминанія о той русской духовной атмосферѣ, въ которой мнѣ пришлось жить въ началѣ восьмидесятыхъ годовъ. Надо сказать, что атмосфера эта была насыщена музыкой. Не часто выпадали тогда такіе музыкальные праздники, какъ девятая симфонія подъ управленіемъ Рубинштейна или его же игра на рояли, о которой могу сказать только то, что послѣ его кончины не явилось на свѣтѣ виртуоза, могущаго выдержать хотя бы отдаленное сравненіе съ нимъ. Но и то, что приходилось слышать черезъ каждыя двѣ недѣли, было незаурядно. Незаурядным виртуозомъ оркестра

былъ и Максъ Эрдмансдёрферъ, который замѣнилъ Рубинштейна въ качествѣ дирижера. Послѣ Рубинштейна трудно было примириться съ его исполненіемъ Бетховена, о которомъ я уже говорилъ. Но въ передачѣ композиторовъ меньшей, хотя все-же и очень большой величины недостатки, отмѣченные Фитценгагеномъ, сказывались не такъ рѣзко. Помнится Шубертъ и Шуманъ удавались Эрдмансдёрферу прекрасно. Тутъ онъ схватывалъ не только детали, но и общую концепцію. А въ воспроизведеніи блестящихъ, фейрверочныхъ вещей Листа или „Бала-маскарада" Рубинштейна онъ не имѣлъ себѣ равныхъ. Съ благодарностью вспоминаю и о тогдашнихъ московскихъ квартетныхъ собраніяхъ, въ коихъ участвовали такіе серьезные, солидные музыканты, какъ Гржимали, Фитценгагенъ, Танѣевъ, Пабстъ; изъ нихъ послѣдній былъ даже блестящимъ.

Повидимому, не случайно въ моихъ воспоминаніяхъ о Москвѣ восьмидесятыхъ годовъ музыка занимаетъ такое большое, даже исключительное мѣсто. Въ позднѣйшихъ моихъ воспоминаніяхъ она играетъ значительно меньшую роль. Мнѣ кажется, что это объясняется скорѣе особенностями эпохи, чѣмъ моими личными наклонностями. Вспомнимъ тогдашнюю Россію. Музыка была въ ней единственною областью, гдѣ жизнь била ключемъ. Въ общественной жизни въ первые годы царствованія Александра III-го послѣ бури наступилъ полный штиль. Тутъ и въ самомъ дѣлѣ нечего вспомнить. Въ университетѣ — царство плоскаго позитивизма. Въ литературѣ Достоевскій только что сошелъ въ могилу, Левъ Толстой юродствовалъ и отрекался отъ литературы, а новое еще не появлялось; только къ концу моего пребыванія въ университетѣ начали ходить слухи о появленіи Короленки. А въ музыкѣ въ то же самое время геній Рубинштейна и цѣлая плеяда крупныхъ композиторскихъ талантовъ. Происходило въ то время движеніе и въ живописи, но самое значительное, что въ немъ было, явилось позднѣе. Единственная область, которая тогда могла соперничать съ музыкой по зна-

чительности происходившихъ въ ней событій, была философія, гдѣ явился геніальный талантъ Соловьева. Такъ и окрасилась для меня эта эпоха — музыкой и философіей. Это былъ *полный уходъ внутрь, въ область мысли и въ область звука.* Въ моемъ личномъ индивидуальномъ развитіи, несомнѣнно, отражалось то, что происходило тогда въ Россіи.

Философія и музыка. Въ моихъ тогдашнихъ переживаніяхъ это было — одно. Музыка въ то время для меня сообщала краски умозрѣнію. Борьба съ Шопенгауеромъ, преодолѣніе пессимизма, религіозный подъемъ, увлеченіе національнымъ мессіанизмомъ — все это нашло отображеніе въ звукѣ и воплотилось въ музыкальныхъ образахъ. Мысли невольно, по ассоціаціи идей, связывались съ мелодіями, и въ душѣ наростало убѣжденіе, что каждая мысль и въ самомъ дѣлѣ имѣетъ свою особою мелодію, что все существующее имѣетъ свою *абсолютную мелодію*, которая выражаетъ его смыслъ. Вѣрилось въ грядущую міровую симфонію, которая воплотитъ и выразитъ смыслъ міровой эволюціи. Все это, разумѣется, было навѣяно тѣми музыкальными переживаніями, о которыхъ рѣчь шла выше.

Вокругъ меня все было полно музыкой. Дома, напримѣръ, въ исполненіи моихъ сестеръ въ четыре руки я слышалъ много разъ почти всю классическую музыку, квартеты, тріо, симфоніи и много музыки современной. И вслѣдствіе непостижимаго сродства процесса мысли съ музыкальнымъ воспріятіемъ, ничто такъ не толкало мысль впередъ, какъ музыка; а съ другой стороны, ничто не могло ее въ такой степени прервать или задержать. Въ домѣ моихъ родителей почти цѣлый день кто-нибудь что-нибудь разучивалъ на рояли. И отъ того, какъ шло это разучиваніе, въ значительной степени зависѣла успѣшность моихъ занятій. Вотъ я сижу въ моей комнатѣ, углубившись въ чтеніе Фихте. А въ это время изъ столовой доносятся звуки тщательно разучиваемой баллады Шопена. Я читаю и усвояю хорошо, пока тамъ въ столовой дѣло идетъ гладко; но какъ только тамъ дѣлаютъ ошибку, я съ болью

останавливаюсь. А если тамъ повторяютъ трудный пассажъ сначала, — я въ то же самое время вынужденъ перечесть сначала весь замысловатый философскій періодъ, нити котораго я утратилъ.

Помнится въ Москвѣ въ то время нельзя было достать маленькой квартирки или номера, куда бы изъ сосѣднихъ номеровъ не доносились какіе либо музыкальные звуки. Все было полно учениками, а въ особенности ученицами консерваторіи и музыкальныхъ училищъ. Вотъ, напримѣръ, мы съ братомъ сидимъ въ нашей комнатѣ, въ небольшой московской квартирѣ нашей тетушки, гдѣ мы жили, будучи студентами. Оба за письменными столиками, раздѣленными шкафомъ. Онъ погруженъ въ чтеніе Шеллинга, а я — Фихте. Обоимъ не по себѣ—чувствуется какое то невыносимо-нудное внутреннее препятствіе къ усвоенію, Это сверху изъ номера доносятся слащавые, глубоко намъ обоимъ ненавистные звуки „Баркароллы“ Чайковскаго; играющій на каждомъ шагу спотыкается и *медленно* повторяетъ сызнова, отчего нудность пьесы возростаетъ въ квадратѣ. Вдругъ — гнѣвный голосъ брата изъ за шкафа: „Ахъ, чортъ бы ее побралъ, какъ ей, наконецъ, самой не надоѣстъ, пристрѣлить бы ее“. — „А почемъ ты знаешь, что это *она*, а не *онъ*“, — спрашиваю я. — „Онъ, онъ“, — кричитъ братъ, выскакивая, — „да развѣ онъ станетъ такими глупостями заниматься, — конечно она, а не онъ?“

Иногда музыка вторгалась не извнѣ, а извнутри въ наши занятія. Оба мы прекрасно свистѣли; я могъ даже свистѣть аккордомъ въ два голоса, могъ просвистѣть цѣлый канонъ. И вотъ вдругъ среди чтенія у насъ начинался дуэтъ или тріо, воспоминаніе изъ слышаннаго или импровизація на какія нибудь знакомыя темы, чаще всего почему то моцартовскія. Музыки кругомъ было столько, что отъ нея себя приходилось всячески ограждать; но не тутъ то было. Гони природу въ дверь, — она влетитъ въ окно!

Кн. Евг. Н. Трубецкой.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Историко-политическія замѣтки о современности.*)

I.

Большевизмъ, какъ реальное массовое движеніе, имѣлъ ближайшее, вполнѣ опредѣленное, заданіе: разложивъ армію, осуществить захватъ власти извѣстной группой лицъ. Когда совершилось разложеніе арміи и одна власть была сметена и замѣнена другой, большевизмъ послѣ нѣкоторыхъ колебаній сталъ строить свою армію. Созданная большевиками армія смогла — по какимъ причинамъ, это особый вопросъ — одолѣть всѣ бѣлыя арміи. Рядомъ съ созданіемъ арміи, большевизмъ осуществлялъ свою экономическую программу, являющуюся главнымъ содержаніемъ его государственнаго строительства.

Такимъ образомъ, исторія большевизма распадается на два періода.

Основнымъ содержаніемъ перваго, отрицательнаго, періода является разложеніе арміи и разрушеніе буржуазнаго строя.

Второй, положительный, періодъ заполненъ созданіемъ новаго экономическаго порядка.

Что же такое въ нашихъ разсужденіяхъ разумѣется подъ словомъ „большевизмъ"? „Большевизмъ", о которомъ мы говоримъ сейчасъ, есть политическое властвованіе надъ страной людей, объединившихся въ т. н. коммунистическую партію. Большевизмъ есть господство коммунистической партіи, т. е. совершенно опредѣленныхъ лицъ, дѣйствующихъ во имя совершенно опредѣленной программы.

Сейчасъ не можетъ быть спора о двухъ вещахъ.

1. „Большевики", или „коммунисты" создали свою армію. Это заданіе положительнаго и созидательнаго періода большевизма осуществилось. Это фактъ. Я говорю о созданіи арміи. Можно было бы говорить о ея возсозданіи, ибо въ извѣстной мѣрѣ красная армія есть подъ новой политической маркой воспроизведеніе старой императорской арміи.

2. Коммунисты не построили новаго экономическаго порядка: они разрушили буржуазный строй, и въ процессѣ этого разрушенія,

---

*) Здѣсь я воспроизвожу замѣтки, которыя печатаются въ газетѣ „Руль" подъ заголовкомъ *„По существу"*.

разрушили все народное хозяйство: съѣли всѣ запасы и довели до минимума текущее производство страны. Это тоже фактъ.*)

Между этими двумя фактами — созданіемъ или возсозданіемъ арміи и разрушеніемъ народнаго хозяйства зажата коммунистическая власть.

Теперь спрашивается: что существенно для этой власти, что опредѣляетъ объективный смыслъ ея существованія? Казалось бы — осуществленіе ея экономической программы, которому (т. е. осуществленію) должна служить и армія, и сама власть. Но именно это заданіе потерпѣло полную неудачу. Пусть коммунистическіе вожди хвалятся тѣмъ, что они уничтожили буржуазію, какъ классъ. Если бы имъ при этомъ удалось создать коммунистическое хозяйство, это было бы достиженіе, на которомъ можно было бы держаться и дальше строить. Но никакого хозяйства они не создали. Уничтоживъ буржуазію, они создали хаосъ безхозяйственности, изъ котораго рождаются и въ которомъ плаваютъ болѣе или менѣе рѣдкіе элементы новаго буржуазнаго класса. Такъ какъ никакая ни военная, ни политическая организація не можетъ держаться безъ соотвѣтствующаго экономическаго фундамента, способнаго ее нести на себѣ (какъ извѣстно, коммунистъ Марксъ не разъ высказывалъ эту безспорную мысль), то передъ коммунистами, какъ государственной властью и коллективнымъ Kriegsherr'омъ, встаетъ дилемма:

или для самосохраненія вновь обуржуазить хозяйство;

или погибнуть.

Таково положеніе вещей, ясное до непререкаемости. Коммунистическая власть осуждена либо быть политической надстройкой надъ чуждымъ ей фундаментомъ возрождающагося буржуазнаго хозяйства, либо погибнуть отъ созданнаго ею самой же обнищанія населенія и хозяйственной анархіи страны. Но, въ сущности, и эта дилемма практически не ставится, ибо коммунистическая власть реально не можетъ сосуществовать съ буржуазнымъ хозяйствомъ. Это было трудно для самодержавной власти, но тамъ не было, по крайней мѣрѣ, въ хозяйственной сферѣ принципіальной несовмѣстимости.

Теперь возникаетъ вопросъ: какимъ путемъ пойдетъ дальнѣйшее политическое развитіе? Рухнетъ ли коммунистическая власть отъ разложенія арміи (таковъ былъ смыслъ кронштадтскихъ событій, какъ они развернулись въ дѣйствительности) или сама красная армія, такъ или иначе организованная, низвергнетъ коммунистическую власть, какъ таковую?

---

*) Отсылаю читателя къ своей рѣчи „Итоги и существо коммунистическаго хозяйства", произнесенной на парижскомъ торгово-промышленномъ съѣздѣ и надняхъ вышедшей отдѣльнымъ изданіемъ въ Берлинѣ, вообще, къ докладамъ и матеріаламъ этого съѣзда, а также къ докладу С. С. Ольденбурга на національномъ съѣздѣ, печатаемому въ настоящей книжкѣ „Русской Мысли".

П. С.

И въ томъ и въ другомъ случаѣ ключъ въ событіямъ въ арміи.

Разложеніе арміи, главными дѣятелями котораго были коммунисты (иначе „большевики“) во главѣ всѣхъ россійскихъ соціалистовъ, погубило Россію. Разложеніе красной арміи можетъ избавить Россію отъ власти коммунистовъ. Но успокоить и собрать, возстановить и возродить Россію можетъ только не разложеніе, а наличность крѣпкой арміи. Вотъ почему вопросъ о сохраненіи идеи и факта такой арміи есть главнѣйшій русскій вопросъ, и вотъ почему служеніе арміи есть первѣйшій долгъ всякаго русскаго, понимающаго пагубность коммунизма, пагубность идей и чувствъ, лежащихъ въ его основѣ.

При свѣтѣ этихъ положеній должны быть объективно разсматриваемы основныя разногласія въ русской заграничной средѣ. Политика „Послѣднихъ Новостей“, руководимыхъ П. Н. Милюковымъ, и, повидимому, солидарная съ этой политикой линія т. н. „учредиловцевъ“ объективно направлена на разложеніе эвакуированной изъ Крыма арміи. Ибо разложеніе арміи начинается всегда съ дискредитированія ея вождей. Можетъ быть, по объективнымъ причинамъ, мы не можемъ сохранить армію, какъ наличную воинскую организацію. Но какъ бы ни рѣшался этотъ внѣшній и формальный вопросъ, являющійся для внѣшнихъ силъ, отъ которыхъ мы зависимъ, для однѣхъ вопросомъ прежде всего финансовымъ, а потомъ политическимъ, для другихъ прежде всего политическимъ, а потомъ финансовымъ вопросомъ, — русскіе люди, желающіе дѣйствительно бороться съ большевизмомъ, должны всемѣрно блюсти духъ и идею арміи. Ибо безъ крѣпкой дисциплинированной арміи Россія не можетъ быть возстановлена. Крымская эвакуація спасла кадры такой арміи. Неужели какой нибудь русскій патріотъ можетъ желать механическаго распыленія и духовнаго разложенія такой арміи?

На мѣстѣ лицъ, политически ни въ чемъ не солидарныхъ съ ген. Врангелемъ, кромѣ вражды къ большевизму, я бы разсуждалъ и говорилъ такъ: несмотря на наши съ вами политическія разногласія, — мы признаемъ, что армія нужна Россіи, а потому мы будемъ всячески поддерживать идею и духъ арміи и, тѣмъ самымъ, авторитетъ военачальниковъ. А между тѣмъ П. Н. Милюковъ и его единомышленники армію, какъ индивидуальныхъ бѣженцевъ, противопоставляютъ генераламъ и вообще военачальникамъ.

Что это какъ не работа надъ духовнымъ разложеніемъ арміи?

Конечно, и такое заданіе можетъ быть поставлено. Но вы должны тогда и себѣ, и читателямъ до конца уяснить его смыслъ. Иначе это будетъ проявленіемъ величайшей политической безотвѣтственности. Для чувства же политической отвѣтственности есть одно непогрѣшимое мѣрило. Тотъ, кто дискредитируетъ, долженъ имѣть возможность и мужество поставить себя или кого нибудь другого на мѣсто дискредитируемаго. Стоитъ только задаться вопросомъ въ такой постановкѣ, чтобы вся политическая безотвѣтственность публицистической работы П. Н. Милюкова выступила съ полной ясностью.

Но я пишу это не для того, чтобы метать полемическія стрѣлы. Моя задача — выяснить вопросъ совершенно объективно и этимъ объективнымъ разъясненіемъ, а не личными нападками провести необходимыя грани. Русскіе люди должны понимать, о чемъ сейчасъ ставится вопросъ и ведется споръ.

II.

Въ вопросѣ о неудачахъ „бѣлаго" движенія все время примѣнялся публицистическій трафаретъ, который совершенно затемнялъ существо дѣла и тѣмъ самымъ не давалъ, по моему глубочайшему убѣжденію, возможности сосредоточиться общественному мнѣнію на подлинныхъ причинахъ самыхъ неудачъ и на надлежащихъ пріемахъ борьбы.

Трафаретъ состоитъ въ томъ, что причины неудачи искали въ области плохой политики „бѣлаго" движенія. Вопреки этому сужденію я, на основаніи и непосредственныхъ наблюденій, и размышленій надъ вопросомъ, категорически утверждаю, что неудачи „бѣлаго" движенія вездѣ и всюду сводились къ недостаткамъ военной или, общѣе, боевой организаціи и къ характеру веденія военныхъ или, общѣе, боевыхъ операцій. Побѣдила въ конечномъ счетѣ военная или боевая организація большевиковъ, какъ болѣе крѣпкая.

Возможно, что „политика" бѣлаго движенія бывала часто или даже была сплошь плоха. Но это не имѣло того значенія, которое приписывается этому обстоятельству. Во первыхъ, какъ бы ни былъ плохъ „бѣлый" режимъ, онъ всегда, въ каждый данный моментъ, съ точки зрѣнія населенія, могшаго сравнивать два режима, не могъ не быть лучше краснаго. Поскольку же населеніе не знало большевизма и не могло сравнивать два режима (это было какъ разъ въ Сибири, гдѣ бѣлое движеніе не было предварено достаточно глубокимъ проникновеніемъ большевизма), постольку процессъ большевизаціи населенія былъ совершенно неизбѣженъ.

Но и не это самое главное. Я утверждаю, что ни въ одномъ случаѣ столкновенія бѣлыхъ съ красными вопросъ не рѣшался отношеніемъ населенія къ той или другой сторонѣ. Вопросъ всегда рѣшался только однимъ — качественнымъ и количественнымъ соотношеніемъ силъ, которое одна сторона могла противопоставить другой.

Можно сказать, конечно, что именно это качественное и количественное соотношеніе силъ зависѣло отъ отношенія населенія. Но какъ разъ это утвержденіе невѣрно; оно и есть тотъ публицистическій трафаретъ, который не даетъ возможности видѣть суть дѣла. Населеніе всегда составляло либо совершенно пассивный элементъ, либо, въ лицѣ зеленыхъ и иныхъ бандъ, элементъ одинаково враждебный обѣимъ сторонамъ. Гражданская война между красными и бѣлыми велась всегда относительно ничтожными меньшинствами при изумительной пассивности огромнаго большинства населенія. Большевизмъ былъ популяренъ въ населеніи, когда онъ призывалъ къ

прекращенію войны, т. е. къ уходу съ фронта, когда онъ разнуздывалъ въ массахъ грабительскіе инстинкты, но когда онъ сталъ тащить на фронтъ, когда онъ сталъ обдирать населеніе въ пользу красной арміи, вообще, когда онъ формально сталъ вести себя какъ государство, онъ сталъ ненавистенъ массамъ. Мобилизаціи большевистскія были даже еще болѣе непопулярны, чѣмъ мобилизаціи царскія и бѣлыя.

Я не хочу, чтобы моя мысль, которая сложилась на основѣ наблюденій надъ гражданской войной, начиная съ конца 1917 г. до конца 1920 г., была понимаема въ грубой формѣ. Я весьма хорошо, а въ нѣкоторыхъ случаяхъ и довольно близко, по собственному опыту, знаю недостатки разныхъ „бѣлыхъ" режимовъ и не желаю вовсе ни затушевывать, ни оправдывать этихъ недостатковъ. Но я всетаки утверждаю, что дѣло было вовсе не въ нихъ. Прежде всего, имъ противостояли еще большіе, несравнимо большіе недостатки краснаго режима. Самое существенное заключается, однако, не въ этомъ, а въ томъ, что въ рѣшающихъ актахъ и поворотахъ гражданской войны отношеніе населенія, какъ таковаго, къ той или другой сторонѣ не имѣло никакого значенія. Даже у Колчака! Всюду дѣло рѣшалось организованными военными меньшинствами, ихъ крѣпостью или, наоборотъ, ихъ слабостью и разложеніемъ. Если это такъ, то понятно и то, что въ сущности военной силѣ большевизма въ исторіи гражданской войны противостояла только одна настоящая сила, а именно „Добровольческая Армія", созданная Корниловымъ и Алексѣевымъ. Только она настоящимъ образомъ побѣждала большевиковъ, потому что только она заключала въ себѣ настоящее, хотя и весьма немногочисленное, ядро-меньшинство, которое имѣло, дѣйствительно, волю къ борьбѣ. Такого ядра не было или почти не было въ арміи Колчака, и въ этомъ основная причина его военныхъ неудачъ.

Отчего же Деникина въ конечномъ счетѣ постигла неудача, несмотря на присутствіе въ его силахъ такого ядра? А потому, что къ тому моменту, когда его казачья кавалерія морально разложилась и просто уходила съ фронта, не желая сражаться, совѣтское командованіе сформировало и двинуло на фронтъ свою регулярную кавалерію (Буденный!). Можетъ быть, политика Деникина была плоха, но будь она самая превосходная, никакая политика въ тылу не можетъ замѣнить кавалеріи на фронтѣ. И никто меня не убѣдитъ въ томъ, что казаки уходили съ фронта не потому, что они были утомлены почти двухлѣтней борьбой и насыщены добычей, а потому, что они были недовольны политикой Деникина и Особаго Совѣщанія и хотѣли сражаться подъ командой г. Быча. Обращаясь назадъ въ прошлое, надлежитъ сказать, что если бы это было возможно, Деникину слѣдовало бы въ свое время всѣ усилія направить на подготовку кавалеріи, которая ни при какихъ условіяхъ не ушла бы съ фронта, которая, другими словами, какъ боевая сила, была бы равноцѣнна Кутеповскому корпусу. Было-ли это возможно, я, какъ невоенный, не берусь судить. Да и моя задача состоитъ не въ томъ,

чтобы критиковать и упрекать того или иного военачальника, а въ томъ, чтобы констатировать и анализировать объективныя явленія и событія.

Неудача „бѣлаго" движенія, такимъ образомъ, коренится въ томъ, что въ немъ никогда не была достаточно хорошо организована боевая сила, приспособленная къ гражданской войнѣ. Она не была организована ни какъ военная, ни какъ революціонная сила. По своей психологіи большевики оказались болѣе приспособленными къ гражданской войнѣ, чѣмъ бѣлые. Поэтому боевое, ударное ядро красной арміи оказалось сильнѣе такового же ядра бѣлой арміи. Въ этомъ нѣтъ ничего удивительнаго. Мнѣ, какъ человѣку, имѣющему нѣсколько другое прошлое, чѣмъ большинство „бѣлыхъ", всегда бросались въ глаза революціонная наивность и неподготовленность бѣлыхъ дѣятелей. А между тѣмъ для бѣлыхъ гражданская война такая же революція, какою была вся борьба красныхъ противъ исторической Россіи. Психологическая задача дня и состоитъ въ томъ, чтобы „бѣлые" стали, наконецъ, настоящими активными революціонерами въ борьбѣ съ краснымъ засиліемъ. Какъ это ни странно на первый взглядъ, эта эволюція возможна для „бѣлыхъ", и она совершенно невозможна, я въ томъ вполнѣ убѣжденъ, для „розовыхъ". Розовые и ихъ идеологи, по своей психологической неспособности къ той революціонной борьбѣ, которая требуется фактами и условіями, созданными русской революціей, принадлежатъ всецѣло къ старому режиму. Ибо розовые неспособны ни поставить борьбу съ коммунистами, какъ революціонную борьбу, ни довести эту борьбу до конца. Розовые это тѣ, кто ради революціи и ея завѣтовъ забываютъ Россію и ея завѣты, и кто своимъ страхомъ мнимой реакціи показываютъ, что душою они еще всецѣло живутъ въ старомъ режимѣ. Въ самомъ дѣлѣ, по существу не читаются ли теперь буквы „с. р." такъ: „старый режимъ"? Ибо, послѣ испытаннаго Россіей геологическаго переворота, бояться „стараго режима", не значитъ ли обличать свою принадлежность къ нему въ подлинномъ смыслѣ духовнаго старчества?

III.

Мысли мои о томъ, что бѣлые должны стать активными революціонерами въ борьбѣ съ краснымъ засиліемъ, можетъ быть, непривычны для многихъ читателей и потому останутся не вполнѣ понятными безъ дальнѣйшихъ поясненій.

Пожалуй, для этой цѣли всего лучше можетъ послужить одно воспоминанье.

Конецъ декабря 1917 г., январь и начало февраля 1918 г., т. е. первую эпоху существованія Добровольческой Арміи, я провелъ въ Новочеркасскѣ и Ростовѣ. Когда я бывалъ въ Парамоновскомъ особнякѣ въ Ростовѣ, гдѣ помѣщалась, послѣ переѣзда изъ Новочеркасска, ставка Корнилова и Алексѣева, меня всегда поражало сходство, внѣшнее

и внутреннее, этой новой ставки съ прежней, Могилевской. Въ распоряженіи послѣдней ставки было около 10 милліоновъ солдатъ, въ распоряженіи первой едва ли состояло даже три тысячи бойцовъ. По объективному положенію одна ставка была абсолютной противоположностью другой. Но на отношеніи къ внѣшнему міру и къ врагу, съ которымъ приходилось бороться, и, вообще, на психологіи участниковъ борьбы это различіе въ объективномъ положеніи отражалось очень мало. Психологически бѣлые держали себя такъ, какъ будто ничего не случилось, а между тѣмъ цѣлый міръ рушился вокругъ нихъ, и для того, чтобы одолѣть врага, имъ самимъ въ извѣстномъ смыслѣ нужно было переродиться. Вотъ этого перерожденія и не произошло. Тогда же я своими размышленіями и практическими соображеніями на эту тему подѣлился съ покойнымъ Л. Г. Корниловымъ, который съ свойственнымъ ему боевымъ темпераментомъ очень быстро и живо уловилъ практическую суть моихъ мыслей.

Дѣло тутъ, конечно, не только или даже не столько въ практическихъ пріемахъ и методахъ борьбы, сколько въ ея психологіи. Слабый можетъ постепенно стать сильнымъ, и онъ долженъ стремиться къ этому; но онъ ничего не достигнетъ, если онъ будетъ просто вести себя какъ сильный, не будучи таковымъ. Ничто не было столь вредно для „бѣлаго“ движенія, какъ именно состояніе психологическаго пребыванія въ прежнихъ условіяхъ, которыя перестали существовать, эта не программная, а психологическая „старорежимность“. Въ Россіи въ 1917 г. началась длительная революціонная борьба, въ которую руководящіе „красные“ вошли съ революціонными навыками, а руководящіе бѣлые съ навыками „старорежимными“, соотвѣтствующими старому общественному укладу и прочному государственному порядку. Между тѣмъ ни того, ни другого уже не существовало. Люди съ этой „старорежимной“ психологіей были погружены въ бушующее море революціонной анархіи, и въ немъ они психологически не могли оріентироваться. Я нарочно подчеркиваю, что „старорежимность“ я понимаю въ данномъ случаѣ вовсе не въ программномъ, а въ чисто психологическомъ смыслѣ. Въ революціонной бурѣ, которая налетѣла на Россію въ 1917 г., даже чистые реставраторы должны бы были стать революціонерами въ психологическомъ смыслѣ. Ибо въ революціи найтись могутъ только революціонеры.

Всего ярче это сказалось, конечно, въ абсолютной психологической неумѣлости, въ полной нереволюціонности и, какъ это ни кажется парадоксальнымъ, въ „старорежимности“ Временнаго Правительства. Временное Правительство, уповая на легальность своего происхожденія отъ революціи, которая была признана самимъ главой государства, и въ то же время полагаясь на свою программную революціонность, вело себя гораздо беззаботнѣе въ обстановкѣ революціи, чѣмъ даже правительство Александра III въ обстановкѣ полнаго гражданскаго спокойствія.

Опять таки одно воспоминаніе. Уже въ апрѣлѣ мѣсяцѣ 1917 г., для меня стало ясно, что только созданіе абсолютно вѣрнаго, государственно-крѣпкаго ядра внутри самой арміи можетъ предотвратить крушеніе фронта и государства. Вмѣстѣ съ княземъ Гр. Н. Трубецкимъ мы, если мнѣ не измѣняетъ память, 17-го апрѣля изложили эту мысль кн. Г. Е. Львову и тогда же убѣдились, что „проповѣдуемъ глухимъ ушамъ". Между тѣмъ только своевременное образованіе внутри арміи такого ядра, какъ Добровольческая армія, смогло бы тогда спасти положеніе и укрѣпить государственность.

Еще менѣе способенъ былъ восчувствовать и воспринять это Керенскій. Вѣдь теперь совершенно ясно, что, съ точки зрѣнія борьбы съ надвигающимся большевизмомъ, Керенскій и его правительство должны были не только поддержать Корнилова, а если бы его даже не было, они должны были бы его выдумать и передъ нимъ стушеваться. Произошло какъ разъ обратное. Керенскій въ отношеніи Корнилова велъ себя не какъ революціонеръ, а какъ демократическое подобіе покойнаго А. Д. Протопопова. Послѣдствія извѣстны.

Революціонность есть извѣстное психологическое состояніе. Это психологическое состояніе можетъ сочетаться съ различнымъ программнымъ содержаніемъ и съ различными пріемами политической активности. Но революціонность есть всегда активное и творческое состояніе исканія и создаванія новыхъ путей политической борьбы. Революціонность нужна въ эпохи революціи, какъ единственно адэкватное, сообразное такимъ эпохамъ состояніе духа. Въ другія эпохи она есть надуманная и ненужная — поза.

Большевики дали или, по крайней мѣрѣ, подтвердили одинъ важный историческій урокъ, формально тождественный съ тѣмъ, который дается синфейнерами въ Ирландіи и фашистами въ Италіи. Носителемъ революціоннаго дѣйствія всегда является организованное и вѣрующее въ свои идеи меньшинство. Его крѣпость, личная годность его участниковъ, его объективная правота опредѣляютъ продолжительность борьбы и рѣшаютъ ея исходъ. Но для того, чтобы успѣшно дѣйствовать въ обстановкѣ, созданной геологическимъ переворотомъ, непригодно ни душевное состояніе Фирса изъ „Вишневаго Сада", ни даже психологія Донъ-Кихота. Нужно при наибольшемъ реализмѣ имѣть наивысшую рѣшимость. Это и есть то революціонное состояніе духа, о которомъ я писалъ, и безъ котораго мы не раздавимъ главы коммунистическому змію.

IV.

Изъ всѣхъ тѣхъ попытокъ — внутренне-идеологически преодолѣть соціальный и государственный кризисъ, переживаемый Россіей, которыя въ то же время отметаютъ все „бѣлое" движеніе, наиболѣе интересной является т. н. „націоналъ-большевизмъ" Устрялова и наименѣе интересной идеологія П. Н. Милюкова и вообще „Послѣднихъ Новостей".

Послѣдняя идеологія наиболѣе пропитана той „старо-режимной“ психологіей, о которой я писалъ выше. Въ недавней статьѣ „На старыя позиціи“ „Послѣднія Новости“ съ удовольствіемъ констатировали, что какъ будто всѣ вновь заняли свои старыя позиціи, которыя они занимали до революціи 1917 года. Съ „Національнымъ Съѣздомъ“ и съ „Національнымъ Комитетомъ“ „Послѣднія Новости“ борятся такъ же, какъ правовѣрные русскіе радикалы всѣхъ оттѣнковъ боролись съ „Вѣхами“, точно угаданная „Вѣхами“ русская революція не осуществилась и не опустошила, въ буквальномъ смыслѣ слова, русской земли! Словомъ, идеологія „Послѣднихъ Новостей“ есть идеологія чистѣйшей интеллигентской реставраціи — полный идейный pendant къ той soi-disant „монархической“ идеологіи, которая пишущаго эти строки трактуетъ, какъ подозрительнаго соціалиста. И это интеллигентское, и это „монархическое“ реставраторство по своему идейному существу совершенно неинтересны. Даже, если брать только лагерь анти-большевистскаго радикализма, то и въ этомъ лагерѣ неонародничество Бунакова-Фундаминскаго куда интереснѣе затхлой антивѣховщины Милюкова и его присныхъ.

Не то націоналъ-большевизмъ Устрялова. Это направленіе поднимаетъ глубочайшія историческія проблемы, оно не есть реставрація дореволюціонной интеллигентщины, оно родилось изъ русской неэмигрантской почвы, отражаетъ какія то внутреннія боренія, зачатыя и рожденныя въ революціи. Въ моментъ крушенія крымскаго фронта пишущій эти строки получилъ письмо отъ Н. В. Устрялова съ изложеніемъ націоналъ-большевистской точки зрѣнія, а нѣсколько позднѣе и сборникъ статей въ „Въ борьбѣ за Россію“ (Харбинъ 1920 г.). Съ своемъ письмѣ, помѣченномъ 15 октября 1920 г., Устряловъ писалъ мнѣ: „Руководствуясь обстановкой, послѣ бѣгства изъ краснаго Иркутска я занялъ здѣсь весьма одіозную для правыхъ группъ позицію націоналъ-большевизма (использованіе большевизма въ національныхъ цѣляхъ, — кажется, въ современной Германіи такая точка зрѣнія тоже высказывается нѣкоторыми). Мнѣ представляется, что путь нашей революціи могъ бы привести къ преодолѣнію большевизма эволюціонно и извнутри. Сейчасъ сборникъ этихъ моихъ статей печатается, и напечатанную его часть я просилъ NN вамъ передать.

„Насколько можно судить отсюда, курсъ, избранный Вами, встрѣчаетъ много возраженій съ національной точки зрѣнія. Я очень боюсь, что онъ превращается въ идеологію эмиграціи (курсивъ Н. В. Устрялова) и что Вы идете по пути наибольшаго сопротивленія. Получающіеся здѣсь номера „Общаго Дѣла“ не разсѣиваютъ этихъ опасеній — до того элементарно тамъ ставятся и рѣшаются всѣ политическія проблемы, столь безконечно сложныя въ настоящее время. Широкій „федерализмъ“, Вами тактически воспринятый, можетъ принести такіе плоды, которые потомъ Вамъ не удастся преодолѣть. Дружба съ агрессивною Польшей, съ Румыніей поражаетъ національное чувство. Мнѣ думается, что гражданская война (послѣ Деникина

и Колчака) — наименѣе удачный путь уничтоженія большевизма. Нужно сказать, что до успѣховъ Врангеля эта точка зрѣнія здѣсь была распространена довольно широко. Теперь Ваши дипломатическіе и военные успѣхи создаютъ здѣсь невѣроятный идейный разбродъ и сумбуръ, несомнѣнно усиливая позиціи непримиримыхъ сторонниковъ вооруженной борьбы до конца. Я былъ бы Вамъ очень благодаренъ, если бы Вы нашли возможность какъ нибудь отозваться на эти сомнѣнія въ цѣлесообразности Вашего пути. Выступая въ защиту прекращенія вооруженной борьбы съ большевизмомъ, я и мои единомышленники все время сознавали внѣшнюю „еретичность“ этой точки зрѣнія, но обстановка полнаго разложенія контръ-революціи и величайшей одіозности „интервенціи“ настойчиво диктовала именно такой выходъ изъ положенія“.

Когда я получилъ въ декабрѣ 1920 г. это письмо, событія, казалось, давали полное внѣшнее подтвержденіе точкѣ зрѣнія Устрялова, и именно первые мѣсяцы крушенія крымскаго фронта, совпавшіе съ нѣкоторой экономической „передышкой“ въ Совѣтской Россіи, ознаменовались наибольшими духовными завоеваніями „націоналъ-большевизма“. Именно эта мотивировка „соглашательства“ и „примиренчества“ имѣла до самаго послѣдняго времени наибольшій успѣхъ среди сторонниковъ „бѣлаго“ движенія.

„Націоналъ-большевизмъ“ опирается на двѣ основныя посылки:

1. Несмотря на интернаціоналистическую и коммунистическую идеологію вождей большевизма, большевистская власть осуществляетъ какое то національное призваніе, „Сама исторія нудитъ интернаціоналистовъ осуществлять національныя задачи страны“ (Устряловъ, стр. 13). Осуществленіе національной задачи Устряловъ видѣлъ въ борьбѣ большевистской власти съ Польшей и вообще во внѣшней политикѣ большевиковъ, которая представлялась ему собираніемъ и возстановленіемъ разрушенной революціей единой Россіи.

2. Вооруженная борьба съ совѣтской властью при томъ или иномъ участіи иностранцевъ, даже въ случаѣ ея побѣды, будетъ куплена цѣною жертвъ, губительныхъ для страны.

Прежде чѣмъ разобрать эти двѣ основныя посылки націоналъ-большевизма, я хочу коснуться одного возраженія, которое выдвигалось и выдвигается противъ этого воззрѣнія. Въ „Новой Русской Жизни“ отъ 16 апрѣля 1921 г. была напечатана превосходная статья С. С. Ольденбурга (подписанная „Русскій“) о „Существѣ совѣтской власти и ея задачахъ“. Въ этой статьѣ авторъ, исходя изъ интернаціоналистической идеологіи совѣтской власти, отрицаетъ за ней качество „своеобразной русской національной власти“. Въ націоналъ-большевизмъ это совершенно правильное указаніе на идеологію совѣтской власти, однако, не попадаетъ. Націоналъ-большевики, въ лицѣ Устрялова, полагаютъ, что большевизмъ осуществляетъ національное призваніе наперекоръ своей собственной антинаціональной идеологіи.

Ссылками на идеологію большевиковъ вообще нельзя опровергнуть націоналъ-большевизмъ. Его необходимо поставить на очную ставку съ реальнымъ содержаніемъ и съ реальными результатами большевистской политики.

V.

Главное реальное содержаніе большевистской политики составляетъ уничтоженіе — во имя коммунизма — нормальныхъ условій хозяйственной жизни, уничтоженіе, результатомъ котораго является полное экономическое оскудѣніе подвластныхъ большевикамъ частей Россійской Имперіи. Это экономическое опустошеніе есть великое абсолютное зло, но въ національномъ отношеніи зло это усугубляется еще тѣмъ, что имъ видоизмѣняется кореннымъ образомъ самое соотношеніе силъ между большевистской Россіей и всѣмъ остальнымъ небольшевистскимъ міромъ, и въ томъ числѣ, окраинами Россіи.

Большевистскій режимъ создаетъ объективную экономическую (а тѣмъ самымъ, культурную) деградацію той части Россіи, которая находится подъ совѣтской властью. Своей абсолютной экономической вредоносностью большевизмъ абсолютно и объективно антинаціоналенъ.

Въ этой абсолютной экономической вредоносности совѣтскаго режима заключается вообще, выражаясь по марксистски, основное и, такъ сказать, сплошное противорѣчіе большевизма. Большевизмъ долженъ быть организаціей хозяйства и промышленности — и онъ разрушаетъ хозяйство и промышленность. Большевизмъ долженъ быть диктатурой пролетаріата — и онъ уничтожаетъ пролетаріатъ (Бертранъ Рессель въ своей книгѣ о большевизмѣ остроумно замѣтилъ, что въ словосочетаніи „диктатура пролетаріата“ — примѣнительно къ совѣтскому режиму — слово „диктатура“ имѣетъ подлинный, реальный смыслъ, а слово „пролетаріатъ“ употребляется въ смыслѣ Пиквиковскомъ).

Большевизмъ, какъ государственная система, есть вообще феноменъ, подобнаго которому въ такой чистотѣ и рельефности міровая исторія еще не знала. Онъ какъ будто своимъ осуществленіемъ и бытіемъ опровергаетъ экономическій матеріализмъ. Ибо онъ есть чистѣйшая политическая надстройка безъ экономической базы или фундамента. Но, съ другой стороны, я увѣренъ, именно на крушеніи и гибели большевизма должна неизбѣжно сказаться частичная правда экономическаго матеріализма. Ибо безъ экономической базы никакая политическая надстройка à la longue держаться не можетъ.

Большевизмъ, въ своемъ качествѣ революціонно-соціалистическаго движенія, сдѣлалъ многое, на что, казалось бы, подобное движеніе не могло быть совершенно способно. Онъ создалъ извѣстный, весьма эффектный, внѣшній фасадъ государственности, и главный

элементъ такого фасада — армію. Націоналъ-большевизмъ видитъ этотъ внѣшній фасадъ, и ради него идеализируетъ весь строй, по существу являющійся призрачнымъ и фасаднымъ, лишеннымъ всякаго подлиннаго хозяйственнаго фундамента.

Націоналъ-большевизмъ въ основу своей оцѣнки кладетъ фактъ успѣховъ, которые имѣлъ совѣтскій режимъ въ борьбѣ съ бѣлымъ движеніемъ. Но онъ не анализируетъ причинъ этихъ успѣховъ и не противопоставляетъ активу пассива. Допустимъ, что возсоздана армія, которая справилась съ „бѣлымъ" движеніемъ, но это сдѣлано въ обстановкѣ полнаго экономическаго разрушенія и культурнаго одичанія. И потому — единственное разумное употребленіе, какое можно и слѣдуетъ сдѣлать изъ арміи, это направить ее противъ того режима, который совершилъ разрушеніе самой основы бытія націи — ея хозяйства и тѣмъ въ корнѣ подорвалъ могущество націи.

Правда, большевизмъ и не признаетъ этихъ понятій „могущество" и „нація", но несообразность націоналъ-большевизма именно и заключается въ томъ, что онъ идеализируетъ большевизмъ съ точки зрѣнія тѣхъ началъ, которыя тотъ отрицаетъ. И отрицаетъ не только въ своихъ идеологическихъ заявленіяхъ и программахъ, а въ своихъ государственныхъ дѣлахъ, въ своемъ отношеніи къ экономическимъ основамъ жизни націи. Какъ я сказалъ, большевизмъ объективно антинаціоналенъ, а потому націоналъ-большевизмъ есть contradictio in adjecto въ самомъ подлинномъ и глубочайшемъ смыслѣ.

Н. В. Устряловъ, который былъ однимъ изъ руководителей Бюро Печати при правительствѣ адмирала Колчака и, въ роли предсѣдателя восточнаго отдѣла центральнаго комитета партіи народной свободы, являлся виднымъ партійнымъ дѣятелемъ, пишетъ въ предисловіи къ сборнику своихъ статей, что „эта точка зрѣнія (т. е. націоналъ-большевизмъ. П. С.) усвоена (имъ) не въ спокойной атмосферѣ отвлеченныхъ размышленій, а въ непосредственномъ живомъ опытѣ непрерывной политической борьбы за Великую Россію". Но, при чтеніи разсужденій Н. В. Устрялова, нельзя отдѣлаться отъ мысли, что націоналъ-большевизмъ есть порожденіе той кратковременной политической конъюнктуры, которая характеризовалась побѣдой большевиковъ надъ поляками. Дальнѣйшія событія съ ихъ финаломъ, рижскимъ миромъ, показали всю эфемерность и призрачность этой конъюнктуры и въ сущности на опытѣ опровергли націоналъ-большевизмъ.

Остается, правда, еще одна форма націоналъ-большевизма, которую я бы охарактеризовалъ, какъ идеологію національнаго отчаянія. Отправляясь отъ сознанія и признанія, что интернаціонализмъ и коммунизмъ, лежащіе идеологически въ основѣ большевизма, суть пагубная зараза, націоналъ-большевизмъ отчаянія желаетъ распространенія и обобщенія этой заразы на весь міръ. Ибо только такое обобщеніе устранитъ пагубную для русскаго народа монополію на отравленіе большевизмомъ.

Отвлеченно разсуждая, мы можемъ понять и даже признать

теоретически правильнымъ это воззрѣніе. Но оно лишено всякаго практическаго смысла, ибо изъ него — безъ чудовищнаго лицемѣрія и маккіавелизма — нельзя извлечь никакихъ директивъ для политическихъ дѣйствій . . .

Такимъ образомъ, націоналъ-большевизмъ, какъ широкое идейное построеніе, опровергнуто фактами. Онъ можетъ держаться лишь какъ спеціальная тактическая разновидность „примиренчества" и „соглашательства", обращающая особенное вниманіе на „красную армію", какъ элементъ разложенія и разрушенія совѣтскаго строя. Въ самомъ дѣлѣ, нѣтъ никакого сомнѣнія въ томъ, что той реальностью совѣтской Россіи, отъ которой отправляются всѣ надежды, на которую опираются всѣ построенія націоналъ-большевизма, является „красная армія". Недаромъ Н. В. Устряловъ посвятилъ свой сборникъ „генералу А. А. Брусилову, мужественному и вѣрному служителю Великой Россіи въ годину ея славы и въ тяжкіе дни страданій и несчастій" (это фантастическое представленіе о роли ген. Брусилова въ большевистской Россіи не требуетъ никакихъ опроверженій для тѣхъ, кто знаетъ, что на самомъ дѣлѣ Брусиловъ, какъ живой человѣкъ и отвѣтственная личность, при большевикахъ никогда не существовалъ. Большевики занимались для своихъ цѣлей использованіемъ живого трупа Брусилова). „Красная армія" есть, конечно, серьезнѣйшая проблема въ той революціонной борьбѣ, которую національныя силы должны вести съ большевистскимъ режимомъ. Но идеологія націоналъ-большевизма можетъ лишь затемнить реальный смыслъ этой проблемы. Для рѣшенія проблемы „красной арміи" въ желательномъ намъ смыслѣ мы должны, въ качествѣ исходной точки, прежде всего ясно понять антинаціональное существо большевизма. Ибо для построенія правильной тактики необходимо прежде всего пониманіе соотношенія фактовъ и идейная ясность. На идейномъ сумбурѣ нельзя построить осмысленной тактики.

VI.

Идейная несостоятельность „націоналъ-большевизма" ясна при сопоставленіи идеаловъ націонализма съ интернаціоналистическими задачами совѣтской власти. Но я уже сказалъ, что не этимъ опровергается „націоналъ-большевизмъ".

Онъ опровергается тѣмъ, что коммунистическая власть, имъ идеализируемая, реально дробитъ, ослабляетъ и деградируетъ самое ядро русской и россійской государственности.

Въ своемъ сборникѣ, въ рядѣ статей, Н. В. Устряловъ упрекаетъ Врангеля и его помощниковъ, въ томъ числѣ, всего болѣе — пишущаго эти строки, въ измѣнѣ основному „бѣлому" и національному идеалу Единой и Великой Россіи за тѣ, якобы, уступки, которыя мы дѣлали „самостійности" и „федерализму". Я не стану здѣсь — для того не настало время — фактически и детально опро-

вергать весьма неточныя представленія Устрялова объ этомъ предметѣ. Могу только сказать категорически: никакихъ соглашеній во вредъ Россіи правительство Юга Россіи не заключало. Блюдя въ идеѣ интересы и достоинство Россіи, оно только ничего не предрѣшало и, сидя въ Крыму, не вело себя и не разговаривало съ иностранцами и съ окраинами, какъ всероссійское правительство, реально опирающееся на мощь всей Россіи. И я утверждаю, что, не становясь въ позу могущественной силы, распоряжающейся всей Россіей и, въ томъ числѣ, ея обособившимися окраинами, оно поступало морально правильно и психологически цѣлесообразно.

Оно стремилось къ тому, чтобы уничтоженіемъ комунистически-интернаціоналистической совѣтской власти спасти и сохранить то государственное ядро Россіи, хозяйственная и духовная деградація котораго коммунистическимъ строемъ для Единой и Великой Россіи опаснѣе какихъ бы то ни было уступокъ (словесныхъ и реальныхъ) окраинамъ и иностранцамъ. А „націоналъ-большевизмъ“ не понимаетъ этой простой истины и, поскольку онъ ея не понимаетъ, онъ самъ впадаетъ въ тотъ „политическій романтизмъ“, который онъ ставитъ въ упрекъ намъ, южно-русскимъ дѣятелямъ. Мы хорошо видѣли и видимъ политическія реальности. На національномъ съѣздѣ въ засѣданіи 9-го іюля я не обинуясь сказалъ:

„Если бы я повѣрилъ, что большевизмъ, хотя бы самымъ уродливымъ образомъ, осуществляетъ какое то національное призваніе, какъ то подымаетъ и блюдетъ національное лицо Россіи, я, вотъ таковъ, каковъ я есть, — индивидуалистъ, человѣкъ религіозный и фанатически любящій подлинный историческій образъ Россіи, Петра Великаго и Пушкина, этихъ мужественныхъ выразителей рускаго національнаго духа, — я бы ни на одну минуту не призывалъ къ гражданской войнѣ. Но я знаю, что большевизмъ есть разрушеніе и поруганіе національнаго тѣла и національнаго духа Россіи, есть подлинно-дьявольское, классово-интернаціоналистическое, навожденіе, убивающее Россію и русскихъ людей. Вотъ почему мы должны быть непримиримы до конца противъ большевизма, и вотъ почему намъ по дорогѣ только съ тѣми, для кого превыше всего національная стихія“.

Корень русской проблемы и для насъ, участниковъ драмы, и для постороннихъ наблюдателей (иностранцевъ и инородцевъ) теперь обнажился совершенно ясно. Въ Россіи усѣлась власть, стремившаяся и стремящаяся насадить совершенно несостоятельный экономическій режимъ, имъ разорившая до тла страну и въ корнѣ подорвавшая ея культуру. Эта власть, несмотря на свое собственное полное банкротство и на окончательное разореніе страны, упорно желаетъ удержаться какъ власть.

Но ради самосохраненія націи, она должна быть сброшена.

Сейчасъ заграницей со всѣхъ сторонъ твердятъ объ эволюціи Совѣтской власти. Идея эта, отчасти, повидимому присуща и „націоналъ-большевизму.“

Концепція эволюціи большевизма совершенно лишена всякой реалистической подкладки. Мнѣ отнюдь не импонируютъ тѣ дѣловые авторитеты, которые часто приводятся въ подкрѣпленіе этой идеи. (Изъ исторіи, напримѣръ, я хорошо знаю, что многіе дѣловые люди увлекались проектами Джона Ло — и тѣмъ не менѣе они оказались мыльнымъ пузыремъ). Эволюція коммунистической власти есть историческая безсмыслица, въ которую я, какъ историкъ съ личнымъ историческимъ опытомъ, повѣрить не могу.

Эволюціонировать можетъ только сильная власть, располагающая въ странѣ хотя бы нѣкоторымъ моральнымъ престижемъ.

Я не сомнѣваюсь, что коммунистическая власть въ лицѣ Ленина желаетъ тактически эволюціонировать, и что ей доступна не политическая эволюція, а тактическія эволюціи. Но допустимъ даже, что коммунистическая власть эволюціонируетъ. Въ такомъ случаѣ эволюція эта закончится очень быстро революціей. Своей собственой эволюціей, и, въ частности и въ особенности, эволюціей своей экономической политики большевистская власть создастъ только, такъ сказать, техническія предпосылки своего собственнаго низверженія и физическаго истребленія. Морально-психологическія же условія ея низверженія уже налицо.

Я понимаю Ленина: безъ компромиссовъ, безъ уступокъ, безъ оппортунизма обойтись нельзя.

Я понимаю Бухарина (или кого-нибудь другого, кто съ коммунистической точки зрѣнія возражаетъ Ленину): компромиссы, внѣдреніе буржуазныхъ элементовъ, воспріятіе буржуазныхъ пріемовъ, отказъ, хотя бы временный и чисто тактическій, отъ великихъ революціонныхъ задачъ въ міровомъ масштабѣ безошибочно погубятъ совѣтскую власть.

Положеніе этой власти, по существу, трагическое и потому — безъисходное.

Однажды при обсужденіи довольно сумбурныхъ откровеній о большевизмѣ г. Лукьянова я въ краткомъ афоризмѣ сравнительно охарактеризовалъ В. И. Ленина и П. Н. Милюкова такъ: въ Милюковѣ нѣтъ ни грана Ленина, но въ Ленинѣ сидитъ изрядная доза Милюкова. Я этимъ не хотѣлъ сказать ничего обиднаго ни для того, ни для другого, а только драстически закрѣпить извѣстное фактическое соотношеніе и образно его характеризовать. П. Н. Милюковъ совсѣмъ не революціонеръ, а Ленинъ настоящій революціонеръ, но не только: онъ въ то же время изрядный политическій тактикъ такого же примѣрно чекана, какъ П. Н. Милюковъ, только гораздо болѣе, до отчаянности, смѣлый.

Когда Ленинъ, не вѣрящій нисколько ни въ какія аграрныя соціализаціи, ради цѣлей чисто политической революціи, ему желательной, практически совершалъ программный плагіатъ у соціалистовъ-революціонеровъ, это былъ актъ не соціальной революціи, не

осуществленія соціалистической или коммунистической программы, а жестъ чистѣйшаго тактическаго максимализма въ интересахъ захвата власти. Тутъ сознательно былъ примѣненъ демагогическій и въ то же время тактическій пріемъ безсовѣстнаго запроса (за шубу запросить тысячу рублей, уступить за сто двадцать пять!). Я полагаю, что Ленинъ такъ основательно этимъ азіатскимъ жестомъ тактическаго максимализма исторически обобралъ, если можно такъ выразиться, эсеровъ, что на ихъ долю и на долю „новой тактики" П. Н. Милюкова, пожалуй, уже ничего не осталось, или остались такія крохи, которыя не стоятъ особеннаго шума.

Ленину частично удался еще другой очень крупный тактическій ходъ: Брестъ-Литовскій миръ. Одно заданіе этого хода: полное разложеніе противогерманской Антанты и революціонизація этимъ путемъ западныхъ странъ, — ему не удалось. Но „тактическимъ" миромъ съ Германіей Ленинъ обезпечилъ себѣ и своимъ товарищамъ сохраненіе власти надъ Россіей.

Послѣ этого Ленинъ заключилъ „тактическій миръ" съ Ллойдъ-Джорджемъ, т. е. торгово-политическое соглашеніе съ Англіей.

Сегодня Ленинъ желаетъ заключить, при посредствѣ буржуазно-обаятельнаго Красина, „тактическій" миръ уже прямо съ міровой буржуазіей.

Завтра его потянетъ (или уже теперь потянуло?) къ „тактическому" миру съ тѣми элементами русской буржуазіи, которые согласились бы за чечевичную похлебку такого мира подпереть рушащуюся коммунистическую власть.

Словомъ, Ленинъ хочетъ каждый мѣсяцъ справлять „тактическія" именины для того, чтобы напослѣдокъ, „тактически" проведя за носъ всѣхъ и вся, отпраздновать уже настоящую революціонную масляницу, устроить коммунистическій „пиръ на весь міръ".

Но не только „не все коту масляница"; нельзя и каждый мѣсяцъ справлять „тактическія" именины. Вѣдь тактика „тактическихъ именинъ" — да простятъ мнѣ читатели этотъ „плеоназмъ"! — это не что иное, какъ усвоеніе революціонной коммунистической властью того пресловутаго австрійскаго метода управленія (или сохраненія власти), который министръ-президентъ графъ Тааффе нѣкогда самъ охарактеризовалъ крылатымъ, буквально непереводимымъ, словомъ: Fortwursteln.

Но родившаяся изъ одной революціи и существующая ради другой революціи коммунистически-интернаціоналистическая власть не можетъ управлять методами архи-легитимной монархической власти. Ей просто этого не дадутъ. Въ самомъ дѣлѣ, неужели Россія до такого изнеможенія добита коммунистическими батогами, что она вытерпитъ теперь въ теченіе неопредѣленнаго времени коммунистическую тактическую „канитель" (тянуть канитель — такъ примѣрно можно по русски передать „Fortwursteln")? Неужели „діалектика

смерти“, о которой такъ мѣтко писалъ въ „Рулѣ“ Г. А. Ландау, довела Россію и до этого?

Не думаю.

Времена и сроки исполняются. Революціонный „пиръ на весь міръ“ сорвался, т. е. по отношенію къ русскому народу по просту оказался безстыжимъ обманомъ, а „тактическія именины“ становятся все болѣе и болѣе тощими. Наступаетъ расплата.

Петръ Струве.

Русскія дѣла.

(Политическій обзоръ.)

Къ началу 1921 года вся Россія, кромѣ инородческихъ окраинъ, находилась подъ Совѣтской властью. Характеръ этой власти опредѣлился къ тому времени съ полной ясностью. Это — не та или иная форма выборной власти и въ то же время не господство случайной кучки; это *диктатура партіи*, крѣпко организованной и обособленной отъ всего прочаго населенія. По своимъ задачамъ власть коммунистической партіи, утвердившаяся на русской территоріи, не является національнымъ правительствомъ какой либо страны; это международная организація, преслѣдующая цѣль — міровой соціальной революціи. Въ отношеніи Россіи она является оккупаціонной властью.

Послѣ трехъ лѣтъ борьбы, коммунистическая партія утвердила свою власть на широкомъ пространствѣ, откупившись отъ окраинныхъ народовъ территоріальными уступками и золотомъ и вытѣснивъ изъ Россіи своихъ идейныхъ противниковъ, т. н. „бѣлыхъ". Съ начала ноября 1920 года кончилась борьба на югѣ, самая серьезная и длительная изъ противобольшевистскихъ войнъ. Оставленіе Крыма Добровольческой Арміей лишало всякаго военнаго значенія наскоро сформированные на западномъ фронтѣ отряды; къ концу ноября они отошли за польскую демаркаціонную линію. Организованныхъ силъ, противостоящихъ Совѣтской власти, на русской землѣ не осталось. Во многихъ мѣстностяхъ крупные и мелкіе партизанскіе отряды крестьянъ еще продолжали бороться, но только въ среднемъ и нижнемъ Приднѣпровьи они представляли изъ себя силу, достаточную, чтобы хотя бы прерывать движеніе на желѣзныхъ дорогахъ.

Побѣда совѣтской власти на послѣднихъ фронтахъ не измѣнила отношенія къ ней населенія. Коммунистическая партія, насчитывающая около 600,000 членовъ, является какъ бы чужероднымъ тѣломъ въ составѣ Россіи, сплоченная и общей вѣрой и окружающей ее непримиримой враждой. Даже въ средѣ рабочихъ коммунисты составляютъ ничтожный процентъ; интеллигенціи у нихъ мало, въ деревнѣ ихъ почти нѣтъ. Большинство коммунистовъ — или въ арміи, или въ администраціи. Ленинъ, говоря въ 1917 г. „если 130,000 помѣщиковъ могли управлять Россіей, — неужели не справятся съ этой задачей 240,000 членовъ партіи большевиковъ" — оказался правъ во второй части своей фразы, — если подъ терминомъ „справиться" понимать удержаніе власти и преодолѣніе сопротивленія.

Зимою 1917—18 года сочувствіе большевикамъ было разлито повсюду. Зимою 1920—21 года коммунистическая партія была окружена сплошною стѣной враждебности, и увѣренность въ томъ, что рано или поздно большевистская власть падетъ, — обща всѣмъ слоямъ населенія Россіи. Но открытаго сопротивленія не было; пассивность, апатія усилились послѣ отпаденія польской угрозы большевикамъ (встрѣчавшей самое противорѣчивое отношеніе въ различныхъ мѣстностяхъ). Выдача увеличенныхъ пайковъ въ столицахъ осенью 1920 г., запасы топлива, казавшіеся больше прошлогоднихъ — все это создавало къ концу 1920 г. для большевиковъ атмосферу „передышки".

Это временное улучшеніе послѣ страшныхъ зимъ 1918—19-го и 1919—20 годовъ соотвѣтствовало опредѣленному моменту въ экономической жизни Совѣтскаго государства. Основной, преобладающей надъ всѣмъ чертой является въ ней упадокъ производства во всѣхъ областяхъ; главной его причиной — упадокъ производительности труда. Отпали побужденія къ интенсивной работѣ, — рабочій знаетъ, что заработокъ его лишь въ малой степени зависитъ отъ его работы; интеллигентъ, кромѣ того, не желаетъ, по большей части, „стараться на большевиковъ". Въ результатѣ производительность труда упала въ среднемъ приблизительно до $^1/_4$ прежней. Въ сельскомъ хозяйствѣ такого пониженія незамѣтно, но — кромѣ т. наз. потребляющихъ губерній — повсемѣстное сокращеніе посѣвной площади, вызванное боязнью отобранія „излишковъ" (отчасти и ухудшеніемъ с.-х. инвентаря), растетъ неуклонно изъ года въ годъ. Въ итогѣ, производство отстаетъ отъ потребленія уже три года, и дефицитъ пополняется — особенно въ отношеніи промышленныхъ издѣлій — за счетъ доставшихся отъ стараго строя запасовъ. Процессъ потребленія этихъ запасовъ государствомъ, а также выкачиванья остатка частныхъ „запасовъ" (бѣлья, платья, мебели и т. д.) изъ города въ деревню, ускорившійся за 1920 годъ, еще не вполнѣ закончился.

Въ процессѣ упадка экономической жизни Совѣтской Россіи есть три стадіи: первая — результатъ захвата власти новыми людьми, изгнанія свѣдущихъ лицъ, перерыва сообщеній; въ этой стадіи производство на нѣкоторое время почти останавливается. Во второй стадіи рядъ препятствій отпадаетъ, возстанавливается сообщеніе съ источниками сырья и топлива, инженеры возвращаются, и по сравненію съ первымъ періодомъ наступаетъ улучшеніе (наиболѣе замѣтно это было во второй половинѣ 1920 г.); но улучшеніе это никогда не доводитъ производства до нормальнаго уровня. Наступаетъ третья стадія: упадокъ производительности труда, сокращеніе источниковъ сырья (напр. недосѣвы льна и хлопка) перевѣшиваютъ устраненіе побочныхъ отрицательныхъ факторовъ — и производство неудержимо клонится опять внизъ. Это конечное оскудѣніе грозитъ полнымъ параличомъ аппарата Совѣтской власти; но трудно учесть сроки его наступленія. Потребности коммунистической власти, сведенныя къ минимуму, примѣрно таковы: поддержаніе въ скромныхъ размѣрахъ ж.-д. транспорта

на главныхъ линіяхъ; прокормленіе и содержаніе полумилліонной, примѣрно, арміи, и нѣкоторой части городского населенія — административно-полицейскихъ, пропагандистскихъ и немногихъ „рекламныхъ“ учрежденій (театры, музеи, ученый міръ). Если товарный запасъ былъ истощенъ къ началу 1920 года, то этого нельзя было сказать о золотомъ фондѣ, который, при возстановленіи сношеній съ заграницей, могъ быть использованъ для поддержанія этого „прожиточнаго минимума“ организаціоннаго центра міровой революціи.

Январь-Февраль 1920 г. Споръ о профессіональныхъ союзахъ.

„Передышка“, ослабленіе боевого напряженія отразилось въ коммунистической партіи обостреніемъ внутреннихъ разногласій. По поводу вопроса о дальнѣйшей роли профессіональныхъ союзовъ въ Совѣтскомъ государствѣ почти два мѣсяца — съ декабря до начала февраля — велись споры, переносившіеся на общія собранія членовъ партіи, захватывавшіе и внѣпартійныхъ. Споръ о профессіональныхъ союзахъ отразилъ основные оттѣнки коммунистическаго міровоззрѣнія. Одни, какъ Троцкій, у которыхъ преобладаетъ тенденція къ переустройству всего сверху по наиболѣе совершеннымъ планамъ, склонны еще уменьшить вліяніе профессіональныхъ союзовъ, ссылаясь на то, что въ рабочемъ государствѣ старыя задачи — отстаиваніе интересовъ, классовая борьба — отпадаютъ. Другіе, какъ Шляпниковъ и т. наз. „рабочая оппозиція“, хотятъ, наоборотъ, передать профессіональнымъ союзамъ право назначенія большинства членовъ тѣхъ учрежденій, которыя вѣдаютъ промышленность; это-тѣ, кто вѣритъ въ коллективный разумъ класса, и диктатуру партіи хочетъ замѣнить диктатурой всѣхъ рабочихъ. Среднее положеніе занимаетъ группа Ленина: это тѣ, кто понимаетъ, что уступить „оппозиціи“ значитъ, съ одной стороны, вернуться къ пережитому періоду „рабочаго контроля“ съ его хаосомъ, съ другой — выпустить изъ рукъ партіи одну изъ существенныхъ сторонъ жизни. Въ то же время точку зрѣнія Троцкаго они считаютъ опасной, такъ какъ она слишкомъ прямолинейно, откровенно и потому раздражающе для многихъ рабочихъ (коммунистовъ въ томъ числѣ) проводитъ линію диктатуры сверху. Въ самомъ дѣлѣ, самая постановка вопроса о какихъ то перемѣнахъ, о сокращеніи роли профессіональныхъ союзовъ взволновала рабочіе круги (въ томъ числѣ — что наиболѣе было важно — правовѣрныхъ коммунистовъ), мирившихся съ фактическимъ поглощеніемъ профессіональныхъ союзовъ государствомъ, но продолжающихъ держаться за ихъ идею. Борьба, къ которой примѣшивался на митингахъ и вопросъ о привилегированныхъ пайкахъ, принимала подчасъ форму весьма рѣзкой полемики; понятія „правыхъ“ и „лѣвыхъ“ коммунистовъ перепутались. Скорѣе, все же „правыми“ считались сторонники Троцкаго, отстаивавшіе чисто-партійную диктатуру и защищавшіе спеціалистовъ и интеллигенцію отъ уравнительныхъ тенденцій.

Февраль 1921 г. Голодный кризисъ и броженіе въ столицахъ.

Всѣ эти разногласія, глубину которыхъ вообще переоцѣнивали, смолкли передъ внезапно разразившимся кризисомъ.

Увеличеніе пайковъ и возобновленіе работъ на рядѣ заводовъ, ранѣе закрытыхъ (для чего въ Петроградъ было даже привезено нѣсколько тысячъ рабочихъ изъ провинціи въ ноябрѣ 1920 г.) не были результатомъ прочнаго улучшенія положенія. Оптимистическіе расчеты оказались ошибочными; запасы таяли и почти не пополнялись.

Въ январѣ для экономіи топлива прекращено было желѣзнодорожное сообщеніе на цѣломъ рядѣ линій; сохранены только главныя. Шло усиленное закрытіе заводовъ за отсутствіемъ топлива. Значеніе послѣдняго фактора не слѣдуетъ, конечно, мѣрить по масштабу нормальнаго строя; закрытіе завода въ Совѣтской Россіи не лишаетъ рабочихъ ни пайка, ни жалованья, — развѣ только преміи и платы за сверхурочную работу. При закрытіи рабочіе обычно разъѣзжаются въ отпускъ, занимаются „спекуляціей", забирая часто себѣ съ фабрики значительную долю выработанныхъ издѣлій. Тѣмъ не менѣе, пріостановка работъ всегда вызываетъ у нихъ безпокойство: смутное сознаніе того, что не можетъ длиться безъ конца такое состояніе, при которомъ получаешь вознагражденіе, ничего не производя, примѣшивается къ той психологической неуравновѣшенности, которая всегда возникаетъ изъ вынужденной праздности.

Одновременно обозначился и продовольственный кризисъ. Хлѣбная разверстка оказалась невыполненной по цѣлому ряду губерній. Попытки реквизицій вызвали усиленіе сопротивленія; съ начала года большая часть Тамбовской губерніи и значительные раіоны Западной Сибири, по признанію большевистской печати, находились въ состояніи возстанія. Эти крестьянскія движенія не слѣдуетъ преувеличивать; отряды возставшихъ обычно не выходятъ за предѣлы своей волости, много — если уѣзда; но проведенію разверстки, снабженію городовъ хлѣбомъ они препятствуютъ весьма реально; при этомъ, западно-сибирскія возстанія прервали движеніе по желѣзной дорогѣ, и не давали так. обр. вывезти уже заготовленный хлѣбъ.

Къ февралю Совѣтская власть оказалась передъ почти полнымъ истощеніемъ запасовъ продовольствія; подъ угрозой находились даже тѣ небольшіе запасы зерна для обсѣмененія полей, которые удалось ей скопить. Было тогда проведено рѣзкое уменьшеніе пайковъ. Оно вызвало серьезныя осложненія для власти.

И ранѣе бывали сокращенія выдачъ; еще въ августѣ-сентябрѣ 1918 г. хлѣбные пайки были, напр., меньше, чѣмъ сокращенные пайки 1921 г. Но это послѣднее уменьшеніе выдачъ зимой, когда труднѣе ихъ дополнять, — послѣ того, какъ населеніе, особенно рабочее, привыкло видѣть въ пайкахъ главную основу пропитанія, — на фонѣ закрытія фабрикъ на неопредѣленное время, — вызвало уже настоящую панику, съ молніеноснымъ ростомъ цѣнъ на продукты въ

вольной продажѣ; въ связи съ этимъ повсюду распространились страхи и надежды, ожиданія какого то конца. Возникли представленія, будто скоро ничего выдавать не будутъ. Поднялся общій вопль: „мы наканунѣ голодной смерти". Требовали свободы торговли, отмѣны особыхъ пайковъ; на заводахъ, — чего давно не было, — собирались протестующіе митинги. Даже забитая интеллигенція насторожилась, а красноармейцы, пайки которыхъ тоже уменьшались, явно выражали неудовольствіе. Ни организаціи, ни агитаціи почти не было: общія причины приводили всѣхъ къ общимъ выводамъ, страхъ передъ голодной смертью ослабилъ страхъ передъ властью; начались на еще не закрытыхъ заводахъ забастовки; на улицахъ „летучія" толпы стали разграблять возы съ хлѣбомъ, высаживать „комиссаровъ" изъ автомобилей; „виновныхъ" было такъ много, что въ первые дни коммунисты растерялись и не знали, съ чего начать борьбу. Это было въ началѣ двадцатыхъ чиселъ февраля.

Совѣтская власть нашлась не сразу. Дни ея колебанія вызвали увѣренность большинства въ близкомъ ея паденіи. Но когда она рѣшилась дѣйствовать, — движеніе въ столицахъ развѣялось такъ же внезапно, какъ и возникло. Въ серединѣ двадцатыхъ чиселъ того же февраля арестовываются только-только возникавшіе забастовочные комитеты. Забастовки продолжаются, но безъ плана и безъ связи. Двѣ—три демонстраціи разгоняются стрѣльбой (повидимому — въ воздухъ). Не встрѣчая сопротивленія, власть переходитъ къ массовымъ арестамъ всѣхъ, кого подозрѣваютъ въ активности. Для этого оказываются достаточными коммунистическіе отряды. Къ концу февраля уже психологическій переломъ произошелъ, и власть, пережившая встряску, уже болѣе не стоитъ передъ необходимостью подвергать испытанію вѣрность полуголодныхъ красноармейцевъ.

Не довольствуясь репрессіями, Совѣтская власть пытается одновременно разсѣять и напряженность настроенія. Объявляется объ отмѣнѣ особыхъ пайковъ. Распространяются извѣстія о прибытіи въ Ревель пароходовъ со всякими благами. Пайки не подвергаются дальнѣйшему сокращенію (возможно, что за счетъ сѣмянного фонда). На заводахъ коммунисты, сплоченные возникшей угрозой, ведутъ яростную борьбу съ „волынкой", какъ прозвали забастовочныя настроенія этихъ дней.

Мартъ 1921 г. Кронштадтъ.

Въ этотъ періодъ ущерба „голоднаго" или февральскаго кризиса приходится событіе, прогремѣвшее на весь міръ и возбудившее огромныя ожиданія и нескончаемые толки: возстаніе въ Кронштадтѣ.

По современнымъ условіямъ на путь изъ Кронштадта въ Петроградъ нужно около полъ дня, взаимодѣйствіе настроеній, поэтому, не могло идти съ той же быстротой, какъ бывало раньше. Этимъ объясняется запозданіе.

Разочарованіе въ большевикахъ уже давно проникло въ старую ихъ твердыню; оно шло, все усиливаясь; осенью 1920 г. было много разговоровъ о массовомъ уходѣ матросовъ изъ коммунистической партіи. Но Кронштадтъ оставался все же на особомъ положеніи; онъ былъ послѣднимъ осколкомъ арміи первыхъ временъ Совѣтской власти, почти незатронутымъ реформами въ Красной арміи (поэтому онъ для нея и не характеренъ); особыхъ коммунистическихъ отрядовъ тамъ не было; раньше считалось, что тамъ почти всѣ надежны, и хотя настроенія стали мѣняться — серьезныхъ мѣръ еще не было принято. Голодный кризисъ нашелъ себѣ полное сочувствіе въ пока еще сравнительно сытомъ, но уже недовольномъ Кронштадтѣ; матросы обѣщали забастовщикамъ поддержку, совѣтовали ждать,—и дѣйствительно начали готовиться къ выступленію. Первые митинги на судахъ произошли 27 февраля. Съ этого же момента общеніе между Петроградомъ и Кронштадтомъ было прекращено. Въ столицѣ движеніе клонилось внизъ, — а въ Кронштадтѣ готовились его активно поддерживать.

1 марта на огромномъ митингѣ на Якорной площади произошелъ разрывъ съ коммунистическими властями; большевики, не находя достаточной вооруженной силы для подавленія, бѣжали на материкъ; городъ и крѣпость оказались въ рукахъ возставшихъ. Легкость успѣха и невѣрныя представленія о положеніи въ Петроградѣ вызвали у кронштадтцевъ увѣренностъ въ томъ, что къ нимъ готова присоединиться вся округа, включая столицу. Когда попытка выйти на берегъ у Ораніенбаума была встрѣчена пулеметнымъ огнемъ, они вернулись къ себѣ — и стали ждать. Въ переговорахъ съ большевиками по телефону и въ ожиданіи прошло пять дней. Между тѣмъ коммунисты сразу рѣшили одолѣть Кронштадтъ силой. Уже 3 марта было издано оффиціальное сообщеніе, объявлявшее движеніе „бѣлогвардейскимъ мятежомъ“ и приписывавшее его ген. Козловскому, офицерамъ и заграничному капиталу. Стали стягиваться надежныя части къ обоимъ берегамъ Финскаго залива. А покоренному Петрограду для отвлеченія стали выдавать со складовъ разные товары — отъ масла до теплыхъ шапокъ; увеличились и хлѣбныя выдачи.

Судьба Кронштадта, оставшагося одинокимъ, была этимъ предрѣшена; вооруженная борьба, длившаяся съ 7 марта (начало бомбардировки) до ночи съ 17-го на 18-ое, — еще разъ показала, что большевики располагаютъ, хотя и не очень многочисленными, но стойкими войсковыми частями, которыхъ не смущали никакіе „совѣтскіе лозунги“, выставлявшіеся для воздѣйствія на красноармейцевъ руководителями возстанія. Кронштадтъ же съ военной стороны былъ организованъ плохо, опытныхъ офицеровъ было мало, во главѣ обороны стояли случайныя лица.

Кронштадтъ былъ взятъ, и большинство его защитниковъ спаслось въ Финляндію. Этимъ закончился кризисъ весны 1921 г.

Какъ голодное броженіе въ столицахъ, такъ и кронштадтское возстаніе не имѣло партійной окраски. Кронштадтцы даже особенно яро отрекались отъ партійности. Это было стихійное движеніе съ одною цѣлью: „долой большевиковъ". Руководители, исходившіе вначалѣ изъ представленія о происходящемъ въ Петроградѣ возстаніи, а также не надѣявшіеся на поддержку извнѣ, старались держаться въ рамкахъ совѣтской терминологіи, разсчитывая этимъ посѣять расколъ среди осаждающихъ. Но масса относилась проще. Она была увѣрена, что, возставая на большевиковъ, имѣетъ право на поддержку всего „стараго міра", по утвержденію самихъ большевиковъ, смертельно ненавидящаго ихъ; вѣрили, что возставшихъ „не выдадутъ коммунарамъ". И въ Финляндіи приходилось слышать горькіе упреки кронштадтскихъ бѣженцевъ финнамъ, „бѣлымъ офицерамъ", „Антантѣ" и даже „Врангелю" за то, что тѣ ихъ оставили однихъ сражаться съ „коммунарами": всякая помощь, несомнѣнно, была бы принята въ Кронштадтѣ съ восторгомъ.

Но по странной ироніи судьбы противъ этой помощи больше всего возставали тѣ, кто объявилъ кронштадтцевъ „своими".

Мартъ 1921 г. „Реформа".

Собравшійся еще въ дни кронштадтскаго возстанія X-й съѣздъ коммунистической партіи былъ гораздо менѣе самоувѣреннымъ, чѣмъ предыдущій, происходившій почти за годъ передъ тѣмъ, послѣ побѣды надъ ген. Деникинымъ. На X-мъ съѣздѣ мнѣнія Ленина проходили почти безъ сопротивленія. Въ его пользу былъ рѣшенъ нашумѣвшій споръ о профессіональныхъ союзахъ. Всѣ предложенныя имъ „замедленія хода" на пути къ соціалистическому строю были приняты.

Возвѣщенныя реформы идутъ какъ будто навстрѣчу тѣмъ требованіямъ, которыя громче всего раздавались въ дни голоднаго кризиса. Объявлена „свобода торговли", выдача рабочимъ предметовъ, изготовленныхъ на ихъ заводахъ (натур-премированіе); крестьянамъ обѣщается, что послѣ выполненія натуральнаго налога они сохраняютъ полную собственность на продукты ихъ хозяйства. Всѣ эти мѣры проводятся, при этомъ, не просто, а какъ осуществленіе возвѣщенной Ленинымъ новой политики.

„Капитуляція" на словахъ — своеобразный и не новый пріемъ Ленина. Не въ первый разъ уже онъ произноситъ рѣчи, возвѣщающія новый курсъ и содержащія горькія для коммуниста признанія, охотно перепечатываемыя всей „буржуазной" печатью. Въ маѣ 1918 г. (рѣчь о спеціалистахъ и о сдѣльной платѣ), въ концѣ 1918 г.-началѣ 1919 (курсъ на средняка), — уже говорилось много сходнаго. Были и другія „полосы реформъ" — даже политическихъ, вродѣ допущенія соціалистическихъ газетъ другихъ партій въ 1919 г., торжественно возвѣщенной отмѣны смертной казни въ началѣ 1920 г. Но всегда „ре-

формы" затѣмъ испарялись безслѣдно, и въ нужный моментъ приходилось начинать ихъ сначала. Не эволюція, а кратковременное отклоненіе отъ основнаго направленія — такъ можно опредѣлить большевистскія „уступки". Какъ стрѣлка компаса послѣ сотрясенія снова возвращается въ исходное положеніе, такъ и политика коммунистической партіи возвращается на прямой путь къ своей цѣли. Въ этомъ ея сила, — и ея слабость, поскольку цѣль недостижима. Такъ было не разъ, и новыя мѣры не идутъ въ этомъ отношеніи дальше прежнихъ.

„Свобода торговли" объявлена, — но съ такими ограниченіями, что, въ сущности, мѣняетъ мало въ фактическомъ положеніи. Разрѣшена только „мѣстная" торговля (т. е. безъ перевозки по жел. дорогѣ); запрещена перепродажа; въ сущности, только легализовано фактическое положеніе, допущенъ обмѣнъ вещей горожанъ на привозимые крестьянами окрестныхъ деревенъ продукты. Устраненіе элемента риска (и то неполное, — всегда могутъ придраться — слишкомъ много купили, очевидно — для перепродажи) при торговыхъ операціяхъ, существовавшихъ и раньше, вотъ и все, что даетъ новый декретъ. Смыслъ его въ томъ, что онъ обламываетъ остріе у лозунга свободы торговли, — коммунисты могутъ теперь говорить, что она существуетъ, а лучше не стало.

Выдача премій издѣліями — также только легализуетъ широко практиковавшееся расхищеніе рабочими произведенныхъ предметовъ. Наконецъ, будетъ ли хлѣбъ отбираться подъ флагомъ разверстки или налога — большой разницы для крестьянъ не составляетъ. Что касается торговли „излишками", то она всегда практиковалась фактически, особенно на югѣ (на сѣверѣ же излишковъ почти нѣтъ).

Значитъ ли это, что большевики ничего не измѣнили въ своей политикѣ? Нѣтъ; какъ уже не разъ бывало, они слегка отпустили возжи (въ экономической области), чтобы до новаго урожая какъ можно меньше давать прямыхъ поводовъ къ раздраженію; но это послабленіе не выразилось въ новыхъ законодательныхъ мѣрахъ (все, что издано, совершенно безсодержательно), а скорѣе въ инструкціяхъ по административной части. Основное и ощутимое облегченіе — въ такихъ мѣрахъ, какъ напр. допущеніе мѣшечничества. Онѣ примѣнялись уже неоднократно, и дѣйствіе ихъ затѣмъ прекращалось въ удобный психологическій моментъ (при полученіи большихъ казенныхъ партій продовольствія, — или наоборотъ при сильномъ ростѣ цѣнъ въ вольной продажѣ, вызывавшемъ раздраженіе противъ „спекулянтовъ").

А шумиха новой политики — это психологическое воздѣйствіе, одинъ изъ старыхъ пріемовъ Ленина; она ослабляетъ увѣренность въ неминуемомъ крахѣ (и тѣмъ отчасти отдаляетъ его), вызывая надежды на „эволюцію"; въ большей мѣрѣ, пожалуй, она расчитана на успѣхъ заграницей. На дѣлѣ — никакими силами не заставить полицейскій аппаратъ коммунистической власти (а другого у Совѣтской власти нѣтъ и быть не можетъ) работать съ уваженіемъ къ частной собствен-

ности, и никакимъ способомъ Совѣтская власть не можетъ прокормить города безъ насильственныхъ реквизицій хлѣба въ деревнѣ. Plus cela change, plus cela reste le même.

Созванныя въ Петроградѣ въ мартѣ-апрѣлѣ 1921 г. конференціи „безпартійныхъ" и московскіе выборы въ совѣтъ показали еще разъ коммунистическую власть во всеоружіи ея диктатуры. Безпартійныя конференціи, собиравшіяся въ Совѣтской Россіи уже не однажды, представляютъ изъ себя лишенныя всякихъ законодательныхъ правъ совѣщанія, созываемыя большевиками въ цѣляхъ пропаганды и для изслѣдованія настроеній въ средѣ избирателей. Искусство большевистскихъ администраторовъ сводится къ тому, чтобы не дать этимъ конференціямъ стать средствомъ сплоченія недовольныхъ; бывали изрѣдка случаи, что конференціи всетаки оказывались „контръ-революціонными" (напр. въ нѣкоторыхъ округахъ Донской области лѣтомъ 1920 г.) и немедленно закрывались; обычно же онѣ были совершенно безобидны.

Петроградская Конференція всецѣло занялась матеріальными вопросами ближайшихъ недѣль, и Зиновьевъ могъ съ ироніей читать передъ ней вслухъ проектъ чьей то резолюціи съ политическими требованіями — настолько, очевидно, это не соотвѣтствовало настроенію собравшихся.

Московскіе выборы въ апрѣлѣ 1921 г. дали подавляющее большинство коммунистамъ и нѣсколько сотъ мѣстъ безпартійнымъ, т. е. ничѣмъ не отличались отъ „нормальныхъ" совѣтскихъ выборовъ. Начиная съ перевыборовъ петроградскаго совѣта въ іюнѣ 1918 г., въ избирательныхъ компаніяхъ большевиковъ дѣйствуетъ не столько демагогія, сколько избирательная геометрія и примитивное давленіе (вродѣ снятія съ голосованія всѣхъ списковъ, кромѣ одного—коммунистическаго, включающаго иногда нѣсколько безпартійныхъ, одобренныхъ „комячейками"). Поэтому, какъ показатель, настроенія, московскіе выборы не характерны. Но изъ нихъ явствуетъ, что управляющій страной партійный аппаратъ работаетъ пока исправно, и въ этой области „послабленій" нѣтъ.

Положеніе къ началу мая.

Голодный кризисъ прошелъ. Броженіе было прекращено суровыми мѣрами — до тысячи новыхъ арестовъ и разстрѣловъ. Къ столицамъ подоспѣли запоздавшіе поѣзда съ хлѣбомъ, полнаго прекращенія пайковыхъ выдачъ не послѣдовало. Отмѣна стѣсненій мѣстной торговли и мѣшечничества, мало давая фактически, ослабила раздраженіе. Подавленіе Кронштадтскаго возстанія и договоры съ иностранными державами подняли престижъ оккупаціонной власти и принесли новыя разочарованія всѣмъ, кто начиналъ опять надѣяться. Весеннее тепло улучшило самочувствіе мерзшихъ; бездорожье весенней оттепели прекратило борьбу на деревенскихъ фронтахъ; демобили-

зація дала большевикамъ возможность разоружить и распустить менѣе надежныя части Красной арміи. Начались полевыя работы въ деревнѣ, огородныя работы горожанъ. Съ открытіемъ навигаціи въ этомъ году ждутъ товаровъ изъ заграницы прямо въ Петроградъ (золотой запасъ еще пока не весь истраченъ); по Волгѣ начинаетъ прибывать застрявшая въ Астрахани нефть; велики еще запасы и въ Баку.

Коммунистическая партія имѣетъ новую передышку въ экономической области и шансы ея сверженія въ ближайшее время не очень велики. Конечно, лѣтомъ городамъ придется, вѣроятно, существовать почти безъ хлѣба; но къ тому времени начнутъ поспѣвать овощи. Сильно былъ затронутъ сѣмянной фондъ; но это отзовется не теперь, а только на будущихъ урожаяхъ. Экономическое разложеніе страны продолжается неуклонно; но населеніе испытываетъ временныя облегченія — весной тепло, а лѣтомъ урожай овощей, фруктовъ, сборъ хлѣбовъ. Въ чисто политическомъ отношеніи велика подавленность и пассивность. При сложившейся обстановкѣ въ ближайшее время только какія нибудь событія извнѣ могли бы сразу сдвинуть Россію съ мертвой точки. Силы хозяйственнаго развала работаютъ неуклонно, но медленно, и невозможно опредѣлить срокъ наступленія неизбѣжнаго конца попытки осуществить напряженіемъ воли противорѣчащій человѣческой природѣ строй.

Чѣмъ позже наступитъ конецъ, тѣмъ болѣе будетъ обезкровлена страна, тѣмъ труднѣе дастся ея возстановленіе. Что коммунистическій строй обреченъ, въ этомъ не можетъ быть сомнѣнія для тѣхъ, кому приходилось сталкиваться съ нимъ. Вопросъ только въ томъ, погибнетъ ли онъ скорой, насильственной смертью — или „естественной“ — отъ голоднаго истощенія. Къ такому виду смерти сводится пресловутое „изживаніе большевизма“. Сторонники „изживанія“ при томъ забываютъ, что такой конецъ означаетъ вымираніе городовъ и разрушеніе почти всей матеріальной культуры въ Россіи. Приблизить часъ насильственнаго устраненія коммунистической оккупаціонной власти — значитъ спасти милліоны человѣческихъ жизней, — не говоря уже о милліардахъ матеріальныхъ цѣнностей.

Значеніе русскихъ заграницей.

Русскія дѣла не исчерпываются внутренней жизнью Совѣтской области. За ея предѣлами, въ чужихъ странахъ, находится въ настоящее время много русскихъ, покинувшихъ родину въ связи съ событіями послѣднихъ лѣтъ. Число ихъ опредѣлялось разно, — называютъ чаще всего цифру около двухъ милліоновъ, — точный учетъ пока труденъ. Само по себѣ число это, казалось бы, не такъ велико по сравненію съ общей численностью населенія Россіи — для многихъ странъ эмиграція въ Америку достигла бо́льшей цифры. Но рядъ обстоятельствъ дѣлаетъ заграничныя русскія колоніи нашего времени явленіемъ исключительнымъ въ исторіи.

Во-первыхъ, всѣ эти люди покинули Россію не для того, чтобы искать счастья въ чужихъ странахъ, — это не эмигранты типа американскихъ колонистовъ, — въ громадномъ большинствѣ они только и ждутъ возможности вернуться на родину; это также, за немногими исключеніями, не эмигранты типа старыхъ революціонеровъ, не единичные политическіе дѣятели; это просто русскіе люди, совершенно небывалыми условіями жизни вытѣсненные со своей родины. Нѣкоторое сходство можно найти развѣ съ эмигрантами временъ французской революціи или съ гугенотами послѣ отмѣны Нантскаго эдикта, но составъ заграничныхъ русскихъ гораздо разнообразнѣе и число ихъ значительно больше.

Во вторыхъ — среди вытѣсненныхъ заграницу людей огромное количество людей съ образованіемъ, интеллигенціи, офицерства. Если не большинство, то, во всякомъ случаѣ, значительная часть людей, окончившихъ высшія учебныя заведенія; люди съ многообразнымъ опытомъ, — изъ политическихъ, промышленныхъ, административныхъ дѣятелей, — вѣроятно, большинство. Добрая половина писателей, большинство журналистовъ. Значительная доля ученыхъ. При этомъ, можно утверждать, — что какъ ни многочисленны въ данномъ случаѣ исключенія, — большинство активныхъ, дѣятельныхъ людей изъ образованныхъ слоевъ населенія оказалось по эту сторону границы, а изъ оставшихся значительное большинство состоитъ, во всякомъ случаѣ, изъ болѣе пассивныхъ элементовъ. Никто, видѣвшій изблизи совѣтскую интеллигенцію, не станетъ этого отрицать; исключенія не опровергаютъ этого утвержденія.

Поэтому для Россіи огромное значеніе имѣютъ тѣ, кто находится сейчасъ за ея предѣлами. Поскольку они не растворились въ заграничной жизни, не отреклись отъ связи съ родиной и другъ съ другомъ, — ихъ дѣла — это тоже русскія дѣла. И можно даже сказать больше: въ виду вымиранія интеллигенціи, въ виду огромнаго сокращенія числа лицъ, получающихъ серьезное образованіе, заграничные русскіе, находящіеся, въ общемъ, въ лучшихъ условіяхъ, могли бы составить кадры для будущаго развитія Россіи.

Но для того, чтобы послужить будущему родной страны, нужно и теперь неустанно работать надъ претвореніемъ опыта пережитого; нужна упорная — прежде всего психологическая — борьба съ денаціонализаціей, съ утратой русскаго облика — и съ многообразными разлагающими вліяніями.

Наибольшее количество русскихъ находится на Балканахъ, въ Германіи, во Франціи, въ Польшѣ и въ Прибалтикѣ. Хуже всего въ правовомъ отношеніи этимъ послѣднимъ. Боязнь большевизма, — близкое сосѣдство котораго, несмотря на „мирные договоры“, не можетъ не безпокоить, — соединяется съ нѣкоторымъ чувствомъ мстительности въ отношеніи народности, ранѣе господствовавшей. Поэтому, русскія колоніи въ окраинныхъ государствахъ — наиболѣе запуганныя, „затурканныя“, живущія подъ вѣчнымъ страхомъ высылки

(иногда, какъ бывало въ Эстоніи, прямо въ Совдепію) и наименѣе способныя, по внѣшнимъ условіямъ, къ самоорганизаціи и самодѣятельности.

Совершенно другого типа колоніи въ западныхъ государствахъ Несмотря на разницу положеній въ отдѣльныхъ странахъ, эти русскія колоніи отличаются, въ общемъ, большей *„пристроенностью“*. Это меньше замѣтно въ Германіи, гдѣ еще многочисленны оставшіеся со времени войны плѣнные, какъ въ лагеряхъ, такъ и на свободѣ, и гдѣ общая депрессія хозяйственной жизни, естественно, отражается и на русскихъ. Въ гораздо большей мѣрѣ это относится къ Франціи, гдѣ общія матеріальныя условія лучше, гдѣ меньше полицейскихъ стѣсненій; кромѣ того, остатки стараго воспитанія сказались въ томъ, что интеллигентные русскіе въ большинствѣ умѣютъ говорить по французски и во Франціи не „безъ языка“; это имѣетъ громадное значеніе для самочувствія. Что касается другихъ странъ, то въ нихъ русскія колоніи, въ общемъ, или настолько малочисленны (Англія, Скандинавія, Голландія и т. д.), что мало отличаются отъ прежнихъ, до-революціонныхъ, — или, какъ въ Америкѣ, состоятъ въ большинствѣ изъ эмигрантовъ колонистскаго типа, болѣе или менѣе прочно порвавшихъ съ Россіей; всѣ онѣ, во всякомъ случаѣ, отличаются даже большей „пристроенностью“, чѣмъ колоніи во Франціи и въ Германіи.

Эта „пристроенность“, эта осѣдлость придаетъ русскимъ колоніямъ извѣстный вѣсъ, даетъ возможность имѣть свою печать, свои учебныя заведенія, свои общества и партіи, — жить своеобразной культурной жизнью, русскимъ островомъ среди заграничныхъ морей. Она же, эта „пристроенность“, создаетъ, однако, психологію, постепенно отходящую отъ русской дѣйствительности; она пріучаетъ къ западно-европейскимъ мѣркамъ и понятіямъ; не ведя прямо къ денаціонализаціи, она является благодарной почвой для возникновенія чисто условныхъ представленій о Россіи, что особенно ярко сказалось, напр., на томъ непониманіи борьбы русскаго Юга, которое въ большинствѣ проявила русская колонія на Западѣ, болѣе всего — во Франціи.

Третій типъ русскихъ колоній — на Балканахъ, — въ Сербіи, въ Болгаріи, и въ области проливовъ. Въ отношеніи національномъ эти колоніи имѣютъ особенное значеніе, какъ потому, что тамъ сосредоточены самые активные противо-большевистскіе элементы, такъ частью и по той обстановкѣ (въ славянскихъ странахъ), въ которой они находятся. Въ матеріальномъ отношеніи положеніе этой группы — пожалуй, наихудшее. Но, несмотря на это, изъ всѣхъ русскихъ колоній балканскія, болѣе свободныя, чѣмъ польско-прибалтійскія, и менѣе отошедшія отъ Россіи, чѣмъ западно-европейскія, имѣютъ наибольшее значеніе для русскаго будущаго.

Промежуточное положеніе между „балканскимъ“ и „западно-европейскимъ“ типомъ занимаетъ Чехословакія, гдѣ, изъ за политическихъ симпатій мѣстнаго правительства, нѣкоторое искусственное преобладаніе въ русской колоніи получила партія с-р.

Во всѣхъ этихъ колоніяхъ нѣтъ, однако, не только единства организаціи, но даже и настоящаго единодушія. Общая вражда къ большевистской оккупаціонной власти, пока велась борьба въ предѣлахъ Россіи, до нѣкоторой степени объединяла русскіе заграничные круги, за исключеніемъ небольшихъ соціалистическихъ группъ, выставлявшихъ лозунгъ „Ни Ленинъ, ни Колчакъ" и стремившихся по мѣрѣ силъ подорвать въ глазахъ иностранцевъ представленіе объ единствѣ русскихъ въ борьбѣ съ большевизмомъ.

Явленія распада.

Но послѣ того, какъ большевикамъ удалось вытѣснить съ русской земли Добровольческую Армію, заграницей началась полоса разочарованія и распада. На первомъ планѣ вниманія оказались круги, все время препятствовавшіе борьбѣ съ большевиками, со злорадствомъ привѣтствовавшіе ея неуспѣхъ. Съ ними стали пытаться сблизиться нѣкоторые круги въ западно-европейскихъ русскихъ колоніяхъ, ранѣе участвовавшіе въ общей борьбѣ.

Съѣздъ членовъ Учред. Собранія.

Былъ созванъ съ большимъ шумомъ съѣздъ бывшихъ членовъ Учредительнаго Собранія, который долженъ былъ, въ глазахъ его сторонниковъ, создать русское представительство заграницей. Съѣздъ этотъ, на который прибыло около 30 членовъ изъ почти тысячи, болѣе, чѣмъ на $^3/_4$ состоялъ изъ с.р., но главными его вдохновителями и сторонниками являлась группа к-д. во главѣ съ П. Н. Милюковымъ, стремившаяся создать новую коалицію, по примѣру Временнаго Правительства, на почвѣ фикціи — противопоставленія мартовской „благой" революціи — „зловредной" октябрьской. Съѣздъ окончился неудачей. Одной причиной этого явился дружный протестъ большинства русскихъ колоній, особенно балканскихъ, противъ объединенія съ тѣми, кто до сихъ поръ только тормозилъ борьбу и разлагалъ противобольшевистскій тылъ. Другой причиной неудачи этой комбинаціи была возросшая гордыня партіи с-р., — основанная не на собственныхъ успѣхахъ, а на чужихъ пораженіяхъ, — рѣшившей, что она одна, безъ всякой „буржуазной" помощи, лучше всего справится съ задачей сверженія большевиковъ и возрожденія Россіи.

„Послѣднія Новости".

Однако, тѣ настроенія, которыя отразились въ созывѣ этого съѣзда, продолжали разлагать русскіе круги, преимущественно парижскіе; въ новой редакціи газета „Послѣднія Новости" стала ихъ выразительницей. Во имя „новыхъ формъ борьбы" она требовала ликвидаціи старыхъ. И если новыхъ формъ ни осуществить, ни практи-

чески указать ей не удавалось, то другая задача — срыва старыхъ формъ — разрѣшалась нѣсколько болѣе успѣшно, особенно поскольку она сходилась съ намѣреніями иностранныхъ правительствъ. Въ борьбѣ противъ русской арміи, противъ національнаго обединенія (во имя „демократическаго", — отъ котораго, однако, с-р. упорно уклонялись) — „Послѣднія Новости" соотвѣтствовали настроеніямъ тѣхъ круговъ, которые готовы были вообще отречься отъ участія въ рѣшеніи русскихъ вопросовъ, ликвидировать все, исключительно заняться собственными дѣлами, — а Россія, молъ, выберется, „управится" сама. Въ томъ, что новая тактика идейно оправдываетъ національное дезертирство, — главная причина относительнаго успѣха этой тактики въ „пристроенныхъ" колоніяхъ, — успѣха, врядъ ли весьма лестнаго для ея проповѣдниковъ.

Большевистская печать заграницей.

1921-й годъ ознаменовался появленіемъ заграницей ряда русскихъ изданій, существующихъ на счетъ Совѣтской власти. „Путь" въ Гельсингфорсѣ, „Новый путь" въ Ригѣ, „Новый міръ" въ Берлинѣ, — другія газеты въ Прагѣ, въ Лейпцигѣ, въ Америкѣ — начали обработку русскихъ колоній въ большевистскомъ духѣ. Главная цѣль ихъ состоитъ въ *вербовкѣ* заграничныхъ русскихъ. Онѣ держатся обычно болѣе умѣреннаго тона, чѣмъ московская печать, а также принципіально изображаютъ (или изобрѣтаютъ) только свѣтлыя стороны совѣтскаго строя. Успѣхъ ихъ пока незначителенъ, такъ какъ лишь немногіе вѣрятъ плѣнительнымъ картинамъ коммунистическаго творчества; самый фактъ ихъ появленія, однако, любопытенъ съ той точки зрѣнія, что большевикамъ, очевидно, не хватаетъ интеллигенціи, и они готовы тратить свое золото на то, чтобы вести пропаганду для ея привлеченія. Кромѣ того, эти газеты даютъ матеріялъ для разныхъ видовъ соглашательства и должны служить мостикомъ отъ коммунистовъ къ ихъ сосѣдямъ — противникамъ. Между „Новымъ міромъ" и „Соціалистическимъ Вѣстникомъ" меньшевиковъ-интернаціоналистовъ единодушіе не рѣдко.

Судьба Русской Арміи.

Пока въ западно-европейскихъ колоніяхъ росли явленія распада, въ районѣ проливовъ рѣшался вопросъ о будущемъ Русской Арміи.

Значеніе Добровольческой Арміи огромно. За четыре года революціи она явилась единственной организованной силой, которая смогла бороться съ желѣзной организаціей коммунистовъ, не разсыпаясь при столкновеніи. Вокругъ нея сплотилось все, что было въ Россіи національно стойкаго, она сохранила и послѣ своего вытѣсненія съ русской земли многочисленныхъ сторонниковъ на Югѣ Россіи — и не только на Югѣ. Большевики оказались сильнѣе, но Добро-

вольцы, во всякомъ случаѣ, были второй по величинѣ силой, съ которой никакія иныя организаціи не могли итти въ сравненіе по своему значенію и удѣльному вѣсу. Поэтому, какъ бы ни сложилось русское будущее, наибольшіе шансы на созданіе власти послѣ разрушенія коммунистическаго правительственнаго аппарата имѣютъ Добровольцы и тѣ, кто идейно съ ними связаны. Этого ихъ противники не могутъ перемѣнить по существу, но всячески стараются раздробить и разложить армію, прибѣгая для этого и къ демагогіи, и къ иностранной помощи.

Оставленіе Крыма Добровольческой Арміей и переѣздъ ея въ районъ проливовъ произошли отчасти на основаніи несбывшихся предпосылокъ. Ожидалось, что въ ближайшіе же мѣсяцы политика большевиковъ обнаружитъ, насколько они опасны Европѣ, и русская армія сможетъ принять участіе въ общей борьбѣ противъ захватчиковъ своего родного дома. Между тѣмъ, большевики предпочли въ данный моментъ, „чтобы о нихъ забыли" (какъ говорится въ недавно опубликованной инструкціи Чичерина совѣтскимъ представителямъ заграницей).*) Многія державы вступили съ ними въ переговоры; а тѣ, которыя этого не сдѣлали, все же прониклись фаталистическими представленіями о томъ, что лучше все предоставить времени; и русская армія оказалась лишней для Европы; существованіе ея не вязалось съ воспреобладавшими въ политикѣ тенденціями.

Между арміей, ждавшей возможности возобновленія борьбы, и великими державами, гл. обр. Франціей, такъ какъ остальныя вообще мало входили въ эти дѣла, — постепенно наростало расхожденіе. Та стойкость, которую проявила армія, въ тяжелыхъ условіяхъ закрытыхъ лагерей, при полной неизвѣстности будущаго, та вѣрность, которую она сохранила своимъ вождямъ вопреки всѣмъ стараніямъ, — являются одними изъ самыхъ поразительныхъ страницъ русской исторіи; болѣе чѣмъ что либо другое, онѣ доказали, что эта армія — не случайное собраніе людей, а настоящая сила, спаянная общей волей.

Одной изъ самыхъ позорныхъ страницъ исторіи послѣднихъ лѣтъ является, наоборотъ, то упорное стараніе разложить эту армію, и раздробить ее насильно, если не удастся первое, — стараніе, проявленное нѣкоторыми русскими кругами. Не забудутся всѣ эти статьи „Послѣднихъ Новостей", „Воли Россіи", „Современныхъ записокъ". Не забудутся всѣ эти забѣганія съ задняго крыльца у французскихъ властей, эта кампанія ложныхъ извѣстій, это упорное добиваніе арміи, три года самоотверженно боровшейся съ тѣми, кого называютъ общимъ врагомъ и ея противники; вся эта непонятная на первый взглядъ мелочная злобность противъ всего, что связано съ русской арміей: противъ ген. Врангеля, противъ Русскаго Совѣта, противъ того, чтобы арміи давали пріютъ въ Сербіи; все это отталкивающее злорад-

*) Большевики отрицаютъ ея подлинность, но признаютъ, что si non è vero, è ben trovato".

ство, съ которымъ регистрировались всѣ мелочныя придирки иностранныхъ властей, направленныя противъ Добровольческой Арміи и ея вождей. Эта кампанія понятна только, какъ отраженіе *страха* передъ арміей, передъ силой, способной утвердить въ Россіи власть, не нравящуюся нѣкоторымъ партіямъ. Другое политическое объясненіе трудно придумать, такъ какъ невозможно принимать въ серьезъ утвержденіе, будто существованіе противобольшевистской арміи — мѣшаетъ русскому народу возстать и свергнуть большевиковъ. Такимъ образомъ, та кампанія, которая ведется противъ Добровольческой Арміи, является попыткой партій и теченій, ничего не сумѣвшихъ создать своего, разрушить то, что создалось помимо нихъ, чтобы къ моменту учитываемаго ими паденія большевистской власти не оказаться въ невыгодныхъ условіяхъ. Тутъ, конечно, ошибка расчета: не создавшіе ничего до сихъ поръ не создадуть ничего и тогда, а тѣ, кто спаялся вокругъ Добровольческой Арміи, быстро найдутъ и поймутъ другъ друга. Но сохраненіе арміи въ какъ можно менѣе распыленномъ видѣ, естественно, ускорило бы этотъ процессъ и сократило періодъ анархіи. Поэтому, помимо того, что для русскихъ не могутъ быть безразличны условія, въ которыхъ придется жить наиболѣе стойкимъ и самоотверженнымъ борцамъ за Россію, — такъ важенъ вопросъ о томъ, гдѣ и какъ будутъ размѣщены русскія войска, находящіяся въ Галлиполи и другихъ лагеряхъ. Тѣ страны, которыя окажутъ въ этомъ отношеніи содѣйствіе, пріобрѣтутъ дружбу будущей Россіи. И, наоборотъ: все, что пришлось за это время перетерпѣть русской арміи, ляжетъ тяжелымъ камнемъ на чашу вѣсовъ въ будущихъ международныхъ отношеніяхъ Россіи. Политику, въ концѣ концовъ, дѣлаютъ люди, а не автоматы, и униженіе, пережитое арміей великаго народа, забывается нелегко.

Попытки объединенія.

Наряду съ явленіями распада замѣчаются за послѣднее время и въ западно-европейскихъ колоніяхъ нѣкоторыя попытки объединенія.

Въ Парижѣ въ маѣ происходилъ съѣздъ русской торговли и промышленности, — первый со времени большевистскаго переворота. Съѣздъ оказался многолюднымъ и единодушнымъ. Несмотря на то, что онъ стремился избѣгать „политики", основныя черты его настроенія были ясны: признаніе несовмѣстимости соціализма съ возрожденіемъ страны и необходимости предоставленія свободы экономическаго развитія сочеталось съ ярко выраженнымъ чувствомъ національнаго достоинства. Съѣздъ не забылъ и о долгѣ русскихъ людей передъ Добровольческой Арміей. Въ рѣчахъ ораторовъ преобладалъ оптимизмъ; выражалась неоднократно увѣренность въ близкомъ паденіи большевиковъ; въ своихъ сужденіяхъ большинство исходило изъ представленія, что власть, которая смѣнитъ Совѣтскую, будетъ твердой и разумной, и сможетъ предохранить промышленность отъ анархіи. Ни

путей къ свержению большевиковъ, ни реальныхъ психологическихъ условій русской жизни съѣздъ почти не касался: „пристроенность“ западно-европейскихъ колоній наложила на него отпечатокъ нѣкоторой отвлеченности. Но во всякомъ случаѣ на немъ отразились здоровыя настроенія, и объединеніе русскихъ торгово-промышленныхъ круговъ — крупный положительный фактъ. Представленные доклады явились наиболѣе полной сводкой результатовъ коммунистическаго опыта во всѣхъ отрасляхъ экономической жизни, и съ этой точки зрѣнія, вѣроятно, будутъ интересны даже руководителямъ совѣтскаго хозяйства, — которые врядъ ли, однако, способны научиться чему либо изъ поднесеннаго имъ съѣздомъ зеркала.

На 5-ое іюня назначенъ созывъ національнаго съѣзда, долженствующаго объединить наиболѣе стойкіе и послѣдовательные противобольшевистскіе элементы. Онъ созывается въ Парижѣ, какъ разъ тамъ, гдѣ разложеніе среди русской колоніи дальше всего зашло. Насколько ему удастся создать прочное объединеніе — покажетъ будущее.

На Дальнемъ Востокѣ.

Попытки объединенія дѣлаются и на Дальнемъ Востокѣ, гдѣ въ полосѣ отчужденія китайской дороги и во Владивостокѣ, занятомъ японцами, есть нѣкоторая возможность политической дѣятельности для противниковъ большевизма. Въ концѣ марта происходилъ во Владивостокѣ съѣздъ несоціалистическихъ организацій Дальняго Востока; были такія же совѣщанія и въ Портъ-Артурѣ; атаманъ Семеновъ располагаетъ еще нѣкоторыми вооруженными силами, бар. Унгернъ-Штернбергъ ведетъ партизанскую борьбу съ красными на рубежахъ Сибири и Монголіи. Врядъ ли, однако, даже при максимальномъ успѣхѣ всѣхъ этихъ силъ можно разсчитывать на большее, чѣмъ на очищеніе отъ большевиковъ Восточной Сибири и упраздненіе „филіальнаго отдѣленія московскаго торговаго дома“ — Дальне-восточной республики.

Международное положеніе Россіи.

Международное положеніе „русскаго вопроса“ испытало въ 1921 г. существенныя измѣненія. Признаніе большевистской оккупаціонной власти за русское правительство распространилось заграницей довольно широко. Отношеніе иностранныхъ правительствъ къ Добровольческой Арміи отразило на себѣ эту перемѣну во взглядахъ.

Современную позицію иностранныхъ державъ въ русскомъ вопросѣ, при всей разницѣ въ оттѣнкахъ, можно лучше всего опредѣлить выраженіемъ „руки опустились“. Фатализмъ, порожденный неувѣренностью въ собственныхъ силахъ и огромной психологической усталостью толкаетъ руководителей міровой политики на тотъ путь,

который въ данную минуту требуетъ наименьшихъ усилій и даже обѣщаетъ, какъ думаютъ многіе, нѣкоторыя, — пусть маленькія и временныя, — выгоды. Постепенное возвращеніе къ нормальнымъ условіямъ жизни, происходящее въ большинствѣ странъ, порождаетъ увѣренность въ томъ, что „какъ то" все придетъ въ порядокъ и въ Россіи. Эта растущая сила инерціи въ области международныхъ отношеній играетъ несравнено большую роль, чѣмъ какіе либо сознательные расчеты на ослабленіе Россіи. Инерція выражается въ стремленіи къ поддержанію status quo. Поэтому „державы" такъ рѣшительно отвергаютъ всякую помощь Россіи противъ большевиковъ; поэтому такъ холодно относятся и къ возможности переворота, и такъ охотно возлагаютъ надежды на „эволюцію Ленина". Европа впала въ отношеніи большевиковъ въ безпредметный оптимизмъ выздоравливающаго.

Лига націи и окраины.

Это же стремленіе санкціонировать существующее положеніе отразилось и на рѣшеніяхъ Лиги Націи по вопросу объ окраинныхъ государствахъ. Совѣтъ Лиги, въ декабрѣ 1920 г. принявшій только Финляндію, въ январѣ постановилъ признать Эстонію и Латвію, и самъ какъ бы пригласилъ Грузію (постановивъ принять ее, если она того захочетъ); если не принята была Литва, то изъ за временныхъ осложненій вокругъ Виленскаго вопроса.

По ироніи судьбы, вскорѣ, меньше, чѣмъ черезъ мѣсяцъ послѣ принятія въ Лигу Націй, Грузія была захвачена большевиками; Совѣтъ Лиги молчаливо санкціонировалъ и этотъ фактъ, хотя по статуту члены Лиги гарантируютъ другъ другу неприкосновенность. Таковъ же былъ, впрочемъ, прецедентъ съ Арменіей. Если это оправдывается тѣмъ соображеніемъ, что Совѣтская Россія не входитъ въ Лигу Націй и, слѣдовательно, ей не подчинена, — изъ этого явствуетъ, что Лига, въ сущности, безсильна и что вступленіе въ нее будущей Россіи также не имѣло бы смысла.

Исходящіе изъ той же психологіи status quo, заключенные въ 1921 г. договоры между Совѣтской властью и иностранными державами не имѣютъ никакого юридическаго значенія для будущей Россіи; самое сверженіе большевиковъ явится настолько радикальнымъ нарушеніемъ этого status quo, что исчезновеніе заключенныхъ ими договоровъ будетъ прямымъ и естественнымъ слѣдствіемъ измѣнившейся обстановки. Можетъ быть, именно поэтому тѣ, кто боится перемѣнъ, не смущаются тѣмъ фактомъ, что ихъ политика поддерживаетъ большевистскую власть.

Англо-совѣтскій договоръ 16 марта 1921 г. и германо-совѣтскій 6 мая — сходны по существу; они расчитаны на извѣстный психологическій эффектъ внутри Англіи и Германіи („вотъ видите — мы торговлѣ не препятствуемъ"), на нѣкоторыя, весьма ограниченныя

возможности наживы (золото) и, кромѣ того, отражаютъ наивныя надежды на эволюцію большевиковъ, на возможность, „цивилизовать“ ихъ путемъ торговли.

Договоръ съ Кемалистской Турціей отъ 21 марта 1921 г. даетъ контрагентамъ большевиковъ весьма существенныя обѣщанія поддержки, гл. образомъ, путемъ военныхъ поставокъ.

Наконецъ, польско-совѣтскій договоръ, подписанный въ Ригѣ 18 марта, отдаетъ Польшѣ широкія пространства русскихъ земель, нѣкоторое количество золота, а также значительную долю находящихся въ Россіи культурныхъ цѣнностей. Этотъ договоръ основанъ на использованіи какъ слабости Россіи, такъ и нахожденіи ея подъ властью, для которой національные интересы не существенны. Онъ въ еще большей мѣрѣ, чѣмъ прочіе договоры, въ отношеніи другихъ странъ, дѣлаетъ Польшу заинтересованной въ сохраненіи Совѣтской власти.

Что же въ этихъ договорахъ выигрываютъ большевики? Прежде всего — психологическій эффектъ признанія „державами“, имѣющій значеніе какъ внутреннее („не откуда вамъ ждать больше помощи“), такъ и внѣшнее („пролетарская власть заставила капиталистовъ говорить съ нею, какъ равный съ равнымъ“). Затѣмъ — облегченіе въ способахъ использованія золотого запаса, возможность, купивъ заграницей нѣкоторое количество необходимыхъ товаровъ, продлить существованіе своей власти. Наконецъ, возможность черезъ торговыя и иныя миссіи свободнѣе общаться съ открывшимися въ настоящее время почти во всѣхъ странахъ мѣстными секціями III-го Интернаціонала, возможность финансировать ихъ, и стройнѣе направлять ихъ дѣятельность „въ международномъ масштабѣ“. Та самая психологія выздоравливающей Европы, которая понижаетъ шансы на немедленный успѣхъ большевизма внѣ его нынѣшнихъ предѣловъ, даетъ ему передышку и возможность организовываться и организовывать, которою въ полной мѣрѣ воспользоваться онъ не можетъ только изъ за растущаго въ Совѣтской области хозяйственнаго развала.

Отрицательное значеніе заключенныхъ Совѣтской властью договоровъ не въ томъ, что они связываютъ будущую Россію, — этого они не смогутъ сдѣлать, — а въ томъ, что они до нѣкоторой степени заинтересовываютъ отдѣльные западно-европейскіе круги въ *сохраненіи* Совѣтской власти, открываютъ для нея возможность международныхъ интригъ, въ которыхъ власть, не связанная никакими соображеніями національнаго интереса, можетъ оказаться неожиданно опасной. — А для Россіи эти договоры прежде всего грозятъ продлить господство изнуряющаго страну государственнаго строя, уменьшая вѣроятность содѣйствія ея освобожденію извнѣ.

23/10 мая 1921 г.

Со времени окончанія обзора до настоящаго момента въ русской жизни произошли три событія, заслуживающихъ быть отмѣченными.

Первое — это свержение большевистской власти во Владивостокѣ и въ Южной части Приморской области. Второе — русскіе съѣзды: Національнаго объединенія въ Парижѣ, 5—12 іюня, и хозяйственнаго возстановленія (монархическій съѣздъ) 30 мая — 6 іюня въ Рейхенгаллѣ; эти съѣзды явились значительными этапами въ организаціи русскихъ зарубежныхъ силъ. Третье событіе—носящее отчасти международный характеръ — это III-й съѣздъ III-го Интернаціонала, открывшійся 18 іюня въ Москвѣ, о результатахъ котораго точныхъ свѣдѣній еще нѣтъ.

Всѣ эти факты будутъ подробнѣе освѣщены въ слѣдующемъ обзорѣ.

5 іюля — 22 іюня 1921 г.

С. С. Ольденбургъ.

КРИТИКА И БИБЛІОГРАФІЯ.

1. Современная болгарская поэзія.

За границей даже тѣ, кто знаетъ имена Пенчо Славейкова и П. К. Яворова, — оба уже покойники, — едва ли подозрѣваютъ о существованіи новой болгарской поэзіи, выросшей подъ сѣнью этихъ двухъ крупныхъ поэтовъ. А она существуетъ и заслуживаетъ вниманія — не только въ силу своего настоящаго, хотя и небольшого, актива, но и въ силу тѣхъ ожиданій и надеждъ, которыя она справедливо возбуждаетъ.

Кромѣ имени Т. Траянова, она не насчитываетъ другихъ именъ съ установившейся и твердой репутаціей, съ такой популярностью, какую имѣли нѣкоторые писатели предшествующей эпохи; но въ ожиданіи, что будущее выдвинетъ на первый планъ фигуры творческихъ индивидуальностей, мы можемъ констатировать безспорный фактъ: новѣйшая болгарская поэзія — явленіе на много значительнѣе того, что представляла собой поэзія предшествующей эпохи.

Болгарская литература въ предыдущія десятилѣтія (это же можно сказать, хоть и не съ такой опредѣленностью, и объ ея нынѣшнемъ состояніи) не была литературой въ подлинномъ смыслѣ этого слова.

Патріархальность, типичная вообще для болгарской жизни, пронизывала ее, Болгарія имѣла писателей, но въ Болгаріи не было литературы. Ибо не было интенсивнаго нарожденія и движенія идей, создающаго почву, на которой вырастаютъ литературныя индивидуальности и зарождаются крупныя произведенія. Явленія, характеризующія исторію западной литературы съ ея различными направленіями и школами, не были извѣстны въ Болгаріи. Болгарія не имѣла идейныхъ художественныхъ теченій. Болгарскіе писатели вырастали подъ исключительнымъ вліяніемъ Вазова, подпадали затѣмъ подъ воздѣйствіе иностранной литературы, и индивидуальности ихъ складывались такъ, что каждый изъ нихъ представлялъ собой отдѣльное теченіе и даже— какъ это ни парадоксально — нѣсколько теченій одновременно. Лишенные атмосферы, которая питаетъ таланты и создаетъ имъ послѣдователей, болгарскіе писатели замыкались въ себѣ и жили жизнью литературныхъ отшельниковъ, чуждыхъ публикѣ, безъ враговъ, но и безъ поклонниковъ. Этимъ объясняется и то явленіе, что такой крупный поэтъ, какъ Пенчо Славейковъ, долгое время, вплоть до своей смерти, оставался отчужденнымъ или, какъ выражалась современная ему критика, „непонятнымъ" для современниковъ.

Несмотря на большую популярность К. Христова, Ан. Страшимирова и П. Ю. Тодорова, ихъ участь въ существѣ была не лучше участи автора „Фрины" и „Тѣни сверхчеловѣка". Не было, подчеркнемъ этотъ фактъ, той публики, которой были бы понятны интересы этихъ писателей и которая была бы властна признать ихъ или отвергнуть. *)

Въ этомъ отношеніи современная болгарская поэзія являетъ нѣсколько иную, болѣе отрадную картину. Вкусы и настроенія принимаютъ въ ней

*) Ив. Радославовъ. Литературна прѣдистория. „Балк. Трибуна". 1913.

форму идей. Она имѣетъ ту заслугу, что впервые создаетъ подлинныя художественныя и литературныя традиціи, безъ которыхъ невозможно развитіе литературы. Если въ прошломъ группировка писателей и ихъ литературныхъ друзей обусловливалась чисто субъективными мотивами, нынѣ эти группировки и симпатіи диктуются мотивами болѣе широкими. Писатели дружатъ или враждуютъ во имя признанія Маларме или Мопассана, Чехова или хотя бы Куприна. Писатели не осуждены на мучительное отшельничество своихъ предшественниковъ, и ихъ призывъ къ красотѣ и идеѣ находитъ откликъ и производитъ движеніе. Такъ въ послѣдніе годы, въ трудныя времена, когда страна переживала двѣ большія и кровавыя войны, мы были свидѣтелями литературныхъ споровъ, которые были немыслимы нѣсколько лѣтъ тому назадъ. Нѣкоторые думаютъ, что съ политическимъ разгромомъ Болгаріи органически и необходимо связанъ предстоящій литературный упадокъ. Но мы принадлежимъ къ тѣмъ, которые думаютъ, что именно теперь и предстоитъ расцвѣтъ болгарской поэзіи и искусства.*) То, что дѣлаетъ нынѣ возможнымъ распространеніе въ Болгаріи литературы и художественныхъ идей — есть, несомнѣнно, — большая культурность и большая широта горизонтовъ современныхъ болгарскихъ писателей. Предтечи нынѣшней болгарской литературы довольствовались тѣми образцами, которые давала имъ русская литература, и имѣли учителями своими въ поэзіи русскихъ поэтовъ во главѣ съ Пушкинымъ, Лермонтовымъ и Некрасовымъ. Въ современности значительныя и непосредственныя вліянія идутъ съ запада, преимущественно изъ Франціи и Германіи. Правда, и на поэтовъ молодого поколѣнія русскіе поэты имѣли мощное, исключительное вліяніе, но это постольку, поскольку Валерій Брюсовъ и Бальмонтъ были вдохновенными посредниками между западнымъ модернизмомъ и обновляющейся болгарской поэзіей. Оба вліянія — французское и нѣмецкое — ясно могутъ быть разграничены, если изслѣдовать произведенія новѣйшихъ болгарскихъ поэтовъ. Въ поэзіи — въ болѣе тѣсномъ смыслѣ этого слова — учителями являются Верлэнъ и Маларме, Демель и Лиліенкронъ. Въ беллетристикѣ — Роденбахъ и Эдгаръ По, Пшибышевскій и Стриндбергъ, не говоря о Кнутѣ Гамсунѣ — своего рода законодателѣ въ этой области.

Хотя и не въ рѣзко очерченной и развитой формѣ, хотя и въ видѣ отзвуковъ Запада, Болгарія все-таки имѣетъ свой модернизмъ и символизмъ, свой реализмъ и натурализмъ. Одно нужно признать, — и это признается всѣми — независимо отъ той или иной оцѣнки этого факта, — что нынѣ господствуетъ направленіе символистовъ и модернистовъ; что и въ качественномъ отношеніи все крупное, созданное въ послѣдніе годы, особенно въ области лирической поэзіи, идетъ отъ нихъ. Конечно, есть кое-что, созданное подъ вліяніемъ болѣе старой традиціи — болгарской или чужой. Но мы говоримъ о направленіи характерномъ для нашей эпохи, которая останется извѣстной, какъ эпоха модернизма и символизма. Модернизмъ и символизмъ освѣжилъ источникъ вдохновенія болгарскихъ поэтовъ, и для болгарской поэзіи, пришедшей послѣ П. Славейкова и Яворова къ мертвой точкѣ, открылъ новые горизонты и перспективы, внесъ разнообразіе и новизну мотивовъ, оригинальность образовъ, новыя достиженія въ техникѣ. Произведенія молодыхъ болгарскикъ поэтовъ, вмѣсто того, чтобы быть повтореніемъ и имитаціей Вазова, стали самостоятельны и оригинальны и потому равноцѣнны образцамъ, созданнымъ предшественниками.

Революціонеромъ, который первый дерзнулъ пренебречь рутиной и подъ чьею згидою выросло молодое поколѣніе, признающее его своимъ вождемъ и учителемъ, былъ Т. Трояновъ. Своими смѣло набросанными пѣснями, онъ перемѣстилъ русло болгарской поэзіи въ совершенно новое направленіе. „Гимнами и балладами" (Трояновъ издалъ только одинъ сборникъ стиховъ) онъ исторгъ болгарскую поэзію изъ подъ власти изжитого

*) См. Ив. Радославовъ: Литературни перспективи. „Воля", 1914.

романтизма и сентиментализма и согрѣлъ ее мистикой, по образцу своихъ учителей — Демеля и Лиліенкрона. Только онъ, добровольный изгнанникъ, могъ найти въ себѣ дерзаніе отказаться отъ наслѣдства, завѣщаннаго минувшимъ. Несравненный томъ его „Гимновъ и балладъ" — это сборникъ импрессій Беклиновой символистики, изслѣдованіе которой еще предстоитъ. Несмотря на свою многолѣтнюю литературную дѣятельность, Траяновъ оставался для болгарской профессіональной критики — terra incognita. Но время, которое дѣлаетъ безсмертными людей и ихъ книги, давно молчаливо его признало. Если о современной болгарской литературѣ можно говорить, какъ о періодѣ литературнаго развитія, то родоначальникомъ этого періода нужно считать Т. Траянова.

Другими двумя родоначальниками были Ив. Вазовъ и П. Славейковъ.

Oeuvre Т. Траянова — одинъ сборникъ стиховъ, но стиховъ сильныхъ и оригинальныхъ. Въ его творчествѣ заключенъ не формулированный, но самопроизвольно возникающій кодексъ задачъ и цѣлей искусства и поэзіи: источникъ всякой поэзіи — глубина человѣческой души. Ничто другое недостойно вниманія художника. Даже самыя крупныя историческія событія — ничто въ сравненіи съ интимными эмоціями художественныхъ переживаній.

Эти событія могутъ находить отраженіе въ творчествѣ поэта постольку, поскольку служатъ поводомъ для проявленія — въ еще болѣе разнообразныхъ формахъ — жизни нашего подсознанія. Съ другой стороны, — нѣтъ ничего болѣе неудобнаго для творчества истиннаго поэта, чѣмъ тѣ средства, которыми пользовалась болгарская поэзія до тѣхъ поръ. Намекъ, импрессія и символъ — необходимыя, неизбѣжныя и органически присущія средства истинной поэзіи.

Въ этой концепціи искусства нѣтъ ничего оригинальнаго, она не является результатомъ болгарскаго творчества. Однако, это не уменьшаетъ значенія послѣдняго момента. Такое же вліяніе — только въ значительно большемъ масштабѣ — выпало на долю этихъ художественныхъ идей въ Польшѣ и въ Россіи.

Подъ знаменемъ, поднятымъ и несомымъ Т. Траяновымъ, идетъ плеяда молодыхъ поэтовъ Ихъ творческія индивидуальности сохраняютъ полную автономность: Николай Лиліевъ, нѣжный поэтъ, эстетъ и тонкій художникъ, одна изъ наибольшихъ надеждъ болгарской поэзіи; Эммануилъ П. Димитровъ, непримиримый революціонеръ въ техникѣ, очаровательный и великолѣпный мистикъ; Людмилъ Стояновъ, артистъ, облекающій модернистскія переживанія своей души въ формы классической и „парнасской" поэзіи: въ предисловіи къ „Видѣніямъ на перепутьи" (Видѣния на кръстопжть*) онъ даетъ талантливый эскизъ идей своей школы; затѣмъ Д. Дебеляновъ; Хр. Ясеновъ, чьи стихи дышатъ свѣжестью весенняго утра. Ихъ всѣхъ объединяетъ ненависть къ формамъ Вазовской поэзіи, для которой характерна аффектированность и риторика. Подъ знакомъ такого же освобожденія отъ рутины и шаблона идутъ беллетристы, какъ Илия Ив. Черевъ*) — страстный поклонникъ древности и Флобера, носящій душу сомнамбулы, — и Н. Райновъ (Анонимъ), книга котораго „Богомильскія легенды" есть произведеніе высокаго искусства.

Художественное произведеніе — это плодъ творящей индивидуальности; но безспорно, проявленіе этой индивидуальности тѣмъ напряженнѣй, чѣмъ выше общая культура окружающей ее среды. Имѣя это въ виду, мы можемъ ожидать, что будущее принесетъ Болгаріи художественное творчество болѣе совершенное, чѣмъ Болгарія имѣла въ прошломъ; общая культура современнаго поколѣнія выше культуры минувшаго.

Ив. Радославовъ.

---

*) Убитъ въ Балканскую войну.

2. Basil Williams. Cecil Rhodes. Constable & Co, London 1921, Price 15 sh.

Базиль Уильямсъ. Сесиль Родсъ.

О Сесилѣ Родсѣ существуетъ довольно обширная англійская литература, размѣры которой указываютъ, какое крупное мѣсто занималъ этотъ человѣкъ въ общественной жизни Англіи. *)

Намъ русскимъ имя Сесиля Родса, англійскаго милліонера, хорошо извѣстно въ связи съ набѣгомъ д-ра Джемсона въ Трансвааль (1895 г.): русское общественное мнѣніе считало Родса однимъ изъ главныхъ иниціаторовъ англо-бурской войны (1899—1900 г.). Въ представленіи русской повременной печати и общественнаго мнѣнія той эпохи, фигура Сесиля Родса воплощала въ себѣ всѣ отрицательныя черты воинствующаго англійскаго капитализма. Для такой отрицательной характеристики самъ Родсъ далъ русскимъ и англійскимъ публицистамъ богатый матеріалъ изъ личной его жизни. Какъ въ частной, такъ и въ общественной жизни Родсъ отличался угловатостью и рѣзкостью манеръ „self made man", „человѣка, который самъ себя сдѣлалъ."

Можно сказать, что Родсъ былъ не только англичаниномъ, но и великимъ Англичаниномъ. Всюду и всегда онъ былъ, однако, прежде всего англичаниномъ съ его отличительными чертами: огромною самоувѣренностью или вѣрою въ себя, чрезвычайной выносливостью и трудоспособностью и, наконецъ, той настойчивостью въ достиженіи цѣли, которая часто граничитъ съ упрямствомъ, но которая, по моимъ личнымъ наблюденіямъ, является главною положительной чертой англійскаго характера и которая неоднократно спасала эту націю въ критическіе моменты ея существованія. Затѣмъ Родсъ, какъ большинство, особенно колоніальныхъ, англичанъ, вѣрилъ, что англо-саксонская раса является первою въ мірѣ по своимъ высокимъ качествамъ и культурному уровню. Ничѣмъ онъ такъ не гордился, какъ сознаніемъ, что онъ англичанинъ. Графъ Грей, его сотрудникъ по образованію компаніи въ Родезіи, разсказываетъ, что однажды въ Африкѣ Родсъ разбудилъ его и задыхающимся голосомъ проговорилъ изумленному графу: „Я только хотѣлъ спросить васъ, думали ли вы когда нибудь, какъ мы счастливы, что были рождены англичанами, когда есть столько милліоновъ людей, которые никогда не были англичанами?"

Родсъ былъ воплощеніемъ физической и умственной энергіи англійскаго народа и ему удалось оставить послѣ себя крупное состояніе и государственное дѣло, благодаря кипучей энергіи и колосальной работоспособности. Сочетаніе въ Родсѣ, въ одномъ человѣкѣ талантливаго и смѣлаго коммерсанта съ крупнымъ государственнымъ дѣятелемъ — такое сочетаніе также весьма характерно для Англіи.

Родсъ и современная ему Англія, т. е. та часть англійскаго населенія, которая даетъ этой странѣ правительство, общественное мнѣніе, международную политику и двигаетъ огромную торговлю и промышленность, эта Англія и Родсъ неразрывно связаны между собою. Имперіализмъ, который особенно ярко и, можетъ быть, не всегда дипломатично горѣлъ въ Родсѣ, теплится въ душѣ каждаго англичанина, за исключеніемъ небольшой части радикаловъ и рабочей партіи. Современная Англія или, вѣрнѣе сказать, Великобританія была создана не мягкими гуманистами типа Гладстона, а такими грубо-обтесанными дѣятелями, какъ Клайвъ, Уоренъ, Гайстингсъ, Киченеръ, Родсъ и др.

---

*) Въ литературѣ не на англійскомъ есть классическая по содержанію и по формѣ характеристика Сесиля Родса и его значенія въ превосходной книгѣ профессора Шульце-Гевернитца о „британскомъ имперіализмѣ": Schulze-Gaevernitz, Britischer Inperialismus und englischer Freihandel, Leipzig. 1906.

Ред.

Наша революція и разруха многому насъ научили и заставили насъ произвести переоцѣнку многихъ цѣнностей. Такая переоцѣнка должна быть произведена русскими патріотами и по отношенію къ тѣмъ странамъ, которыя, казалось, проводили въ своей внѣшней политикѣ начала правды, справедливости и свободы.

Международная политика всѣхъ странъ вообще преслѣдуетъ національныя цѣли, хотя часто эти цѣли перекрашиваются въ совершенно другой цвѣтъ. Все настоящее смутное время въ Европѣ краснорѣчиво говоритъ о томъ, что горе той странѣ, которая понадѣялась бы на какія либо альтруистическія чувства и идеи Великихъ Державъ. Такая страна быстро потеряла бы свою политическую и экономическую независимость и превратилась бы въ покорный рынокъ этихъ державъ. Великая война больше, чѣмъ какая либо другая, показала, что въ конечномъ счетѣ рѣшающимъ факторомъ побѣды является экономическая выносливость или стойкость страны. Этотъ опытъ учтенъ соперничающими державами и между ними идетъ упорная борьба въ сферѣ экономическихъ интересовъ. Борьба за колоніи временъ Родса — кончена, но тотъ же экономическій матеріализмъ работаетъ лишь въ другой формѣ. Вмѣсто набѣговъ д-ра Джемсона или колоніальной войны съ бурами, англійскій имперіализмъ дѣлаетъ биржевые и другіе набѣги съ цѣлью захвата контроля надъ нефтяной промышленностью, угольною торговлею, пароходнымъ дѣломъ и проч. Лично меня эти факты изъ жизни лондонскаго Сити, которые мнѣ ежедневно приходится наблюдать, нисколько не возмущаютъ, какъ не могутъ меня возмущать явленія природы. Я стараюсь лишь понять ихъ и научиться изъ нихъ кое чему, чтобы впослѣдствіи внести свою небольшую ленту въ строительство Великой Россіи.

Книга Б. Уильямса о Родсѣ написана весьма живо и, можно сказать, безпристрастно. Авторъ рисуетъ портретъ Родса широкими, реалистическими мазками. „Вы можете ненавидѣть его, съ отвращеніемъ смотрѣть на его дѣянія . . ., но вы не можете игнорировать его", — говоритъ авторъ о Родсѣ. И я еще разъ хотѣлъ бы подчеркнуть, что Родсъ не умеръ для Англіи, онъ живъ, хотя и скрывается за нѣсколько иными фигурами и за новой фразеологіей современныхъ государственныхъ дѣятелей Англіи. Но кто хочетъ увидѣть, что дѣлается въ англійской политикѣ, тамъ, за „дымовой завѣсой", тотъ увидитъ старую фигуру Сесиля Родса. Игнорировать Родса, отмахиваться отъ него крѣпкими эпитетами изъ радикальнаго словаря, — значило бы не понимать современнаго теченія англійской политики, хотя бы въ одномъ частномъ, но, весьма близкомъ намъ вопросѣ, — въ вопросѣ о большевикахъ, о балканизаціи Россіи и, наконецъ, о Великой Россіи.

Б. П. Кадомцевъ.

3. Simon Sagorsky. La république des Soviets (Bilan économique). Paris. Payot. 1921, стр. 348.

Проф. Загорскій выполнилъ тяжелую и неблагодарную работу: собралъ изъ совѣтскихъ повременныхъ изданій свѣдѣнія и цифры, рисующія состояніе русскаго народнаго хозяйства во время большевистскаго владычества, и привелъ ихъ въ нѣкоторую систему, дающую возможность неподготовленному читателю познакомиться съ эволюціей и современнымъ состояніемъ совѣтской экономики. Большой томъ въ 348 страницъ послѣдовательно трактуетъ о коммунистической экономической политикѣ, состояніи производства, транспортѣ, положеніи труда, финансахъ и, наконецъ, о соціальныхъ послѣдствіяхъ коммунистической системы. Основными вопросами, на которые пытается отвѣтить книга Загорскаго, являются слѣдующіе: 1) представляетъ ли

совѣтская система въ отношеніи производства, обмѣна и распредѣленія хозяйственныхъ благъ высшую, болѣе производительную и болѣе раціональную систему, чѣмъ всякая другая; 2) Удалось ли совѣтской республикѣ поднять техническій уровень и повысить производительность труда; 3) Увеличилось ли количество продуктовъ, т. е. увеличилось ли народное богатство Россіи со времени воцаренія совѣтскаго режима; 4) Достигнуто ли болѣе раціональное для широкихъ массъ населенія распредѣленіе продуктовъ первой необходимости.

Книга Загорскаго даетъ отрицательный отвѣтъ на всѣ эти вопросы. Въ заключительной части своей работы Загорскій приходитъ къ выводу, что коммунистическая система привела русское народное хозяйство къ ужасающей деградаціи и не смогла преодолѣть буржуазнаго уклада жизни: на смѣну уничтоженной буржуазіи сформировалась, подъ вывѣской коммунизма, многочисленная мелкая и средняя буржуазія.

Мы назвали выше трудъ Загорскаго неблагодарнымъ, имѣя въ виду, что пользованіе совѣтскими матеріалами крайне затруднительно, вслѣдствіе поразительнаго разнорѣчія, неполноты и пестроты этихъ матеріаловъ и вслѣдствіе понятнаго стремленія большевиковъ давать возможно меньше поводовъ къ сравненію современнаго россійскаго хозяйства съ военнымъ или, тѣмъ болѣе, съ довоеннымъ. Не смотря на всѣ эти трудности, преодолѣть которыя автору не вполнѣ удалось, проф. Загорскій даетъ читателю яркую картину современной русской „безхозяйственности". Приходится только пожалѣть, что авторъ не далъ болѣе матеріаловъ для сравненія настоящаго положенія съ мирновременнымъ. Кромѣ того, намъ кажется, что слѣдовало бы болѣе освѣтить состояніе сельскаго хозяйства и эволюцію совѣтской земельной политики. Мы не можемъ здѣсь заниматься подробнымъ разборомъ достоинствъ и недостатковъ интересной книги Загорскаго, скажемъ только, что основнымъ ея недостаткомъ считаемъ планъ и систему изложенія. Мы полагаемъ, что авторъ долженъ былъ бы въ самомъ построеніи книги стремиться въ большей мѣрѣ къ выявленію *взаимодѣйствія* отдѣльныхъ экономическихъ факторовъ, приведшихъ большевиковъ къ мертвой хозяйственной петлѣ, чѣмъ къ исчерпывающему собиранію разнокалибернаго матеріала. Читатель ясно видитъ изъ книги Загорскаго, что совѣтская власть обанкротилась, но не вполнѣ уясняетъ, почему это произошло, или, вѣрнѣе, каковъ тотъ внутренній механизмъ, благодаря которому оказалось пораженнымъ и уничтоженнымъ все хозяйство огромнаго государства. И не то, чтобы для пониманія этого механизма въ книгѣ Загорскаго не было матеріала, а просто отсутствуетъ въ расположеніи наличнаго (очень богатаго) матеріала надлежащая перспектива.

Наконецъ, послѣднее замѣчаніе. Изъ книги уважаемаго автора трудно извлечь отвѣтъ на самый основной, самый больной вопросъ современности: является ли дѣйствующая въ Россіи „механика" разрушенія только слѣдствіемъ преждевременности русскаго „опыта" и экстраординарной неумѣлости и неподготовленности лицедѣевъ россійской драмы, или же корень лежитъ глубже: въ несовмѣстимости хозяйственной дѣятельности съ уничтоженіемъ „автономіи" личности, хозяйственной иниціативы и хозяйственной отвѣтственности?

Намъ кажется, что на этотъ вопросъ можно отвѣтить вполнѣ опредѣленно, что русскій опытъ даетъ богатѣйшій матеріалъ для сужденія о человѣческой природѣ и двигательныхъ силахъ хозяйства вообще. Соціалистическая система стоитъ въ непримиримомъ противорѣчій съ силами, вдохновляющими хозяйство.

Какъ бы то ни было, мы должны горячо поблагодарить автора за его интересную и поучительную книгу!

С. Демосѳеновъ.

Археологическая хроника Болгаріи.

Болгарская территорія, буквально насыщенная „древностями“, давно ожидаетъ систематическаго изученія своихъ археологическихъ богатствъ. Въ послѣднее время въ этой области замѣчаются нѣкоторые признаки оживленія.

Осенью 1920 года Болгарское Археологическое Общество въ Софіи переформировалось въ Археологическій Институтъ, ставящій себѣ широкія задачи изученія археологическихъ и художественныхъ памятниковъ и изслѣдованія въ области исторіи болгарскихъ земель.

Въ программу его дѣятельности входитъ, какъ чисто научная работа, — производство раскопокъ, организація научныхъ экспедицій и ученыхъ собраній, — такъ и учебно-популяризаторская — устройство курсовъ и лекцій для подготовки кадра спеціалистовъ-археологовъ. Обладая довольно значительными матеріальными средствами, Институтъ въ самое ближайшее время предполагаетъ начать свою издательскую дѣятельность выпускомъ періодическихъ „Извѣстій“ и публикаціей матеріаловъ по исторіи болгарскаго средневѣковаго искусства. Съ весны откроются раскопки . . .

На ряду съ тѣмъ, Народный Археологическій Музей въ Софіи, какъ административный центръ, вѣдающій охраной и поддержаніемъ памятниковъ старины въ Болгаріи, въ 1920 году произвелъ въ тѣсномъ сотрудничествѣ съ Софійскимъ Археологическимъ Обществомъ слѣдующій рядъ работъ: Въ Боянской церкви (Бояна, селеніе въ 8 километрахъ къ юго-западу отъ Софіи) доканчивалось укрѣпленіе цѣнной росписи 13 вѣка; внутри той же церкви были раскопаны предполагаемыя гробницы князей — основателей церкви, которыя, однако, оказались разграбленными. Тѣмъ не менѣе раскопками установлено погребальное назначеніе церкви, которое вызвало особую рѣдкую конструкцію ея — въ два этажа. По иниціативѣ Музея, наружная живопись на церкви 15 в. въ Драгалевскомъ монастырѣ, (въ окрестностяхъ Софіи, къ югу отъ нея), подвергавшаяся разрушительному вліянію осадковъ и вѣтра, — закрыта защитительными завѣсами. Въ Тырновѣ, въ древней столицѣ сѣверной Болгаріи, были произведены раскопки основъ одной изъ самыхъ интересныхъ и древнихъ болгарскихъ церквей — 40 мучениковъ (1230 г.), которыми отчасти выясненъ ея первоначальный планъ.

Наконецъ, Музей постоянно командировалъ отдѣльныхъ лицъ своего персонала въ различные пункты и цѣлыя области страны для осмотра, описанія, зондажей и фотографированія памятниковъ доисторической, античной и средневѣковой археологіи. Богатые матеріалы, собранные во время этихъ поѣздокъ, отчасти печатаются въ „Ежегодникѣ" Музея, отчасти будутъ издаваться Археолог. Институтомъ.

Въ 1920 году богатая музейная коллекція, характеризующая исторію стѣнописей Болгаріи, пополнилась нѣсколькими оригинальными фресками, снятыми со стѣнъ церкви въ с. Беренде (въ 10 килом. отъ ст. Драгоманъ, недалеко отъ сербской границы), одной изъ интереснѣйшихъ болгарскихъ росписей 15—16 вѣка; и рядомъ копій въ натуральную величину съ живописи Бояны, Тырнова, Беренде и Драгалевскаго монастыря, не говоря о многочисленныхъ фотографіяхъ, сдѣланныхъ въ теченіе лѣта.

Въ Месемвріи (городъ на берегу Чернаго моря, сѣвернѣе Бургаса) на средства американскаго археолога Уйтмора, подъ руководствомъ музейнаго персонала прошлымъ лѣтомъ производились раскопки громадной древне-христіанской базилики, 6—7 вѣка. Какъ и слѣдовало ожидать, архитектурныя формы храма въ прибрежномъ черноморскомъ городѣ отличаются близостью къ восточно-христіанскимъ сиро-египетскимъ и мало-азіатскимъ памятникамъ. Церковь имѣетъ видъ трехнефной базилики съ тремя восточными и двумя низкими боковыми полукруглыми апсидами, ясно выраженнымъ трансептомъ, двумя продольными рядами столбовъ и большимъ притворомъ.

Въ связи съ другими ранне-христіанскими церквами восточно-христіанскихъ типовъ, найденными на болгарской территоріи, новая базилика пріобрѣтаетъ особое значеніе для археологіи не только Болгаріи и Балканскато полуострова, но и Западной Европы, намѣчая пути распространенія восточныхъ вліяній. Между тѣмъ, установленіе этихъ путей имѣетъ большой интересъ съ тѣхъ поръ, какъ изслѣдованія послѣднихъ десятилѣтій обнаружили значительность роли Востока въ выработкѣ ранне-христіанскаго искусства западныхъ странъ.

* * *

Въ 1920 году *въ Софіи* были сдѣланы двѣ очень любопытныя *находки:* I. при устройствѣ сада у древней церкви св. Софіи была открыта неизвѣстная еще расписанная сводчатая гробница 5 — 6 вѣка по Р. Х. Очень хорошо сохранившаяся живопись представляетъ на узкой южной стѣнѣ кустъ виноградной лозы, съ кистями плодовъ и извивающимися вѣтвями, и въ сводѣ — разбросанныя четырьмя рядами крупныя красныя и лиловыя гвоздики. Вся остальная поверхность, такъ же какъ и фонъ подъ фресками — покрытъ бѣлой краской съ красной рамкой по карнизамъ и вдоль угловъ стѣнъ. Въ большомъ софійскомъ древне-христіанскомъ некрополѣ эта гробница — одна изъ интереснѣйшихъ.

2. При постройкѣ дома въ центрѣ города рабочими была выкопана мраморная доска четыреугольной формы съ рельефнымъ изображеніемъ средневѣковаго представленія въ циркѣ. На переднемъ планѣ, стоя на высокомъ помостѣ, артисты въ волчьихъ маскахъ изображаютъ какое то „дѣйство", на аренѣ варвары борются съ тиграми и медвѣдями, справа выпускаютъ звѣря изъ клѣтки; среди животныхъ фигурируетъ крокодилъ; слѣва на эстрадѣ (?) пляшутъ танцовщицы; — выше видна статуя какого то божества (?). По стилю — рельефъ относится къ 6 — 7 вѣку по Р. Х. По типу и содержанію рельефъ этотъ—единственный въ своемъ родѣ; онъ гораздо интереснѣе немногихъ извѣстныхъ намъ аналогичныхъ памятниковъ. Рельефъ поступилъ въ Народный Музей.

* * *

По иниціативѣ Музея въ прошломъ году начата *реставрація* одного изъ наиболѣе важныхъ и интересныхъ памятниковъ Софіи — *круглой церкви св. Георгія* (въ центрѣ города, между бульваромъ Дондуковъ и „Клементиной"). Эта церковь имѣетъ совершенно необычную исторію. Она была построена caldarium' омъ римской бани, затѣмъ въ раннее средневѣковье, когда, очевидно, остальныя окружающія части-бань были разрушены, ее приспособили для христіанской церкви, передѣлали куполъ и дважды расписывали фресками; въ 16 вѣкѣ турки обратили церковь въ мечеть, въ 19-мъ—послѣ освобожденія Болгаріи — она была снова открыта и использована въ видѣ мавзолея для князя Александра Баттенберга. Однако, позже останки князя были перенесены въ особую усыпальницу, и церковь снова запустѣла. Въ истекшемъ году производилась расчистка древнихъ фресокъ отъ покрывающей ихъ турецкой штукатурки. Открыта роспись купола — нѣсколько фрагментовъ хорошей живописи 11 — 12 вѣка (пророки и ангелы) и почти цѣльная роспись вѣка 15 — 16, очень хорошаго письма, изображающая — ангеловъ и символы Евангелистовъ вокругъ колоссальнаго бюста Христа и ниже поясъ всѣхъ 24 ветхозавѣтныхъ пророковъ.

Съ наступленіемъ теплаго времени реставрація будетъ продолжаться, кромѣ очистки фресокъ, будетъ настланъ полъ, сдѣланы нѣкоторыя укрѣпительныя работы, и церковь будетъ открыта для осмотра.

* * *

Археологическія богатства Болгаріи, несмотря на ихъ многочисленность и большой интересъ, очень мало извѣстны не только иностранцамъ, но даже мѣстному населенію. Для того, чтобы ихъ сдѣлать болѣе доступными для широкой публики Народный Музей начинаетъ издавать серію *путеводителей* по отдѣльнымъ памятникамъ, городамъ и монастырямъ. Въ ближайшее время выйдетъ путе-

водитель по Боянской церкви (въ 8 клм. отъ Софіи) — одному изъ самыхъ замѣчательныхъ памятниковъ болгарской живописи и архитектуры. Въ дальнѣйшемъ намѣчаются: ц. Георгія въ Софіи, ц. Софіи въ Софіи, Бачковскій (въ 20 килом. отъ Филиппополя), Рыльскій (въ Рыльскихъ горахъ, около 100 килом. на юго-востокъ отъ Софіи) монастыри, Тырново и т. д.

* * *

Наступающей весной Народный Музей и Археологическій Институтъ имѣютъ въ виду начать *раскопки* знаменитаго *Мумджиларскаго кургана* (въ сѣв.-вост. Болгаріи, недалеко отъ гор. Разградъ) — предполагаемой гробницы болгарскаго хана Омортага. По сохранившимся каменнымъ надписямъ могила Омортага (тумва) должна находиться на половинѣ разстоянія между древней столицей Абобой и Дунаемъ. Мумджиларскій курганъ, возвышающійся надъ всей окружающей равниной, удовлетворяетъ приблизительно этому требованію, и, отличаясь необыкновенной высотой (до 20 м.), замѣчателенъ еще тѣмъ, что онъ окруженъ девятью другими меньшими курганами. Всѣ эти насыпи столь значительны, что трудно предполагать хищническія раскопки окрестнаго населенія и поэтому, вѣроятно, гробницы, заключающіяся въ курганахъ, сохранились въ цѣлости. Если окажется, что это дѣйствительно „тумва“ Омортага, то результаты ожидаемыхъ раскопокъ трудно переоцѣнить.

А. Грабаръ.

СПИСОКЪ КНИГЪ, ПОСТУПИВШИХЪ ВЪ РЕДАКЦІЮ ЖУРНАЛА „РУССКАЯ МЫСЛЬ“ ДЛЯ ОТЗЫВА.

В. Андріэвскій. До характеристики украинскихъ правыхъ партій. Библіотека Украинскаго Слова. Берлинъ. 1921, стр. 24.

Преосвященный Антоній, Митрополитъ Кіевскій и Галицкій. Словарь къ твореніямъ Достоевскаго. Россійско-Болгарское Книгоиздательство. Софія. 1921.

Бюллетени Земско-Городского Союза, Комитета помощи русскимъ гражданамъ заграницей, № № 3—6. Парижъ. 1921.

А. Ветлугинъ. Авантюристы гражданской войны. Книгоиздательство „Сѣверъ“. Парижъ. 1921, стр. 187, ц. 9 фр.

Всеобщая библіотека № 1. Проф. С. Абрамовъ. Проблема омоложенія по Штейнаху. № 3. М. Смоленскій. Троцкій. № 4. Б. Дюшенъ. Теорія относительности Эйнштейна. № 5. Б. Сольскій. Крестная ноша. № 6. Д-ръ А. Колодный. Новое въ медицинѣ. Русск. Универсальное Издательство. Берлинъ. 1921 г. стр. 63, цѣна выпуска 3 германскихъ марки.

Н. В. Гоголь. Вій. Вечера на хуторѣ близь Диканьки. Изд. Ладыжникова. Берлинъ. 1921 г.

Ю. А. Григорковъ. А. И. Купринъ. Къ пятидесятилѣтію со дня рожденія. Гельсингфорсъ. 1921, стр. 22.

Игорь Ив. Гусьнай. Языковый вопросъ въ Подкарпатской Руси. Книгопечатница „Св. Николая", Пряшевъ. 1921, стр. 32.

А. Ф. Даманская. Карточные домики совѣтскаго строительства. Берлинъ. 1921, стр. 39.

Дѣти дѣтямъ, № 2. Подъ редакціей И. и Л. Коварскихъ. Изд. Поволоцкаго. Парижъ. б. о. г., стр. 39.

Демократически прѣгледъ. Кн. II, година XIV, Априлъ 1921 г., стр. 204.

Добрынинъ, генер. штаба полковникъ. Борьба съ большевизмомъ на Югѣ Россіи. Участіе въ борьбѣ донского казачества. Славянское изд. Прага. 1921, стр. 115.

Донъ Аминадо. Дымъ безъ отечества. Изд. „Сѣверъ". Парижъ. 1921, стр. 100+II, цѣна 6 фр.

Сергѣй Есенинъ. Триптихъ. Стихи. Изд. Скифы. Берлинъ. б. о. г., стр. 29.

S. Sagorsky. La république des Soviets. Bilan économique. Payot & C-ie. Paris. 1921 г. стр. 348, цѣна 15 фр.

Записки Русскаго Экономическаго Общества. The Russian Economist, Journal of the Russian Economic Association. London. № 1. September — October, 1920, стр. 281. № 2. January 1921, стр. 268. Price 12 s. 6 d. net.

(Продолженіе слѣдуетъ).

„Русское Обозрѣніе".

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛЪ

ЛИТЕРАТУРНЫЙ, НАУЧНЫЙ И ПОЛИТИЧЕСКІЙ.

Въ 1921 г. вышли два номера: № 1—2, Январь—Февраль. Пекинъ. Русская Типографія, стр. 316. № 3—4, Мартъ—Апрѣль. Харбинъ, стр. 163.

РУЛЬ.

При ближайшемъ участіи: І. В. Гессена, Проф. А. И. Каминки и В. Д. Набокова.

Выходитъ ежедневно въ Берлинѣ.

Адресъ Редакціи: Markgrafenstr. 73.

Цѣна отдѣльнаго № въ Берлинѣ — 50 пфен.

Подписная цѣна въ Германіи на одинъ мѣс. — 15,60 г. мар.

ОБЩЕЕ ДѢЛО

подъ редакціей В. Л. БУРЦЕВА.

Выходитъ ежедневно въ Парижѣ, не исключая понедѣльниковъ и послѣпраздничныхъ дней.

Подписка принимается: 142, Rue Montmartre, 142.

Цѣна отдѣльнаго номера въ Парижѣ, Франціи и Бельгіи 20 сант., заграницей 30 сант.

	1 м.	3 м.	6. м.	1 г.
Франція и Бельгія	6 фр.	16 фр.	30 фр.	55 фр.
Другія страны	9 „	25 „	45 „	80 „

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1921 ГОДЪ

на большую ежедневную газету

„ПОСЛѢДНІЯ НОВОСТИ“

Выходящую въ Парижѣ, подъ редакціей П. Н. Милюкова.

Адресъ редакціи: 27 Rue Guénégaud.

Собственные корреспонденты во всѣхъ столичныхъ городахъ и во всѣхъ центрахъ русской эмиграціи. Постоянныя корреспонденціи о Совѣтской Россіи.

Подписная цѣна.

	1 мѣсяцъ	3 мѣсяца	6 мѣсяцевъ	1 годъ
Во Франціи	10 фр.	27 фр.	50 фр.	95 фр.
Заграницей	12 фр.	33 фр.	60 фр.	110 фр.

НОВАЯ РУССКАЯ ЖИЗНЬ

ежедневная газета въ Гельсингфорсѣ. Редак.-издатель Ю. А. Григорковъ.

Адресъ редакціи и конторы: Eeisabetsgatan 29, lok. 2.

Подписна цѣна

	1 мѣс.	2 мѣс.	3 мѣс.
Въ Финляндіи	12 мар.	24 мар.	36 мар.
Заграницей	15 „	30 „	45 „

100

AP
50
R8
g.41
kn.5-7

Russkaia mysl'

PLEASE DO NOT REMOVE
CARDS OR SLIPS FROM THIS POCKET

UNIVERSITY OF TORONTO LIBRARY